

The background of the cover is a photograph of a park. In the foreground, there are several bare trees with dark trunks. In the middle ground, a path leads towards a light-colored building with windows. The ground is covered with fallen leaves. The overall tone is somewhat muted, with a lot of greys and browns.

Вестник

***Московского государственного
областного университета***

**СЕРИЯ
«ЭКОНОМИКА»**

№ 3

**Москва
Издательство МГОУ
2004**

ISBN 5-7017-0668-0

ВЕСТНИК

*Московского государственного
областного университета*

3

СЕРИЯ

*«ИСТОРИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
ЭКОНОМИКА И ПРАВО»*

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО МГОУ
2004

ВЕСТНИК

Московского государственного областного университета

Редакционно-издательский совет:

В.В. Пасечник (председатель),
Ю.И. Яламов (первый зам. председателя),
Г.И. Туголукова (зам. председателя),
С.В. Макеев (директор издательства).

Редакционная коллегия серии «История, политология, экономика и право»:

Н.И. Смоленский (ответственный редактор),
А.В. Белов (ответственный секретарь),
В.В. Журавлев,
Е.В. Юферева,
А.И. Пирогов,
А.А. Алафаев.

Вестник МГОУ. Серия «История, политология, экономика и право». – М.: Изд-во
МГОУ, 2004. – 188 с.
ISBN 5-7017-0668-0

© Московский государственный
областной университет, 2004
© Издательство МГОУ, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИИ, ПОЛИТОЛОГИИ И ПРАВА	4
Белов А.В. Формирование «первичных» и «вторичных» городских границ в XIX-начале XX века	4
Соловьев Я.В. Министерство финансов Российской империи в начале царствования Александра II (1856-1862 годы)	14
Симонова Е.В. Уездный город в XIX- начале XX века (на примере Каширы Тульской губер- нии).....	24
Горлов В.Н. Пятиэтажки как памятник советской эпохи	33
Сейранян Ф.Г. Актуальные проблемы межнациональных отношений и национальной политики в Российской Федерации	44
Четвертов Б.Н. Социальные проблемы Российской Федерации и их отражение в современном российском конституционализме	60
Алафаев А.А., Комиссаров Ю.Ю. Субъекты политики в условиях глобализации	70
ОБЩЕУНИВЕРСИТЕТСКАЯ КАФЕДРА ПОЛИТОЛОГИИ, СОЦИОЛОГИИ И КУЛЬТУРЫ	76
Пирогов А.И. Политико-психологические характеристики власти и ее технологий	76
Павлов В.А. Концептуальный анализ политической власти	83
Пирогова Л.И. Социально-политическая природа власти, ее формы и технологии	90
Цветаева М.Ф. Политическая власть	94
Макеев С.В. Был ли Платон технократом?.....	105
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ. ОБЩЕУНИВЕРСИТЕТСКАЯ КАФЕДРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ.....	107
Чистоходова Л.И. Правовой режим водоохранных зон в федеральном и региональном законодательстве (на примере г. Москвы)	107
Щетинин В.П. Человеческий капитал: современная интерпретация	112
Толокина Е.Л. Роль семейного регулирования экономики как фактор стабилизации в период трансформационных процессов	121
Дьяченко А.А. К вопросу о развитии предпринимательства в государственных вузах	126
Жураховская И.М., Жураховский С.Н. Система образования и рынок труда: проблемы адаптации в современных условиях	128
Жураховский С.Н. Управление оплатой труда преподавательского состава в вузе	131
Козлова Е.Г. Особенности развития рынка труда в России на рубеже XX- XXI веков	135
Павленков В.А. К вопросу об особенностях перехода к рыночной экономике	137
Дембицкий С.Г. Социальное партнерство как консолидирующая функция современного государства.....	145
Швагирева А.А. Особенности и тенденции современного экономического развития русской системы образования.....	150
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ	153
Алафаев А.А. Конституционный вопрос в русской либеральной мысли на рубеже 70-80-х годов XIX века	153
Гетьман-Павлова И.В. Источники международного частного права	159
Комиссаров Ю.Ю. Залоговое право как особый вид вещных прав: вопросы теории	167
Юдин М.В. Эколого-правовая культура и актуальные проблемы экологии	173
Данченко Е.В. В.И. Ламанский - штрихи к портрету	179

Факультет истории, политологии и права

Белов А.В.

кандидат исторических наук

ФОРМИРОВАНИЕ «ПЕРВИЧНЫХ» И «ВТОРИЧНЫХ» ГОРОДСКИХ ГРАНИЦ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

К постановке проблемы...

Неуклонное расширение городской границы явление двоякое. Наиболее распространенная точка зрения - что данный процесс является выражением и главным признаком завершения вхождения новых территорий в состав города. С этого момента для бывших поселений кардинально меняется их будущее, которое переходит в плоскость исключительно городского развития. Однако расширение муниципальной границы само по себе есть отражением процессов урбанизации, т.е. является лишь одним из его черт (порой, даже, не самой главной). Формирование новой городской границы Москвы во второй половине XIX - начале XX в. не только тесно связано, но и обусловлено процессом интеграции пригородных поселений в структуру города. В связи с этим нас должны интересовать не столько этапы расширения городской границы, (хотя и они тоже), сколько проявляющие себя через призму данного явления причины, определявшие характер урбанизации, ход данного процесса, а так же его особенности.

Тенденции территориального роста Москвы, наметившиеся в первой половине XIX в.

По крайней мере к концу восемнадцатого столетия в результате проводившегося генерального межевания земель горда (в том числе и окружавших Москву территорий уезда) нередко полностью потеряли возможность независимого расширения своей территории. Отныне едва ли не единственным источником удовлетворения растущих потребностей в новых пространствах могли являться земли «городовых выгонов». Первоначальновокруг «первопрестольной столицы» ими были признаны территории в четырех - пяти верстной черте.¹ При этом официальной городской границей оставалась линия Земляного вала.

Дело с решением данного вопроса затянулось до 1830 г., пока «Высочайше утвержденным определением Сената» чертой выгона был признан двухверстный радиус. Во владение Московской городской думы перешли права на 1031 дес. 2314,3 кв. саж. земли.² Таким образом, эти земли стали базой для дальнейшего расширения территории Москвы.³

В это же время решался вопрос о пределах влияния городской полиции. Идея расширения ее ответственности на земли уезда была предпринята генерал-губернатором А.А. Беклешовым. Еще в 1804 г. он возбудил вопрос о распространении зоны городского полицейского контроля на уездные селения в рамках двухверстной границы. Отсчет при этом предлагалось вести от черты не Земляного, а Камер-Коллежского вала.⁴ Обоснованием для усиления власти московской полиции стало наличие тесных контактов города с близлежащими селами и деревнями, которые «похожи более на предместья столицы нежели уездные селения».⁵

Практика расширения полномочий городской полиции существовала и ранее. К 1804 г. в ее ведении находились село Данилово и деревня Новая Андроновка.⁶ Отметим, что именно в этих поселениях процесс интеграции в состав Москвы во второй половине столетия протекал наиболее активно, что привело к скорому официальному, в первом случае, и фактическому, во втором, слиянию с городом.⁷

Из вышесказанного становится очевидно, что ко второй половине XIX в. существовало несколько официальных городских границ, которые имели свою иерархию. В последовательности их распространения по округе проявляется очередность и степень включения в структуру Москвы пригородных поселений.

Главной, бесспорно, являлась собственно городская граница, определявшая официальную (муниципальную) черту. Второй была зона распространения власти городской полиции, которая по понятным причинам несколько превышала черту первой. В их несовпадении выражалась степень вовлечения в городскую жизнь пригородных поселений ко времени начала «великих реформ» середины XIX в.

Аналогичный порядок расширения московских границы имел место и ранее. Следовательно, можно говорить о наличии уже в начале XIX в. устойчивой тенденции распространения власти городской полиции на уездные земли, которые стояли на пути интеграции. Подтверждением этого обстоятельства является невыполнение распоряжения военного губернатора князя Д.В. Голицына о возвращении в ведение уездных органов селений, подведомственных городской полиции, но, расположенных за пределами Камер-Коллежского вала.⁸

С многократным усилением во второй половине столетия тенденций интеграции, практика расширения «второстепенных» городских границы (назовем ее так) неизбежно получила свое продолжение. Уже в первой половине XIX в. в официальной или фактической зависимости от московской полиции находились следующие села, деревни и слободы: Александрово, Богородское, Воробьево, Троице-Голенищево, Даниловское, Дубровка, Новая Андроновка, Кожухово, Корочарово, Марына, Черкизово, Шелепиха,⁹ а так же, вероятно, Хохловка, дача Студенец и территория Петровского парка с дворцом. Таким образом, власть полиции простиралась по крайней мере на 12 поселений, расположенных в радиусе более двух верст (Корочарово), а так же на отдельные дачи и дачные поселки, охваченные этой зоной влияния.¹⁰ Как видим, подавляющая часть пригородных поселений подконтрольных городской полиции (8 из 12) или вошла в состав Москвы к лету 1917 г. или находилась непосредственно у этой черты.¹¹

Вопрос о расширении влияния городской полиции был не случайно поставлен в начале XIX в. Объявление в 1806 г. новой полицейской границей черты Камер-Коллежского вала (таможенной границы) заметно расширило зону действия московской полиции. Если «муниципальная» черта увеличивала свою протяженность по мере умножения подчиненной ей территории, то и «второстепенная граница» вела себя так же, но с одним исключением. По мере распространения процессов интеграции на новые селения уезда, город перебрасывал свой рубеж

на новые окрестные земли, но это происходило еще до официального их включения в урбанистическую структуру. Таким образом, расширение полицейской границы можно расценивать как свидетельство усиления процессов интеграции на территории пригородных поселений, которые к тому времени уже находились под влиянием экономического воздействия города и пребывали на промежуточной стадии включения в урбанистическую поселенческую структуру.

Необходимость решения вопроса «пригородов» поставила во второй половине XIX в. новые проблемы перед органами местного самоуправления Москвы. Рост влияния города привел к увеличению их обязанностей и потребовал немало роста расходов бюджета. В первую очередь на розыск беглых, контроль за подозрительными, обеспечение мер противопожарной безопасности. Все эти явления были тесно связаны с территориями уезда. В поисках новых источников дохода для решения проблем порожденных в том числе и близлежащими не городскими местностями, власти Москвы пошли на незаконное обложение жителей подконтрольных им пригородных селений дополнительными налогами. Данное явление представляется вполне закономерным. Оно находилось в прямой зависимости от процессов, связанных с развитием Москвы и породило третий, фактически существовавший вариант городской границы - зону налогового подчинения близлежащих поселений Москве. Назовем ее «третьей городской границей».

Практика распространения как налогового городского влияния, как и полицейского контроля возникла не впервые. В частности, «фискальной границей» Москвы XVIII в. можно считать черту Компанейского, а позже Камер-Коллежского вала, существовавшего в этом качестве до 1754 г. При его проведении так же были охвачены земли, на территории которых шел процесс их включения в городскую структуру задолго до официального вхождения в город. Официальные права на наличие «вторичных» муниципальных налоговых границ были получены Москвой в 1854 г., когда городу «представилось право взимать налоги на двухверстном расстоянии от Камер-Коллежского вала».¹² Спустя 5 лет вышло еще одно решение, согласно которому под фискальный контроль Москвы перешло взимание акцизов с трактиров и харчевен в черте двух верст от Камер-Коллежского вала.¹³

По ведомостям о выплате налогов пригородными селениями, составленными в 1866 г.,

значились деревня Марьина (с «чистым доходом определенным по новой оценке» в 335 руб.), Новая Андроновка (36617 руб.), Даниловская слобода (37628 руб.), часть Бутырской слободы и примыкавшие к ней постройки (1380 руб. 14 коп. и 413 руб. 19 коп.). Кроме этого, в том же 1866 г. к числу облагаемых налогом поселений были отнесены села Богородское, Черкизово, Воробьево и Троице-Голенищево. Доходы города с них составляли соответственно 10910 руб., 6029 руб., а с двух последних 28379 руб.¹⁴ Вопрос с налогообложением деревни Хохловки и в конце 1865 г. оставался открытым.¹⁵

Следовательно, можно говорить о включении пригородных поселений в городскую структуру Москвы не только по факту их вхождения, но и по распространению на их территорию фискальной и полицейской границ как промежуточных этапов интеграции и, отчасти, урбанизации.

Рост границ города во второй половине XIX века.

Рубежом, разделявшим территории «первопрестольной» и Московского уезда, к середине XIX столетия являлась черта Земляного города. Согласно совместному «приговору» Московской думы и Уездного собрания от 21 июня 1866 г. новой границей была признана линия Камер-Коллежского вала. За городом оставалось право собственника на выгонные земли (сбор налогов и распоряжение).¹⁶ В других вопросах «заведование» переходил в руки «только... уездного земства». «Подгородные селения» и городские выгоны «состоящие... под ведением как городской так и земской полиции оставить в ведении одной последней».¹⁷

Городу в качестве компенсации за потери передавалось право на полицейский контроль и взимание платежей с территорий «захваченных проектированной городской чертой». Некоторые из них, в том числе Бутырская слобода, признавались за Москвой, хотя уже являлись фактической частью города.¹⁸ На тот период городская планировка не была характерна ни для одного пригородного поселения, кроме Бутырок и в значительно меньшей степени Даниловской слободы. По большому счету, город официально лишался прав на местности за пределами Камер-Коллежского вала, которые уже давно были тесно с ним связаны.

Отход от намеченной схемы развития не случаен. Он стал результатом усилий уездных земских органов приостановить процесс расширения «границ» Москвы. «Камнем преткновения» являлся вопрос о разделе территорий,

дающих значительные налоговые поступления, в которых были остро заинтересованы в первую очередь губернские органы земского самоуправления. Устранение городского полицейского надзора лишало Москву прав на эти источники. Уездное земство провело решение, исходя исключительно из своих интересов, игнорируя реальную ситуацию.¹⁹

Между тем, неуклонное включение пригородных поселений в структуру города нельзя было остановить формальным решением, несмотря на созыв еще пяти комиссий.²⁰ Городские власти фактически проигнорировали решение 1866 г. и на очередном совместном заседании 22 февраля 1874 г. «взяли реванш». Они добились постановления считать чертой Москвы границу городской и уездной полиции, суда и управы.²¹ В решении не говорилось о расширении городской территории. Однако сам факт продолжения обсуждения спорных рубежей создавал возможность сохранить бывшие полицейские и налоговые границы.

По «Докладу временной соединенной комиссии об определении черты столичного города Москвы», составленного между 1866 и 1879 гг., можно восстановить пределы последней. Так, среди селений, «несущих все городские налги (выделение мое - А.Б.) и вместе с тем принадлежащие к волостям», называются приписанные к Суцевской части деревня Марьина, Рогожской - Новая Андроновка, Дубровка и село Корочарово.²² К Серпуховской части были приписаны Даниловская слобода, села Воробьево и Троице-Голенищево; к Пресненской - деревня Шелепиха; Лефортовской - села Богородское и Черкизово. Отдельно, не относясь ни к какой полицейской части, в пользу города вносили налоги жители деревни Хохловка.²³

В полицейском отношении Москве подчинялись и были распределены по соответствующим районам (отделениям) следующие поселения: Кожухово и Дубровка (2-е отделение Таганской части), Корочарово и Хохловка (2-е отделение Рогожской части), Черкизово и Богородское (2-е отделение Покровской части), Воробьево (1-е отделение Хамовнической части), Покровское, Фили, Троице-Голенищево (1-е отделение Новинской части), Шелепиха (1-е отделение Пресненской части), Марьина (2-е отделение Мещанской части), Даниловское (Серпуховская часть), Новая Андроновка (Рогожская часть).²⁴

В данном случае территория пригородной полицейской границы даже превосходила налоговую, в состав которой не вошли Покровское, Фили

и Бутырки. В свою очередь деревня Кожухово выпала из-под контроля органов правопорядка.

Как видим, город удержал за собой большую часть налоговой территории. Это способствовало сохранению ее связи с Москвой, что ускоряло вращение в городскую структуру, хотя граница Москвы продолжала оставаться спорной и в 1870-е гг. Доказательством этого служат сохранившиеся документы о сборах с недвижимости, которые проводились уездной управой в Андроновке, Богородском, Дубровке, Черкизове и, вероятно, других поселениях в 1879 и 1880 гг.²⁵

Фискальная граница города и уезда все еще являлась полуофициальной и крайне не отрегулированной,²⁶ несмотря на повторяющиеся попытки уездного земства ограничить возможности Москвы в этом отношении. Данное обстоятельство так же указывает на постоянное возрастание влияния города а, следовательно, отражает ускорение процессов интеграции.

Благодаря росту дачных и промышленных поселков, а так же изменению роли пригородных поселений, позиции города в вопросе границ еще больше окрепли. В результате очередного совместного заседания от 27 ноября 1879 г. было принято решение о присоединении к городу «все-го Сокольнического парка» и «села Богородского с находящимися при нем дачами».²⁷

Согласно этому постановлению черта, отделявшая «город от земства», тянулась «от Покровской заставы по Камер-Коллежскому валу, затем серединой реки Москвы до впадения в нее ручья, протекающего по дну Андреевского оврага; по середине и этого ручья до поворота на скотопригонную позади Даниловской слободы и по направлению этой дороги до Камер-Коллежского вала; далее по Камер-Коллежскому валу до Калужской заставы и идущей от этой заставы большой Калужской дороги. От поворота Камер-Коллежского вала, ближайшего к левой кордегардии Калужской заставы, но по дороге между участками городской выгонной земли до дороги, проходящей позади Живодерной слободы; по этой последней дороге до поворота к углу Живодерной слободы, а далее через большую Калужскую дорогу к углу дачи, бывшей графа Мамонтова... по границе этой дачи до реки Москвы; серединою Москвы-реки до впадения в нее речки Сетуни до поворота около фермы Воспитательного дома, около этой фермы по границам пахотной земли крестьян села Троицкого-Голенищева тож, до Камер-Коллежского вала, а далее по Камер-Коллежскому валу до Дорогомиловской заставы и большой Смоленской или Можайской

дороги, идущей от этой заставы. От Дорогомиловской заставы по Камер-коллежскому валу до реки Москвы, через реку Москву, по Безымянному переулку до Нижней Пресненской улицы до Трехгорной заставы и от Трехгорной заставы по Камер-Коллежскому валу до Пресненской заставы ... от Пресненской заставы по Большой Воскресенской дороге, мимо Ваганьковского кладбища до пересечения Воскресенской дороги Смоленскою железною дорогою; затем ... мимо Скакового круга до владения ямщиков Тверской-Ямской слободы с одной стороны, и городской земли с другой стороны, до дач на Петербургском шоссе, по границе, отделяющей ... дачи от городской выгонной земли до конца оных; далее ... через Петербургское шоссе к Петровскому парку, по Петербургскому шоссе до границы села Петровского-Заково тож - до поворотов к границе Бутырской слободы, по границе Бутырской слободы до Камер-Коллежского вала и далее по Камер-Коллежскому валу до Сокольничьей и Оленей рощи до реки Яузы, со включением селения Богородского с находящимися при нем дачами, до Камер-Коллежского вала, по Камер-Коллежскому валу до Преображенской заставы и от Преображенской заставы по Камер-Коллежскому валу, пересекая Хапиловский пруд, до Семеновской заставы; от Семеновской заставы по Камер-Коллежскому валу до Анненгофской рощи, по ... границе Анненгофской рощи до соединительной ветви Нижегородской железной дороги. Затем, пересекая эту ветвь по направлению к деревне Новой Андроновке, до Владимирского шоссе, от Владимирского шоссе по дороге, ведущей к Рогожскому кладбищу, ... до Рязанского шоссе, близ пересечения его Курскою железною дорогою и затем по Рязанскому шоссе до Покровской заставы».²⁸ Из анализа границы следует, что наряду с Богородским в черте города так же оказалась территория Новой Андроновки.

С 1880 г. городской оценочный сбор распространялся только на земли, вошедшие в городскую черту. Согласно постановлению Московской думы от 11 марта 1880 г. с владельцев данных местностей снимались «всякие сборы... в пользу земства».²⁹ Это было компромиссное решение, принятое в интересах уезда, что привело к неоднократным пересмотрам постановления на совместных заседаниях городских и уездных органов. Последнее известное из них состоялось в 1887 г.³⁰ На нем, по мнению официального историографа московского городского земства М.П. Щепкина, решение проблемы вернулось к самому началу.³¹

Главный предмет спора продолжал оставаться в плоскости налогообложения. Главной причиной недовольства уездного земства стало, по видимому, включение в состав Москвы по решению 1879 г. села Богородского и деревни Новой Андроновки, а так же то обстоятельство, что городу еще предстояло окончательно определить сферу влияния своих полицейских и налоговых органов.

Постоянная городская полицейская граница была «высочайше утверждена» только 5 мая 1881 г.³² Согласно «Указателю полицейских участков города Москвы», изданному в 1883 г. под контроль города перешел только район Даниловской слободы (2-й участок Серпуховской части) и Петровско-Разумовское, вошедшее в отдельный участок с тем же названием.³³

Как видим, новые границы не отразили реального положения вещей, сложившегося задолго до этого времени. Несовпадение фактического и официального получило свое отражения в планах города, изданных в 1881 г. и 1882 г. Подготовленные по результатам нового деления Москвы на полицейские участки карты не дают границ отделения их от уезда и допускают неоднозначное толкование. Согласно им к черте полицейского контроля можно отнести так же деревню Новую Андроновку (2 участок Рогожской части) и село Черкизово (3 участок Лефортовской части).³⁴

Только в начале XX в. городские власти перешли к активным действиям по расширению границ Москвы. До того муниципальная территория города росла благодаря полуслучайным земельным приобретениям. Так, в 1867 г. за 2092 рубля 72 копейки были куплены земли акцизного ведомства за Серпуховской заставой.³⁵ Спустя год для устройства образцовой городской скотобойни в собственность «общественного правления» перешла Канатчикова дача, что обошлось бюджету в 24103 руб. В том же году частью Москвы стали территории расположенного за Серпуховской заставой села Данилова. Несмотря на несогласие крестьян, город получил эти владения согласно «высочайшему повелению» от 7 марта 1868 г., заплатив за них 2522 руб. 77 копеек.³⁶ С 21 апреля 1878 г. земли Сокольников, Оленьей рощи и Ширяева поля официально перешли в ведение Московской городской думы.³⁷ Министерство государственных имуществ, ведавшее территорией парка, увидело в этом возможность переложить бремя расходов по его содержанию на городские плечи.

К этому времени можно отнести возникновение хранящегося в фондах Российской госу-

дарственной библиотеки «Плана Сокольничьей и Оленьей рощи с Ширяевым полем».³⁸ Его составление определяется достаточно широким временным отрезком. Выделив взаимосвязь между созданием плана, ростом территории Москвы и застроенностью рощи можно предположить более точную датировку - конец 1870-х - начало 1880-х гг. Создание карт неадминистративных территорий города не свойственно для Москвы. В фондах Картографического отдела Российской государственной библиотеки хранятся только два таких документа: план Сокольников и «План дачи Петровской земледельческой и лесной академии».³⁹ Заметим, что и та и другая территории долгое время являлись наиболее крупными претендентами на включение в черту города. Если план Петровского, по мнению специалистов Картографического отдела, создан в 1890-ые гг. (т.е. вскоре после включения его в состав полицейской границы), то причины создания второго «Плана» также могут быть связаны с присоединением территорий парка с окрестностями к Москве, тем более, что внешний вид и принцип составления сходен у обоих документов и не имеет аналогов в других изданиях. Он мог появиться как следствие, или в преддверии включения в состав города.

Наряду с присоединением части пригорода «общественное управление» приобрело во второй половине XIX в. для муниципальных нужд земли в «окрестностях» Москвы. Это около 110 кв. десятин вокруг села Большие Мытищи, где располагались источники, питающие город родниковой водой, и ветка Мытищенского водопровода. Кроме того было приобретено около 1600 кв. саженей пахотных земель села Дубровки к юго-востоку от Москвы. Здесь предполагалось построить здание городской бойни.⁴⁰ Эти, а так же некоторые другие более незначительные приобретения имели характер скорее городской собственности, чем территории, на которой проходили собственно процессы урбанизации.

Эволюция новых границ Москвы в начале XX в. и их соответствие интегрированности пригородных территорий в структуру города.

Вопрос об определении муниципальной черты окончательно разрешился лишь после того, как 22 марта, 1 июля 1899 г. и 2 августа 1901 г. произошло высочайшее утверждение нового плана московской городской границы.⁴¹ Она во многом соответствовала решению 1879 г., но отличия двух проектов были многозначительными. Так, в состав города не перешли территории поселений Богородского и Новой Андроновки.

стной комиссии 1866 г., где говорилось о «всех местностях захваченных проектированной городской чертой» как вышедших «окончательно» из состава уезда и освобожденных от соответствующих повинностей.⁴²

К этому времени не только данные селения обладали регулярной городской застройкой. Ею отличались территории Черкизово, Петровского-Зыкова и ряда других населенных пунктов, о которых в решении не сказано. Местность Новой Андроновки оказалась внутри городской территории. Заметки в конце документа, говорящие об утверждении новой границы указывают на то, что в качестве варианта рассматривалось вхождение Андроновки и Дубровки, но на тот период их посчитали «не подходящими под городские условия».⁴³ Интересно, что строго противоположного мнения по отношению к Новой Андроновке придерживались работники Строительного отделения московского губернского правления еще за 10 лет до высочайшего рассмотрения,⁴⁴ причем их позиция не была связана с каким бы то ни было личным или корпоративным интересом.

Вместо земель, которые фактически являлись частью Москвы, город получил незначительные участки за Пресненской и Калужской заставами. Одновременно с отказом Москве в признании ее реально существующей муниципальной черты, была урезана и городская налоговая граница. Данное обстоятельство может быть оценено как, во-первых, нивелировка возможностей города по втягиванию округа в свою хозяйственную жизнь и, во-вторых, в качестве продолжения спора за владение доходными поселениями. Однако, несмотря на попытки уездного земства свести влияние города до минимума (границ Камер-Коллежского вала), под опекой налоговых органов остались такие важные поселения как Марьино, Алексеевское, Богородское, Черкизово, Новая Андроновка, Дубровка, Даниловская слобода, Петровско-Зыкова и часть дач бывшей усадьбы Петровско-Разумовское.⁴⁵

Сохранение значительного протяжения налоговой границы и включение в ее черту развивающихся пригородных поселений говорит о достаточно высокой степени их включения в урбанистическую структуру «первопрестольной» столицы.

Одновременно с определением муниципальных и налоговых рубежей власть вынуждена была решить вопрос и о протяжении другой «второстепенной» границы города - зоны ее полицейского контроля. Вероятно, решение о новой черте состоялось так же в первый год XX в. По документам Московского уездного полицей-

ского управления за 1901 г. сфера влияния города предстает в значительно урезанном виде. Из подконтрольных поселений выпадают поселения отличавшиеся высокой степенью урбанизированности. Это Данилово⁴⁶ (населенное не сельскими жителями, а мещанами и работниками фабрики), Новая Андроновка⁴⁷ (фактически уже являвшаяся города и поглощенная ее границами), Черкизово⁴⁸ (представлявшее собой крупный фабричный поселок с городской планировкой), Хохловка⁴⁹ (подавляющая часть ее жителей считались мещанами) и Воробьево⁵⁰ (известное как старое и излюбленное место воскресного отдыха москвичей). Для связи последнего с городом были даже проведены трамвайные пути.

Наряду с упомянутыми выше поселениями можно привести значительно больший перечень тех пригородных сел, деревень и слобод, которые не только тесно соприкасались с Москвой, но находились в состоянии интеграции её структурой. Решение об ограничении полицейских границ имело искусственный характер и не могло сохраняться долго. Уже в 1906 г. «в полицейском отношении в состав Московского градоначальства» вошли кроме четырех названных (за исключением Воробьево) еще 6 поселений уезда. Ими были Новая Андроновка, Хохловка (1-й стан Московского уезда); Алексеевское, Марьино (2-й стан Московского уезда); Петровское-Зыкова (3-й стан Московского уезда); Даниловское (5-й стан Московского уезда); Богородское, Черкизово (7-й стан Московского уезда).⁵¹ Кроме того под контроль полиции Москвы перешли деревни Шелепиха и Кожухово, расположенные за магистралью Окружной железной дороги.⁵² Это случилось в результате учреждения годом раньше Градоначальства - органа управления московской полиции.

Фактически под контроль города попало Ростокино. Московская полиция стала контролировать расположившиеся на южной окраине города фабрики, а значительная часть местных рабочих «сняла квартиры» в селах по соседству.⁵³

В документах Московского столичного губернского статистического комитета с 1908 г. упоминаются дела по новым загородным полицейским участкам: Богородскому,⁵⁴ Марьинскому,⁵⁵ и Ново-Андроньевскому.⁵⁶ В 1909 г. к ним присоединился Алексеевский полицейский участок,⁵⁷ завершив тем самым формирование «вторичной границы» в тех рамках, в каких она будет существовать вплоть до 1917 г., т.е. времени оформления новых официальных «первичных» границ, выросших из полуофициальных «вторичных».

В ведении полиции к 1910 г. оказываются Алексеевское, Богородское, Даниловское, Дубровка, Марьино, Новая-Андроновка, Петровско-Разумовское, Хохловка, Черкизово и неофициально Ростокино, то есть большая часть пригородных поселений, ставших впоследствии частью Москвы. Под контролем уездных правоохранительных органов оставались села Всехсвятское, Останкино, Ростокино, селцо Леоново и деревни Коптева, Петровско-Зыкова и Марфина.⁵⁸

Зоны распространения городского влияния продержались в границах, утвержденных в первые годы двадцатого столетия, вплоть до 1917 г. Между тем, это не сняло вопроса об интеграции в состав города новых территорий, так как его решение натолкнулось сразу на несколько проблем и требовало поиска новых путей.

«Городской пригород» как особое административное образование.

В конце XIX- начале XX в. впервые в истории Москвы темпы ее роста и вызванные ими потребности в увеличении территории явно превосходили естественные возможности, которые к этому времени были практически полностью исчерпаны. Окружающие столичный город земли оказались буквально расписаны между городом и уездом. Даже после расширения «вторичных» московских границ на ряд поселений, те продолжали оставаться частью округа, и ничто не могло изменить их положения в пользу Москвы.

Неизбежность процессов интеграции и возникновение поселений с явными признаками урбанизации заставляли деятелей как городского управления, так и уездного земства разрешить вопрос о статусе этих образований и их признаков. В это время в материалах земских органов начинается активное использование понятия «пригород». Под ним подразумевают поселения, «усадебное место которых начинается непосредственно за чертой города».⁵⁹

Они, по мнению земских специалистов, составляли вокруг Москвы кольцо территорий, представлявших собой прямое продолжение города. Причем это справедливо не только в пространственном, но и структурном урбанистическом значении, так как процессы городского образования по ряду причин протекали здесь значительно активнее.⁶⁰ Таким образом, город в вопросе о включении ряда уездных территорий в свой состав занимал однозначную позицию. Муниципальные органы по праву рассматривали близлежащую округу как фактическую часть московской территории. Эта идея недолго оставалась на бумаге. С 1910-1911 г. городские

власти развернули подготовку введения в состав муниципального управления пригородных земель.⁶¹ В 1911 г. с заявлением о необходимости рассмотрения вопроса присоединения пригородных территорий выступает городской голова Н. Гучков.⁶² В том же году прошение о включении в состав Москвы подают жители села Богородского.⁶³ Одновременно получает завершение ряд работ, выполненных в той же тематике, а именно: программа официального изучения ряда пригородов с ориентацией на их интеграцию,⁶⁴ создание планов пригородных поселений. Наряду со схематическими⁶⁵ появляются чрезвычайно точные и пространственные описания. Так, изданный в том же 1911 г. «План пригородов города Москвы» позволяет обозначить на схеме любой достойный внимания объект, вплоть до одиноко стоящей хозяйственной постройки.⁶⁶ Данная разработка создавалась для осуществления далеко идущих хозяйственных целей: развития городской инфраструктуры, планировки, сбора налогов и прочее.

К этому времени московский пригород уже давно выступает как официальная территориальная единица Москвы.⁶⁷ В ее состав вошли села Воробьево, Петровско-Разумовское и Черкизово с примыкающими к ним поселком Благуша, южной частью Даниловской слободы и рядом других менее значимых местностей, в частности, - слободы Потылихи, расположенной при впадении Сетуни в Москву-реку.⁶⁸

Возникновение официальных «городских пригородов» было обусловлено не только борьбой между городом и уездом. Они стали следствием и выражением процесса интеграции ряда пригородных территорий, в том числе и бывших поселений. Это был тот этап в развитии пригородных сел, деревень и слобод, когда фактически они уже стали городом (с известной степенью допущения), но официально не подчинялись муниципальным органам.

Февральская революция уничтожила ряд традиций, стоявших на пути официального признания сложившегося положения вещей. Решение городской думы от 23 мая 1917 г. о включении в состав города территорий «в основном» по линии Окружной железной дороги завершило процесс официального вхождения в состав Москвы очередного кольца пригородных территорий.

Трудности революционного времени надолго задержали завершение процесса включения в жизнь города новых земель. Уровень территориального развития Москвы оказался отброшен к положению до 1911 г. и даже ранее. На одном из

первых изданных после 1917 г. планов города, Москва рассматривается в рамках Окружной железной дороги, но «с окрестностями». В них легко угадываются недавние пригороды.⁶⁹ Спустя два года после его появления новый план изображает город в старых границах по Камер-Коллежскому валу с ближайшими окрестностями.⁷⁰ На созданной тогда же «Карте окрестностей Москвы» город указан в пределах Окружной железной дороги, но более подробное изображение распространяется на территории Земляного города!⁷¹ На другом плане 1923 г. Москва изображается в пределах Камер-Коллежского вала.⁷² Только работы в рамках Генерального плана реконструкции Москвы окончательно включают в черту города пространства, расположенные между валом и Окружной железной дорогой, поставив точку в почти двухвековом процессе интеграции пригородных территорий в урбанистическую структуру города.

В заключении необходимо подчеркнуть, что расширение городских границ - явление многоплановое. Его характер не ограничивается исключительно официальным закреплением за городом новых территорий. Граница - один из факторов той или иной пространственно-поселенческой структуры. В ходе урбанизации она, как и прочие факторы, отражает в своем видоизменении процесс интеграции пригородных поселений в состав Москвы.

К середине XIX в. сложился механизм распространения городом своего влияния на окрестности. Его выражением стало одновременное существование нескольких официальных городских границ: основной муниципальной и двух вторичных полицейской и фискальной. Имеющие четко очерченные контуры и взаимную иерархию, они демонстрировали очередность вхождения в состав Москвы конкретных пригородных поселений, а также степень их интеграции и урбанизации. Распространение «вторичных» официальных городских границ на то или иное село, деревню или слободу означало прохождение ими промежуточной стадии интеграции применительно к административно-территориальному критерию. Последним этапом стало включение земель в состав муниципальной черты, после чего поселения прекращали (порой только официально) свое существование в качестве неурбанистических структур. Тем самым завершался их процесс интеграции с городом, пусть даже в формальном плане.

К середине XIX в. муниципальная граница располагалась по линии Земляного города, но под влиянием давно идущих процессов ин-

теграции в 1866 г. была перенесена на линию Камер-Коллежского вала, которая с 1742 г. исполняла роль таможенной (фискальной), а с 1806 г. и полицейской границы Москвы. Под давлением процессов урбанизации наблюдалось неизбежное распространение «вторичных» официальных границ города, охвативших округу в радиусе до 4-х верст. Сюда входили все поселения, ставшие спустя полвека частью города. Москва стремилась к контролю над всей этой территорией, несмотря на сильное противодействие со стороны уездного земства, которое старалось свести к нулю распространение городских границ.

В 1879 г. влияние Москвы выросло настолько, что городские власти были готовы на включение в состав ее территории села Богородского и деревни Новой Андроновки. Решение осталось на бумаге только из-за несогласия земских органов, лишившихся тем самым важных источников дохода. Несмотря на это, в 1881 г. расширились официальные полицейские границы Москвы. В их состав вошли Даниловская слобода и село Петровско-Разумовское. Город, судя по всему, пренебрег желанием уездных органов власти и продолжал в полицейском отношении контролировать деревню Новая Андроновка и село Черкизово, являвшихся к тому времени фактической частью урбанистической структуры.

Высочайше утвержденная в 1899-1900 гг. новая московская граница отвечала субъективным интересам уездного земства. В состав города не вошло ни одного из пригородных поселений, но его налоговые границы распространились на села Алексеевское, Богородское, Черкизово, сельцо Петровско-Зыкова, деревни Новая Андроновка, Дубровка и Даниловскую слободу.

С начала века московская полиция контролировала по крайней мере пять населенных пунктов: Воробьево, Данилово, Новую Андроновку, Хохловку и Черкизово. В 1906 г. ее власть распространяется на Алексеевское, Марьино, Петровско-Зыкова (т.е. те, что в 1917 г. станут частью официальной московской границы) и ряд других. Полиция города следит за жизнью промышленной части населения села Ростокино. Расширение сферы влияния приводит к учреждению новых полицейских участков. К 1911 г. часть сел и деревень будет выведена из зоны ответственности города. Несмотря на это, поселения, вошедшие в состав Москвы только спустя шесть лет, в 1911 г. сохраняют свое подведомственное к ней положение.

Не получив права на присоединение ряда окрестных территорий, ставших фактической частью Москвы, московские власти не позднее

1911 г. пошли на создание зоны официальных городских пригородов. В ее состав вошли земли уезда (в том числе и пригородных поселений), непосредственно примыкавшие к Москве (Алексеевское, Богородское, Черкизово, Даниловская слобода и др.).⁷³ К началу столетия они составляли с ее территорией фактически единое целое. По всем выделенным в данном исследовании критериям оценки процесса урбанизации это была часть городского пространства.

Февральская революция сняла барьеры с процессов естественного роста территории Москвы. Решением городской думы от 23 мая 1917 г. поселения, расположенные внутри кольца Окружной железной дороги, были признаны частью первопрестольной столицы. События революционной эпохи отодвинули на время процесс освоения земель в черте новых границ Москвы. Несмотря на это, очевидно, что в 1917 г. получил завершение очередной более чем полувековой этап формирования городского пространства. Протянувшийся с 1866 г. по 1917 г.,⁷⁴ он был тесно связан с процессом интеграции и урбанизации пригородных поселений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Щепкин М.П. Общественное хозяйство города Москвы в 1863-1887 годах. Часть 1. Вып. II. М., 1890. С. 437-438.
- 2 Там же. С. 440-441.
- 3 Еще в конце XVII в. Москва владела выгонными землями за речкой Пресней на западе и монастырями Андрониевым, Покровским, Новоспасским и Симоновым на юго-востоке, расположившимися на границе будущего Камер-Коллежского вала. (Кусов В.С. Земли современной Москвы при государях Иоанне и Петре. М., 1998. Карта-вкладка). Таким образом, в решении 1830 г. отсчет территорий шел не от линии официальной границы Москвы, Земляного города, а фактической - Камер-Коллежского вала.
- 4 Щепкин М.П. Указ соч. С. 158.
- 5 Там же. С. 157.
- 6 Там же. С. 160.
- 7 ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 147. Д. 72. Л. 2об.
- 8 Щепкин М.П. Указ соч. С. 159.
- 9 ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 171. Л. 33.
- 10 Дачные поселки не представляли еще того значения, какой они приобретут в последствии.
- 11 Интересно, что на картах этого периода Москва отмечается в окружении именно тех «окрестностей», которые находятся под контролем ее полиции (План города Москвы. М., 1894; Нивеллирный план города Москвы. СПб. 1890; План города Москвы. СПб. 1891; и др.).
- 12 ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2208. Л. 4.
- 13 Щепкин М.П. Указ соч. С. 161.
- 14 ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 94. Л. 18-20об., 22об.
- 15 ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 94. Л. 1.
- 16 ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 2. Д. 10. Л. 3.
- 17 ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 2. Д. 10. Л. 3.
- 18 ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 2. Д. 10. Л. 314 об.
- 19 В борьбе за источники поступления средств подобные приемы использовались обеими сторонами. Так, право брать налоги с деревни Хохловка московские власти объясняли тем, что поселение лежит в черте двухверстного влияния городской полиции. (ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 2. Д. 10. Л.5.) В действительности расстояние от Покровской заставы до территории поселения было значительно больше (План Москвы с пригородами. СПб. 1911).
- 20 ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2208. Л. 5.
- 21 ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2208. Л. 5.
- 22 Сегодня о его существовании напоминает одноименная станция на Казанской железной дороге.
- 23 ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 2. Д. 10. Л. 4 об.-5.
- 24 ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 2. Д. 10. Л. 9-9об.
- 25 ЦИАМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2074. Л. 1-1об.; Ф. 11. Оп. 1. Д. 1473. Л. 7, 22, 22об, 107-124об.
- 26 Нередко в связи с этим были жалобы о двойном обложении населения уезда (Приговоры Московской городской думы за 1879 год. Заседание 13 ноября. М., 1880. С. 59).
- 27 ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2208. Л.33.
- 28 Приговоры Московской Городской Думы за 1879 год. М., 1880. С. 58.
- 29 Там же. С. 59.
- 30 Щепкин М.П. Указ соч. С. 283.
- 31 Там же. С. 192.
- 32 ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2208. Л. 6.
- 33 Указатель полицейских участков города Москвы раз-деленный по Высочайшему повелению 5 мая 1881 г. на три отделения и 41 участок. М., 1883. С. 17-23.
- 34 Полный и подробный план Москвы. С указанием границ вновь учрежденных полицейских участков с планом всероссийской выставки 1881г. Составлен на основании новейших данных и изменений. М., 1882; План города Москвы. М., 1881.
- 35 Щепкин М.П. Указ соч. С. 14 - 15.
- 36 Щепкин М.П. Указ соч. С. 18.
- 37 Доклад Московской городской управы и Комиссии для рассмотрения проектов Окружной железной дороги // Московская городская Управа. Доклад № 34. 1899.
- 38 Плана Сокольничьей и Оленьей рощи с Ширяевым полем. М.
- 39 План Сокольничьей и Оленьей рощи с Ширяевым полем. М.; План дачи Петровской земледельческой и лесной академии. М.
- 40 Щепкин М.П. Указ соч. С. 38 - 41.
- 41 ЦИАМ. Ф. 483. Оп. 3. Д. 58. Л. 1-2об.; Ф. 483. Оп. 3. Д. 159. Л. 1-3.
- 42 ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 2. Д. 10. Л. 314 об.
- 43 ЦИАМ. Ф. 483. Оп. 3. Д. 58. Л. 2об.
- 44 ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 147. Д. 72. Л. 2об.
- 45 План города Москвы с пригородами. СПб. 1900.
- 46 ЦИАМ. Ф. 483. Оп. 3. Д. 165. Л. 2об.
- 47 ЦИАМ. Ф. 483. Оп. 3. Д. 165. Л. 2об.
- 48 ЦИАМ. Ф. 483. Оп. 3. Д. 165. Л. 2.

- 49 ЦИАМ. Ф. 483. Оп. 3. Д. 165. Л. 2об.
- 50 ЦИАМ. Ф. 483. Оп. 3. Д. 165. Л. 2об.
- 51 На карте Московской губернии 1862 г. нумерация станов указана иным образом. Следовательно, или в текст документа закралась ошибка, или к 1906 г. произошли изменения в административном управлении уезда.
- 52 ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 70. Д. 52. Л. 1-3.
- 53 ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 70. Д. 52. Л. 3.
- 54 ЦИАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 701.
- 55 ЦИАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 704.
- 56 ЦИАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 707.
- 57 ЦИАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 742.
- 58 План города Москвы с пригородами. СПб. (Составлен между 1901 и 1911 гг.).
- 59 Общий очерк поселкового землевладения в Московском уезде // Экономическо-статистический сборник. Вып. I. М., 1911. С. 93.
- 60 Левицкий В.А. История пригородов Москвы, их санитарное состояние, заразная заболеваемость и население // Экономическо-статистический сборник. Вып. I. М., 1911. С. 28; Общий очерк поселкового землевладения в Московском уезде // Экономическо-статистический сборник. Вып. I. М., 1911. С. 93.
- 61 Еще в конце XIX в. никаких пригородов вокруг Москвы не существовало. (Статистический атлас города Москвы. Вып. II. Владения, строения, квартиры и хозяйства. Карты. М., 1890. Л. 2).
- 62 ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2208. Л. 36-38.
- 63 ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2208. Л. 8.
- 64 ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2208. Л. 37.
- 65 Статистический атлас города Москвы. Территория, состав населения, грамотность и занятия. М., 1911.
- 66 План пригородов города Москвы. М., 1911.
- 67 Белов А.В. Особое административное положение «московского пригорода» на рубеже XIX-XX веков // Москва в истории России. М., 1997. С. 87-89.
- 68 Статистический атлас города Москвы. Территория, состав населения, грамотность и занятия // Карта. Площадь застроенного пространства Москвы по участкам и пригородам. М., 1911. Л. 2.
- 69 План города Москвы с окрестностями в пределах Окружной железной дороги. М., 1921.
- 70 Новый план города Москвы и окрестностей. М., 1923.
- 71 Карта окрестностей Москвы. М., 1923.
- 72 План города Москвы с улицами, переулками, площадями и проездами. М., 1923.
- 73 План пригородов города Москвы. М., 1911.
- 74 Продолжительность данного периода складывания городской границы можно удревнить, если учесть, что линия Камер-Коллежского вала была фактической границей города уже в начале XIX в.

Соловьев Я.В.

кандидат исторических наук

МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА II (1856-1862 ГОДЫ)

В исследованиях последних лет все больше внимания обращается на вопросы истории отдельных государственных учреждений России, их роли в жизни российского общества на различных этапах его развития. Сейчас, когда перед нашей страной остро стоит проблема эффективности работы государственных органов, особенно в области экономики, необходимо обратиться к прошлому опыту развития аппарата управления и в первую очередь в периоды кризисов. В этом отношении чрезвычайно интересен ведомственный опыт Министерства финансов Российской империи (МФ), объединявшего управление финансами и экономикой, на рубеже двух эпох в жизни страны — николаевского царствования и реформ Александра II.

При Е.Ф. Канкрине было многое сделано для утверждения МФ как единого органа по управлению российскими финансами и экономикой. Но при этом происходила бюрократизация его аппарата, что выразилось в: 1) усилении централизации в принятии всех решений; 2) резком увеличении деловой переписки; 3) замедленном прохождении и решении дел; 4) секретности, закрытости для общественности многих мероприятий ведомства; 5) слабой подконтрольности и безответственности финансовых чиновников; 6) создании дополнительных временных структур внутри ведомства, деятельность которых постоянно продлевалась. В структурной организации министерства было еще много нерационального, затрудняющего выполнение им своих функций. Эти недостатки сглаживались интенсивной и авторитетной деятельностью Е.Ф. Канкрин, но стали вопиющими при его преемниках.

1844—1858 гг. стали самой мрачной эпохой в истории МФ. «Полная неупорядоченность бюджетно-сметного дела, казнокрадство и бесконтрольность в расходовании государственных средств, хроническая дефицитность бюджета, все убиравшийся рост государственного долга и прогрессирующее расстройство денежной системы — таковы были черты, характеризовавшие положение финансов страны».¹

Никогда, за все время существования, МФ не испытывало такого падения авторитета и такого

бессилия в решении важнейших финансовых и экономических проблем страны. Связано это было в том числе с неготовностью к переменам высшего и среднего звена аппарата МФ и с неспособностью министров финансов Ф. П. Вронченко (1844-1852) и П.Ф. Брока (1852-1858) реформировать собственное ведомство и защитить его интересы в межведомственной борьбе.

Самостоятельной программы у Вронченко и Брока не было, и они следовали программе Канкрин, не обладая способностями и авторитетом последнего. Такой подход был бесперспективен в условиях нарастающих кризисных явлений.

В 1844-1850 гг. продолжался рост временных структур министерства. Но это не позволяло справиться с растущей лавиной переписки и волокиты. Становилось все более ясным, что «приспевает время сделать некоторые шаги в сторону децентрализации».²

В 1851-1852 г. началось сокращение штатов и расходов по всем ведомствам Империи. Для МФ ситуация осложнялась тем, что это сокращение совпало с болезнью и смертью министра финансов Ф.П. Вронченко. Его приемник был П.Ф. Брок, по отзыву Е.И. Ламанского, был человеком, совершенно не знакомым с первым словом финансовой науки.³ Брока считали хотя и опытным чиновником (он с 1825 г. служил по ведомству МФ, в 1831-1849 гг. в Комитете министров), но бесцветным. Назначение его товарищем министра финансов в 1849 г. и управляющим МФ в апреле 1852 г. было в целом негативно воспринято в обществе. Целый год потребовался, чтобы должность управляющего сменилась должностью министра, что свидетельствует о серьезных колебаниях царя по этому вопросу. Авторитет П.Ф. Брока в стране и собственном ведомстве был чрезвычайно низким, как и авторитет его ближайших сотрудников. О товарище министра Н.Н. Норове говорили, что если бы был учрежден орден мужества для гражданских, то первый орден нужно вручить ему за то, что, не зная совершенно финансов, пошел в товарищи министра.⁴

Как отмечал Е.И. Ламанский, при том составе руководства МФ, который сложился при Брое, «от ведомства этого нельзя было ждать каких-либо благодетельных начинаний».⁵

О полной некомпетентности нового руководства свидетельствует факт провала намечавшегося преобразования кассовой системы. «Секретность и бесконтрольность, отсутствие единства бюджета и кассового дела были характерными чертами государственных финансов дореформенной России», — отмечает А.П. Погребинский.⁶ В конце 40-х — 50-х гг. XIX в. у МФ отсутствовала реальная возможность контролировать денежные средства отдельных ведомств. Во-первых, не было четкой отчетности ведомств в расходовании полученных средств. Во-вторых, со времен Канкрин практиковалась система «экономических капиталов», согласно которой каждое ведомство сэкономленные деньги не возвращало в казначейство, а использовало по своему усмотрению. В-третьих, некоторые ведомства, имевшие собственные источники дохода, были наделены правами полной финансовой автономии (удельное, например). В-четвертых, само МФ соглашалось с созданием внутри ведомств т. н. внебюджетных капиталов (запасной фонд в Военном министерстве). В-пятых, ведомства могли обратиться за дополнительными средствами, минуя министра финансов. В результате, к началу 1855 г. в кассах МФ было около 75 млн. руб., а в кассах других ведомств — свыше 200 млн. «Каждое Министерство имеет по хранению и распоряжению суммами одинаковое значение с Министерством Финансов», — констатировал государственный контролер.⁷

Еще в 1852 г. Николай I предполагал перенять французскую систему, по которой все поступающие суммы шли бы в кассы МФ, но П.Ф. Брок полностью завалил дело.⁸

Борьба с непомерными бюджетными аппетитами других ведомств заканчивалась поражением МФ. Коренное отличие министерства той поры от канкриновского прекрасно иллюстрирует следующая история, рассказанная самим П.Ф. Броком. Однажды во время доклада министра Николай I сказал «Я желал бы сделать то-то и то-то, но не знаю, имеем ли мы для этого достаточные средства?». На это министр ответил, что для исполнения воли его величества деньги всегда найдутся. «Очень рад, Брок, — сказал император, — что я не встречаю в тебе того всегдашнего противоречия, к которому меня приучил Канкрин, ... что бы я ни говорил, у него всегда один ответ: «Нельзя, ваше величество, никак нельзя».⁹ И это П.Ф. Брок, видимо, рассказывал с гордостью,

считая сравнение выгодным для себя.

Отсутствие единства кассы, положение, при котором фондовая биржа находилась практически в руках придворного банкира барона А.Л. Штиглица, застой в деятельности государственных банков, — все это снижало возможность МФ реально влиять даже на финансово-кредитную сферу, и оно «обратилось в большую канцелярию по текущим финансовым делам».¹⁰

Общегосударственная кампания по сокращению расходов на аппарат управления привела в МФ к серьезному сокращению штатных должностей, ликвидации временных отделений. Была упразднена столь значимая прежде Секретная канцелярия. Подверглись сокращению и местные органы министерства.¹¹

Одним из результатов сокращений стало возрастание роли канцелярских чиновников. В записке Департамента разных податей и сборов от 23 мая 1859 г. отмечалось, что «в числе канцелярских чиновников некоторые исправляют обязанности штатным должностям подлежащие».¹² Естественно, что это отрицательно сказывалось на качестве работы. Честолюбивые, образованные чиновники в результате сокращений потеряли возможности для дальнейшего роста или, даже были выведены за штат.

К последствиям сокращений можно отнести грубейшие промахи, совершенные во время попытки П.Ф. Брока восстановить обмен на золото, при преобразовании банковской системы и проведении денежной реформы М.Х. Рейтерна, слабую роль МФ в подготовке реформы финансовой отчетности 1862 г.

Но даже сохранение опытных чиновников не решало бы многих проблем, стоявших перед МФ. Во второй половине XIX в. финансовый чиновник уже не мог эффективно восполнять природной смекалкой и опытом недостаток образования. Усложнявшиеся условия экономической жизни требовали широкого кругозора и глубоких знаний, которые отсутствовали у чиновников николаевской эпохи. Но П.Ф. Брок не смог или не захотел привлечь к работе в министерстве молодых специалистов.

В 1856 г. руководству МФ пришлось отбивать настоящую атаку на ведомство, целью которой было выделение из него управления торговлей и промышленностью. На финансовое руководство ложилась большая доля ответственности за вскрывшееся в Крымскую войну промышленное отставание страны. Дальнейшее подчинение промышленной и торговой сферы ведомству, преследующему только узко финансовые цели, многими признавалось нецелесообразным.

Это показывал и опыт Европы, где активно создаются торгово-промышленные ведомства.

Пойти по этому же пути предлагалось в поданных императору в феврале и марте 1856 г. записках: действительного статского советника Н.А. Жеребцова и анонимной записке, в которой предлагалось создать Министерство коммерции, объединяющее управление торговли и промышленности.¹³

Но МФ смогло отстоять свои интересы. В докладной записке Ю.А. Гагемейстера «О финансах России» (1857 г.) отмечалось, что «в государствах, где существует правильное управление, задача Министерства финансов заключается единственно в приискании способов для обеспечения и увеличения доходов казны без истощения народа, а попечение о развитии народного богатства вверяется другим министерствам. В России же, где мало еще гармонии и единства между отдельными отраслями управления, где министерства скорее друг другу противодействуют, чем помогают, Министерство финансов должно иметь прямое влияние на развитие народного богатства».¹⁴ Идея отделения управления торговлей и промышленностью была похоронена, но положение МФ оставалось очень тяжелым.

Финансовая ситуация в России в конце 50-х гг. была катастрофичной. За время Крымской войны дефицит государственного бюджета вырос на 797 млн. руб. Россия проиграла войну прежде всего экономически, будучи не только страной со слабо развитой промышленностью, но и с малоэффективной финансовой системой.

Анализ произошедшего должен был привести к мысли о необходимости срочного реформирования финансового управления. «Теперь еще зависит от правительства выбрать дорогу, по которой оно намерено идти: через несколько лет будет невозможно оставаться на прежней дороге и слишком поздно, чтобы перейти на другую», — отмечалось в записке М.Х. Рейтерна, поданной императору в 1857 г.¹⁵ Подготавливаемая отмена крепостного права, меняющая всю систему экономических и правовых отношений в стране, должна была отразиться на характере деятельности МФ. Но успешность дальнейшего функционирования ведомства зависела от его способности к внутреннему реформированию, обновлению аппарата и от наличия успешной экономической программы у его руководства. П.Ф. Брок, не соответствовавший этим задачам, в марте 1858 г. был уволен.

В это роковое время министром финансов становится Александр Максимович Княжевич, человек образованный и опытный, «весьма

неглупый, тонкий и хитрый»,¹⁶ отличающийся общительностью и снисходительным отношением к людям, в том числе подчиненным. С самого начала жизнь Княжевича была тесно связана с финансовым ведомством — его отец был управляющим казенной палатой, старший брат стал чиновником центрального аппарата МФ с момента его образования. С 1811 г. и А.М. Княжевич находился на службе в МФ, где занимал должности директора канцелярии (1831-1844), а затем директора Департамента государственного казначейства (1844-1854). Будучи одним из ближайших сотрудников Канкрин и даже считаясь его учеником, честный и добросовестный чиновник, он не мог принять действий Брока и вынужден был покинуть министерство. Когда бесталанность Брока окончательно стала очевидной, Княжевич стал естественным его заместителем. У нового министра были прекрасные связи, — он дружил с Е.П. Ковалевским, К.В. Чевкиным, Я.И. Ростовцевым.

Но опыта и связей было недостаточно, чтобы быть министром финансов в переломное время, когда обстоятельства требовали «деятельности необычайной».¹⁷ П.В. Долгоруков, сравнивая Княжевича с Канкрином, отмечал отсутствие таланта, энергии и настойчивости у нового министра.¹⁸ В.Т. Судейкин обратил внимание на то, что при Канкрине Княжевич «не задавался никакими предположениями о внесении необходимых улучшений в финансовую систему».¹⁹ Кроме того, Княжевич занял пост министра уже стариком, разбитым и морально и физически, не верящим в собственные силы (ему было уже 66 лет). И, тем не менее, по сравнению с П.Ф. Броком, это был более удачный глава ведомства.

Перед новой финансовой администрацией стояли очень сложные проблемы: расстроенная денежная система, слабое развитие платежных сил населения, недостаток капиталов для решения самых насущных задач — создания новой отечественной промышленности и транспортной системы — и многие другие. Росло понимание того, что путем непрерывного сокращения расходов ничего добиться невозможно. На заседании Комитета Финансов от 9 июля 1859 г. говорилось о необходимости развивать промышленность, строить железные дороги и привлекать иностранные инвестиции.²⁰ Развитие эти идеи получили в представленной Александру II в ноябре 1860 г. записке Княжевича «О настоящем положении государственных финансов».²¹ Главной проблемой признавался перекосящий торговый баланс: за границу шло больше средств, чем поступало отсюда. Развитие отечественной про-

мышленности и транспорта, усиление добычи полезных ископаемых, повышение таможенных пошлин и ограничение непроизводительных расходов, — вот что предлагал Княжевич.

По сути, речь шла о необходимости ускорить экономическую модернизацию России, но это требовало предварительной модернизации государственных органов, призванных управлять финансами и экономикой. Княжевич прекрасно это понимал, и в министерстве началась большая работа по подготовке ведомственной реформы. Нужно было поднять авторитет МФ в правительственных кругах, провести его структурное преобразование в целях лучшего распределения компетенции и повышения эффективности действий, расширения влияния на экономическую жизнь России.

В 1859 — 1863 гг. была проведена новая перепись чиновников, служивших в МФ и учреждениях, ему подведомственных.²² Как и предыдущие переписи, она страдала неточностями и в 1859 г. ее пришлось проводить дважды, т. к. в первый раз канцелярия министра осталась недовольна разнообразием присланных сведений. Но и после строгого внушения ответы присылались неточные, что свидетельствует о слабой связи центральных органов МФ с местными. Многих руководителей ставил в тупик вопрос: относятся ли к числу чиновников врачи, лаборанты, пробирщики, куда зачислять чиновников по особым поручениям и т. п. Во многих департаментах штатные чиновники исполняли обязанности канцелярских, что порождало дополнительную сумятицу в отчетности.

И все же эта перепись дает нам некоторое представление о состоянии местных органов власти МФ к 1859 г. Всего в казенных палатах и по их ведомству, исключая Сибирь и Кавказский край, состояло 11118 чиновников, из которых 6584 были штатными, а 4534 канцелярскими.²³ По частям управления они распределялись следующим образом:

Таблица 1.
Количество чиновников Казенных палат по разным частям управления (1859 г.).

Составлено мною по: РГИА. Ф. 560. Оп. 8. Д. 932. Лл. 164-165.

В начале 60-х гг. местные органы МФ пре-

Вид управления	Штатные	Канцелярские	Всего
Всего	300	394	700
В канцелярии	3520	2309	5829
В канцелярии	622	523	1145
В канцелярии	424	567	991
В канцелярии	1304	651	2055
В канцелярии	200	90	350

терпели новые серьезные сокращения, что вызывало глухое сопротивление и на местах, и в центральном аппарате МФ. Когда в 1860 г. министр финансов направил запрос 46 казенным

палатам и Департаменту государственного казначейства о возможности сокращения расходов по делопроизводству по земским повинностям, то 20 палат прислали отзыв о необходимости сохранения существующего уровня расходов, 18 — о необходимости их увеличения и только 8 — предложения о незначительном сокращении расходов. Департамент государственного казначейства также потребовал усиления своих средств, что и было сделано.²⁴

Была уточнена компетенция различных частей центрального аппарата министерства и составлена «Роспись занятий по Министерству финансов»,²⁵ которая чрезвычайно способствовала реформам аппарата при М.Х. Рейтерне.

Княжевич обновил личный состав министерства, подобрав способных и молодых руководителей, которые нуждались в опоре и поэтому «вопреки сопротивлению инертной чиновничьей массы стали и ближайших сотрудников подбирать из числа единомышленников. А те стремились распространить эту волну обновления еще дальше, на следующий этаж иерархии».²⁶ В 1856-1862 гг. состав среднего звена чиновников МФ обновился на 48,5%.

Таблица 2.

Изменения в личном составе различных частей МФ среди чиновников V-VII классов

Высчитаны по данным «Адрес календарей». Данные этой таблицы условны: не учитывается служба до занятия должности, освещаемой в «Адрес-календаре».

Вид управления	1856	1862	1868	1874	1880	1886	1892
Всего	1225	16	6	47	5	27	2
В канцелярии	6	6	1	28	4	11	36

В 60-е гг., как в МФ, так и в других ведомствах, происходили перемены в отношениях между начальствующими лицами и подчиненными, на смену высокомерию и деспотизму приходили демократичность и поощрение инициативы. Новый курс олицетворяли такие руководители как директор Департамента неокладных сборов К.К. Грот, товарищ управляющего Государственным банком Е.И. Ламанский, вице-директор Департамента государственного казначейства А.К. Жуковский и др.

При А.М. Княжевике на дела министерства стал оказывать огромное влияние кружок молодых либеральных экономистов, ядром которого были исполняющий обязанности товарища министра внутренних дел Н.А. Милютин, директор Особенной канцелярии по кредитной части Ю.А. Гагемейстер, управляющий делами Комитета железных дорог и (с июля 1859 г.) член Совета министра финансов М.Х. Рейтерн,

чиновник по особым поручениям при управляющем Министерством государственных имуществ Е.И. Ламанский, ректор Киевского университета профессор политической экономии Н.Х. Бунге, экономист В.П. Безобразов. Реформаторы были сторонниками манчестерской школы политической экономии. Экономическое развитие ими рассматривалось как естественный процесс, не нуждающийся в каком бы то ни было государственном вмешательстве.

Под их влиянием были 10 июня 1859 г. учреждены 4 комиссии: Комиссия по улучшению системы податей и сборов, Комиссия по преобразованию Государственного коммерческого банка, Комиссия по земским банкам и Комиссия по составлению правил для фабрик и заводов. Первые две комиссии сыграли большую роль в развитии МФ.

Комиссия для пересмотра системы податей и сборов просуществовала с 1859 по 1882 г., практически превратившись в постоянное учреждение МФ. Она была учреждена для изыскания мер к увеличению государственных доходов путем пересмотра существующих налогов и введения новых и состояла из трех отделений: первое занималось рассмотрением земских сборов и окладных государственных податей, второе готовило положение о пошлинах на право торговли и промыслов и устав о гербовом сборе, третье готовило предложения по акцизам с сахара, горной подати и соляному доходу. Председателем комиссии в 1859 — 1862 гг. был Ю. А. Гагемейстер.

В 1858 г. на отчете одного из губернаторов Александр II сделал отметку, в которой говорилось о необходимости приступить к уничтожению откупной системы, которая вела к многочисленным злоупотреблениям и была крайне невыгодна для казны. Отмена откупов, намечаемое изменение системы взимания соляного дохода и издание новых уставов об акцизе с табака и с сахара должны были привести к серьезному преобразованию системы управления косвенными и прямыми налогами.

Повышение питейных, табачных, соляных и сахарных доходов должно было покрыть все возрастающие недоимки в прямом налогообложении. Здесь ситуация складывалась критическая: в 1860 г. сумма недоимок составляла 104 млн. руб., в 1861 г. — уже 116 млн.²⁸ Кроме того, старая система взимания косвенных налогов вызвала серьезные нарекания, так как расход на нее составлял более 10% от налоговых поступлений.²⁹

По всем этим причинам в 1858 г. началась разработка реформы взимания питейных доходов. С самого начала одной из ее целей должно

было стать объединение управления всеми акцизами в одном финансовом органе в центре и на местах. Но громоздкие бюрократические механизмы действовали еще крайне неэффективно, сказывались архаичные представления высшей власти о принципах развития бюрократического аппарата. Вместо того, чтобы в условиях подготовки столь серьезной реформы расширить штат Департамента разных податей и сборов или продумать конечный результат внутренних преобразований центрального управления, МФ пошло по традиционному пути: желая снизить нагрузку на эту часть в период подготовки реформы, в 1859 г., из Департамента разных податей и сборов в Департамент мануфактур и внутренней торговли было передано отделение, заведовавшее акцизами с табака и со свеклосахарного производства.³⁰ В 1860 г. была введена должность главного инспектора свеклосахарных заводов по акцизной части, при котором состояли 11 инспекторов, технолог и секретарь. Казенные палаты должны были следить за поступлением акциза. В том же году табачное акцизное управление было усилено назначением 26 акцизных надзирателей и 212 стражников по табачному сбору,³¹ а по закону 4 июля 1861 г. в 25 губерниях оно было разделено на 7 округов. Каждый округ возглавлялся начальником и его помощником и делился на дистанции под ведением акцизных приставов. В других губерниях управление акцизом с табака лежало на казенных палатах.

Казалось бы, эти действия показывают, что цели объединить акцизное управление у МФ не было. Но это не так: уже через год-два после введения питейного акциза было объединено местное управление акцизными сборами, а в 1864 г. и центральное. И если понятна осторожность министерства в объединении местного управления (создаваемые акцизные управления должны были вначале доказать свою эффективность, налогоплательщики должны были постепенно привыкнуть к новой системе, в условиях неминуемого первоначального снижения питейных доходов на момент реформы не хотелось терять доходы с уже налаженных акцизов на табак и свекличный сахар), то рассредоточение управления акцизами в центральном управлении кажется, на первый взгляд, нелогичным. Но логика была, только логика не рациональной системы управления, логика вводимая еще М.М. Сперанским, а логика архаичная, построенная на отношении к бюрократическому аппарату как к штату царских слуг, каждому из которых можно поручить любое дело, причем дела, сосредоточенные в руках одного «слуги», могут

быть совершенно разного свойства, и их распределение зависит от доверия к «слугам» или их загруженности. В данном случае действовал последний принцип. В начале исследуемого периода Департамент разных податей и сборов был чрезвычайно загружен делами, а деятельность Департамента мануфактур и внутренней торговли, наоборот, нельзя было назвать интенсивной. Поэтому в него и передали управление акцизами с табака и сахара. Это позволяло сэкономить некоторые средства, но затруднило на первых порах деятельность местных акцизных органов, оказавшихся в двойном подчинении.

Проведение реформы было затруднено традиционной проблемой — отсутствием в распоряжении государства резерва подготовленных к подобной деятельности людей. Как отмечал Н.С. Терский, нужно было «организовать дело совершенно новое и при этом дело весьма сложное, для которого необходимо было привлечь к участию тысячи людей, и людей вполне благонадежных. Между тем в то время наши правительственные и административные учреждения такими людьми были далеко не богаты, так что выбор их представлял очень большие затруднения, и было легко впасть в ошибку».³² О том, насколько серьезной была проблема, свидетельствует следующий факт. Когда за 10 лет до акцизной реформы, в 1848 г., был введен акциз со свеклосахарного производства, надзор за ним пришлось возложить на чиновников уездного казначейства. Но очень скоро стала очевидной полная их неспособность к этому делу, и его пришлось частично возложить на специально откомандированных от МФ на места чиновников, а частично на самих сахарных заводчиков, под их личную ответственность.³³ Если бы такая судьба постигла и питейный акциз, это был бы полный провал.

Напуганный архисложностью стоящей перед ним задачи Княжевич даже попытался в последний момент отказаться от введения акцизной системы.³⁴ Но Государственный совет поддержал преобразование, а высокопоставленные чиновники МФ своими умелыми действиями обеспечили его успех. Огромную, неоценимую роль в решении кадровой проблемы акцизной реформы сыграл К.К. Грот, с 1861 г. возглавивший Департамент разных податей и сборов. Только благодаря его целеустремленности и безукоризненной честности акцизное управление оказалось успешным.

Результатом подготовки реформы стали законы 26 октября 1860 г. и 4 июля 1861 г., по которым было учреждено губернское

акцизное управление из управляющего, его помощников, ревизоров и канцелярии, а в уездах — подчиненные ему окружные акцизные управления (объединяющие несколько уездов), состоявшие из надзирателя, его помощников и письмоводителя-бухгалтера. Окружному надзирателю подчинялись надзиратели участковые. При акцизном управлении состояли надсмотрщики, осуществлявшие непосредственный надзор на заводах. Одновременно с введением акцизных учреждений упразднялись питейные отделения казенных палат.

Губернское акцизное управление было непосредственно подчинено МФ. Губернатор имел только общие полномочия без права вмешательства в хозяйственные распоряжения управления. Таким образом, заведовавшие акцизными сборами учреждения «становятся в положение самостоятельное, непосредственно зависимое от центральной финансовой администрации».³⁵

Новая административная система отличалась строгой централизацией, что соответственно вело к максимальной ответственности управляющих акцизными сборами, которые назначали и увольняли всех должностных лиц, кроме помощника управляющего и ревизоров. В течение 60-х гг. управляющим акцизными сборами передавались все новые полномочия, которые ранее принадлежали центральному управлению.³⁶

Точное число акцизных управлений и их штаты должны были быть определены министром в дальнейшем. Акцизные управления вводились не везде. В губерниях, где число заведений по производству и продаже питей было невелико, разрешалось возложить обязанности управляющих акцизными сборами на председателей казенных палат и губернских (а кое-где и окружных) акцизных управлений не создавать. Разрешалось создавать акцизные управления, объединяющие две губернии.

К февралю 1862 г. штаты акцизных управлений в основном были составлены. Всего учреждалось 4526 должностных лиц, в т. ч. 3015 должностей надсмотрщиков.³⁷ Акцизная реформа привела к усилению Департамента разных податей и сборов. В 1861 г. было повышено добавочное жалование его руководству и увеличено число канцелярских чиновников.³⁸

Реформу 1861 г. можно признать удачной, установленный в результате ее проведения акцизный надзор превратился в «весьма прочную и сильную организацию»³⁹. Уже в 1863 г. казна получила от питейного дохода 138 млн. руб. вместо 126 млн.⁴⁰

Акцизная реформа станет настолько важным событием в истории русских финансов и русской финансовой администрации, что в ведомственных изданиях МФ будет названа одной из Великих реформ. Она, безусловно, привела к усилению авторитета МФ, его возможностей в управлении финансами Российской империи и стала одним из важнейших преобразований в МФ при Княжевиче. Вторым стало преобразование устаревшей кредитной системы.

Слабое развитие коммерческого кредита в дореформенный период привело к наплыву вкладов в государственные банки (150 млн. руб. к 1857 г.), выплата процентов по которым в условиях денежного кризиса становилась все более тягостным делом. Неумелые действия П.Ф. Брока привели к ухудшению ситуации. Не желая платить проценты, он снизил процентную ставку на вклады с 4 до 3%, хотя его предупреждали о губительности подобной меры.⁴¹ В результате произошел столь массовый отток капиталов, что к 1859 г. в банках осталось 20 млн. руб., и возникла проблема возвращения средств клиентам.

Кризис был тем серьезнее, что сам государственный кредит был устроен не лучшим образом. Управление им было рассредоточено по разным ведомствам: Коммерческий и Земельный банки находились в ведении МФ, Сохраненные казны при Опекунских советах были подведомственны IV Отделению Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, Приказы общественного призрения, проводившие кредитные операции в губернских городах, были подчинены Министерству внутренних дел.

Деятельность Коммерческого банка явно не удовлетворяла нуждам новой торгово-промышленной политики правительства, он «не смог охватить своими операциями сколько-нибудь значительную часть российского предпринимательства» и стать «полноценным распределителем громадных денежных ресурсов населения, хранившихся в его кассе».⁴²

Развитие кредита сдерживалось существованием института придворных банкиров и, прежде всего, деятельностью последнего придворного банкира А.Л. Штиглица, который установил на Петербургской бирже (где он в течение 13 лет был председателем биржевого комитета) фактическую монополию. Но после смены руководства МФ положение Штиглица пошатнулось. Осенью 1858 г. директором Кредитной канцелярии стал активный сторонник реформирования всей кредитной системы России и форсированного развития промышленности и торговли Ю.А. Гагемейстер, который предложил

объединить все существующие кредитные учреждения в ведении МФ.⁴³

По инициативе Гагемейстера весной 1859 г. была создана специальная комиссия для обсуждения мер по усовершенствованию банковской и денежной системы в России, в работе которой участвовали будущие министры М.Х. Рейтерн и Н.Х. Бунге. Большую роль играл в готовившемся преобразовании Е.И. Ламанский, который впоследствии так охарактеризовал главные причины преобразования кредитных учреждений: 1) упорядочение денежного хозяйства; 2) облегчение заключения государственных займов; 3) сокращение бывших долгов казначейства кредитным учреждениям; 4) облегчение совершения выкупной операции; 5) усиление связи местных казначейств с Главным через филиалы банка.⁴⁴ Ламанский разработал проект создания акционерно-государственного банка, наделенного эмиссионными правами, взяв за основу Банк Франции, с деятельностью которого он ознакомился лично в 1857-1858 гг. Его предложения вошли в записку «Соображения к лучшему устройству банковской и денежной системы» (июль 1859 г.), ставшую результатом деятельности комиссии. Предполагалось привлечь частную компанию к составлению основного капитала и к управлению делами банка. Но при рассмотрении проекта в Комитете финансов было признано неудобным придавать новому учреждению акционерный характер. Слишком это было радикально для чиновников-государственников николаевской закалки, заседавших в Комитете.

31 мая 1860 г. последовало учреждение Государственного банка, которому были переданы дела Коммерческого банка. Новый банк должен был осуществлять как коммерческие операции, так и операции, возложенные на него Министерством финансов («за счет Государственного казначейства»). Ему была придана важная в новых условиях функция — способствование развитию кредита торгово-промышленных предприятий, но эмиссионных прав банк не получил.

Объемы и виды коммерческих операций, по сравнению с Коммерческим банком, были значительно расширены. Государственный банк учитывал векселя и срочные обязательства, выдавал ссуды и открывал кредиты, покупал и продавал ценные бумаги, драгоценные металлы и иностранную валюту, переводил суммы, принимал вклады и открывал текущие счета.

К числу операций, возложенных на банк Министерством финансов, относились размещение государственных ценных бумаг, обслуживание государственного долга, выдача по распоряже-

нию министра финансов неуставных ссуд стратегически важным отраслям промышленности, снабжение денежными средствами ссудных касс, обслуживание выкупных платежей и прием казенных сборов, ликвидация упраздненных казенных банков.

Банк находился в ведении министра финансов и под наблюдением Совета по государственным кредитным установлениям. Правление банка состояло из управляющего, его товарищей, 6 директоров и 3 депутатов от Совета.⁴⁵ При управляющем учреждался Учетный и ссудный комитет из представителей купеческого сословия, который рассматривал и оценивал предъявляемые к учету векселя. К банку была присоединена Экспедиция государственных кредитных билетов. Государственный банк заменил старые кредитные учреждения — Коммерческий и Заемный банки, Приказы общественного призрения. Сохраненные казны с 1861 г. тоже были подчинены МФ, причем на Санкт-Петербургскую была возложена задача ликвидации дел Заемного банка. В 1860 г. в ведение МФ вошли и ссудные кассы. Впоследствии, некоторые экономисты осуждали ликвидацию старых кредитных учреждений, считая, что был нанесен непоправимый ущерб ипотечному кредиту.⁴⁶

Государственный банк наследовал многие черты старых кредитных установлений: использование значительных средств на нужды государства, неуставные ссуды, фаворитизм. Его казенное устройство вызывало возражения у либеральных экономистов. Практически сразу после создания банка Ламанский выдвинул проект об изъятии банка из ведения МФ и превращении его в акционерный, по образцу подобных кредитных учреждений на Западе.⁴⁷ Эту меру Ламанский считал необходимой для нормализации денежного обращения в стране, так как, пока Государственный банк находится в полном распоряжении государства, нет гарантий, что правительство для своих нужд не продолжит выпуск ничем не обеспеченных кредитных билетов. Акционерное же управление не давало правительству такой возможности. Эти предложения показались радикальными даже для его товарища по кружку либералов-экономистов М.Х. Рейтерна. Многие используя из проекта Ламанского после прихода к власти, Рейтерн не только не ослабил контроль МФ над банком, но еще более усилил его. Многие экономисты видели в казенном характере банка даже преимущество России перед другими странами, так как он стал мощным инструментом в руках министра финансов, и целью финансового руководства во

второй половине XIX в. стало сохранение этого инструмента в своем распоряжении. Значение банка еще более возросло, после того как в его ведение вошли сберегательные кассы по уставу 1862 г.,⁴⁸ который, «укрепив за сберегательными кассами свойственную им роль хранилищ мелких капиталов..., связал деятельность последних в финансовом отношении с государственным кредитом».⁴⁹

Учреждение Государственного банка стало важным шагом к усилению влияния МФ на финансовую и экономическую ситуацию в стране. Хотя и частично, но это было заслугой министра. Поддержке со стороны Княжевича в осуществлении банковской реформы сам Е.И. Ламанский отводил большую роль.⁵⁰

Многие преобразования, разработанные молодыми реформаторами в министерство Княжевича, были проведены или закончены при его преемнике, но акцизная и банковская реформы дали результаты еще в начале 60-х гг. XIX в.

При проведении акцизной реформы нерешительность Княжевича едва не привела к провалу, но именно при нем в финансовом ведомстве началась подлинная модернизация управления и повеяло духом перемен. Он не только принял и сам привел в министерство многих талантливых экономистов-реформаторов, но и сделал все для сохранения за МФ как узкофинансовых, так и экономических функций. Сразу по назначении, Княжевичу пришлось даже вступить в спор с великим князем Константином Николаевичем, предлагавшим отделить от МФ коммерческую и горную части.⁵¹ Либеральному чиновнику удалось отстоять интересы своего ведомства перед князем-либералом, хотя это вызвало конфликт, пагубно сказавшийся на карьере министра.

С целью уменьшения бюджетного дефицита Княжевичем были повышены подушная подать и гербовые пошлины, проведены исследования баланса международных расчетов России. В декабре 1861 г., на 5% подняты пошлины на иностранные товары

Княжевич и его ведомство сыграли второстепенную роль в финансовой реформе 1862 г., в основном подготовленной статс-секретарем В.А. Татариновым. Но заслугой Княжевича была поддержка, которую он оказал этой реформе, способствуя установлению гласности в области российских финансов и разработке «Правил о составлении, утверждении и исполнении государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений», принятых 22 мая 1862 г., уже после его отставки. Именно Княжевич в феврале 1861 г. сделал представление Ко-

митету Финансов о гласности государственного бюджета для успокоения иностранных банкиров.

При А.М. Княжевике было обращено внимание и на нужды развития тяжелой промышленности — предоставлены льготы на поставки сырья и оборудования. Княжевич поставил вопрос о пересмотре фабричного и ремесленного уставов, чтобы снять анахроничные цеховые ограничения. Большие усилия были приложены к развитию технических знаний в России: учреждено Рижское Политехническое училище, преобразован Петербургский Технологический институт, оказывалось содействие образованию технических школ при фабриках и заводах на средства предпринимателей.

Заслуги Княжевика были высоко оценены. В день празднования его 50-летнего юбилея службы 19 января 1861 года министр получил орден Св. Владимира 1-й степени и императорскую грамоту, в которой признавались его достижения ведомства в столь сложный для русских финансов период.⁵²

Это не позволяет согласиться с оценкой Княжевика, как одного из самых безличных министров финансов, данной И. Ф. Гиндиным.⁵³

Но со многими гигантскими задачами, стоявшими перед МФ, Княжевич, для которого были характерны «полумеры, действия оцупью, нерешительные и робкие»,⁵⁴ справиться был не в состоянии. Министерству Княжевика так и не удалось совладать с растущим государственным дефицитом. Характерен в этом отношении бюджет 1859 г. — предполагался профицит в 20,5 млн. руб., а получился дефицит в 15 млн.⁵⁵ Министр финансов оставался бессильным противостоять непомерным аппетитам своих коллег, его роль в правительстве оставалась в глазах самодержавия второстепенной. Недаром Д.А. Милютин зачислял Княжевика в число министров, которые имели «такой слабый голос в общих вопросах государственных, что трудно было бы определить, к которому из политических направлений каждый из них принадлежит».⁵⁶ Неудачей так же закончились попытки пополнить казну за счет очередных внешних и внутренних заимствований: провалились в 1859 г. и подписка на 4% непрерывно-доходные билеты и заключение внешнего 3% займа.

Становилось все более очевидным, что «деятельность Министерства финансов отставала от требований времени, а возможности Княжевика казались ниже возможностей руководимого им ведомства».⁵⁷ Министерство нуждалось в руководителе. Свою неспособность понимал и сам Княжевич. В январе 1862 г. он уступил свое

место М.Х. Рейтерну. В результате, в тени нового министерства скрылись заслуги министерства А.М. Княжевика — переходного, и потому столь важного в истории российских финансов.

Примечание

- ¹ Погребинский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX-XX вв.). М., 1954. С. 17.
- ² Министерство внутренних дел. 1802 — 1902. Исторический очерк. СПб., 1901. С. 60.
- ³ Из воспоминаний Евгения Ивановича Ламанского (1840-1890 гг.) // Русская старина. Т. 161. № 1. С. 85.
- ⁴ Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. 10. (Старая записная книжка. 1852-1878). СПб., 1886. С. 48.
- ⁵ Из воспоминаний Е.И. Ламанского... Т. 161. № 1. С. 86.
- ⁶ Погребинский А.П. Указ. соч. С. 28.
- ⁷ Преобразование государственной отчетности. Ч. III. Всеподданнейшие доклады. СПб., 1861. С. 42, 47.
- ⁸ Министерство финансов. 1802-1902. Ч. I. СПб., 1902. С. 596.
- ⁹ Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. История-Статистика. Т. 1. СПб., 1882. С. 242.
- ¹⁰ Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890. С. 469.
- ¹¹ Полное собрание законов Российской империи. II-е собрание. (ПСЗ. II). Т. XXVII. №№ 25981; 25984; 25987; 26000; 26027. Т. XXVII. № 25994; Т. XXVIII. № 27636; Т. XXIX. № 26101.
- ¹² Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 560. Оп. 8. Д. 932. Л. 16.
- ¹³ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 52-53; РГИА. Ф. 560. Оп. 14. Д. 292.
- ¹⁴ Государственные финансы России накануне реформы 1861 года // Исторический архив. 1956. № 2. С. 104.
- ¹⁵ М.Х. Рейтерн о преобразовании русской финансовой системы (Записка 1857 г.) // Нестор. 2000. № 2. С. 11.
- ¹⁶ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. — Памфлеты эмигранта. М., 1992. С. 358.
- ¹⁷ Юбилей пятидесятилетней службы господина министра финансов действительного тайного советника Александра Максимовича Княжевика. СПб., 1861. С. 16.
- ¹⁸ Долгоруков П.В. Указ. соч. С. 358.
- ¹⁹ Судейкин В.Т. Александр Максимович Княжевич // Русская старина. Т. 76. 1892. № 11. С. 409, 416.
- ²⁰ РГИА. Ф. 563. Оп. 1. Д. 9. Л. 21-21об.
- ²¹ Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб., 1999. С. 70-77.
- ²² РГИА. Ф. 560. Оп. 8. Д. 932.
- ²³ Высчитано мною по: РГИА. Ф. 560. Оп. 8. Д. 932. Лл. 31-161 об.
- ²⁴ РГИА. Ф. 1152. Оп. 5. Д. 175.
- ²⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 21. Д. 1. О преобразовании учреждений МФ. 1860 — 1862 гг.
- ²⁶ Государственная служба (комплексный подход): Учебное пособие. М., 1999. С. 82.
- ²⁷ ОК — Общая канцелярия, КК — Кредитная канцелярия,

- ДРПС- Департамент разных податей и сборов, ДГСД — Департамент горных и соляных дел, ДВТ — Департамент внешней торговли, ДМВТ — Департамент мануфактур и внутренней торговли, ДГК — Департамент государственного казначейства.
- ²⁸ Блюх И. С. Указ. соч. Т. II. С. 61.
- ²⁹ Там же. Для сравнения расход на сбор промыслового налога в этот период составлял 3% от дохода (Вестник финансов. 1898. №23. С.633).
- ³⁰ ПСЗ. II. Т. XXXIV. № 35253.
- ³¹ Министерство финансов. С. 422.
- ³² Терский Н.С. Питейные сборы и акцизная система в России. (Исторический очерк и настоящее положение. Опыт сравнительного исследования главнейших результатов акцизной системы и ее значение для государства, казны и населения). СПб., 1890. С. 76.
- ³³ Министерство финансов. С. 318.
- ³⁴ Некоторые видели в действиях Княжевича злой умысел — сам министр был тесно связан с откупам.
- ³⁵ Министерство финансов. С. 417.
- ³⁶ Например, в 1865 г. им было предоставлено право решать учреждение табачных фабрик (Указатель правительственных распоряжений по Министерству Финансов за 1865 г. № 13. С. 183).
- ³⁷ Биржевые ведомости. 1862. №42. 25 февраля.
- ³⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 21. Д. 1. Лл. 57-92.
- ³⁹ Терский Н.С. Указ. соч. С. 87.
- ⁴⁰ Погребинский А.П. Указ. соч. С. 64.
- ⁴¹ Погребинский А.П. Указ. соч. С. 43.
- ⁴² Морозан В. В. Государственный коммерческий кредит в дореформенной России (конец XVIII в. — 50-е гг. XIX в.) // Нестор. 2000. №2. С. 139.
- ⁴³ Государственные финансы России накануне реформы 1861 года. С. 121.
- ⁴⁴ Из воспоминаний Е.И. Ламанского // Русская старина. Т. 164. № 12. С. 406-410.
- ⁴⁵ ПСЗ. II. Т. XXXV. Отд. 1. № 35847. ст. 109, 126. Управляющий определялся верховной властью, его товарищ — высочайшим приказом по Министерству финансов, директора назначались министром финансов по представлению управляющего (Ст. 142, 156).
- ⁴⁶ Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769-1899). Опыт историко-критического обзора. Т. 1. Харьков, 1899. С. 229.
- ⁴⁷ Кауфман И. Обзор проектов, вышедших в 1861-1878 годах по вопросу о преобразовании кредитной денежной системы России. СПб., 1878. С. 6.
- ⁴⁸ ПСЗ. II. Т. XXXVII. Отд. 1. № 38798.
- ⁴⁹ Очерк развития и деятельности государственных сберегательных касс. СПб., 1912. С. 9.
- ⁵⁰ Из воспоминаний Е.И. Ламанского. Т. 162. №4. С. 68; Т. 164. № 12. С. 410.
- ⁵¹ Судейкин В.Т. Указ. соч. С. 422.
- ⁵² Юбилей пятидесятилетней службы... С. 6.
- ⁵³ Гиндин И.Ф. Государственный банк... С. 29.
- ⁵⁴ Долгоруков П.В. Указ. соч. С. 359.
- ⁵⁵ Министерство финансов. С. 593.
- ⁵⁶ Милютин Д.А. Воспоминания. 1860 — 1862. М., 1999. С. 46.
- ⁵⁷ Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 52.

Симонова Е.В.

кандидат исторических наук

УЕЗДНЫЙ ГОРОД В XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА (на примере Каширы Тульской губернии)

В связи с развитием современных городов возникают сложные проблемы социально-экономического, психологического и культурного характера. Приспособиться к рынку небольшому городу очень трудно. Да и взаимоотношения с центром (в широком смысле слова — будь то центр областной, или столичный) складываются непросто. Какие внутренние факторы (динамика движения населения, промышленно-торговый потенциал) влияют на развитие города? Какова степень зависимости маленького города от внешних факторов (экономической конъюнктуры, проведения железных дорог, политических и экономических реформ)? Как складывается, проявляется и влияет на общее состояние города его психофизическая атмосфера? — вот те вопросы, на которые мы попытаемся дать ответ в этой статье.

Кашира выбрана в качестве примера по следующим показателям: 1) город по основным показателям развития в XIX в. типичен для большинства не только тульских уездных городов, но и других городов Центральной России (Барбот де Марни, путешествуя по тульским городам в 50-х гг. написал про Каширу: «город этот не лучше и не хуже своих собратий, других небольших городов этого края»¹); 2) расположение города на границе между Московской и Тульской губерний обусловило включенность города в их экономическую жизнь; 3) «стартовые» возможности для экономического развития были более или менее благоприятные (река, близость торговых путей, наличие жизнеспособных в начале столетия промышленных предприятий).

Город Кашира располагается в 207 верстах от Москвы и в 104 верстах от Тулы. Город ведет свою историю с 1356 г.² По указу царя Михаила Федоровича Кашира, стоявшая ранее вдоль левого берега р. Оки, была перенесена на противоположную сторону и ограждена рядом укреплений от набегов татар: земляным валом, деревянным палисадом с башнями и бастлионом.³

В XVIII в. Кашира входила в состав Московской провинции. По данным на 1701

г. город был «деревянный с 4 проезжими башнями и 9 глухими; по мере около города и башен 450 сажень, да вал земляной, в нем 2 башни проезжие да 5 глухих, по мере около города и башен 318 сажень». В ходе петровских преобразований в городе стали действовать магистрат во главе с бургомистром и 2 ратмана, а также их канцелярии. В Каширском уезде упоминается железный завод господ Александра и Ивана Нарышкиных.⁴ В 1719 г. Кашира была приписана к Тульской провинции Московской губернии, а в 1777 г. реформой Екатерины II к Тульскому наместничеству, в 1802 г. — к Тульской губернии.⁵ Для уравнивания границы Тульской губернии императрица повелела земли Каширского уезда разделить: «лежащие по левую сторону Оки реки селения в 3000 душ оставить в Московской губернии, дабы помянутая река была границей между Московской и Тульской губернией».⁶

У с т а н о в л е н н о е административно-территориальное деление просуществовало до начала XX в. В 1778 г. Кашира получила свой герб: «Щит, разрезанный на двое горизонтальною чертою, в верхней части щита в лазоревом поле златой крест, а в нижней части в серебряном поле черный с червленными крыльями и увенчанный златым венцом, драгон, представляющий, герб Казанский, в намятование, что сей град при Великом князе Василии Ивановиче был дан в удел Абдыл Летифу, низверженному Царю Казанскому; а верхняя часть щита показывает, что он и тогда не выходил из под Российской державы».⁷

Современникам Кашира XIX в. представляла весьма живописным городом, хотя и неудобно расположенным. Город был перерезан «несколькими глубоким и рытвинами и оврагами».⁸ «Вид из - за Оки, омывающей подошву высокой горы, на которой между зеленью огородов и в тени плодовых садов своих разбросаны без всяких правил кроме прихотливой воли хозяев (так, по крайней мере, кажется

горожанами «образованность не развита», в городе не было ни одного уездного училища».¹⁸

издали), деревянные домики опрятные, навесами и балконами, на манер причудливых столичных дач — вид обворожительный», — писал И.В. Линк, составитель «Материалов для статистики...».¹ Приверженность каширцев к садоводству сохранилась до конца XIX в. В архивных документах отмечалось, что «жители города озабочены в хозяйственном отношении разведением плодовых деревьев при домах. Огородничество в городе при возвышенном расположении местности незначительно, часть городской земли находящейся внизу близ речки занимается огородом».²

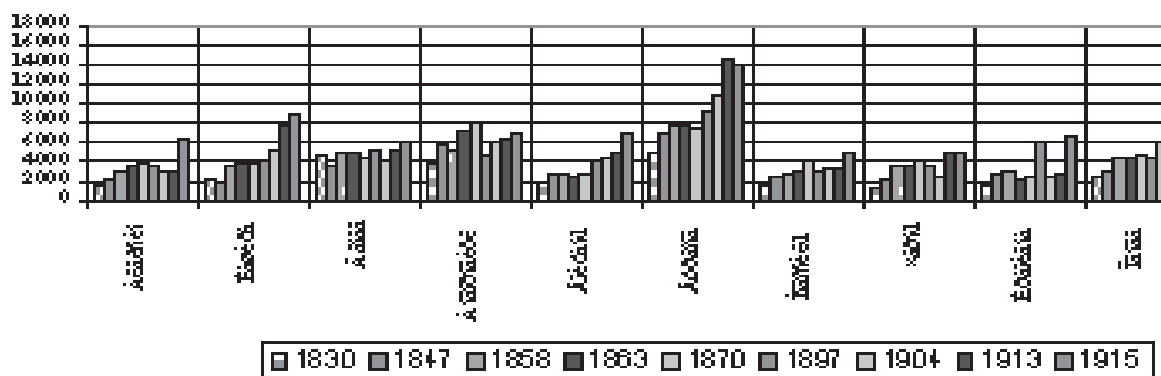
Однако в городах внутренне и внешне сохранялись сельские черты, которые «устойчивы и постоянно воспроизводятся»³ будучи обусловлены несколькими процессами. Сельские черты российской урбанизации выражаются не только в наличии «сельских городов» и «деревень в городах». Ими, по сути, пронизана вся урбанистическая структура. Приток огромных масс людей из сельской местности наполнил города, особенно большие. Оказавшиеся в городе вчерашние селяне не сразу приобщаются к новому образу жизни, усваивают городские ценности, что способствует появлению слоя людей — не совсем горожан и уже не селян. В начале XX в. немецкий географ А. Геттнер писал о том, что большинству городов России недостает настоящей городской жизни.⁴ Жители Каширы были лишены «развлеченья публичных гульбищ», но, по мысли современника этот недостаток компенсировался наличием садов и огородов, которые приносили доход.⁵ Жизнь в городе текла «в покое» и носила «уединенный» и «мирный» характер. Столичным жителям уездный город

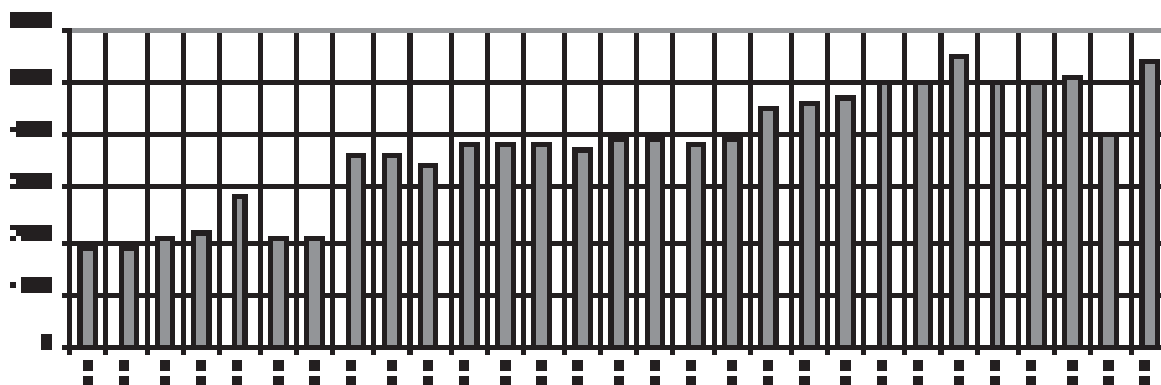
представлялся «гармоничным местом», которому можно позавидовать.⁶ Это происходило потому, что уездные города для жителей крупных городов, которые существовали за счет «промышленного удобства» представлялись местом тихим и уединенным, более близким к природе, к усадьбе.⁷

Образ жизни жителей Каширы был в основном «тихий» и «трудолюбивый», хотя некоторые «вели себя нетрезво», «впадали иногда в проступки, но в незначительном количестве». Современники отмечали набожность каширцев, которые по возможности уделяли внимание украшению церкви и занимались благотворительностью.⁸ Составители отчета для Тульского губернатора отмечали, что жители «будучи небогатого состояния ведут жизнь скромную, неприхотливую, довольствуясь выгодами от трудов и промыслов», так как торговля «процветать не может, как по недостаточности капиталов, так и по близости столицы».⁹ Между горожанами «образованность не развита», в городе не было ни одного уездного училища.¹⁰

Важным фактором развития городов является их «людность», то есть количество проживающего населения, занимающегося городскими занятиями и приносящими городу доходы. В период с 1830 г. по 1904 г. численность населения губернского города росла значительно быстрее, чем в уездных городах, поэтому Тулу и Каширу мы сравнивать не будем. Анализ статистических данных показывает, что механическое приращение населения в уездных городах было примерно одинаково медленным на протяжении всего XIX в.

Средняя численность населения уездных городов в России
в 1830 и 1904 гг.

Данные, представленные в диаграммах, свидетельствуют о том, что Кашира не была крупным городом Тульской губернии. Количественное приращение городского населения в течение столетия шло, но очень медленными темпами.

По стандартам середины XIX в. города с населением свыше 25 тыс. человек относились к большим городам, от 5 до 25 тыс. — к средним, менее 5 тыс. — к малым. В конце XIX в. В.П. Семенов-Тянь-Шанский предложил шкалу классификации городских поселений по группам людности (в тыс. чел.): 1) свыше 1000 — столичные города; 2) 100-1000 — крупные, 3) 40-100 — большие; 4) 10-40 — средние; 5) 5-10 — мелкие и 6) 1-5 — городки. Кашира в середине XIX в. была малым городом, а к концу столетия находилась на пограничном рубеже между мелким городом и «городком». В начале XX в. Кашира еле-еле дотянула до рубежа, отделяющего ее от положения «города-села» и включающего в состояние «города».¹

О сельском характере урбанизации свидетельствует и тот факт, что многие жители городов занимались трудом, связанным с сельским хозяйством: по данным переписи 1897 г. от земледелия получали основной источник существования 15,6% мужчин и 7% женщин, а от торговли и торговых операций 6,2% жителей Каширы.²

На протяжении всего XIX в. уездные города Тульской губернии, в том числе и Кашира, имели сельский облик. Первые каменные здания появляются в городах в конце XVIII в. В 1825 г. соотношение каменных и деревянных домов в городе Кашире составляло 1:79³, 1826 г. — 1:157,⁴ в 1827 г. — 1:81,⁵ в 1833 г. — 1:81.⁶ По данным 1857 г. Кашира (1:23,3) занимала предпоследнее место среди городов Тульской губернии, перед ней шел Алексин (1:17,3) после нее — Чернь (1:44,6). Средний показатель по губернии в то время составлял 1:12.⁷

К лучшим зданиям Каширы современники относили каменную двухэтажную богадельню купца Казакова (перешедшую на содержание

Тульского приказа Общественного Призрения) и «особенно» трехэтажный корпус суконной фабрики почетного гражданина Ф.И. Попова.⁸ В Кашире медленные темпы каменного строительства были связаны, прежде всего, с дешевизной леса, сплавляемого по реке. Однако современники отмечали, что Кашира 40-х гг. XIX в. много выиграла по сравнению с 20-ми гг. «в правильности и благовидности». Во второй половине XIX в. темпы каменного строительства были медленными. В губернаторском отчете за 1870 г. отмечалось: «Число зданий в городах Тульской губернии и особенно каменных зданий возрастает медленно. ...Соотношение каменных зданий к деревянным остается неизменным 1:10».⁹ Однако в Кашире ситуация была значительно лучше: в 1870 г. это соотношение составляло 1:5,1,¹⁰ в 1880 г. — 1:4,7.¹¹

Важным показателем развития городов являлось наличие мощеных улиц. В начале столетия динамика в этом процессе носила положительный характер, но во второй половине века уже отрицательный. Так, например, в 1826 г. по данным каширского городничего в городе не было мощеных улиц, в 1827 г. была замощена 1 улица из 5-ти, к 1837 г. в Кашире все 5 улиц были вымощены камнем,¹² в 1857 г. — количество улиц увеличилось, а мощение новых не производилось (из 20 улиц мощеными были 5).

На экономическую жизнь города оказывала влияние река Ока. В начале века пристань не играла значительной роли. Местные плоты и суда, груженные хлебом и дровами, проходили транзитом мимо Каширы в Коломну и Москву и останавливались в городе редко по разным причинам — запастись продовольствием или починить судно. Доход от пристани ограничивался 900 руб. с местных предпринимателей, взявших откуп за перевозки и 7000 руб. (сборы с плавучего моста, с проходящих мимо судов, прогон скота и проезд экипажей). Только в конце XIX в. при-

стань в городе заработала в полную силу, на нее прибывало до 140 судов с товарами примерно на 110 тыс. руб. в год.¹³

Горожане пытались прокормить себя различными занятиями. Несмотря на то, что Кашира находилась в стороне от основных дорог, через город проходили транспорты с хлебом в Москву. Поток проезжающих был настолько значителен, что хозяева близ лежащих трактиров, харчевен и постоялых дворов получали «хорошие барыши». Местное купечество занималось перекупкой рогатого скота в южных губерниях, в Калужской и Смоленской губерниях — строевого леса, а затем перепродавали в Московскую губернию.

Проблематично развивалась промышленность Каширы в течение XIX в. В 1815 г. в городе была выстроена миткальная фабрика московским 3 гильдии купцом А.Т. Бобровым, которая продолжала действовать в 20-х гг. На фабрике работало от 20 до 30 чел. В 20-х гг. также работала суконная фабрика каширской купеческой жены вдовы Д. П. Поповой с детьми Семеном, Федором и Петром, на которой были заняты от 20 до 50 человек. Кожевенный завод каширского купца И.Ф. Воронина с братьями начал действовать в 1818 г. На нем работало 8 рабочих. Также в городе действовал маленький сальный и свечной завод каширского купца М.Г. Челюскина с 3 рабочими.¹⁴ В 1825 г. в городе работало только 3 предприятия¹⁵, а к 1827 г. в действии находились только суконная и миткальная фабрики.

В документах показано, что в 1833 г. в Кашире работало 6 предприятий.¹⁶ Крупнейшим промышленным заведением не только для уездного города, но и для всей губернии в эти годы стала миткальная фабрика купца 1 гильдии Ф.И. Попова. Предприятие по тем временам было мощным: располагалось в 8 каменных и 7 деревянных строениях, на нем действовали прессы, 42 различные машины, водяные механизмы. Ежегодно 200 рабочих выпускали сукно на 225-250 тыс. руб. В других уездных городах в среднем на промышленных заведениях работало максимум несколько десятков человек. Сырье для фабрики закупалось в южных губерниях (Харьковской, Полтавской, Черниговской, Киевской) и в Москве, продавалась продукция в близлежащих губернских городах (Туле, Калуге) и столицах (Москве и Петербурге).

Активная сильная личность купца Ф.И. Попова по сути сыграла важную роль в поддержании экономической жизни города. Вот как о нем писали современники: «Думая только об усовершенствовании изделий своих (хоть они несколько раз уже удостаивались на столичных

выставках почетных наград), Ф.И. Попов не щадит ни времени, ни трудов, ни издержек; с помощью сыновей, сам руководит всем, поспевает повсюду, блюдет везде; делает и переделывает, пробует и оставляет; сперва хочет улучшить, потом уже распространить способам и приемам, но не стоит за старое, когда польза нововведений очевидна; больше живет собственным опытом и умом, а между тем всегда готов перенять, поучиться у иностранцев, хорошо знающих свое дело».¹⁷

Вторая по масштабу миткальная фабрика принадлежала купцу 2 гильдии почетному гражданину Н.И. Попову. На ней работало 23 рабочих и производилось товара на 30 тыс. руб., который продавался также в Москве. В городе также действовали 2 пивоварни (принадлежащие купчихе Л. Бокаровой и ее дочери А. Кузнецовой), на которых работало 16 человек, 2 кирпичных завода с 24 рабочими (принадлежащие купцу А. Рудневу и мещанам П. Никольскому и Куникову) и 12 кузниц.¹⁸

Наследники Ф.И. Попова не сумели сохранить предприятие. По данным 1867 г. В Кашире «все существующие в городе заводы весьма незначительны», а существующая прежде суконная фабрика почетной гражданки Поповой с 1855 г. «находится в бездействии».¹⁹ В начале XX в. составители географического описания Российской империи отмечали, что с закрытием суконной фабрики Попова фабричная деятельность города упала.²⁰ По сути, фабрика Поповых сыграла градообразующую роль в первой половине XIX века.

Основная масса горожан (мещане) занимались помимо мелочного торгова и ремесел ловлей рыбы, работами на фабриках и заводах, содержанием трактиров и постоялых дворов, садоводством и огородничеством и продажей овощей и фруктов иногда даже на московских базарах. Бедняки работали по найму зимой в городе, летом — уходили на отхожие промыслы.²¹ Такая ситуация наблюдалась на протяжении всего столетия. Москва становилась центром притяжения как беднейших горожан, уходивших на заработки, так и зажиточных, которые вели торговые дела в столице.

К середине века в Кашире действовало 5 предприятий: набивная ситцевая фабрика, кожевенный завод, 2 кирпичных завода и 1 пивоваренный. Продукция сбывалась в Кашире и других уездных городах.²² В 60-х гг. в Кашире уже действовало 7 предприятий: 1 кожевенный завод, 1 пивоваренный и 5 кирпичных.²³ В 1868 г. в Кашире работало 6 предприятий: 1 пивоваренный завод купчихи Комаровой, на котором работало 4 рабочих и вырабатывалось товара на 5670 руб. в год, уксусный завод Лепского (3

рабочих и товара на 2500 руб.), 5 кожевенных - купцов Н. Аралова (4 рабочих и товара на 3000 руб.), Савватеева (8 рабочих и товара на 1200 руб.), Руднева (3 рабочих и товара на 840 руб.), Денисова (8 рабочих и товара на 1800 руб.), Чукаева (6 рабочих и товара на 1080 руб.). Помимо заводов в городе существовали «промышленные заведения»: слесарное купца Никольского (с 3 рабочими и производилось товара на 1000 руб. в год), воскобойное купчихи Митрофановой (рабочих и товара на 500 руб.), салотопни и скотобойни купца Андрея Быкова (3 рабочих и товара на 2400 р.), купца Якова Козлова (2 рабочих и товара на 720 руб.), купца Николая Козлова (3 рабочих и товара на 2400 руб.), купца Ивана Козлова (2 рабочих и товара на 720 руб.), купца Василия Попова (3 рабочих и товара на 2400 руб.), салодовня купца Руднева (2 рабочих и товара на 1000 руб.), крупорушевные мещанки Житковой (1 рабочий и товара на 250 руб.), ме-

щанки Кразловой (?) с 1 рабочим и товаром на 250 руб.²⁴

В 70-х гг. в Кашире действовало 7 заводов, на которых работало 48 человек. В 1872 г. в городе также работало 7 заводов: пивоваренный, арендуемый дворянином Н.А. Ворониным у наследников мещанина А.П. Комарова, кожевенный мещанина И.Н. Аралова, 5 кирпичных - купца 2 гильдии Г.С. Савватеева, купца 2 гильдии И.С. Козлова, наследников мещанина А.Е. Руднева, 2 завода принадлежало наследникам купца 2 гильдии М.А. Денисова.²⁵ В 1880 г. в городе - 5 промышленных предприятий (1 кожевенный и 4 кирпичных завода) с общим количеством рабочих - 40 чел.²⁶ Таким образом, во второй половине XIX в. количество занятых в промышленности горожан снизилось по сравнению с первой половиной столетия. (См. таблицу).

Таблица 1. Промышленность Каширы в XIX в.

Год	1872	1880	1890	1900	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990
Число предприятий	7	7	5	5	5	7	7	7	7	7	7	7	7
Число рабочих	48	48	40	40	40	40	40	40	40	40	40	40	40
Объем продукции (руб.)	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000

Таким образом, промышленная специализация города Каширы поменялась в течение XIX в. Если в первой половине интенсивно развивались суконные и миткальные фабрики, то во второй половине — стабильно действуют кирпичные заводы. Количество предприятий и число занятых рабочих к концу столетия сократилось. Общеэкономическая ситуация в стране оказывала влияние на городскую промышленность — то сокращая ее, то несколько увеличивая.

В уездных городах XIX в. в более благоприятных условиях находилась торговля, которая осуществлялась на ярмарках и торгах. В 20-х гг. в Кашире действовало 2 ярмарки («в день Вознесения Господня и 15 сентября»), на которых торговали мелочным товаром, рогатым скотом и лошадьми. Также в городе два раза в неделю организовывались еженедельные торги. Сверх этого устраивался торг лесными материалами.¹

В 30-40-х гг. уже на пяти Каширских ярмарках (Георгиевская с 23 апреля по 1 мая, Вознесенская (на 6 неделе после Пасхи), Десятая (на десятой неделе Пасхи), Никитская 15 сентября, Покровская 1 октября) торговали красным товаром, овощами, посудой, кожаными и железными изделиями, хлебом. Но по сравнению с южными городами губернии — Ефремовым и Богородиц-

ком торговля хлебом была малозначительна, на торгах продавались сало, кожи, пенька, масло, деготь, деревянные изделия. По оборотам выделялись только Вознесенская и Никитская ярмарки, на которых привозится товаров на 100 тыс. руб., остальные ярмарки «ничтожны». Уже в 1841 г. отмечалось, что торговля «по близости столицы и губернского города не может быть обширна».² Например, в 1843 г. в Кашире было привезено на ярмарки товаров на 74000 р., а продано на 39400 (т.е. 53%),³ в середине столетия по данным 1859 г. на пять действующих ярмарок привезено товара на 8020 р., продано на 3275 р. (т.е. 40,8%).⁴ Во второй половине века торговые обороты стали медленно сокращаться, современники констатировали, что уровень торговли не достаточен для полновесного развития города. По данным 1867 г. в Кашире обороты ярмарок незначительны, привозимые товары были в основном крестьянские, иногородних купцов мало, а жители в основном вели мелочную торговлю. В 80-е гг. «торговля города пока еще не значительна».⁵

Современники (конец 60-х — начало 70-х гг.) так объясняли низкий уровень городской торговли: «Близкое расстояние Каширы от Москвы лишает торговцев возможности в покупке сырых

произведений ближайших уездов из первых рук и к учреждению складов для водяного сплава по реке Оке, поэтому город, несмотря на свое выгодное положение при этой реке, не может стать наряду с другими городами в отношении отпускной торговли существующей по окской системам и даже не имеет никакого значения не только в отпускной, но и в обыкновенной городской торговле, так что торговля по покупке продаж ограничивается лишь незначительной степенью потребления продуктов и товаров собственнo местным народонаселением, да и то не в полном количестве оно, ибо люди зажиточные сбывая произведения свои в Москве покупают там нужные для них товары и продукты».⁶

Условия развития существующих и нарождающихся городов радикально поменяло железнодорожное строительство, которое во второй половине XIX в. велось очень активно. Особенно в этом отношении выделялось последнее десятилетие века.

В результате произошло дальнейшее расслоение городов. Одни, оказавшись в стороне от железных дорог, сразу лишились перспективы, другие получили дополнительный стимул развития. Многие пристанционные поселки стали успешно конкурировать с городами как местные экономические центры. Происходила переориентация экономической направленности окрестностей городов. В 1868 г. на заседании губернской земской управы отмечалось, что в Кашире «торговая промышленность была незначительна при прежних благоприятных условиях — в настоящее время с проведением железных путей сообщения через соседние города Серпухов и Коломну, она если не совсем прекратилась, то еще более уменьшилась».⁷ В 80-х гг. XIX в. железные дороги на «экономическую жизнь и на торговлю жителей города влияния не имели».⁸ Надежды возлагались на открытие Павелецкой линии, которая прошла бы через город.

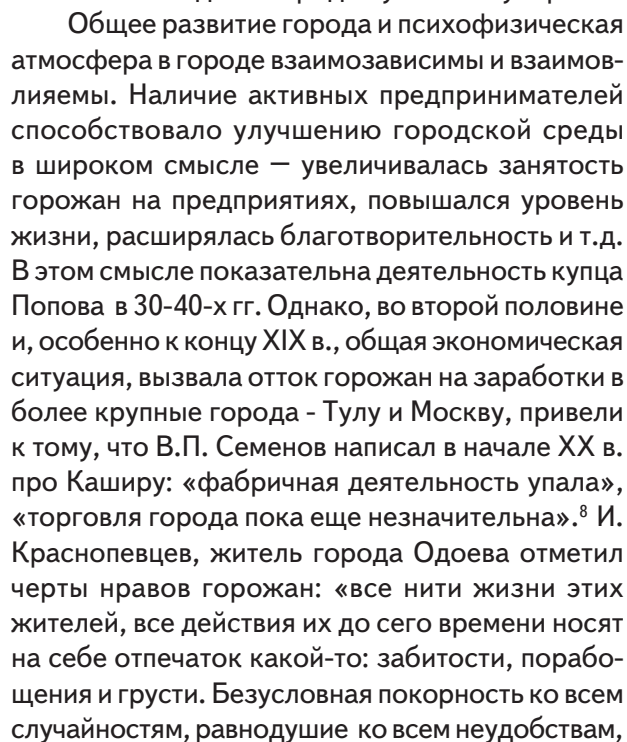
Экономическая жизнь города оказывала влияние на формирование бюджета города, его финансовое состояние. В начале XIX в. в бюджетах городских дум доходные статьи выглядели следующим образом: «средства, остаточные с предыдущего года», «от мостов и перевозов», «с питейной прибыли по 1 % со ста», «с откупов, предоставленных купцам», «мелочный торг», «от временных лавочек», «за общественные мелкие кустарники», «за луга, городу принадлежащие», «сбор с мещанства и купечества для губернского города», «розданных на основании Городового Положения (Ст. 153) по вексям купцам — из городских доходов».⁹ Во второй половине столетия, в связи с городской реформой, упорядочением дел городского само-

управления и развитием предпринимательства доходные статьи выглядели так: обыкновенные — «с городских недвижимых имуществ», «за проход, проезд и стоянку», «оценочный сбор», «с документов на право торговли», «с трактиров», «за извозный промысел», «клеяние мер и весов», «с привозимых в город товаров», «мелочные и случайные»; чрезвычайные — «из недоимок», «из городских капиталов», «из прибылей городских банков», «от казны», «из государственного земского сбора», «из местных земских сборов», «из других источников».¹⁰

Расходовались полученные средства в начале XIX в. на содержание полиции, пожарной команды, тюрьмы, общественного дома городского правления, Магистрата, думы, сиротского суда, Воспитательного дома, уездного училища (если было), госпиталя (если таковой имелся), мостов и дорог, а также на освещение города и жалование ночным сторожам, секретарю, писцам, сторожу при магистрате, разные мелкие расходы.¹¹ Во второй половине столетия основные статьи расходов практически не изменились. Средства шли на содержание управления, уплату по городским займам и обязательствам, содержание учебных и благотворительных заведений, а также медицинской службы и городского врача, организацию воинского постоя, содержание полиции и пожарной команды, благоустройство города (поддержание в рабочем состоянии мостовых и освещение).¹² Динамика бюджета города Каширы в течение в XIX — начале XX в. представлена в диаграмме.

Как видно из диаграммы доходная и расходная части были примерно равными. Как только доходная часть бюджета пополнялась, сразу же городские думы увеличивали расходы на содержание полиции и городских учреждений и наоборот. Увеличение количественного наполнения бюджета во многом было связано с инфляцией, которая развивалась в стране.

Особую роль в финансовом состоянии городов играли пожертвования и благотворительность. Отдельной статьей доходов в городских бюджетах были проценты с дарованного капитала. Например, капиталы Каширы 90-х гг. состояли: из пожертвований Почетного гражданина временного московского 1 гильдии купца С.Л. Лепешкина 40 тыс. руб. (получаемые с этой суммы проценты расходовались согласно воле завещателя на украшение соборной церкви города 100 руб., содержание сторожей 100 руб., четверем бедным девицам мещанского звания при выходе замуж 200 руб., на раздачу бедным к Пасхе 500 руб. и 700 руб. на содержание учи-

несчастиям и недостаткам жизни...».⁹ Эти слова можно отнести и к Кашире конца XIX столетия.

По мнению ряда ученых города Европейской России до реформ 1860-х гг. полторы сотни лет пребывали в застое; даже после их массивного декретирования, насаждения при Екатерине II, медленный прирост населения проигрывал сельскому. И та скромная доля горожан, что была достигнута к концу XIX в. (около 13%), оказалась не более чем повторным выходом на рубежи, впервые достигнутые в начале XVIII в.¹⁰

В истории городов и их сетей XIX в. ознаменовал смену главных факторов реального градообразования. Ими стали индустрия и железнодорожный транспорт, преобразовавшие градообразующую базу старых городов и создавшие зародыши многочисленных будущих. С этого времени рост и размеры городов стали определять, прежде всего, темпы и масштабы развития промышленности. Разная степень ее проникновения в ведущие губернские и областные — центры России явно разделила их на две группы: вставшие на путь промышленного развития и «беспромышленные». Подобная дифференциация наблюдается и среди городов Тульской губернии.

Наиболее ярко демонстрирует торгово-промышленный тип развития губернский центр — Тула, в которой было сосредоточено 1/3 всех металлообрабатывающих промышленных заведений. Многие же уездные города, в том числе и Кашира демонстрировали медленные темпы развития на протяжении всего XIX столетия, численность городского населения в которой колебалась в пределах 3,8–4 тыс. человек. Удвоение населения происходит в городе только к 1915 г.

Во многом это было связано с тем, что в городе слабо развивались промышленность и торговля. Найти работу было очень сложно, и многие горожане уходили на заработки в столицу. Тяготение Каширы к Москве наблюдается на протяжении века и отмечается современниками, выделяется ими как особенная характеристика экономического развития города среди других уездных городов Тульской губернии.

Кустарное производство преимущественно было направлено для удовлетворения местных нужд. Важным подспорьем в хозяйстве горожан были сады и огороды, а также разведение скота, количество которого во второй половине столетия увеличивается. Транспортные магистрали — река и железная дорога оказали малое влияние на развитие города в силу сложившихся обстоятельств. Несмотря на то, что Кашира стояла на реке Оке, пристань не сыграла важной роли в хозяйстве города. Железные дороги, строивши-

еся в 70-начале 80-х гг. XIX в. прошли стороной. Сложившаяся экономическая обстановка не способствовала увеличению городских бюджетов, а, следовательно и кардинальному изменению уровня городского хозяйства. Денег не хватало, на благоустройство городов средств расходовалось мало, по описаниям очевидцев города Тульской губернии во второй половине XIX в. походили на большие села, не была исключением и Кашира. Конечно, данное описание не подходит к губернскому центру, который к концу XIX в. входил в шестерку самых развитых городов Российской империи.

В.П. Семенов-Тянь-Шанский считал наиболее важными характеристиками городов людность, долю населения, не занятого в сельском хозяйстве, бойкость торгово-промышленного оборота, исчисленную на одного жителя. Минимально допустимой людностью городских поселений в Европейской России он считал 1000 человек. Города Тульской губернии превышали это рубеж, однако темпы увеличения городского населения на протяжении второй половины XIX в. были низкими.

Промежуточное положение Каширы между Москвой и Тулой создавало ситуацию оттока экономических ресурсов из города, лишало самостоятельности, не способствовало развитию. Население уездных городов, в основном, увеличивалось за счет притока в город крестьян. Если в 40-х гг. XIX в. в Кашире крестьянство составляло только 7,1%, то по переписи 1897 г. из 4038 городских жителей 2025 крестьяне, т.е. 50,1%.¹¹ Во второй половине XIX в. процентное соотношение крестьянского и традиционно городского населения (мещан и купцов) практически сравнивается.

Возникает вопрос — каковы причины волнообразного и медленного развития города Каширы на протяжении XIX столетия? Можно попытаться объяснить следующим образом. Как писали В.М. Долгий, Ю.А. Левада, А.Г. Левинсон, «в городе с его сложной, а потому объективно уязвимой для помех хозяйственной и обыденной жизнью для увеличения надежности социокультурной и экономической системы индивиды унифицируются по функциям. Благодаря такой унификации облегчается замена индивидов», но для того чтобы такая замена произошла быстро и безболезненно необходима их «избыточность». «Потребность в избыточности, неизбежно возникающая при усложнении систем деятельности, стимулирует рост крупных городов».¹² Что мы и наблюдаем с Москвой и Тулой на протяжении второй половины XIX и начале XX в. Увеличение

их численности с одной стороны приводит к унифицированности, что поддерживает созданную экономическую систему, с другой — стимулирует процесс развития разнообразия жизни в больших городах. Малые города в некотором смысле консервативны и с трудом эволюционируют. При не очень развитой системе дорог, отсутствии железных дорог, сложившаяся промышленная и торговая ситуация в городе, не позволили Кашире притянуть и удержать в себе новое население, что во многом объясняет динамику развития уездного города.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ГАТО. Ф. 73. Оп.1. Д.13. Л. 257-258.
- 2 Подсчитано по материалам ГАТО. Ф.90. Оп.1. Д.29. Л. 3-6; Д. 30. Лл. 2об-3, 11об — 12; Д.32. Лл. 3об-6. 7об-10, 11об-13; Д.33. Л.2-3, 6-8, 9об-11; Д.34. Л. 2об-4, 5-об-6, 7 об-8; Д.35. Лл.2об-5, 13-14, 27-29; Д.36. Лл.2-3, 4-5, 6об-7; Д.37. Лл.2об-5; Д.38. Лл.3об-4, 7-16; Д.39. Лл. 2об-9; Д.40. Лл.45об-56; Д.43. Лл. 2об-7.
- 3 Подсчитано по материалам Тульских губернских ведомостей, 1853, №35, ч. офиц. — С.610-613; №36, ч. офиц. — С.635-640; №37, ч. офиц. — С. 658-661; №38, ч. офиц. — С.679-681; № 39, ч. офиц. — С.699-702; №40, ч. офиц. — С.720-723; № 41, ч. офиц. — С. 742-745; №42, ч. офиц. — С.767-769; № 43, ч. офиц. — С. 791-794; №44, ч. офиц. — С.816-818; 1855 г., № 41, ч. офиц. — С.675-678; №42, ч.офиц. — С.695-698; №45, ч. офиц. — С.753-756; №45, ч. офиц., С. 714-717.
- 4 Подсчитано по материалам ГАТО. Ф. 73. Оп.1. Дд. 114, 853, 522, 1066.
- 5 ГАТО. Ф.90. Оп.1. Д. 35. Л.2-5. Д.38. Л.12-16. Д. 42. Л. 8-9. Д. 43. Л. 2-3.
- 6 Подсчитано по материалам Тульских губернских ведомостей, см. сноску 18.
- 7 Города России в 1904 году М., 1906. С. 170-171.
- 8 Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т.2. СПб., 1902. С. 394-395.
- 9 Краснопевцев И. Очерки города Одоева. Рукопись. 1895. С.151.
- 10 Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 36.
- 11 Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.6, СПб., 1852. С.135.; Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897, XLIV. Тульская губерния, СПб., 1904. Таблицы.
- 12 Долгий В.М., Левада Ю.А., Левинсон А.Г. Урбанизация как социокультурный процесс. // Вопросы географии. Сборник 96. 1974. С. 48-49.

ПЯТИЭТАЖКИ КАК ПАМЯТНИК СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Новое руководство страны, пришедшее в марте 1953 г., столкнулось с очень серьезными проблемами, накопившимися за годы режима личной власти. В беседе с Феликсом Чуевым В.М. Молотов признался, что до войны «никакого жилищного строительства не было, а строительство заводов колоссальное, создание новых частей армии, вооруженных танками, самолетами...».¹ То же самое говорил и Н.С. Хрущев: «Развивали в первую очередь то, что укрепляло мощь СССР, а бытовые потребности слабо учитывались, чем и создавались невероятно тяжелые жилищные условия даже в Москве, не говоря уже о других городах страны».²

Если в 30-е гг. создание собственной промышленности в окружении вражеских государств провозглашалось главной задачей, поддерживающей энтузиазм масс и мобилизующей все силы и средства, то в 50-е гг. такой задачей стало массовое жилищное строительство. Мирное сосуществование стран с различными системами предполагало перенесение соревнования в сферу «удовлетворения потребностей трудящихся», одной из которых являлась потребность в жилище. Необходимо было доказать, что этот «вопрос вопросов», по выражению Н.С. Хрущева, может быть решен только при социализме, в условиях государственного обеспечения жильем, а не в мире господства частной собственности.

Положение в Москве осложнялось тем, что население Москвы в послевоенный период продолжало быстро увеличиваться. Только за первое послевоенное пятилетие общий прирост населения города составил 572 тыс. человек. Уже к концу 1950 г. в Москве проживало 4473 тыс. человек, и совершенно естественно, что достигнутый объем жилищного строительства далеко не покрывал потребности населения в жилье.³

Надо сказать, что еще до лидерства Н.С. Хрущева этот вопрос стал обсуждаться в высших сферах власти. Первый секретарь МГК партии Г.М. Попов в письме Н.А. Вознесенскому в январе 1948 г. сообщает о том, что темпы промышленного строительства в Москве превышают темпы роста городского хозяйства и жилищного строительства, что ведет к серьезной диспропорции в развитии города.⁴

На XIX съезде КПСС речь пошла уже о «жилищном кризисе». Г.М. Маленков в своем докладе

отметил, что «не перевелись у нас еще такие хозяйственные и партийные руководители, которые заботу о нуждах трудящихся в жилье рассматривают как второстепенное дело и не принимают мер к выполнению планов строительства и ремонта жилья».⁵

По Генеральному плану реконструкции и развития Москвы на 1951-1960 гг., разработанному МГК партии и Моссоветом, намечалось повысить высотность строящихся зданий. X Московская городская партийная конференция (16-18 сентября 1952 г.) постановила считать осуществление плана реконструкции Москвы одной из важнейших задач Московской партийной организации.

Сразу же после смерти И.В. Сталина в марте 1953 г. состоялось собрание строителей и работников промышленности строительных материалов г. Москвы, на котором выступил председатель исполкома Моссовета М. Яснов: «... коренным образом меняется застройка города в связи с переходом строительных организаций на основные магистрали, набережные и въезды в город Москву, где, как правило, сооружаются многоэтажные дома, а опыт у строительных организаций в скоростном строительстве еще недостаточен».⁶ На этом же собрании 1-й секретарь горкома партии И.В. Капитонов заметил: «Повышается этажность, будет строиться много домов в 8-12-14 этажей».⁷ И далее он сетует, что «приступив к сооружению многоэтажных зданий на главных магистралях столицы, трест «Строитель» Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии оказался неподготовленным и не справился с возложенными на него обязанностями. На стройках треста не хватало башенных кранов, экскаваторов, бульдозеров и других машин и механизмов».⁸

Шел поиск выхода из жилищного кризиса. Жилищная политика после смерти И.В. Сталина стала полем борьбы за политическое лидерство. Г.М. Маленков в августе 1953 г. и А.И. Микоян в октябре 1953 г. в своих речах перед Верховным Советом СССР отмечали необходимость новой жилищной политики, более эффективной в преодолении жилищного кризиса. Глава Советского Правительства Г.М. Маленков на V сессии Верховного Совета СССР сказал, что нужно строить домов больше для лиц, которые живут в тяжелых условиях.⁹

1 июля 1953 г. секретарь Московского городского комитета КПСС Н.А. Михайлов пишет записку Председателю Совета Министров Союза ССР Маленкову Г.М.: «Как показывает опыт прошедших 1951-1952 гг., выполнение заданий 10-ти летнего плана жилищного и культурно-бытового строительства в г. Москве осуществляется Министерствами и ведомствами с большим напряжением из-за недостатка мощностей подведомственных им строительных организаций. В результате такого положения министерства и ведомства вынуждены прибегать в конце года к завозу в Москву рабочей силы с периферии, а это приводит к штурмовщине и авралам, к ухудшению качества и удорожанию строительства. Строительные организации прежде всего должны быть пополнены недостающим количеством рабочих, для чего требуется жилая площадь. МК партии просит министерства и ведомства построить и ввести в эксплуатацию в 1954-1955 гг. 5-7 этажные жилые дома типа общежитий для одиночек и квартирного или гостиничного типа для семейных рабочих-строителей».¹⁰ Тогда же был составлен план строительства Министерствами, ведомствами и Мосгорисполкомом 5-7 этажных домов для строительных рабочих (в 1954 г. - 137 домов; в 1955 г. — 146 домов.)¹¹ Вышедшее в июле 1953г. постановление Совета Министров СССР «О наращивании мощностей строительных организаций Мосгорисполкома» разрешило Мосгорисполкому построить в 1954-1955 гг. за счет общих капиталовложений на жилищное строительство 60 пяти-семиэтажных жилых домов квартирно-комнатной системы и гостиничного типа в г. Москве для рабочих, инженерно-технических рабочих и служащих строительных организаций Мосгорисполкома.¹²

Надо заметить, что вопрос об этажности в жилищном строительстве в 1953-1954 гг. становится едва ли не ключевым. 6 августа 1953 г. заместитель заведующего отделом строительства МГК КПСС Абызов направил 1-му секретарю МГК КПСС И.В. Капитонову докладную записку «О поточно-скоростном строительстве домов в Измайлове», где за 30 дней сдавались 2 дома.¹³ 10 августа 1953 г. И.В.Капитонов докладывает Н.С. Хрущеву о передовом начинании треста № 28 по поточно-скоростному строительству домов. Всех особенно радовало, что несмотря на то, что продолжительность строительства дома была установлена в 75 рабочих дней, трест через каждые 30 дней обязался сдавать два 5-этажных дома.¹⁴

И.В. Капитонов знал, к кому обращаться. Н.С. Хрущев не раз с высоких трибун поднимал

вопросы жилищного строительства. 7 марта 1950 г. на собрании избирателей Калининского избирательного округа он говорил: «Для того, чтобы успешно выполнить план реконструкции Москвы, необходимо коренным образом улучшить организацию строительства. Прежде всего, нужно взяться за улучшение проектирования жилых домов. Следует в ближайшее время разработать и утвердить стандарты на типовые секции жилых домов с набором типовых квартир. Это создает большие возможности для индустриализации строительства.»¹⁵ С этого собрания начинает развиваться индустриальное домостроение. Сергей Хрущев так вспоминал своего отца: «10 лет с конца 1940-х г. он искал технологию, которая позволила бы выйти из жилищного кризиса. Он говорил, что «мы живем в дерьме, а дома из кирпича строить долго, но надо из клоповников выбираться». Николай Козлов предложил делать дома из панелей. Хрущев еще через Сталина выбил разрешение на строительство двух экспериментальных заводов, и я вместе с отцом много раз наблюдал, как бетонные панели часами испытываются на различных режимах вибрации».¹⁶

В октябре 1953 г. на совещании в промышленно-транспортном отделе МГК КПСС обсуждался вопрос этажности домов. Начальник политотдела окружной железной дороги Волков просил: «Необходимо разрешение Моссовета на постройку 5-ти этажных стандартных общежитий, которые надо строить для строительных рабочих».¹⁷ Зам. директора завода «Серп и Молот» Иноземцев напоминал: «Мы несколько раз ставили перед Моссоветом вопрос относительно организации в Москве строительства не более 5-этажных зданий общежитий, но этот вопрос не решается...».¹⁸ По вопросу строительства пятиэтажных зданий-общежитий и упреков в адрес Моссовета на этом совещании выступил секретарь МГК партии Прохоров: «Я должен напомнить, что малоэтажное строительство, к которому относится и строительство пятиэтажных зданий, Постановлением Совета Министров СССР от 1951 г. запрещено. В Москве малоэтажных зданий построено в 3 раза больше, чем установлено решением Совета Министров СССР от 1951 г. Упрекать в этом Моссовет не следует, так как он не уполномочен решать этот вопрос. Моссовет вышел с ходатайством в Правительство о том, чтобы разрешить строительство 5-6-7 этажных зданий в Москве».¹⁹

Единого мнения в МГК КПСС по поводу строительства 5-этажных домов еще не было. 11 мая 1954 г. на совещании архитекторов г. Москвы выступил Абызов: «Мы вышли с пред-

ложением в Правительство о некоторых изменениях 10-летнего плана реконструкции. Вы знаете, что эти изменения касаются этажности строительства, удовлетворения остро нуждающихся очередников. Мы знаем, что эти предложения поддержаны ЦК партии, поддержаны т.Хрущевым». ²⁰ Судя по этому выступлению, прежде чем обращаться в Правительство, было обращение лично к Н.С. Хрущеву. Но председательствующему на совещании секретарю Московского горкома партии В.Ф. Промыслову еще было трудно отойти от решений Генерального плана реконструкции и развития Москвы: «Здесь встает вопрос об этажности. Я считаю, что правильно критикуем пятиэтажные дома, главенствующую роль не они должны играть, там будут жить строительные рабочие». ²¹ Однако далее он замечает: «...надо подсчитать, чем Москва располагает, сколько механизмов, башенных кранов имеется, какие огромные резервы выявлены в городе для того, чтобы направить строителей на скорейшее выполнение планов». ²²

Экономическая целесообразность все больше и больше увеличивала сторонников 5-этажного строительства. На 2-м научно-техническом совещании по жилищному и культурно-бытовому строительству, состоявшемся 2-5 июня 1954 г. главный архитектор Москвы А.В. Власов был вынужден признать о неудачах: «...некоторые застройщики мало заботились о развитии производственной базы своих строительных организаций, отстали поэтому от условий индустриального строительства, оказались неспособными строить крупные жилые дома с тем, чтобы ежегодно вводить в эксплуатацию новую жилую площадь». ²³ Далее он сожалеет, что «поточно-скоростные методы строительства, несмотря на их явные преимущества, не получили широкого распространения в практике московского строительства». ²⁴ В конце доклада он затрагивает главный вопрос: «Необходимо, прежде всего, окончательно установить для Москвы классификацию жилых зданий по их этажности. На магистралях установить в 6-8 этажей и в 8-10 этажей, постоянно считаясь с застройкой. Для второстепенной территории этажность может быть предоставлена в 4-5 этажей». ²⁵

На этом совещании решающим было выступление секретаря МК партии И.В. Капитонова: «За последнее время наблюдается неоправданная тенденция к повышению этажности домов. Нельзя увлекаться сооружением 12-14 этажных зданий, так как это приводит к резкому увеличению трудоемкости строительства, требует полной замены транспортных механизмов, влечет за собой увеличение стоимости строительства. Если

сейчас 5-этажные дома строятся за 5-6 месяцев, а дома 6-8 этажей за 10 месяцев, то на строительство домов в 10-14 этажей требуется затрачивать 20 и более месяцев». ²⁶ На следующий день выступил Ионас: «В течение ряда лет мы вместе с Академией коммунального хозяйства ставили вопрос о неэкономичности зданий 12-14 и выше этажей. Вчерашнее выступление секретаря МК партии т. Капитонова Н.В. внесло в этот вопрос полную ясность». ²⁷

24 ноября 1954 г. на совещании по строительству главный архитектор Москвы А.В. Власов выступил с докладом «Об архитектуре, типовом проектировании и размещении жилищного и культурно-бытового строительства в г.Москве», где фактически признал необходимость изменения этажности в Генеральном плане реконструкции и развития Москвы: «Существенным тормозом жилищного строительства явилась допущенная в 1949 г. и до сих пор неисправленная ошибка в определении этажности зданий на улицах и магистралях города в зависимости от ширины их проезжей части, вследствие чего в основу застройки Москвы были приняты жилые дома в 8-10, 12-14 этажей и выше. Большинство строительных организаций к этому не были подготовлены. Такая этажность требовала полного перевооружения всего кранового хозяйства». ²⁸ На другом совещании строителей 20 ноября 1954 г. А.В. Власов признал также, что «для строительных рабочих действует новый типовой проект общежития и 5-этажных домов квартирного типа». ²⁹

В 1954 г. Главмосстрой полностью перешел на строительство жилья из бетонных блоков. Было начато строительство в Москве 22 новых заводов ЖБИ. Н.С. Хрущев на встрече с избирателями пообещал каждой семье — квартиру. ³⁰

Таким образом, Второе Всесоюзное совещание строителей в Кремле в декабре 1954 г., явившееся поворотным пунктом в развитии жилищного строительства, резко изменившее ее направленность, не следует рассматривать как явление неожиданное и непредвиденное. Поворот созрел в сознании многотысячной армии строителей и был в сущности своей закономерен. Тем более, что с 1935 г. по 1954 г. не было проведено ни одного Всесоюзного мероприятия строителей по вопросам ускорения темпов, увеличения объемов, снижения стоимости строительства.

Второе Всесоюзное совещание строителей было переломным в деле проектирования и строительства СССР. На этом совещании отмечались серьезные недостатки, в частности, отсутствие типовых проектов жилых домов в 5 этажей, к

разработке которых приступили только в 1952 г. (первые серии этих проектов были утверждены лишь в середине 1954 г.). В выступлении на совещании Н.С. Хрущев указал: «Интересы индустриализации строительства диктуют необходимость перестроить работу проектных организаций, сделать типовое проектирование и применение имеющихся типовых проектов главным в работе...».³¹ На совещании были поставлены задачи снижения стоимости строительства и повышения его количественных характеристик. Основной путь для этого был найден — индустриализация и связанные с нею централизация проектирования и производства. Московские строители отказались от использования декора с выступающим рельефом (этот прием привел к увеличению типоразмеров блоков, удорожавшему строительство). «Мы не против красоты, — указывал Н.С. Хрущев на совещании, — но против излишеств. Фасады зданий должны иметь красивый и привлекательный вид за счет хороших пропорций всего сооружения, хорошей пропорции оконных и дверных проемов, умелого расположения балконов, правильного использования фактуры и цвета облицовочных материалов...».³² Решения всесоюзного совещания по строительству сосредоточили основные усилия московских градостроителей на возведении крупных жилых массивов, таких, как Юго-Западный район, Черемушки, Волхонка-ЗИЛ, Хорошево-Мневники, Фили-Машилово, Кузьминки, Измайлово, Текстильщики и др.

Смена курса в жилищной политике означала отрицание опыта решения жилищного вопроса при Сталине (Н.С. Хрущев говорил о необходимости «десталинизации архитектуры») и была важна как «акт символического насилия». В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» утверждается, что «внешне-показная сторона архитектуры, изобилующая большими излишествами», характерная для сталинской эпохи, теперь «не соответствует линии Партии и Правительства в архитектурно-строительном деле... Советской архитектуре должна быть свойственна простота, строгость форм и экономичность решений».³³ Архитекторы, допустившие «излишества» при строительстве, лишались Сталинских премий. Оформление фасадов колоннадами и портиками рассматривались как архаичное, лепка и барельефы как «архитектурные излишества, заимствованные из прошлого». В постановлении утверждается, что именно такой «эстетский подход к проектированию» тормозил развитие жилищного

строительства и улучшение жилищных условий трудящихся. Но критика была направлена не только против внешнего оформления зданий. Как излишества воспринимались и высокие потолки, большие комнаты, кухни и коридоры, делающие строительство дорогим, а также строительство по индивидуальным проектам, ведущее к невозможности массового производства отдельных деталей и блоков зданий. Высказав свое отношение к «излишествам» сталинского строительства, партийное руководство единственный выход из жилищного кризиса видело в рационализации, индустриализации, экономичности.

В августе 1955 г. Правительством страны было принято важное решение «О ходе строительства жилых домов в 3-5 этажей для переселения из ветхих домов и бараков».³⁴ Еще до этого в марте 1955 г. Совет Министров СССР разрешил Моссовету направлять часть средств, предназначенных для ремонта жилого фонда, на строительство 5-этажных домов в целях переселения горожан, проживающих в домах и бараках, капитальный ремонт которых был экономически нецелесообразным.³⁵ Несмотря на сравнительно большое жилищное строительство в Москве, отдельные заводы в течение длительного времени не получали новой жилой площади, а количество рабочих за этот период на них значительно увеличилось. Отсутствие необходимой строительной базы и квалифицированных кадров строителей вынуждало многие предприятия строить в основном одно-двухэтажные дома. Это приводило к нерациональному расходованию территории и средств благоустройства. Московский Совет разрешил в 1955 г. строить 3-5 этажные дома хозяйственным способом.³⁶ Это решение давало возможность районным Советам и предприятиям проявлять инициативу и строить значительное количество жилой площади для своих очередников. МГК КПСС взял курс на строительство домов с высотой в 5 этажей, на что были способны наиболее крупные или специализированные предприятия и учреждения. Более 80 предприятий Москвы в 1955 г. начали строительство 3-5 этажных домов.³⁷

О жилищном строительстве заговорили все. Л.М. Каганович в своей речи перед избирателями указал, что «ни в одной стране мира нет таких темпов строительства, какие достигнуты у нас, и все же жилья у нас не хватает. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что из всех нужд самая острая нужда сейчас в жилье».³⁸ 1-й секретарь горкома партии Е.А. Фурцева на совещании с зав.отделами по учету и распределению жилой площади районных Советов г. Москвы заметила: «Если

раньше терпели, говорили, ну ладно, после войны прошел только год-два-три-пять, как-нибудь в одной комнате проживу. А сейчас народ видит, что строятся такие большие дома и считают, почему я не могу переселиться из подвала или барака, я состою на очереди уже 5-6 лет».³⁹ В 1955 г. были сделаны первые шаги в деле организации поточно-скоростного и опытно-показательного строительства. Этот опыт показал его исключительно технико-экономические преимущества. Однако еще значительная часть домов сооружалась по индивидуальным проектам. В 1955 г. лишь 44% зданий возводилась по типовым проектам, из крупных блоков и панелей было построено только 10 проц. зданий в Москве.⁴⁰ Все это объяснялось, главным образом, тем, что исполком Московского Совета не уделял крупноблочному строительству необходимого внимания.

Постановления 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» и «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению стоимости строительства» поставили грандиозные задачи по реорганизации жилищного строительства. По широте и глубине охвата изменения в жилищном строительстве можно считать революционными. Нельзя не восхищаться всесторонностью подготовки к этой жилищной революции. Результаты огромной исследовательской работы были оперативно переведены в нормативные акты. Это позволило осуществить в жилище принцип социальной справедливости, гарантированного удовлетворения для всех людей основных наиболее общих потребительских требований, отраженных в нормах. В условиях жесткой экономической обстановки именно общим потребностям было отдано предпочтение, на их основе был выбран главный элемент типизации — жилой дом.

В жилищной революции огромная роль принадлежала Н.С. Хрущеву. Если он заражался какой-то идеей, то остановить его было трудно. Это подтверждают воспоминания бывшего первого секретаря МГК КПСС Н.Г. Егорычева: «...он был человеком крайних суждений. Если железобетон, то не нужны никакие другие строительные материалы, даже кирпич».⁴¹ Л.М. Каганович в своих записках так характеризовал Н.С. Хрущева: «Надо сказать, что в деле развертывания в более широких масштабах строительства, особенно по внедрению панельного и бетонного строительства, Хрущев сыграл немалую роль. Потребовался нажим на строителей — и Хрущев нажимал на них часто и не демократическим пу-

тем, и Президиум ЦК его в этом поддерживал».⁴²

Во многом воспоминания верны. До 1959 г. кирпич являлся в Москве основным стеновым материалом. Н.С. Хрущев считал кирпич анахронизмом и немало преуспел в деле ликвидации кирпичных заводов. В 1960 г. строительство кирпичных домов решением бюро горкома партии и исполкома Моссовета было запрещено.⁴³ На Кремлевском совещании по строительству 1954 г. Н.С. Хрущев пригрозил: «...Чтобы широко внедрить типовые проекты, надо проявить волю и настойчивость, так как в этом деле, мы, возможно, встретим и сопротивление. Придется, видимо, кое-кому хорошенько разъяснить необходимость этого дела».⁴⁴ Напор Н.С. Хрущева возымел действие. В 1963 г. в Москве около 98 % жилых домов было возведено по типовым проектам, против 18 % в 1954 г.⁴⁵ Н.С. Хрущев доказывал: «Поймите, перед нами стоит проблема дать людям побыстрее жилье. Быстро и дешево дома можно получить только на потоке».⁴⁶

В 1955 г. на Втором Всесоюзном съезде советских архитекторов секретарь правления Союза советских архитекторов СССР Г.А. Градов объяснял, почему надо переходить на 5-этажное строительство: «При определении наиболее целесообразных типовых жилых домов по этажности необходимо принимать во внимание их технико-экономические показатели. Анализ, проделанный Институтом архитектуры жилища Академии архитектуры СССР, показывает, что если стоимость 1 кв.м. жилой площади в 5-этажном жилом доме с благоустройством принять за 100 %, то при однотипных конструкциях в 2-этажных домах она составит 110 %, в 4-этажных — 103,2 %, в 6-этажных — 104 %, в 8-этажных — 100,5 %».⁴⁷ Н.С. Хрущев объяснял: «Из-за невероятной нужды в жилье мы вынуждены были, пересматривая проекты, выжимать все лишнее, чтобы поскорее удовлетворить большее число нуждающихся. Прежде всего возник вопрос этажности и высоты комнаты в ущерб некоторым удобствам. Размеры квартир, туалета, ванной комнаты, кухни — все подвергалось анализу инженеров-строителей».⁴⁸ Расчеты показали, что только одно упорядочение жилищного строительства по этажности за счет сокращения удельного веса менее экономичных типов домов давало значительный экономический эффект. В своем выступлении Г.А. Градов затронул и проблему лифтового хозяйства: «Существует мнение, что строить без лифтов следует жилые дома до четырех этажей включительно. Это соображение действительно имеет основание, если учесть, что высота подъема на пятый этаж, при

высоте этажа 3,3-3,6 м и при наличии в большинстве случаев встроенного в первый этаж магазина, достигает 14,5-16 м. Однако, если снизить высоту жилого этажа и отказаться от встроенных в первый этаж магазинов, то высота подъема на пятый этаж составит всего 12,5 м. В этих условиях было бы целесообразно широко применять в массовом строительстве 5-этажные жилые дома без лифтов».⁴⁹

Здесь надо вспомнить, что к началу 1953 г., когда был создан трест «Лифтремонт», преобразованный в дальнейшем в МГУП «Мослифт», в городе насчитывалось всего 1700 лифтов. Все они были «тихоходами» и работали в основном только на подъем.⁵⁰ На 2-м научно-техническом совещании по жилищному и культурно-бытовому строительству в июне 1954 г. секретарь МК партии И.В. Капитонов откровенно признал, что «по-прежнему неблагоприятно дело с лифтами. Организация лифтовой промышленности не обеспечивает всех запросов в лифтах. Качество лифтов низкое, конструкция лифтов не усовершенствована производством. В настоящее время проблема лифтостроения приобретает актуальное значение».⁵¹ Напомним, что первые лифты Карачаровского механического завода в Москве появились только в 1957 г. Таким образом, в 50-х гг. в стране еще не было достаточно развито производство лифтов, рассчитанных на многоэтажное строительство, что явилось одной из причин того, что в массовом жилищном строительстве применялся, в основном, 5-этажный многосекционный тип дома. Надо отметить, что проблемы с лифтами продолжались еще долго. Проектировщики буквально «пробивали» первые пятиэтажки: оказалось, что в стране не было налажено лифтостроение.⁵²

Сегодня архитекторы резко негативно относятся к так называемым «хрущевкам», сетуя на самоуправство Н.С. Хрущева. Но никто не ссылается на Второй Всесоюзный съезд советских архитекторов, проходивший с 26 ноября по 3 декабря 1955 г. в Москве. Если мы откроем стенографический отчет, то прочитаем, что абсолютно все, от простого архитектора до президента Академии архитектуры А.В. Власова, от президента Академии художеств СССР А.М. Герасимова до знаменитого академика архитектуры И.В. Жолтовского полностью одобрили правительственный курс на индустриализацию жилищного строительства, широкое применение типового проектирования. В отчете опубликован текст приветственной телеграммы Н.А. Булганину и Н.С. Хрущеву «единодушно одобренной» участниками съезда: «Вы, Николай Александрович, и Вы, Никита Сергеевич, всегда уделяли большое

внимание строительству и архитектуре. Вы неоднократно указывали на увлечение многих наших архитекторов внешней, показной стороной архитектуры и на забвение проектировщиками вопросов удобств для населения и экономики строительства. В своей работе наш съезд руководствуется решениями партии и правительства по вопросам коренного улучшения дела строительства и архитектуры».⁵³ 15 марта 1960 г. газета «Известия» напечатала статью «В плену абстракций», где 42 архитектора, подписавшие статью, обрушились на тех, кто пытался сомневаться в хороших качествах квартир пятиэтажных домов.⁵⁴

Следует заметить, что помимо экономических причин возведения пятиэтажек, была еще и причина военного характера. Советский Союз непрерывно готовился к ядерной войне, в результате которой появились бы тысячи разрушенных городов. Хотелось бы процитировать отрывок доклада секретаря Пролетарского РК КПСС на оборонном активе Пролетарского района г. Москвы: «Будущая война, если ее развяжут империалисты, неизбежно станет ракетно-ядерной войной. Враг будет наносить ядерные удары не только по группировкам Вооруженных Сил, но и по важнейшим экономическим и административно-политическим центрам с целью подорвать тыл нашей армии и деморализовать население страны».⁵⁵ По-видимому, план железобетонного строительства, выдвинутый Н.С. Хрущевым, был продиктован и воображениями по поводу построек, стойких против атомных нападений. В своих воспоминаниях Н.С. Хрущев говорит и об этом: «В мое время прежде всего ставилась цель при меньших денежных и материальных затратах построить побольше жилищ. Такова была наша политика в этом вопросе. Вторая причина возведения пятиэтажек — военного характера. Должен признаться, что на меня война оказала в этой связи немалое влияние. Я видел страдания людей и многочисленные разрушения и до сих пор не освободился от картины разрушенных городов. Чем выше здания, тем при бомбежке больше разрушений и жертв... После войны Англия под ее воздействием приняла решение не строить здания выше пяти этажей. Если опять разразится военная катастрофа, то взрывная волна, которая распространяется веерообразной воронкой снизу вверх, сокрушит меньше».⁵⁶ При Н.С. Хрущеве страна отказалась от военных самолетов в пользу ракет. Надо было использовать громадное производство материалов для строительства и ремонта стратегических аэродромов — карьеры, бетонные заводы.⁵⁷

Что же еще повлияло на решение Н.С. Хрущева перейти на массовое пятиэтажное жилищное

строительство? Н.С. Хрущев объездил ряд стран и внимательно осмотрел типовые бетонные блоки, совмещенные узлы, низкие потолки. Н.С. Хрущеву приглянулся французский опыт строительства малоэтажных муниципальных домов. На заводах строительной фирмы «Камю» в то время изготавливались крупноразмерные железобетонные панели для всех типов квартир. Это было то, в чем наша страна нуждалась. Такие дома, словно кубики, собирались очень быстро. Советские архитекторы обратились к опыту французских коллег. Представители советских строительных организаций поехали во Францию, чтобы ознакомиться с методами работы фирмы. Пришло время, о котором говорил Н.С. Хрущев: «Мы станем собирать дома, как собирают автомашины».⁵⁸ Отношения с французскими строителями становились все более деловыми. Советский Союз приобрел не только проекты, но и договорился о строительстве в Ташкенте и Баку заводов французской фирмы.

Н.С. Хрущев искал технологию, которая позволила бы выйти из жилищного кризиса. Конструкция первой серии пятиэтажки К-7, разработанная инженером В.П. Лагутенко, собиралась как этажерка. Дом как автомашина сходил с конвейерной ленты. Это помогало строить быстро и дешево. Серии домов К-7 были созданы в 1956 г. И именно с этого года началось массовое строительство сборных пятиэтажных домов, которое через несколько лет превратилось в настоящий индустриальный конвейер. В январе 1956 г. на городской партийной конференции В.Ф.Промыслов, находясь уже в должности начальника Главмосстроя, заявил: «Мы строили по индивидуальным проектам. Теперь такой ошибки делать не будем».⁵⁹

Экономические факторы явились ведущими при выборе 5-этажного безлифтового дома в качестве основного и, практически, единственного типа городской жилой застройки. Предполагалось снизить стоимость жилищного строительства не менее, чем на 10 %. Для этой цели были проведены всесторонние исследования, экспериментальные разработки в вопросах архитектурно-планировочных решений конструкций домов, строительных материалов и изделий. В связи с уменьшением нормативов по жилой площади квартир и снижением высоты помещений до 2,7, а затем и до 2,5 м, разрабатывались и готовились к производству новое оборудование и новая мебель. Недостатки квартир первого этапа — проходные комнаты, крайне заниженные по площади совмещенные узлы с «сидячими» ваннами, конечно, не достав-

ляли удовлетворения ни новоселам, ни самим проектировщикам. Применение жестких планировочных приемов, сознательное ущемление комфортабельности квартир, рассматривались ими как временное мероприятие. Считалось, что по мере накопления жилого фонда и увеличения жилой площади будет осуществляться постепенный переход к строительству других видов квартир — многокомнатных, более просторных. Пятиэтажки с малометражными квартирами станут маневренным фондом, необходимым как промежуточный этап в жизни одиноких граждан, молодых и маленьких семейств для перехода от скромных к более обширным квартирам. Исторически сложилось так, что Москва, к сожалению, не располагала таким маневренным фондом. Н.С. Хрущев понимал, что продолжать строить жилые дома с многокомнатными квартирами большой площади означало бы создать в ближайшем будущем труднопреодолимый тормоз для расселения. Неразвитость конструктивной схемы повлекла за собой необходимость выноса предприятий обслуживания (магазинов, мастерских, столовых), в том числе и небольших, из первых этажей жилых домов и свободную их постановку на самостоятельных участках. Это повлекло за собой большие изменения в планировочной организации жилых образований и способствовало экстенсивному развитию жилой застройки. За короткий период времени застройка из монотонно повторяющихся пятиэтажек с малометражными квартирами заняла огромные площади.

6 ноября 1957 г. в Москве состоялась юбилейная сессия Верховного Совета СССР. В докладе первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева говорилось о больших успехах в подъеме экономики страны. Отмечались и серьезные трудности, которые необходимо преодолеть. К числу таких трудностей относились и жилищные. «Мы знаем, - сказал Н.С. Хрущев, - что у нас ощущается острый недостаток в жилье. Причины недостатка в жилищах понятны. Во-первых, Советская власть получила в наследство от старого строя невероятную жилищную нужду. Во-вторых, за годы Советской власти население городов и рабочих поселков увеличилось более чем в три с половиной раза. В-третьих, в предвоенные годы мы были вынуждены экономить на всем, в том числе и на строительстве жилищ, выгадывая каждую копейку для создания тяжелой индустрии. В-четвертых, огромный ущерб жилищному фонду Советского Союза был нанесен войной, оставившей без крова около 25 млн. человек.⁶⁰ Обратите внимание, три из названных четырех причин — внешние, и только одна — признание не-

достаточного внимания государства к решению жилищного вопроса.

В 1957 г. стремление дать каждой семье отдельную квартиру приобретает статус национальной политики. Н.С. Хрущев понимал, что без отдельных квартир ни о каком переходе к коммунизму нечего было и заикаться. Н.С. Хрущев поставил перед конструкторами задачу: спроектировать такую квартиру, чтобы ее нельзя было заселить несколькими семьями. Официальное признание ориентации на посемейное заселение «экономичных благоустроенных квартир», построенных по типовым проектам содержалось в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР». В этом постановлении выдвигалась задача: в ближайшие 10-12 лет покончить в стране с недостатком в жилищах.⁶¹ Подчеркивалось, что «мы хотим дать каждой семье квартиру, а не комнату», а в Программе КПСС, принятой в 1961 г., эта цель была одной из основных на ближайшие 20 лет: «Каждая семья, включая семьи молодоженов, будет иметь благоустроенную квартиру, соответствующую требованиям гигиены и культурного быта».⁶² Массовое жилищное строительство рассматривалось как крепление материально-технической базы коммунизма. Летом 1957 г. в Москве каждый день появлялось от пяти до десяти новых строительных площадок и вводилось в эксплуатацию в среднем два больших пятиэтажных дома или двести квартир.⁶³ В конце 50-х г. статус коммунальных квартир резко снижается в связи с массовым жилищным строительством. Жильцы, выезжая из коммунальных квартир, попадали в следующий жилищный класс — жильцов отдельных квартир в новостройках.

Надо заметить, что глава государства никому не давал покоя. На III Всесоюзном совещании по строительству в 1958 г. Н.С. Хрущев отметил, что «... перестройка в архитектуре еще не закончена. Многие неправильно понимают задачи перестройки и рассматривают ее только как сокращение архитектурных излишеств. Дело в принципиальном изменении направления архитектуры, и это дело надо довести до конца».⁶⁴ Он сам почти ежедневно ездил на стройки, вносил предложения по конструкциям, неоднократно проводил специальные оперативные совещания с участием министров. Помимо того, что Н.С. Хрущев настоял на сооружении пятиэтажных типовых домов, он определил размеры квартир, комнат, кухонь, санузлов, высоту потолков. И не дай бог, если какой-либо руководитель начал бы просить увеличить потолок в квартирах даже на

5-10 сантиметров. Надо вспомнить, что строительные нормы и правила до 1955 г. были, в основном, рассчитаны на проектирование в индивидуальном порядке. Повсеместной нормой для потолков в СССР была высота от 3-х до 3,5 метров. Только за счет того, что высота в пятиэтажках становилась 2,5 м, представлялась возможность увеличить ввод новых жилых квартир на 10-15 %.⁶⁵ Предполагалось, что пятиэтажки будут находиться в эксплуатации не более 30-40 лет. В Москве предписывалось строить почти исключительно пятиэтажные дома, не взирая на градостроительные требования. Только в Москве пятиэтажных домов было выстроено более 11 тысяч.⁶⁶ Строительство в 1956-1959 гг. экспериментального квартала №9 в Новых Черемушках имело не только общегородское, но и всесоюзное значение: дома, школы, сады — все строилось быстро и не для избранных. Вскоре свои Новые Черемушки появились во многих городах страны.

Однако оптимизм Н.С. Хрущева разделяли не все. Когда на собрании пропагандистов и агитаторов г. Москвы 22 декабря 1958 г. с докладом выступил председатель Мосгорисполкома Н.И. Бобровников, он столкнулся с непониманием. Н.И. Бобровников говорил о строительстве в Москве: «Строительство домов до 5-ти этажей составит 80 проц. Так, в основном, будем строить 5-ти этажные дома, как наиболее экономичные, и до 20 %. или может быть менее — дома в 8 этажей. Квартиры будут высотой в 2,5 и 2,7 м. Жилые квартиры с такой высотой в 2,5 и 2,7 метра уже есть и они являются достаточно удобными.

(Голоса с мест: это мало). (Оживление, шум в зале).

Я не знаю, почему такое оживление вызвал вопрос о высоте?

(Голоса с мест: это очень мало)».⁶⁷

Качество строительно-монтажных работ на строительстве жилых домов оставалось еще низким. Образовался явный разрыв между высокими темпами строительства и его качеством. И если по масштабам и темпам строительства наша страна не имела себе равных в мире, то по качеству мы еще отставали от многих стран. Даже в таких городах, как Москва, Ленинград, Киев и в ряде других, имели место факты, когда вследствие не качественного выполнения строительных работ преждевременно разрушалась наружная и внутренняя штукатурка зданий, корбились полы, в дверных полотнах и оконных переплетах появлялись щели и перекосы, отваливались облицовочные плитки и т.п. В результате от населения, в первую очередь от граждан, получивших квартиры в новых

домах, поступало много жалоб. Только за 6 месяцев 1956 г. в инспекцию государственного архитектурно-строительного контроля г.Москвы поступило свыше 500 жалоб.⁶⁸

Ухватившись за идею пятиэтажек, Н.С. Хрущев долго и слышать не хотел о другой этажности домов. Обращаясь к избирателям 14 мая 1958 г., Н.С. Хрущев подчеркнул: «Есть архитекторы, считающие, что надо строить многоэтажные здания с целью лучшего архитектурного оформления города. Они ошибаются».⁶⁹

На рубеже 50-60-х гг. строились грандиозные планы: «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Коммунизм предполагалось встречать через 20 лет в пятиэтажках. Н.С. Хрущев понимал, что народ, победивший фашизм, заслуживает того, чтобы жить по-человечески. К сожалению, поколение победителей проживало в переполненных коммуналках и в ветхих бараках. Ведущая роль и острота социальных проблем отодвигала на второй план создание полноценного, эстетического решения. «Надо меньше думать о том, что мы создаем ансамбли, которые войдут в века, и больше думать о том, чтобы дать народу удобное и недорогое жилище». Это сказал не партийный чиновник, а академик, секретарь Академии архитектуры СССР Б.Р. Рубаненко.⁷⁰

Решением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 июля 1962 г. «Об этажности жилых домов, строящихся в городах Москве, Ленинграде и Киеве» было положено начало изысканию оптимальных технических, градостроительных, художественных и экономических решений в градостроительстве и типовом проектировании. Еще до принятия этого решения в первой половине 1962 г. была проведена большая работа по пересмотру проектов детальной планировки и уплотнению городской застройки. К 1963 г. теория смешанной застройки с применением зданий повышенной этажности, в частности, шестнадцатиэтажных, опиралась на твердую экономическую основу. Поэтому и экспериментальное строительство было нацелено на разработку проектов зданий повышенной этажности. На собрании партийно-хозяйственного актива г. Москвы 16 июля 1963 г. было решено, что «строительство жилых домов в 1964-1965 гг. будет осуществляться по типовым проектам с улучшенной планировкой и конструктивными решениями: не будет проходных комнат, несколько увеличивается площадь кухонь и передних. Увеличивается строительство жилых домов повышенной этажности — 9-14 этажей».⁷¹ Если до 1964 г. в крупных городах преобладала 5-этажная застройка, то с

1965 г. в Москве, Ленинграде, Киеве значительный удельный вес начинает приобретать высокоэтажная застройка. Таким образом, приоритеты в жилищном строительстве постепенно менялись.

Здесь надо отметить, что пятиэтажки первой серии К-7 строились вплоть до 1967 г. В 1966 г. начали строить более капитальные конструкции пятиэтажного дома серии МГ-300. Совершенствование проектов пятиэтажных домов в планировочном отношении в первую очередь состояло в ликвидации проходных комнат путем перемещения общей комнаты в глубину квартиры и введении отдельных санузлов. Строительство этой серии продолжалось до начала 70-х годов.

После снятия Н.С. Хрущева пятиэтажки стали критиковать. Однообразие массовой застройки новых районов преимущественно пятиэтажными домами без лифтов и мусопроводов было подвергнуто критике на июньском (1965 г.) Пленуме МГК КПСС. Пленум признал необходимым ускорить переход к массовому строительству домов повышенной этажности.⁷² На секретариате МГК КПСС 3 июня 1970 г. была рассмотрена записка Отдела строительства и стройматериалов «О неудовлетворительном техническом состоянии пятиэтажных крупнопанельных домов серии К-7-2 и К-7-3, построенных в Москве в 1960-1967 гг.»⁷³ Нет ничего удивительного, что при Л.И. Брежневем успех Н.С. Хрущева не вызывал ни малейшего восторга. Почему? Да потому, что пятиэтажки были уникальным примером реального успеха властей в социальной политике. Об этом успехе Н.С. Хрущева никто не вспоминал. Более того, для архитекторов пятиэтажки стали символом их поражения. Громадные кварталы пятиэтажных домов с односемейными квартирами (заменившие общие коммунальные) были прозваны «хрущобами» — очевидно теми, кто получил квартиры еще при Сталине. Некоторые архитекторы уже после снятия Н.С. Хрущева жаловались в газетах, что они целых 10 лет не работали из-за массового типового строительства. Цена подобных жалоб стала ясно видна, когда с 1965 г. средства были переброшены на строительство автозаводов. Архитекторам дали определенную волю — и строительство сразу подорожало в полтора раза (повышение этажности с 5 до 12-16 этажей приводило к увеличению стоимости 1 кв.м. жилой площади, что вызывалось расходами на устройство вестибюля, лифта, мусоропровода), а ежегодное количество нового жилья из-за всего этого уменьшилось.

Решающий для становления индустриального домостроения, хотя и весьма противоречивый, этап жилищного строительства сер. 50 - х - сер.

60-х гг. не всегда оценивается достаточно объективно и всесторонне, зачастую в суждениях о нем преобладают теневые стороны.⁷⁴ За десятилетие была создана мощная строительная индустрия. Появились домостроительные комбинаты и новые методы поточного строительства жилых массивов. Были разработаны, проверены в экспериментальном строительстве и внедрены типовые проекты домов с экономическими квартирами односемейного заселения. Трудно переоценить те коренные улучшения, которые вносила отдельная квартира в жизнь семьи, по-новому удовлетворяя физиологические и духовные потребности, а также потребности, связанные с воспитанием и обучением детей. Хрущевские пятиэтажки приподняли значимость индивидуальных интересов и личной жизни. Заменяя уклад коммуналок и общежитий, они открыли новую эпоху — эпоху индивидуальных интересов и личной жизни. Острота жилищного вопроса в целом по стране заметно уменьшилась. С 1956 по 1970 г. в стране было построено около 400 млн. кв.метров пятиэтажек. А в Москве было возведено 36 млн.кв.метров.⁷⁵ Более 100 млн. советских людей смогли улучшить свои жилищные условия. Только в Москве за 1954-1963 гг. новые жилища получили более 3 млн. человек.⁷⁶ В эти годы СССР вышел на первое место в мире по числу строящихся квартир на 1000 человек населения. Недаром Н.С. Хрущев сказал, что главным из того, что он сделал, считает, во-первых, реабилитацию тех, кто был репрессирован при Сталине, во-вторых, массовое жилищное строительство (пятиэтажки), и, наконец, ракеты.⁷⁷ Вполне вероятно, что социальный взрыв в середине 90-х г. в стране сдерживался благодаря наличию у большинства российский граждан жилья.

Конечно, оценка сделанного страдала бы односторонностью, если не коснуться серьезных издержек, сопутствовавших объективным и неоспоримым достижениям рассмотренного этапа. Прежде всего они относятся к техническим и эксплуатационным качествам жилых зданий. Потребовалось проведение ряда мероприятий по их улучшению. Второй существенный недостаток — низкие планировочные качества квартир, порожденные стремлением к максимальному выходу жилой площади в пределах заданных жестких норм общей площади.

Строительство пятиэтажных зданий породило серьезные противоречия и недостатки градостроительного порядка. Такое противоречие возникло, например, между индустриальным характером строительства и эстетическими качествами архитектуры. Стремление архитекторов к

расширению ассортимента элементов внешней архитектуры зданий, палитры облицовочных и отделочных материалов, как правило, не поддерживалось со стороны промышленности. Каждая серия сводилась поэтому, по существу, к одному типу дома с разным количеством секций. Рост объемов производства означал, с точки зрения архитектуры, только накопление все большего количества одинаковых домов. Известны, наконец, издержки экономического порядка, связанные с экстенсивным использованием территории при строительстве домов высотой пять этажей, а также односторонним развитием материально-технической базы домостроения, ориентированной на пятиэтажное домостроение.

Сегодня архитектуре микрорайонов, застроенных в исследуемый период, как и самим жилым зданиям, справедливо дается низкая оценка. Существовали ли, однако, альтернативы? Можно ли было перешагнуть через этап массового внедрения пятиэтажных зданий, недорогих и способных утолить жилищный голод? Можно ли было в тот период задаваться целью повсеместной застройки домами повышенной или смешанной этажности? Имелись ли для этого объективные предпосылки?

Всякий непредвзятый исследователь жилищного строительства, хорошо знающий его существо и условия второй половины 50-х гг., может дать только один ответ на поставленные вопросы: принятое в тех условиях решение было единственно правильным, государство не имело объективной возможности миновать этап строительства зданий относительно низких кондиций и временного экстенсивного использования территорий, ибо только таким путем можно было быстрее образом удовлетворить самые животрепещущие нужды народа. Пятиэтажки, сыгравшие свою положительную социальную роль, уже много лет осознающиеся как здания, не обладающие архитектурно-художественными достоинствами, образуют весьма специфический пласт городской культуры, достаточно полно характеризующий годы своего появления и являются памятниками культуры своего времени.

Примечания

- 1 Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. М., 2000. С. 45.
- 2 Хрущев Н.С. Воспоминания. М., 1997. С. 371.
- 3 Строительство и архитектура Москвы. 1964. №4. С. 2.
- 4 ЦАОДМ. Ф. 3. Оп.145. Д. 9. Л.126-130.
- 5 Маленков Г.М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б). М.1952.С. 70.
- 6 ЦАОДМ Ф. 4. Оп. 88. Д. 9. Л. 155.

- 7 Там же. Л. 230.
- 8 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 9. Л. 233.
- 9 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 14. Л. 8.
- 10 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 2. Л. 157.
- 11 Там же. Л. 166.
- 12 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 2. Л. 169.
- 13 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 34. Л. 172-178.
- 14 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 1. Л. 158.
- 15 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 111. Д. 8. Л. 219.
- 16 Известия. 29.09.2003.
- 17 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 14. Л. 144.
- 18 Там же. Л. 167.
- 19 Там же. Л. 179.
- 20 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 91. Д. 4. Л. 124.
- 21 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 91. Д. 4. Л. 125.
- 22 Там же.
- 23 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 91. Д. 8. Л. 10.
- 24 Там же. Л. 23.
- 25 Там же. Л. 37.
- 26 Там же. Л. 170.
- 27 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 91. Д. 8. Л. 227.
- 28 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 91. Д. 21. Л. 196.
- 29 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 91. Д. 7. Л. 209.
- 30 Там же. Л. 188-200.
- 31 Хрущев Н.С. О широком внедрении индустриальных методов, улучшении качества и снижении стоимости строительства. Речь на Всесоюзном совещании строителей 7 декабря 1954 года. М., 1955.
- 32 Там же.
- 33 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1958. С.497.
- 34 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 99. Д. 4. Л. 187.
- 35 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 97. Д. 19. Л. 7-10.
- 36 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 99. Д. 4. Л. 187.
- 37 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 102. Д. 3. Л. 53.
- 38 Каганович Л.М. Речь на собрании избирателей Ташкентско-Ленинского избирательного округа. Правда. 1954. 11 марта.
- 39 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 99. Д. 4. Л. 259.
- 40 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 102. Д. 8. Л. 30-31.
- 41 От оттепели до застоя. М., 1990. С. 158.
- 42 Каганович Л.М. Памятные записки. М., 1997. С. 508.
- 43 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 111. Д. 8. Л. 216.
- 44 Хрущев. Н.С. О широком внедрении индустриальных методов, улучшении качества и снижения стоимости строительства. Речь на Всесоюзном совещании строителей 7 декабря 1954 года. М., 1955.
- 45 Правда. 1963. 28 дек.
- 46 Хрущев Н.С. Воспоминания. М., 1997. С. 388.
- 47 Второй Всесоюзный съезд советских архитекторов. Сокращенный стенографический отчет. М., 1956. С. 65.
- 48 Хрущев Н.С. Воспоминания. М., 1997. С. 393.
- 49 Второй Всесоюзный съезд советских архитекторов. Сокращенный стенографический отчет. М., 1956. С. 66.
- 50 Московская правда. 2003. 6 февр.
- 51 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 91. Д. 8. Л. 174.
- 52 Московская правда. 2002. 7 мая.
- 53 Второй Всесоюзный съезд советских архитекторов. Сокращенный стенографический отчет. М. 1956. С. 100-101.
- 54 Известия. 1960. 16 марта.
- 55 ЦАОДМ. Ф. 80. Оп. 51. Д. 16. Л. 15-16.
- 56 Хрущев Н.С. Воспоминания. М., 1997. С. 398-399.
- 57 Известия. 2003. 23 сент.
- 58 Хрущев Н.С. Воспоминания. М., 1997. С.389.
- 59 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 102. Д. 1. Л. 147.
- 60 Хрущев Н.С. Сорок лет Великой Октябрьской Социалистической революции. М., 1957. С. 47.
- 61 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1958. С. 749-764.
- 62 Новая программа КПСС. Правда. 1961. 30 июня.
- 63 Правда. 1957. 3 авг.
- 64 Архитектура СССР 1960. № 11. С.4.
- 65 Московская правда. 1956. 1 авг.
- 66 Аргументы и факты. 2000. № 17.
- 67 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 106. Д. 7. Л. 265-266.
- 68 Строитель. 1956. №9. Строительная газета. 1956. 27 июня.
- 69 Хрущев Н.С. Речь на собрании избирателей 14 марта 1958 года. М., 1958.
- 70 Дискуссия о новаторстве и наследии в советской архитектуре. Архитектура СССР. 1956. №1. С. 48.
- 71 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 13. Л. 44.
- 72 Правда. 1965. 26 июня.
- 73 ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 169. Д. 12. Л. 20.
- 74 См.: интервью с президентом МАРХИ А.П. Кудрявцевым - Московская правда. 2001. 7 авг.; с академиком Ю.П. Григорьевым — Литературная газета. 2000. №13. С. 8.
- 75 Московская правда. 2002. 9 июля.
- 76 Строительство и архитектура Москвы. 1964. № 4. С. 3.

Сейранян Ф.Г.

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии и права
факультета истории, политологии и права МГОУ*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«Патриотизм - это когда ты любишь свою нацию, а национализм - когда ненавидишь другую нацию, другой народ».¹

Дмитрий Лихачёв.

Эти слова великого русского интеллигента академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва в комментариях не нуждаются. Беда в том, что есть люди, думающие, что если они отнимут у «инородца» кусок колбасы, кусок квартиры или кусок работы, то им станет легче и веселее жить. Не станет. Потому что после «иных» придёт и их очередь. Ведь всегда найдутся люди, которым не понравится уже их манера поведения, их одежда и их речь.

Другой российский учёный известный кардиохирург, академик Ренат Акчурин, рассуждая на тему национальных отношений, в более поздний период после Д.С. Лихачёва отмечал: «Пока представители той или иной нации будут считать, что только они являются хозяевами того или иного региона, а остальные люди второго сорта, будет существовать национал-шовинизм, скинхедство и прочее. Надо понять, что жизнь в России создана многими поколениями людей различной национальности».²

И, наконец, ещё одно высказывание первого заместителя мэра в правительстве Москвы, она же председатель Московского межнационального консультативного совета при правительстве Москвы, Людмилы Ивановны Швецевой, которая отмечает, что «приезжие, которые живут по правилам нашей московской жизни, уважают наши законы и традиции вне зависимости от своей национальности не вызывают у меня негативных эмоций. Те же, кто нарушает общественный порядок, ведёт себя непорядочно, злоупотребляет нашим гостеприимством, опять-таки вне зависимости от национальности, вызывают только негативные эмоции».³

Разумеется, можно приводить много высказываний известных политиков, государственных деятелей, учёных, простых граждан на проблему национального фактора, которая облачается в одну несложную формулу: национальный вопрос: Где ответ? Каковы реальные пути разрешения?

Россия всё чаще и чаще сталкивается с вызывающими проявлениями экстремизма и ксенофобии: разнузданность толпы выплёскивается не только в погромах на рынках, городских кладбищах, но и на улицах, в метро, на площадях и других общественных местах.

Последнее десятилетие народы России столкнулись с массой немыслимых до недавнего времени проблем. Вызывают тревогу у нормальных людей такие печальные явления, как рост преступности, детская беспризорность, коррупция, затянувшийся спад в экономике, национальная нетерпимость и неуважение.

Несомненно, эти явления носят временный характер и связаны с переходным этапом в жизни нашей страны. Однако есть и такие проблемы, которые не только являются временными, но и в дальнейшем могут иметь самые непредсказуемые последствия. Среди них особое место занимает рост национализма и экстремизма.

Национальный экстремизм принимает самые разнообразные и причудливые формы, иногда он даже имеет религиозную окраску. Однако все эти формы объединяет одно обстоятельство: национальный экстремизм угрожает жизни россиян и целостности России как государства.

Сейчас мы пожинаем плоды недальновидной национальной политики, осуществлявшейся в начале 90-х гг. прошлого века по принципу «берите суверенитета, сколько хотите».

В результате такого подхода появились трудноконтролируемые центробежные тенденции в Татарстане, Башкортостане, Туве, Якутии и др. районах. Бытовой национализм, русофобия, несоответствие конституций отдельных субъектов федерации Российской Конституции 1993 г. - это лишь верхушка айсберга, который может

потопить корабль Российского государства. Я уже не касаюсь «чеченской проблемы», которая требует отдельного политического, правового и военно-экономического анализа.

В силу сложившейся сложной ситуации и продолжающейся нестабильности во всех сферах жизни российского общества сейчас довольно сложно прогнозировать дальнейшее развитие национальных отношений и процесса формирования политической системы. Но можно утверждать, что совершенствование политической системы с учётом требований всех национальных и этнических движений, организаций, республик, входящих в состав Российской Федерации - это путь к стабильности и процветанию нашей страны.

Следовательно, очевидно, что проблема национальных отношений, этнополитических движений и политической системы - это весьма сложная и особая проблема в системе общественного сознания, требующая самостоятельного исследования в комплексе политических проблем национально-государственного устройства России. Национальная проблематика в силу единства гуманитарного знания тесно переплетена с политической сферой, экономическими понятиями, затрагивающими сферу жизни этносов. Представляется, что попытку разрешения поставленной проблемы оптимально было бы решить, рассмотрев с одной стороны, истоки и современное состояние национальной политики в России, а с другой - значительно усилить внимание к национальному вопросу и выработать концепцию совершенствования его решения, проанализировать межнациональные конфликты и наметить возможные перспективы межнационального согласия.

Истоки национальных отношений в России

В современном мире идут процессы интенсивного взаимодействия наций и народностей, национальные границы становятся всё более открытыми. Практически в мире не осталось мононациональных государств. Но наряду с этим процессом в мире идут другие процессы - национального обособления и национального противостояния. В конце XX в. заметно обострились этнические противоречия во многих регионах мира - в бывшей уже Югославии, Индии, Израиле, Филиппинах, Афганистане, во многих странах Африки. Существуют межнациональные конфликты и в развитых странах Запада: Канаде, Испании, Великобритании, Испании, Бельгии.

Многие политологи считают, что межнациональные конфликты, дополненные межрелигиоз-

ными противоречиями, станут одной из главных и глобальных проблем XXI в. И мы видим, в первые годы нынешнего века это действительно так и происходит.

Сильнейший всплеск терроризма, который начался с многочисленных террористических актов в Израиле несколько лет назад, продолжился невиданным в истории нападением арабских террористов на Нью-Йорк и Вашингтон в сентябре 2001 г., захват террористами культурного центра в Москве в октябре 2002 г. имеет существенную национально-религиозную подоплёку. И сейчас, хотя цивилизованный мир объединился для борьбы с международным терроризмом, эта проблема далека от решения.

Межнациональные отношения очень важны и для современной России. Россия изначально формировалась как многоэтническое государство, затем в ходе его исторического развития в него входили всё новые этносы, и ныне наша страна отличается уникальным многонациональным составом населения.

На её территории живут представители более ста сорока национальностей, больших и малых народностей. Хотя в целом народы России живут в согласии и сотрудничестве, в последнее десятилетие в их взаимоотношениях появилось немало острых проблем.

Помимо этого, в результате распада СССР за границами нынешней России остались более двадцати пяти миллионов этнических русских, которые сталкиваются с межнациональными проблемами в своих новых государствах. Существуют также межнациональные конфликты в странах СНГ (например, грузино-абхазский, армяно-азербайджанский, днестровский) в которых в силу особого статуса в Содружестве приходится принимать участие России.

В политических отношениях России со странами Прибалтики и государствами СНГ, прежде всего с Грузией, Украиной, Казахстаном также важны этнополитические вопросы и пути их урегулирования.

Важной и новой проблемой являются большие международные миграционные процессы в современной России, в результате которых в нашей стране легально или нелегально проживают и работают более миллиона иностранцев из ближнего и дальнего зарубежья.

Отношение к этому граждан России и представителей политической власти в различных регионах неоднозначное. Это можно отнести к новым сторонам межнациональной политики в современной России, требующей политико-правового решения. Всё сказанное делает очень важным и актуальным вопрос о состо-

янии этнополитических процессов, о проблемах и перспективах национальной политики и национальных отношений в Российской Федерации.

Говоря об истоках образования Российского государства, можно выделить ряд принципиальных этапов в его становлении, развитии и укреплении, а так же соответствующей внутренней политике Российской власти, её лидеров относительно национальных отношений и проблем в этой области.

Если для первых столетий существования Московского царства (до присоединения в XVI в. поволжских ханств) обычной практикой была культурная ассимиляция, прежде всего финно-угорских племён, то с XVI в. стала проявляться тактика культурно-хозяйственного сотрудничества с местным населением, что было неразрывно связано с миграцией из центра на периферию, где контроль власти, а соответственно налоговые и иные тяготы были несоизмеримо меньше. Совокупность этих факторов: инициатива государства в территориальной экспансии, а также постоянная миграция на окраины, вызываемая экономическими причинами способствовали активному освоению Поволжья, территории Дикого поля, Урала, Западной и Восточной Сибири. Здесь русские смешивались с коренным населением, привнося структуру «обычной» жизни.

С другой стороны, местная элита, как правило, включаясь в общероссийскую, сохраняла свои позиции в господстве как над «соплеменниками», получая его над русскими переселенцами. После реформ Петра I в XVIII в. оборотной стороной усиления мощи государства и созданной крепостнической империи, стало прекращение миграции, во всяком случае, резкое сокращение масштабов, что фактически свело на нет хозяйственную колонизацию. Более того, когда после успешных русско-турецких войн потребовалась масса рабочих рук для освоения пустынных степей Таврии и Новороссии, получить их оказалось невозможно, и правительству Екатерины II, пришлось санкционировать массовую миграцию из Германии, Швейцарии и Голландии.

Во второй половине XIX в. на периферии Российской империи растут национальные движения в русле восточноевропейской социал-демократии, которые охватили народы трёх крупных имперских образований: Австро-Венгерского, Османского и Российского.

В Российской империи существовали достаточно острые межнациональные проблемы. За многими нерусскими народами закрепилось название «инородцы», власть отрицала за ними право развития собственной культуры, языка, литературы, системы образования.

гг. оформился политический спектр России, а затем стали возникать (особенно бурно в период революции 1905 г.) первые политические партии, национальный вопрос был одним из основных в их программах.

Характерно, что первые партии в России стали возникать в национальных районах, в основном на западе России - Прибалтике, Польше, Белоруссии. В программных положениях ведущих политических партий выдвигался широкий спектр разрешения национальных проблем в многонациональной России. Так, партия кадетов главной целью ставила равенство всех российских граждан перед законом, отмену сословных различий, устранения правовых ограничений для отдельных национальностей и т.д. В национальном вопросе кадеты предлагали всем народам России получить Конституционное право культурного самоопределения.

Составной частью программы крайне правой партии «Союз Русского Народа» был великодержавный шовинизм. Русская Монархическая партия по своим идеям, задачам и характеру деятельности была близка «Союзу Русского Народа». Её программа выдвигала требования сохранения единой и целостной великой Российской империи, «свободного развития русской национальной и культурной идеи».

Интересы других наций принимались в расчёт в том случае, если они совпадали с интересами русской нации и не имели политического значения. Особенно шовинистической была политика партии по отношению к евреям, которым, независимо от их религиозных и политических взглядов, запрещалось состоять на государственной службе.

Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) много внимания уделяла национальному вопросу, свою включила в свою программу лозунг полной равноправности всех граждан, независимо от пола, религии, расы и национальности. В отличие от других партий было декларировано право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав Российской империи. Несомненно, это привлекало к социал-демократам многих представителей национальных меньшинств.

Программа эсеровской партии не предусматривала больших реформ в национальной сфере. Выдвигались идеи свободы совести, свободы передвижений граждан по стране. Остальные национальные вопросы эсеры предлагали решать в рамках демократической республики с автономией областей и общин.

Итак, можно видеть, что, во-первых, национальная проблема осознавалась как одна

из главных в программах политических партий, во-вторых, существовал большой разброс в направлениях её решения.

После Октябрьской революции 1917 г. большевиками было провозглашено право свободного развития и равенства всех национальностей и народностей, проживающих на территории России. Это дало сильный импульс формированию наций-этносов на территории бывшей Российской империи.

Первоначально советское правительство заявило, что гарантирует народам России право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Эта национальная политика, нашедшая поддержку у национальных движений, сводилась к двум основным постулатам: признание большой этнической группы в качестве основы нации и признание условием существования и развития нации наличие у неё собственной государственности в рамках федеративного советского государства.

В советский период стала формироваться иерархия этнонациональных образований; автономные республики, области и округа. Так социалистические нации получили право иметь свои национальные государства с разным уровнем полномочий (союзные и автономные республики), социалистические народности - различные формы автономии.

Наиболее интенсивно процесс создания этнонациональных образований шёл в 1918-1922 г. После провозглашения Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) в 1918 г. советская власть была установлена на Украине и в Белоруссии, правительство РСФСР признало их самостоятельность, заключив с ними двухсторонние договора. В 1920 г. были созданы Азербайджанская и Армянская советские республики, в 1921 г. - Грузинская ССР. В 1922 г. они были объединены в Закавказскую социалистическую Федеративную Республику. Внутри новых государств стали возникать в свою очередь новые экстерриториальные образования, ибо число претендентов на «свою» государственность было гораздо большим, чем, возможно, первоначально предполагали большевики.

Так родилась ещё одна инновация «социалистического федерализма» - то есть своеобразная иерархия, схожая по типу с русской матрёшкой. Под неё позднее была подведена особая политическая теория у разных по уровню от своего развития типов этнических общностей. Крупные (более 100 тысяч человек) и более модернизированные группы стали называться нациями, а более

мелкие народностями. Именно первые имели право на создание своей государственности в виде союзных или автономных республик, а для других предусматривались более низкие статусы административно-национальных образований. Но в данном случае многое зависело от компактности расселения групп, степени её политической консолидации и других, также часто субъективных факторов. Причём этнический признак не мог быть строго выдержан в ряде регионов, особенно, где веками не этническая культура, а религия, династическая или региональная принадлежность были гораздо более мощными основами для коллективной идентичности. Такова была, например, ситуация в Средней Азии и на Северном Кавказе.

В декабре 1922 г. произошло оформление Союза Советских Социалистических Республик (СССР), а в 1924 г. была принята первая советская Конституция. На этом процесс огосударствления этничности в бывшем СССР не закончился. В 20-е гг. было проведено национально-территориальное размежевание Средней Азии: на основе Туркестанской, Хорезмской, Бухарской республик были созданы новые, более приближённые к этническим границам республики для узбеков, казахов, таджиков, туркмен и киргизов. Их статус и территории несколько раз изменялись вплоть до 1936 г. Однако достичь этнического преобладания населения всё равно не удалось. Значительная часть узбеков осталась проживать в Киргизии и в Таджикистане, районы с таджикским населением вокруг Самарканда и Бухары были включены в Узбекскую республику.

Многочисленные национально-территориальные образования возникли в 30-е гг. Они сопровождались новыми изменениями границ и статусов. Конституция СССР 1936 г. зафиксировала структуру государства, состоящую из 11 союзных и 20 автономных республик, но и она вскоре подверглась изменениям. А пакт Риббентропа-Молотова 1936 г. позволил СССР вернуть Западную Украину, Западную Белоруссию и Бессарабию. Территория последней вместе с Молдавской автономной республикой входившей в состав Украины, составила новую республику. В 1940 г. к СССР были присоединены Латвия, Литва, Эстония, а в 1944 г. - Тува. К моменту распада СССР в 1991 г. в его состав входили 15 союзных, 20 автономных республик, 8 автономных областей, 10 национальных округов. Всего 53 национально-государственных образования.

Однако эта на вид стройная структура была уязвима последующими проблемами. В этот период в национальной политике возобладала централизация и решение проблем административными методами.

Создание национальных государственных образований происходило на территориях, где проживали представители различных этносов. В силу этого в их состав во многих случаях были включены территории с преобладающим населением других этнических групп. Например, в составе Башкирской автономной Республики численно доминирующим этносом были не башкиры, а татары и русские. Нагорный Карабах с преобладающим армянским населением стал частью Азербайджана. В Казахстан вошли северные области с преимущественным русским населением и т.п. Всё это уже в наши дни породило межнациональные конфликты.

Значительные межнациональные проблемы своими истоками идут ко времени Второй мировой войны. Под сомнительными предлогами о сотрудничестве с фашистами происходило принудительное переселение целых народов под прямым руководством Сталина. Это коснулось таких народов, как поволжские немцы, чеченцы, ингуши, крымские татары, кабардинцы, балкары, национальные автономии которых в период Великой Отечественной войны были ликвидированы, а сами народы депортированы. Секретность военного времени значительно упрощала это дело. Но последствия этого до сих пор, в том числе и в незатихающем чеченском конфликте, постоянном напряжении между ингушами и осетинами и др. народами Северного Кавказа.

С 1956-1957 г. до 1980-х гг. преобладала тенденция формирования единой национальной общности — «советский народ». Национальные языки изучались в основном в начальной школе, ограничивалось развитие национальных культур. И реально в СССР происходили многообразные процессы «перемешивания» народов. Но, с другой стороны, закрепилась жёсткая схема деления страны на союзные и автономные республики, автономные области и национальные округа. Эта схема породила противоречие между т.н. «титовскими» нациями и остальным населением национальных республик.

С распадом Советского Союза в 1991 г. начался, казалось бы, процесс отказа от державно-бюрократического мышления в сфере национальных проблем. Однако в этом процессе было, немало опасных черт. Некогда единая советская цивилизация стремительно распалась. Центробежные силы вычленили, по меньшей мере, несколько больших регионов различной ориентации на территории бывшего Советского Союза.

Это чётко ориентированные на Запад прибалтийские республики, тяготеющие к исламскому миру среднеазиатские республики, Азербайджан,

Северный Кавказ. Существовала также не очень сплочённая славянская общность России, Украины и Белоруссии. Произошёл рост национальной, политической, религиозной, языковой розни. Ухудшение экономической обстановки, нестабильность политики способствовали тому, что нередко стали проявления национальной нетерпимости и ожесточения, конфронтации на национально-политической, религиозной почве. Это в ряде случаев приводило и к вооружённым конфликтам.

Всё это говорило и о распаде представления о едином «советском народе», которого долгое время власть пыталась сформировать. Реально пространство «единого СССР» было многоэтничным. Как уже отмечалось, большинство республик отличалось пёстрым составом населения, а в некоторых (Казахстан, Латвия, Эстония), коренная нация была малочисленнее остального населения.

Нужно также отметить, что среди этносов в весьма проблематичном положении оказался самый большой — русские. Особенно это видно по двадцати пяти миллионам русских, которые с распадом СССР в одночасье, помимо своей воли, оказались за границами России. По прежней классификации они попадали в категорию «национальной группы», живущей на территории других государств.

Таким образом, результатом многолетнего национально-государственного строительства стало, во-первых, появление многочисленных недовольных как уровнем своего статуса, так и границами национальных образований, что заложило основу будущих конфликтов, во-вторых, руками самой власти создавалась социальная сила будущего сепаратизма — партийно-хозяйственная националистическая номенклатура.

Политическая конструкция советского государства, когда его стержнем являлась партия, и интернационалистическая идеология позволяла в определённой мере парировать порождённые угрозы. Этому, кстати говоря, способствовали и периодические репрессии, которые во многом имели функцию инструмента борьбы с национализмом, как мы уже видели, порождаемого периодически самой доктриной этнического национализма.

Можно утверждать, что приобретение национально-этническими конфликтами в 80-е гг. политических оснований, превращение их в главный инструмент борьбы за власть со стороны местных элит и расщепление союзного государства по линиям «этнической государственности», стало прямым следствием недооценки существовавших внутринациональных проблем. И как только в конструкции власти в СССР произошло разрушение в результате «перестройки», тут же разразился системный кризис в сфере нацио-

нальных отношений.

Можно назвать даже точку отсчёта процесса дезинтеграции. Это декабрь 1986 г., когда после известных событий в Алма-Ате, волна национально-этнических конфликтов обрушилась на Баку, Тбилиси, Вильнюс и другие регионы Советского Союза. Политическое руководство и теоретическая мысль абсолютно не ожидали, что именно эти конфликты образуют новую линию, по которой будет происходить распад могучей империи.

Среди российских обществоведов существует и другой взгляд на объяснение истории национального вопроса в России и сегодняшних этнических проблем. Суть его заключается в поиске искажений или ошибок в области национальной политики, в отходе от неких «идеальных» принципов или в «безответственных политических импровизациях последних лет со стороны мало профессиональных политиков». Ряд специалистов в области национальных и этнических проблем предлагают концепцию интерпретации истории и современного состояния, межэтнических вопросов в России, основанную на подходах социально-культурной антропологии, и учитывающую новейшие исследования в сфере изучения этничности, национализма и этнических конфликтов. Сейчас, говоря о национально-государственном переустройстве, необходимо учитывать актуальность приведения законодательства территорий и национальных республик в соответствие с Конституцией Российской Федерации. Трагический опыт перестройки национально-государственного устройства должен быть для нас постоянным напоминанием о том, что в этой тонкой и деликатной сфере категорически нельзя рубить с плеча, как требуют многие горячие головы. Вслед за СССР можно загубить и Россию.

К каким ещё катастрофическим последствиям для России как внутри страны, так и в международном плане может привести реализация планов тех сил, которые делают ставку на разжигание межнациональной розни? Об этом даже не надо говорить, каждый может представить себе сам - пример СССР перед глазами.

Тогда использование национального фактора сработало безотказно. Недооценка обществом опасности, педалирование национальной проблематики оказалось трагической ошибкой с тяжёлыми последствиями. Это должно послужить нам уроком. Нельзя допускать, чтобы уже апробированный сценарий развала СССР был использован вновь, на этот раз для развала России. Сила дешёвых приёмов провокаторов, спекулирующих на на-

циональной тематике, кроется в нашей слабости, неспособности дать им достойный отпор.

Национальная политика в Российской Федерации: тенденции развития.

Политическим деятелям и ученым ещё раз предстоит дать ответ на факт распада СССР, рассмотреть его с политической, экономической и военно-стратегической позиций. В общественно-политической и научной литературе имеется несколько точек зрения по этому вопросу.

Можно согласиться с одной из них: система не выдержала гигантского испытания на прочность собственной структуры, основание её было настолько расшатано и поколеблено, что гигантская машина, не выдержав политических противоречий и интриг лидеров ведущих республик, раскололась на части и замкнулась в собственном национальном котле, где лидеры - бывшие первые секретари ЦК, уподобившись ханам, баям и царькам стали растаскивать это общесоюзное достояние по берлогам, и натягивая на себя одеяло суверенитета, делали неудачную попытку нарисовать народу благополучную красивую жизнь с молочными реками и кисельными берегами.

Ни Б.Н. Ельцин со своими советниками и помощниками из числа завлабов, младших и старших научных сотрудников, ни другие лидеры вновь образованных национальных государств со своими командами не вполне компетентных представителей радикального крыла не видели и не могли знать иного способа для решения проблем национальных отношений и политических обществ, кроме самоопределения вплоть до отделения.

Новые лидеры России, многие из которых впервые вкусили ломоть душистого хлеба - власти, унаследовали глубоко противоречивые взгляды своих предшественников на эти вопросы и повторили многое из той же противоречивой политики. В процессе борьбы за пост президента Б.Н. Ельцин давал откровенные обещания предоставить «этническим территориям» России столько суверенитета, сколько они могут проглотить и восстановить все упраздненные территории этнических автономий. В апреле 1991 г. Верховный Совет принял закон о реабилитации репрессированных народов, который предоставил правовую базу для требований многих групп. Однако не было предусмотрено ни процедур воплощения в жизнь положений этого закона, ни соответствующих ресурсов.

Очевидно, что этнические конфликты не исчезли с распадом СССР. В некоторых райо-

нах они эволюционировали в затяжные войны и этнические чистки. Например, война в Карабахе унесла жизни 13 тыс. человек и превратила в беженцев 1 млн., человек. Более того, 25 млн. русских оказались в положении меньшинства в «ближнем зарубежье», с которыми часто обращаются, как с гражданами второго сорта, и которые уязвимы для насильственных действий.

Это стало одним из основных и неожиданных последствий «снятия» этнических проблем, а так же одним из главных предположений Ельцина и его команды, которое оказалось ошибочным на пути дезинтеграции в отношениях к «ближнему зарубежью», основанному на желаемых ожиданиях и соображениях того, что все советские нации, бывшие жертвами тоталитарной системы смогут гармонично сотрудничать, принимая во внимание интересы друг друга.

При этом некомпетентное и неопытное в большой политике окружение Ельцина явно надеялось, что Россия, как наиболее могучее государство, правопреемник Союза, будет восприниматься как первая среди равных. Однако реальность оказалась совершенно иной. 1991 г. принес кардинальные изменения. Рухнула власть КПСС, произошел распад СССР. В эпицентре происходящих политических и социальных перемен оказалась сложнейшая сфера национальных взаимоотношений в новой России. Эти проблемы по мере формирования основ Российской Федерации разгорались всё сильнее, становились наиболее актуальными.

Первый этап становления новой российской государственности совпал с тем феноменом, который был потом назван «парадом суверенитетов». За ним стоял факт резкого усиления активности национальных и региональных элит, их наступления на позиции центральной власти.

Центробежные лозунги озвучивались лидерами ряда национальных движений. Спираль цепной реакции сепаратизма раскручивалась на разных уровнях, в том числе и на республиканском. Так, например, в Дагестане некоторые национальные движения требовали для себя национальных автономий, толкая тем самым республику на пагубный путь федерализации. Всё это осложнялось территориальными претензиями ряда народов друг к другу.

Межобщинные этнические конфликты возникли в Кабардино-Балкарии. Калмыкия, Дагестан, Чечня выступили с «иском» о территориальных уступках к соседним областям. Апофеозом этнополитических споров явился вооруженный конфликт между Северо-Осетинской и Ингушской республиками из-за давних территориальных споров.

Продекламированный в советские времена тезис о республиканском суверенитете обрёл

вполне конкретные очертания в облике бывших национальных автономий. Такое откровенное повышение статуса национальных республик очень скоро повлияло на позиции некоторых краёв и областей. Синдром «республиканизации» охватил Вологодскую и Свердловскую области, хотя и в гораздо более мягком варианте, полностью базирующимся на верховенстве общероссийского законодательства.⁴ Это был акт чисто демонстрационного характера.

Однако для реформаторов наиболее тревожным фактором стала дезинтеграция Российской Федерации. Из 20 составляющих ее республик многие решили воспользоваться параличом центральной власти в Москве и пойти своей дорогой. Например, Татарстан выбрал путь жестких политических споров и не признал федеральную конституцию и законодательство. С 1992 г. федеральные власти России стали предпринимать серьезные шаги для преодоления сложностей в этнических вопросах.

В марте 1992 г. в Москве был подписан всеми субъектами федерации, за исключением Чеченской и Татарской республик, Федеративный договор, разделяющий властные полномочия. Это было представлено, как главный успех национальной политики Б.Н. Ельцина, который предотвратил дезинтеграцию России. В действительности, Федеративный договор вновь отразил двойственный характер политики, ориентирующейся на желаемое: провозгласить республики «национальными государствами», но, в то же время заблокировать их устремление к независимости при помощи бюрократии центра и директив.

До сих пор оценки договора и в момент принятия, и после этого - разные. Одни считали и считают, что этот документ открывал путь к договорной федерации, являлся прямой уступкой национальным автономиям, укрепляя их позиции и резко ослабляя центральную власть и единство России в целом. Другие рассматривали Федеративный договор как инструмент снижения накала этнологического противостояния и перевода решения проблем в правовое поле.

Есть точка зрения, высказываемая в первую очередь представителями республик, что именно данный договор открыл дорогу превращениям регионов России в подлинную федерацию, поскольку именно здесь было закреплено определение республики как суверенного государства в составе России, достигнут разумный компромисс интересов центра и субъектов федерации, закреплён уже сложившийся баланс их интересов. Тем не менее «страсти по Федеративному договору» продолжаются и сейчас.

Вторым этапом на пути правового обеспечения цивилизованного развития межнациональных отношений и оптимизации устройства российского федеративного государства стала принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Конституция Российской Федерации.

Весной 1993 г. федеральные власти начали отходить от этнического национализма и вводить в политический процесс элементы политкультуризма и территориального федерализма. Новая Конституция России подтвердила существующую структуру государства, состоящую из 63-х административных территорий (края и области) и 21-ой этнической территории (республики и автономные области). Однако особый статус республик был поставлен под вопрос, поскольку всем единицам Федерации были предоставлены равные права и властные полномочия, а в тексте отсутствовало провоцирующее конфликты положение о «суверенитете». С этого времени республики стали определяться не как «национальные государства», а как «государства». Тем самым устранялась иерархичность в соотношении статусов объектов Российской Федерации, имевшая место в Федеративном договоре: национально-государственные (республики), национально-территориальные (автономная область, автономные округа), административно-территориальные (края, области). Эта разнотипность несла на себе ощутимые признаки неравноправия.

Вместе с тем в Основном Законе подчеркивалось, что, несмотря на равноправие её субъектов, Российская Федерация характеризуется асимметричностью, т.е. наличием в её составе государственных образований, основанных на национально-территориальном (республики, автономии) и территориальном принципе (края, области, города федерального значения). Это обусловило некоторые различия в их правовом статусе, в уровне социально-экономического развития.

Эта асимметричность определяется и характером двусторонних договоров о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти одного из субъектов федерации.

Возросшая опасность распада государства заставила Федеральную власть отказаться от заведомо ложных посылок и вписать в свой вариант Конституции, что носителем суверенитета является много национальный народ, что суверенитет и федеральные законы распространяются на всю целостную и неприкосновенную территорию всех субъектов Федерации (республик, краёв, областей, автономных округов), между которыми не допускается установление таможенных границ, что гражданство и деньги едины. Однако

подтверждённая приверженность федерализму дезавуируется жёстким фактическим централизмом центральной власти.

Характерно, что понимание серьёзных проблем, имеющих место в национальной сфере, и необходимости применять новые подходы для их решения, стали проникать даже в высшие эшелоны власти Российской Федерации. Примером тому служит ежегодное послание Федеральному собранию, в котором Б.Н. Ельцин впервые порвал с прошлой традицией этнонационализма. Стоит подчеркнуть, что впервые в советской и постсоветской истории руководитель страны говорил об огромных противоречиях предыдущей национальной политики: «Множество национальных проблем вызвано противоречием между двумя принципами, положенными в основу государственного устройства РФ: национально-территориальным и административно-территориальным. Сегодня, когда происходит разделение властных полномочий между федеральными органами и субъектами федерации, это противоречие стало абсолютно ясным. В современных условиях существует историческая необходимость сочетания обоих принципов. В то же время, это противоречие будет уменьшаться, благодаря новому пониманию нации, «как согражданства, закреплённого в Конституции».⁵

Третьим этапом на пути разрешения проблем национальных отношений в Российской Федерации была середина 1996 г., когда была обсуждена в Государственной Думе РФ и утверждена Указом Президента Российской Федерации в июне 1996 г. «Концепция государственной национальной политики». Этот документ имел большое общественно-политическое значение, был основан на общих принципиальных подходах к национальной сфере. Принятие концепции, имеющей весьма непростую судьбу, знаменовало собой окончание периода открытой, либо завуалированной конфронтации исполнительной и законодательной власти в области национальных отношений и начало их делового взаимодействия на почве поиска продуктивных решений.

В этот период осуществляется ещё одно событие, обеспечившее стабилизацию в развитии отношений между Федеральным центром и национальными республиками, проявившееся в принятии Федерального закона «О национально-культурной автономии». Целью этого документа являлось создание по-настоящему эффективной системы удовлетворения этнокультурных, общественно-политических, социальных и иных запросов народов многонациональной России.

Особенностью данного Закона было то, что он представлял собой новый шаг, новую модель

правового регулирования национальных отношений без жесткой привязки каждого народа к определенной территории, как это было до сих пор.

Нужно отметить, что большинство субъектов Российской Федерации, национальные общественные объединения, международные организации признали правомерность концепции данного закона, подтвердили, что в нём нуждаются не только граждане, но и государство, общество в целом, ибо это шаг к социальному диалогу и гражданскому миру. К тому же закон положительно повлияет на переговорный процесс со странами ближнего зарубежья в решении проблем этнических россиян, проживающих в этих странах.

В этой существенной работе по организации национально-культурных объединений необходима координация и взаимодействие в их деятельности, предостережение от отдельных неправильных толкований и подходов в борьбе за лидерство. Здесь нужно усиливать содержательную сторону автономии, а не увеличивать количество руководителей, что приведет, в конечном счете, к малоэффективным действиям.

Нужно расширить возможности активно действовать национально-культурным центрам, различным ассоциациям, конгрессам, группам и др. объединениям. Теперь для таких формирований появилась правовая основа. Однако факт усиления внимания российской власти к национальным проблемам никак не мог означать, что законы принятые Государственной Думой непременно выполняются и внедряются в обществе. Бывает так, что не сразу определяется механизм выполнения этих законов, а случается что кризисные явления, политическая нестабильность, преступность, коррупция и др. факторы никак не способствуют укреплению единства общества, окончательного установления гражданского согласия, в том числе и в сфере межнациональных отношений.

Всё это грозит разрушению хрупкому законодательному сооружению, которое должно обеспечить стабильное развитие российского многонационального государства.

Таким образом, можно сказать, что деструктивные силы, имеющие связи во властных структурах способны подвергнуть опасности отношения между национальными республиками, создать конфликтные ситуации и разжечь национально-религиозную рознь. Так было ни один раз в республиках Северного Кавказа, Поволжья и др.

Поэтому невольно возникает вопрос о механизме действия и модели развития, определённых в рамках Основного Закона, о возможности

Конституции Российской Федерации защищать национально-государственные интересы в целом страны, каждой республики и её гражданина.

Эти вопросы всё больше и больше выносятся на широкое обсуждение представителями политических фракций, различного рода групп, объединений по мере приближения выборов в Государственную Думу, Мособлдуму, а в марте 2004 г. - Президентским выборам.

К сожалению, у нас стали забывать о тёплых словах дружбы, братстве, единстве. Народ не виноват в сложившейся ситуации, думаю, власти самой России отодвинули на второй план проблему межнациональных отношений, вроде бы всё само собой разрешится. То, что Россия является многонациональной - это благо для неё. Возможность обогащения друг друга знанием о новой культуре, обычаях должна быть направлена на созидание, но еще не все органы исполнительной и законодательной власти понимают, как остро стоит эта проблема. И это тревожный сигнал. Эта тема должна постоянно быть на устах у президента, у председателя правительства, министров всех уровней, депутатов Государственной Думы, членов Совета Федерации, региональных лидеров и ученых-обществоведов. Только сообщая мы можем сделать так, чтобы каждый народ в многонациональной России чувствовал себя комфортно.

И для избрания правильного пути в проведении национальной политики необходимо в России учитывать с одной стороны мировую практику, нормы и принципы, на которых основаны международно-правовые документы, а с другой - российские традиции, обычаи и специфику, необходимые изменения в национальном общественном сознании и способах мышления с учетом традиций и менталитета.

Пути разрешения непростых отношений федерального центра и республик, «титულных» национальностей с другими, а так же социально-политические и экономические проблемы, влияющие на национальные отношения, всегда занимали власть, общество в центре и на местах.

Перспективы политики межнационального согласия.

Наиболее актуальные проблемы межнациональных отношений занимают интерес политических деятелей и ученых, способствуют проведению широких научно-теоретических конференций, круглых столов, дискуссионных клубов, где вырабатываются общие принципы и подходы перспективы межнационального согласия, осуществляются различные проекты, составной частью которых являются безотлагательный характер по активизи-

зации усилий для сохранения целостности России, укрепление её государственности, формирования межнационального согласия и оптимизация межэтнического взаимодействия.

Сегодня - стабильное межэтническое взаимодействие и достижение межнационального согласия - это не только основные задачи огромной важности, но и неперемное условие укрепления политического, экономического, социального процесса и сплочения российской государственности.

Тесная взаимозависимость всех этих проблем и предопределяет актуальность совершенствования национальной политики, выработку принципов определения перспектив современного развития России. Поэтому глубокое изучение и анализ национальных проблем, применения теоретических положений на практике во многом определяют судьбу нашего Отечества в недалёком будущем. Необходимо отметить, что межнациональные отношения в России представляют собой сложную и еще далекую от полного разрешения проблему, решение которой требует искоренения национализма, привития уважения к национальному самосознанию всех людей и развития форм многонационального демократического существования и сотрудничества одних государств с другими.

Россия изначально формировалась как многоэтническое государство, и ныне отличающееся уникальным многонациональным составом населения. Поэтому в ней проблемы национальной политики всегда играли и продолжают играть исключительное значение. Помимо этого в результате распада СССР за границами нынешней России остались миллионы этнических русских, что придает национальной политике России международный характер.

С развалом СССР, крахом советской государственной системы начался процесс движения от общества с наследием тоталитаризма и административных методов в политике, в том числе национальной, к демократическому обществу современного типа. Однако в этом процессе оказалось немало опасных сторон.

Сплоченная силовыми и идеологическими методами старая система развалилась, и центробежные силы вычленили из нее множество различных по типу и размерам национально-этнических образований с разными ориентациями, со своей социально-экономической, культурной, религиозной спецификой. В результате произошел рост национальной, политической, религиозной, языковой розни, а вместе с тем - нетерпимости, ожесточения, нередко приобретающей формы конфронтации на национальной почве, вплоть до вооруженных конфликтов.

Россия и страны СНГ, правда, не представляют в этом отношении какого-то исключения в современном мире. В начале XXI в. заметно обострились этнические противоречия во многих регионах мира, особенно в странах Ближнего Востока (Израиль - Палестина), в бывшей Югославии, Индии, Афганистане. Во многих странах Африки и даже во вполне благополучных западных странах - Канаде, Испании, Великобритании и др.

Если рассматривать развитие наций на территории современной России, специфику их становления, то выявляются противоречия в построении государства, опирающегося как на национально-территориальные, так и на административно-территориальные начала. Преодоления, снятие негативных сторон этого принципа, порожденного существованием названных двух начал, представляется важным и приоритетным.

Путь к этому - не немедленное бездумное разрушение сложившегося, пусть и несовершенного государственного устройства, не «губернизация» республик или «республиканизация» краёв и областей, а утверждение на деле положения о равноправии всех национальных групп в каждой республике, в каждом регионе, в масштабах всей России и во всех сферах общественно-политической и экономической жизни.

Фундаментальным принципом «современной национальной политики является приоритет прав человека: обеспечение прав и свобод каждой личности, независимо от национальной принадлежности. Это основная идея современного цивилизованного подхода к решению национальных проблем. Хотя этот принцип и выглядит несколько абстрактно, он имеет весьма широкое измерение и применение, поскольку ориентирует такие политико-правовые нормы национальных отношений, как право на национально-культурную автономию различных народов и наций, правовой статус этносов, способы разрешения этнических конфликтов и т.п.

Нужно отметить, что это в правовом и политологическом смысле вполне логично. Основные права человека более фундаментальны, чем этнические права человека - право на жизнь, на свободу, на достоинство и др. даны ему от природы, самим фактом его рождения. С другой стороны, эти права постепенно закреплялись в актах конституционного характера в странах западной цивилизации (Хартия вольностей, Билль о правах, Декларация прав человека и гражданина в Англии, США, Франции). В течение XX в. основные права человека были закреплены в

конституциях практически всех развитых стран.⁶

Определенная проблема для политической жизни России состоит в том, что в предшествующий социалистический период у нас было отличное от западного (либерального) понимание прав человека. В либеральной модели человек обладает неотчуждаемыми правами и свободами, независимыми от государства. В социалистической модели основной упор делался на социальные права, предоставляемые государством - право на труд, образование, медицинское обслуживание и т.п. Поэтому до сих пор в российской политике интересы государства часто ставятся выше прав человека.

В международной жизни права человека регламентируются тремя главными международными документами: Всеобщей декларацией прав человека, принятой ООН в 1948 г. и более поздними: Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах и Международным пактом о гражданских и политических правах. В сумме эти документы часто называют Международным биллем о правах. Эти документы ратифицированы большинством государств мира, в том числе и Россией.

С принятием в 1993 г. новой Конституции Российской Федерации вопрос о правах человека приобрел в России твердое законодательное основание. Ст. 2 Конституции РФ устанавливает: «Человек, его права и свободы, являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства», а ст. 6 Конституции гарантирует, что каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации». Естественный характер прав гражданина вытекает из того, что носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ (Ст. 3 Конституции РФ).⁷ Эта важнейшая основа конституционного строя России практическую реализацию получает через политические права каждого человека.

Для понимания конституционных основ национальной политики важна ст. 19 Основного Закона, которая устанавливает: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а так же других обстоятельств. Запрещаются

любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности».⁸ Конституция Российской Федерации (ст. 13) запрещает также создание общественных объединений, направленных на разжигание расовой, национальной и религиозной розни.

Необходимо отметить, что Конституция РФ как основной политико-правовой документ устанавливает приоритет прав, порожденных гражданством, перед правами национально-этнического типа. Гражданство это устойчивая политико-правовая связь, в силу которой на человека распространяется полная юрисдикция данного государства. Гражданин обладает всей полнотой прав, существующих в данном государстве, и несет все гражданские обязанности.

Итак, можно видеть, что Конституция Российской Федерации закладывает цивилизованные базисные нормы соотношения прав человека и национальной политики. Тем более, что её статья 16 устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются частью её правовой системы.

Из рассмотренных положений следует принцип, который можно обозначить как деэтнификацию политических и государственных отношений и, соответственно, деполитизацию национальных отношений. Пока этот идеал еще далек от реальности, в том числе и в России. Однако можно согласиться с мнением профессора В.А. Тишкова о том, что постепенно «национальность должна стать частным делом гражданина, объектом его культурных, языковых и бытовых предпочтений».⁹

Наиболее проблемным в этом вопросе является столкновение прав и свобод отдельного человека и коллективных прав определенной общности, прежде всего этнической. Вообще говоря, человек не может ощущать себя полноправным, если в чем-то урезаются права общности, с которой он себя соотносит. В результате индивидуальные права человека оказываются связанными с коллективными правами.

К таким коллективным правам принято относить право на национальное самоопределение. Как уже отмечалось, право наций на самоопределение было в свое время главным пунктом программы большевиков по национальному вопросу. Это право в той или иной форме закреплено в некоторых важных международных документах. Так, в первой статье Устава ООН говорится: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободны определять свой по-

литический статус и свободны в осуществлении своего экономического, социального и культурного развития».

Если буквально следовать этой норме, то можно сделать вывод, что, например, Чечня, Абхазия, Приднестровье имеют право отделиться соответственно от России, Грузии и Молдавии. Однако нужно иметь в виду, что право на самоопределение, когда оно получало международное признание, подразумевало право на независимость, поскольку речь тогда шла о народах освобождавшихся от колониальной зависимости. Одновременно при этом были установлены условия, при которых нация или народ имеют право на самоопределение, ведущее к независимости. Международное сообщество может поддерживать стремление народа к независимости и образованию собственного государства, если этот народ находится в условиях военной оккупации, если в прошлом он имел свое собственное государство или был частью другого государства, если он занимает четко определенное территориальное пространство.

Поэтому можно сказать, что право на самоопределение признается ныне в очень ограниченной форме. Некоторые же политологи считают это право вообще устаревшим и неприменимым к современному миру, где уже практически нет моноэтнических регионов.

Право на самоопределение не считается фундаментальным правом, и приоритет в национальной политике отдается правам человека и праву на национально-культурную автономию, не предполагающую права на независимость. Территориальная целостность в полиэтнических государствах, а иных практически не осталось, также важнее права на самоопределение.

Пересмотр отношения к проблеме самоопределения проявляется и в дискуссиях вокруг понятий «нация» и «народ». Дело в том, что «общепринятого юридического, социологического и политического определения этого понятия в международном праве нет. Дискуссия по этому поводу в ООН, в конечном счете, свелась к выводу о том, что термин «народ» следует понимать не в этническом смысле, а как обозначение всех жителей конкретной территории». ¹⁰ Есть также точка зрения, что право на самоопределение относится к народам, а не к меньшинствам, понятие «народ» применимо только к большинству населения государства. Поэтому самоопределение, понимаемое как независимость, не является правом меньшинств, иначе сепаратизм может разрушить все сложившиеся границы между государствами.

Таким образом, можно сделать вывод, что

базисным современным принципом, ориентирующим национальную политику является приоритет прав и свобод человека и гражданина. Права национальных общностей не должны абсолютизироваться, в частности право на самоопределение в наши дни признается международным сообществом в ограниченном смысле как право на «внутреннее самоопределение»: как право народов внутри своих государств на национально-культурную автономию в рамках федеративного или даже унитарного государства.¹¹ В национальной политике произошел отказ от принципа «один народ - одно государство», в котором заложена открытая или потенциальная национально-политическая конфликтность.

Россия полиэтническое федеративное государство, в котором кроме русских, составляющих более 80 % населения, живут около 150 народов. Одни из них насчитывают более миллиона, другие несколько тысяч или даже сотен человек. Свое право на национальную автономию наиболее крупные народы осуществляют в рамках нынешнего административно-территориального деления Российской Федерации. Существует две основных формы автономии: национально-государственная (21 республика), национально-территориальная (10 автономных округов и 1 автономная область). Помимо этих форм государством признаётся также возникшая в последнее десятилетие национально-культурная автономия, которая не требует административного оформления и может поэтому рассматриваться как шаг к разгосударствлению этнического фактора.

Рассмотрим теперь, как может проводиться демократическая национальная политика в ситуации такого этнического разнообразия. Ключевым вопросом здесь является проблема защиты прав национальных меньшинств.

Эта проблема признана не только в России, но и в большинстве многонациональных государств. Проблема меньшинств актуализировалась во всем мире, что связано с ростом этнического самосознания, национальными движениями, активизацией миграционных процессов. Характер ее решения рассматривается в качестве важного критерия уровня политической демократии в стране.

Обоснование определения понятия «национальные меньшинства» или подходы к его определению содержатся в ряде международных документов: Хельсинский заключительный акт по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975), Итоговый документ представителей государств - участников СБСЕ (1989), Документы Копенгагенского и Московского совещаний Конфедерации по человеческому измерению (1991) и др.

Наиболее обобщенно определение этого понятия дано в докладе Женевского совещания экспертов СБСЕ по данной проблеме (1991): национальным меньшинством считается компактно проживающая этническая общность в составе суверенного государства, имеющая своё национально-государственное или иное образование, и лица некоренной национальности, проживающие разбросанно на территории данного государства.

При некоторых различиях в определениях под «национальным меньшинством» понимается этническая общность в составе государств мирового сообщества, которая нуждается в защите от возможной дискриминации и нарушения гражданских, политических и иных прав.

Как видим, в основе этого определения (которое можно отнести также к определению «малочисленные народы») лежит не наличие или отсутствие у данной этнической общности своего национально-государственного или иного образования, а то обстоятельство, что в силу сравнительной малочисленности и непринадлежности к «коренной» нации она нуждается в защите от возможной дискриминации, нарушения гражданских, политических и иных прав.

Как уже говорилось, в XX в., особенно в периоды мировых войн, распада многонациональных империй и соответствующей перестройки границ нередко применялись репрессивные методы по отношению к национальным меньшинствам. Можно вспомнить массовые убийства армян в Турции, различного типа депортации, которые применялись и в начале прошлого века, и в период Второй мировой войны, в том числе и в СССР.

Нужно также отметить, что в нашей стране в советский период проблемы предоставления автономии национальным меньшинствам активно обсуждались в 20-е гг. прошлого столетия. В это время было создано несколько сот национальных административно-территориальных единиц (национальные районы, национальные сельские советы), функционировали национальные школы, различные культурные организации, в системе государства были органы по делам меньшинств.

Однако с 30-х гг. стала проводиться политика унификации административного деления и ассимиляции. Многим малочисленным народам Севера и Сибири навязывались несвойственные им формы жизни и деятельности, например, вводилась принудительная оседлость. В итоге это привело к разрушению традиционного образа жизни национальных меньшинств, утрате родного языка и культуры. Более того, многие малочисленные народы

оказались на грани исчезновения. Поэтому защита их прав и восстановление национально-культурной автономии на современном цивилизованном уровне является весьма актуальной проблемой российской национальной политики.

Кроме того, на постсоветском пространстве проблема меньшинств воспринимается остро и потому, что вследствие распада СССР многие народы оказались разделёнными государственными границами. Возникли многочисленные диаспоры, которые в новых государствах стали рассматриваться как меньшинства.

Поэтому важным вопросом является проведение продуманной и сбалансированной национальной политики, в которой, с одной стороны, учитывалась бы необходимость реальной защиты прав национальных меньшинств, с другой стороны, чтобы это делалось не за счёт прав других народов, которые проживают на данных территориях.

В Российской Федерации правовая основа для решения этих проблем стала создаваться в соответствии с международными нормами с принятием новой Конституции. Ее ст. 69 устанавливает: «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации».¹² В ст. 71, 72 определяется, что защита прав национальных меньшинств, защита их исконной среды обитания и традиционного образа жизни находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Россия также выступила инициатором заключения Конвенции стран Содружества Независимых Государств об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, которая была подписана участниками СНГ 21 октября 1994 г. Рассмотрим кратко некоторые положения этой Конвенции. Ее ст. 2 устанавливает: «Принадлежность к национальному меньшинству является вопросом индивидуального выбора заинтересованного лица, и такой выбор не влечет за собой каких бы то ни было неблагоприятных последствий для упомянутого лица». Статья 3 «гарантирует лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, гражданские, политические, социальные, экономические, культурные права и свободы в соответствии с общепризнанными международными стандартами в области прав человека и ее законодательством. Каждая из Договаривающихся Сторон примет меры для недопущения на своей территории какой-либо дискриминации граждан по признаку их принадлежности к национальному меньшинству».

Более конкретные вопросы национальной политики России по отношению к меньшинствам закреплены в таких законах РФ, как «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», «О языках народов Российской Федерации», «Об образовании».

Помимо этих форм государством признаётся также возникшая в последнее десятилетие национально-культурная автономия, которая не требует административного или территориального оформления и может по этому рассматриваться как шаг к разгосударствлению этнического фактора.

Важным и новым направлением национальной политики в этом отношении стало регулирование права меньшинств на национально-культурную автономию.

В 1996 г. Госдума приняла закон РФ «О национально-культурной автономии». В соответствии с ним национально-культурная автономия рассматривается как форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой общественное объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определённым этническим общностям, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. Национально-культурная автономия не требует территориально-государственного оформления. Ее принципами, записанными в ст.2 Закона «О национально-культурной автономии» являются: самоорганизация и самоуправление, многообразие форм внутренней организации, сочетание общественной инициативы с государственной поддержкой, уважение языка, культуры, традиций и обычаев граждан различных этнических общностей, соблюдение законности. Законом также предусмотрены формы координации деятельности национально-культурных автономий консультативные советы при Правительстве РФ, органах исполнительной власти субъектов РФ местного самоуправления.¹³

Сейчас в России уже действуют сотни национально-культурных автономий. Например, в Приморском и Хабаровском краях их имеют украинцы, белорусы, татары, немцы, евреи, корейцы, эстонцы, молдаване и ряд других этнических общин. Видимо успешность их работы во многом будет зависеть от того, как будет реализован один из принципов национально-культурной автономии: сочетание общественной инициативы с государственной и муниципальной поддержкой.

Еще одним важным направлением политики по правам меньшинств, является защита прав «коренных» малочисленных народов. В совре-

менном законодательстве Российской Федерации к таким народам относят: народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями. В основном это малочисленные народы Севера и Сибири: алеуты, долганы, ительмены, кеты, коряки, манси, нанайцы, ненцы, нивхи, орочи, саамы, селькупы, удэгейцы, ульчи, ханты, чукчи, эвенки, эскимосы, юкагиры и др. Список этих народов пересматривался несколько раз, в 2000 г. в него было включено 45 народов, общей численностью около 200 тыс. человек.

Внимание к правам подобных народов ныне уделяется и в ряде других развитых стран - Канаде, Финляндии, Швеции и др. Международные стандарты в этой сфере предусматривают следующие основные положения.¹⁴ За коренными народами признаются права собственности и владения на земли, которые они традиционно занимают, право на природные ресурсы на этих землях или на участие в их использовании. Признается право компенсации за ущерб, который может быть им причинен в результате эксплуатации природных ресурсов на таких землях. Запрещается переселять коренные народы с территорий, которые они традиционно занимают. Государства обязаны разработать особые законы в отношении трудоустройства коренных народов, профессиональной подготовки, социального обеспечения и здравоохранения, если общее законодательство страны не в состоянии обеспечить права коренного населения в этих областях.

В этой связи нужно отметить, что Россия не ратифицировала указанную Конвенцию, хотя и является членом Международной организации труда, проблема здесь в том, что в районах проживания коренных малочисленных народов Севера сосредоточена преобладающая часть нефти - и газодобычи страны, которая сейчас составляет основу российской экономики. Поэтому государство должно или признать право собственности коренных народов на эти ресурсы и выплачивать им значительные компенсации, или же ограничить деятельность этих важных для страны отраслей.

Поэтому пока в политике России в отношении коренных народов преобладают направления, связанные с защитой культуры, языка, традиционных типов деятельности. В отличие от предшествующих времен, когда государство навязывало этим народам формы жизни и труда, типичные для всего населения страны, ныне в отношении коренных малочисленных народов проводится политика, регулируемая следующими принципами:¹⁵

- ответственность правительства за проведение деятельности по защите прав этих народов и установлению гарантий их этнической целостности;

- бережное отношение к системе традиционных ценностей и институтов коренных народов, возможность им самим устанавливать приоритеты своего развития;

- признание традиционного хозяйства коренных народов важнейшим фактором сохранения их культуры и экономической самостоятельности;

- принятие специальных мер для охраны окружающей среды, культуры собственности коренных народов.

Остается также важной проблема совместимости демократии и прав национальных меньшинств. Дело в том, что ныне наиболее демократичной считается мажоритарная система выборов. Она построена по принципу: «один человек - один голос». В результате автоматически получается недостаточное представительство меньшинств в выборных политических органах.

В западных странах, озабоченных правами меньшинств, ныне разрабатываются различные модели демократии для полиэтнических государств, основанные на идеях «демократии согласия или участия». В ней предусмотрены механизмы, позволяющие даже небольшим по численности группам занимать место в системе управления, обладать правом вето по вопросам культурной автономии и по другим вопросам, затрагивающим их интересы». ¹⁶ Также начинает вводиться практическая политика т.н. «интегральной демократии», при которой волей лидеров государств обеспечивается соучастие этнических общностей во власти. Например, такая политика характерна для последних президентов США Б. Клинтона и Дж. Буша, которые тщательно предусмотрели присутствие в правительстве и в своем окружении представителей национальных меньшинств.

В этой связи нужно отметить, что в современной России такая практика еще не возникла. Даже Совет Федерации, который призван представлять интересы национальных образований, во многом формируется из московских политиков. Наиболее яркий пример этому - членство в Совете Федерации вдовы бывшего мэра Петербурга Л. Нарусовой в качестве представителя от Республики Тува. Таких примеров множество.

На основе уже рассмотренных вопросов можно полагать, что современный отечественный и зарубежный опыт свидетельствует о том, что решение межнациональных проблем возможно в рамках комплексного подхода, включающего следующие основные направления:

- обеспечение прав и свобод каждой личности, независимо от национальной принадлежности, что

является основой современного цивилизованного подхода к решению национальных проблем;

- отказ от старой идеи «о праве наций на самоопределение» (иначе в современном полиэтническом мире с высоким уровнем миграции и перемешивания народов пришлось бы перекраивать все границы), но одновременно гарантия каждому народу права на национально-культурную автономию: на возможность беспрепятственно развивать собственную культуру, язык, религиозные традиции и т.п.;

- выравнивание экономического развития национальных регионов в рамках страны, без чего у одних народов всегда будет подозрение, что их обделяют другие народы. ¹⁷

- наконец, очень важна пропаганда идеи развития многонациональной и многокультурной общности как формы современной цивилизации.

Все эти направления разрешения межнациональных проблем, различные модели межнациональной толерантности во многом применимы для поддержания межнационального мира и согласия в современной России. Нации и народности в России и в некоторых странах СНГ (Украина, Прибалтика, Казахстан, Белоруссия, в меньшей степени государства Кавказа) перемешаны не меньше, чем в странах Европы. Поэтому они должны научиться мирно жить и сотрудничать в многонациональной многоконфессиональной среде.

Путь к такому толерантному обществу, конечно, труден и требует не только строгого соблюдения прав человека и прав различных национальных меньшинств. Нужна значительная трансформация политической психологии населения. Межнациональная терпимость требует культуры консенсуса как условия ненасильственного разрешения любых межнациональных противоречий. Важны также объективные условия, прежде всего устоявшиеся традиции мирного совместного существования разных народов. В принципе в современной России есть условия и признаки, которые свидетельствуют о том, что путь к толерантному многонациональному и многокультурному сообществу вполне возможен. Как он видится?

Во-первых, в многовековой истории России преобладают традиции такого сосуществования. Как отмечалось выше Россия с самого основания была многонациональной страной. Между основными этническими группами в ней не было серьезных конфликтов в прошлом. Такие традиции мирного сосуществования оказывают значительное влияние на историческую память народов и в случае возникновения противоречий уменьшают вероятность насильственных конфликтов.

Во-вторых, важно, что терпимость присутству-

ет на низовом повседневном уровне. Например, в России весьма велико количество смешанных браков. Это возможно лишь в таком обществе, где существует определенный уровень доверия и стабильности в межэтнических отношениях.

В-третьих, важно отсутствие раздельных для этнических групп систем образования. Это способствует увеличению контактов между представителями разных национальностей, а также хорошо влияет на восприятие общегосударственных ценностей. Дело в том, что обособленность образования могла бы привести к тому, что этнические группы стали бы ссылаться каждая на свою собственную историю, культуру и т.п. Это обостряло бы этноцентрические настроения, приводило бы к возникновению у тех или иных национальностей чувства исключительности и вело к противопоставлению одной этнической группы другой.

Конечно, эти условия еще не гарантируют автоматического движения к толерантному многонациональному сообществу. Требуется постоянная и хорошо продуманная национальная политика, которая объединяла бы народы России, не навязывая им при этом какие-то единые стандарты.

Таким образом, переход к демократическим формам жизни активизировал не только политические, экономические, но и этнополитические процессы в современной России. Отсюда возросла роль метода конструктивного диалога, сопоставление точек зрения, разных подходов и оценок межнациональных отношений.

Невозможно эффективно осуществлять деятельность в решении межнациональных отношений без знания объективных тенденций, без вскрытия противоречий и возникающих межнациональных конфликтов в их развитии.

Механизм национальной политики определяется характером политического режима, уровнем сложности решаемых задач, целями её субъекта, принимающего решения. В цивилизованном обществе должно быть правилом, чтобы в национальных отношениях были распространены совместные решения, выработанные на основе демократических механизмов и процедур.

Принятие решения должно завершаться его выполнением, а потому в национальной политике должна существовать технология, включающая организационные, государственно-правовые, информационные, контрольные и др. элементы обеспечения обязательности выполнения решений. К сожалению, вследствие поверхностного знания межнациональных процессов протекающих в России, сегодня ни теоретики, ни практики оказались не готовы к предсказанию негативных явлений в этих процессах, а стало быть, и в выработке обоснованных рекомендаций по преодолению

нынешнего кризиса в области межэтнических и межнациональных отношений.

При выборе обществом, государством курса на решения национального вопроса необходимо не только предвидеть относительно удаленные последствия предпринимаемых действий, но и постоянно проверять этот выбор практическим опытом, здравым смыслом.

Методы руководства национальной политикой должны способствовать её проведению средствами разъяснения, убеждения, доказательства, демократических приемов с учетом общественного мнения, интересов различных субъектов этнополитики. Они должны отвергать волюнтаризм, некомпетентное вмешательство в любую из сфер национальной проблемы.

Основу нового концептуального подхода должны составлять представления об исторической незавершённости процесса национальной консолидации россиян как граждан единого государства. Потерпевшая крах политика централизма с опорой на местные партократические элиты и сдерживания реального культурного многообразия, должна уступить место политике поощрения естественного взаимодействия двух противоречивых и взаимозависимых процессов: этнокультурной эволюции и социально-экономической интеграции на общегражданской основе. Национальная идея может и должна быть соотнесена с идеей целостности Российской государственности.

Примечания

- 1 Вечерняя Москва. 19 сентября 2002.
- 2 Там же, спецприложение «Вместе». 8 августа 2002.
- 3 Там же, спецприложение «Вместе». 19 сентября 2002.
- 4 См.: Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты на постсоветском пространстве. М., 1999. С.97.
- 5 Российская газета. 22 февраля 1993.
- 6 См.: Чудаков М.Ф. Конституционное государственное право зарубежных стран. Минск, 1998. С.233.
- 7 Конституция Российской Федерации. М., 2002. С. 4.
- 8 Там же. СЛО.
- 9 Тишков В.А. О нации и национализме // Свободная мысль. 1996. № 3.
- 10 Тураев В.А. Этнополитология. М., 2001. С. 93.
- 11 Нужно отметить, что в России с такой трактовкой не согласны многие представители региональных этнических элит, которые настаивают на сохранении старого принципа права народов на самоопределение по крайней мере в идеологическом и моральном плане. Они опасаются того, что если лишить народы этого морального права, то этническая сплоченность и национальная культура будут разрушаться (см.: Гусейнов О.М. О самоопределении как моральном праве народов // Социально-политический журнал. 1993. № 11-12).
- 12 Конституция Российской Федерации. М. 2002. С. 27.
- 13 См.: Тураева В.А. Этнополитология. Уч. пособие и хрестоматия. М., 2001. С. 172.
- 14 Они закреплены в конвенции 169 Международной Органи-

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ РЕШЕНИЕ В СОВЕРЕННОМ РОССИЙСКОМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ

Конституция Российской Федерации 1993 г. (ст. 7) объявила Россию «социальным государством». Это явилось отражением острой необходимости решить насущные проблемы общества, которые грозят перерасти в национальную катастрофу. Особенно ярко эти проблемы проявляются в сфере экономических (производственных) и социальных (потребительских) отношений. Уничтожение общенародной собственности, обнищание большей части населения страны в ходе стихийных частнособственнических отношений, критическое социальное расслоение российского общества на классы угнетателей (эксплуататоров) и угнетенных (людей труда), постоянно растущая безработица, разрушение инфраструктуры социальной сферы – все это обостряет и без того критические противоречия в обществе.

Почему же Россия, объявленная «общественным (т.е. социальным) государством» и обладающая таким большим экономическим и интеллектуальным потенциалом, не в состоянии преодолеть кризис в социальной сфере? Почему декларированные в основном законе государства права и свободы человека в реальной жизни остаются не реализованными? Почему кризис в социальной сфере продолжает развиваться и углубляться?

Отвечая на эти вопросы, следует учесть, что основной причиной проводимого любым государством политического курса является, как бы это ни скрывалось и ни отрицалось, характеристика базиса общества, ибо общеизвестно, что экономика определяет политику, а политика служит формированию, утверждению и развитию вполне определенного способа производства.

Современная цивилизация представлена в основном двумя общественно-экономическими формациями: капитализмом и социализмом. И главная сторона здесь – отношения собственности, экономический механизм, т.е. способ производства и распределения материальных и духовных благ. Они и определяют, в конечном итоге, ту или иную формацию, как бы она ни совпадала или отличалась при этом от другой формации по средствам производства и политическому режиму.¹

Прежде чем приступить к рассмотрению самих социальных проблем государства, представляется

необходимым исследовать понятие государства, так как даже на первый взгляд определения государства в современной политологической литературе (и не только в ней) существенно различаются. Эти различия в трактовке столь важного политологического и обществоведческого явления и понятия обусловлены объективным разделением представителей ученого мира, во-первых, на идеалистов и материалистов; во-вторых, на позитивистов, склонных достаточно поверхностно рассматривать и изучать явления общественной жизни, в общем, и государство в частности, и на диалектиков, которые исследуют общественные явления, рассматривая их, исходя из закономерностей происходящих процессов развития этих явлений, внутренний источник которых усматривается в единстве и борьбе противоположностей;² наконец, в-третьих – различия взглядов обусловлены наличием разных классовых интересов. Следовательно, и понятия социальных проблем государства будут рассматриваться разными авторами и в разной литературе неодинаково, а, зачастую, и прямо противоположно. Также и решение этих проблем будет планироваться различными специалистами по-разному.

Итак, в современной научной литературе можно встретить *различные определения государства*. Рассмотрим некоторые из них.

В «Современном политологическом словаре», изданном в Москве в 2000 г., сказано, что термином «государство» обычно обозначается политико-юридическая организация данной социальной группы на данной территории, характеризующуюся собственными целями, отмеченная монополией законной власти и развившаяся в течение определенного исторического периода». ³ «В формальном смысле государство... является «временной политической формой», т.к. обозначает особую систему власти, исторически поддающуюся определению в своей приближенной точке рождения и своих фазах изменения». ⁴

Из данного определения не ясно, какими признаками обладает «данная социальная группа», которые могли бы дать ей возможность иметь власть на данной территории и ее осуществлять, то есть из данной трактовки государства не видно

никаких преимуществ, особенно экономических, которые в совокупности наделили бы эту группу людей «законной властью» на данной территории. Также в приведенном выше определении не указано, принадлежит ли данная политико-юридическая организация большинству общества на данной территории в течение определенного исторического периода, или автор данного определения имел ввиду политическую организацию определенного класса на данной территории, т.е. совпадает ли эта политико-юридическая организация с обществом или нет. Также не ясно появилась ли данная «политическая форма» одновременно с обществом и почему из него выделилась, т.е. является ли данная политико-юридическая организация, называемая государством, необходимой для человеческого общества во все времена и при различных исторических условиях. Остается загадкой, чем обусловлено наличие данной организации и «временной политической формы» в конкретные исторические периоды и в конкретных обществах. Поэтому данное и подобные ему определения государства не приемлемы для исследования его социальных проблем, так как такая трактовка достаточно размытая и не точная, вследствие чего не дает понимания сущности государства и его социального назначения, особенно в потребительской сфере.

Наряду с вышеназванным определением можно встретить сегодня и определения государства как формы организации общества, основного института политической системы, осуществляющего управление обществом, обеспечивающего его экономическую и социальную структуру.⁵ «Государство выступает орудием господствующего класса и используется им для подавления своих противников».⁶

Из данного определения следует, что фактически общество совпадает с государством, а государство якобы призвано, прежде всего, управлять обществом, а не осуществлять власть в интересах какого-то класса. И это означает, что государство якобы было во все времена, даже в первобытном обществе. Ведь и тогда существовала определенная организация общества (рода, племена, фратрии), с помощью которой осуществлялось управление данным обществом. Также в приведенном выше определении говорится, что «форма организации общества», называемая государством, есть «основной институт политической системы». Но здесь автор данного определения противоречит сам себе, т.к. в его понимании государство — это аппарат управления, а политика — это отношения по поводу власти, т.е. по поводу господства и подчинения, в процессе которых одна сторона (классы, политические партии

и др. политические силы) стремятся захватить, удержать и использовать свое господствующее положение, а другая сторона стремится эту власть либо ослабить, либо взять в свои руки и использовать в интересах своих классов и политических сил. Следовательно, политические силы конкретной политической системы осуществляют, прежде всего, борьбу за власть в интересах своих классовых сил и только потом — за управление обществом.

Противоречит себе автор и далее, говоря, что государство выступает «орудием господствующего класса». Сразу встает вопрос: каким образом *господствующий класс* сможет воспользоваться государством в своих целях, если оно (государство) равно обществу (в понимании автора)? На данный вопрос в этом определении ответа нет, потому что в нем нет указания, *какой части* общества конкретно принадлежит *данная* «форма организации», называемая автором государством?

Вследствие всего вышесказанного нельзя принять за основу и это определение государства, т.к. в нем ясно не показывается сущность государства и не делается различия между управлением и властью, т.е. между совершенно различными понятиями. Также фактически не различаются понятия общества и государства. А понимание данного различия необходимо при исследовании социальных проблем государства, которые зачастую кардинально противоположны проблемам общества.

В этом месте следует сказать, что трудность исследования сущности государства, во-первых, обусловлена тем, что в истории были и сейчас имеются государства, опирающиеся на различные экономические отношения и осуществляющие диктатуру разных классов. Во-вторых, сложность выявления сущности государства и формулирования его общего понятия обусловлена также умышленным, а подчас и неумышленным запутыванием вопроса идеологами эксплуататорских классов.

Марксизм-ленинизм установил, что изучение государства как реального социального организма вне общественно-экономической формации ничего, кроме схоластических умозаключений, дать не может, что общественно-экономическая формация, в рамках которой возникает и развивается то или иное конкретное государство, в конечном счете определяет все его существенные, типичные черты. Но в условиях любой классовой общественно-экономической формации государство прежде всего выступает как политическая организация собственников основных средств производства.⁷

Исходя из последнего определения государ-

ства, можно сделать такие выводы:

1) государство — исторически *преходящее явление*, обусловленное экономическим базисом;

2) государство — классовый аппарат публичной власти, с обществом не совпадающий и возвышающийся над обществом;

3) государство — политическая организация собственников основных средств производства, используемая для обеспечения и защиты их общих классовых интересов;

4) государство — политическая организация, власть которой суверенна.⁸

Следовательно, государство — это исторически переходящая, выделившаяся из общества и обусловленная его экономическим строем классовая политическая организация суверенной публичной власти, обеспечивающая общие интересы собственников основных средств производства.⁹

Данное определение государства, на мой взгляд, намного точнее и более ясно раскрывает его сущность, т.к. объясняет то, что государство не всегда существовало, вследствие этого не может быть полностью отождествляемо с обществом, а только с той его частью, которая обладает основными средствами производства, вследствие чего и пользуется суверенной (т.е. не зависимой от остальной части общества) публичной властью, которая помогает осуществлять классовые интересы собственников основных средств производства. Поэтому сущность управления и власти в государстве будут различаться, как будут различаться по своему содержанию социальные проблемы общества и социальные проблемы государства, которое над данным обществом возвышается. Следовательно, данное определение государства, по моему мнению, необходимо взять за основу для последующего исследования как наиболее реалистичное из приведенных мною до него определений.

Прежде чем рассматривать собственно социальные проблемы государства, необходимо уточнить, какое государство мы имеем в виду, то есть к какому типу оно принадлежит. В зависимости от этого будет различаться экономическая основа общества в данном государстве. Следовательно, будут различными и общественные отношения и, в конце концов, государственная политика вообще и в социальной сфере в частности. Там, где в законодательстве закреплена определяющая роль коллективной или общенародной форм собственности, государственная политика более социально направлена; если закрепляется примат частной собственности или отсутствует упоминание об общественных формах собственности — тогда в таком государстве отсутствуют

гарантии благополучия для всего народа.

Представляется, что к принципиально важным проблемам реализации социальной политики государства (то есть политики государства по распределению материальных и духовных благ в обществе) в России на современном этапе можно отнести следующие:

1. Радикальная социально-экономическая дифференциация населения России, поляризация доходов различных социальных слоев и групп. По данным Госкомстата, разрыв доходов 10 % самых богатых и 10 % самых бедных граждан России в 2001 г. составлял более 15 раз.¹⁰ В то же время соотношение уровня доходов самых состоятельных и наименее обеспеченных слоев населения в Японии составляло 7,1 раза, Германии — 6,1, Австрии — 4,4, а в среднем по экономически развитым странам — не более 10 раз. Согласно расчетам Всемирного банка, если данный показатель в стране превышает 11 единиц, то это означает состояние чрезвычайной внутренней дезинтеграции общества и может стать причиной социальных взрывов и катастроф. Еще более высока разница между уровнем заработной платы 10 % наиболее и 10 % наименее оплачиваемых работников — в начале 2000 г. она составляла 32,1 раза. Если оглянуться назад, то Россия живет в таком состоянии перманентного социального кризиса больше десятилетия, и тот факт, что это до настоящего времени не породило общенациональной социальной катастрофы, не говорит о том, что этого не может произойти в дальнейшем.

2. Крайне низкий уровень жизни, по сути, обнищание большей части населения страны в ходе стихийных рыночных преобразований экономики. Летом 2001 г. в Женеве состоялась международная конференция «Копенгаген + 5», где на основе заключения ведущих экспертов был разработан международный финансовый критерий определения бедности. Согласно ему, доход в размере не более 1 доллара в день на человека — это порог абсолютной нищеты; не более 2 долларов — показатель бедности семьи или отдельного человека. Какова же ситуация у нас? Согласно данным официальной статистики, более 35 % населения имеют доходы ниже прожиточного минимума, который составлял в 2001 г. 1524 рубля (Постановление Правительства РФ от 21.12.2001 г. N 879), то есть менее 60 долларов. Нетрудно подсчитать, что это менее 2 долларов в день, т.е. ниже порога бедности. Кроме того, 40 % всех работников имеют заработок ниже прожиточного минимума, более 70 % пенсионеров получают пенсию также ниже данного уровня.¹¹

знанный мировой критерий оценки уровня жизни человека, как ИЧР — индекс человеческого развития, включающий в себя целый комплекс компонентов: размер валового внутреннего продукта страны, среднюю продолжительность жизни, уровень медицинского обслуживания, образование и т.д. По данным ООН, Советский Союз до 1988 г. относился по этому показателю к категории высокоразвитых стран, сегодня Россия по ИЧР не входит даже в первую сотню стран мира.¹²

3. Безработица. В экономически развитых странах предельно допустимый уровень безработицы для нормального функционирования экономики оценивается как 7 %. У нас по самым скромным подсчетам безработица составляет 11 %, не говоря уже об уровне латентной безработицы, вызванной нерентабельностью многих предприятий.

4. Постепенное разрушение инфраструктуры социальной сферы, то есть систем пенсионного обеспечения, здравоохранения, образования, жилищно-коммунального обслуживания и т.д.

5. Соотношения федерального и регионального уровней социальной политики. Согласно ст. 71 и 72 Конституции РФ, социальная политика относится к предметам совместного ведения федерального центра и субъектов Федерации. При этом, по оценкам аналитиков, в масштабе всей страны доля федерального бюджета в финансировании социальной сферы не превышает 25 %, то есть основная тяжесть в осуществлении жизненно необходимых социальных программ ложится на плечи региональных и местных органов власти. А глубокая дифференциация в уровне социально-экономического развития, разные экономические возможности различных регионов России приводят к дроблению и расколу системы государственной социальной политики в стране.¹³

При рассмотрении этих проблем возникает вопрос: что же мешает государству решить их, при условии, что оно объявляет себя «социальным»?

При изучении данного вопроса следует учесть, что сущность государства и его социальное назначение являются решающими, ключевыми факторами в определении деятельности государства, в постановке его целей и задач на соответствующем этапе развития общества. Вместе с тем появление некоторых новых функций у государства не всегда жестко детерминировано новой сущностной характеристикой государства. Но изменение сущности государства неизменно отражается на содержании его деятельности, так как функции наиболее «чутки» к сущностным изменениям. Это наглядно проявляется в функциях современного Российского государства, многие из которых претерпели значительную модификацию по сравнению с предыдущими этапами его развития. У

него появились и новые функции.

Каждая функция государства имеет определенное содержание, поскольку предполагает деятельность в конкретной сфере общественной жизни. Содержание функций показывает, что делает государство, чем занимаются его органы, и какие вопросы они решают. Содержание функций не остается неизменным. Большим своеобразием отличаются функции государства в периоды радикальных социальных перемен, переходных состояний, революционных потрясений.

Тесная связь функций государства с его сущностью и социальным назначением означает, что в содержании функций любого государства присутствуют как *классовые*, так и *общесоциальные* начала. В обществе, где социальная структура носит ярко выраженный классовый характер, где классы или социальные группы противостоят друг другу, прежде всего по экономическому признаку, государство выступает в качестве политической организации экономически господствующего класса или слоев общества. Оно обслуживает в первую очередь интересы правящих групп и осуществляет организованное насилие в отношении своих классовых противников. Так было, например, в советском государстве в первые годы его существования.¹⁴

Отсюда функции государства в классово-антагонистическом обществе имеют четкую классовую направленность. Это особенно заметно в обществе, где складывается особая классовая структура, где сильно политическое противоборство классов. Такое состояние государственности было присуще, в частности, формирующемуся буржуазному обществу, а в нашей стране — в период после Октября 1917 г., когда предпринимались попытки строительства социалистического общества. Так, в первом Основном Законе советского государства — Конституции РСФСР 1918 г. — главной задачей государства было «установление диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма» (ст. 9).

Однако общество, разделенное на классы, представляет собой единый «социальный организм», государственную общность, где сосуществуют и даже сотрудничают противостоящие классы, социальные слои и группы населения. Помимо классовых интересов и потребностей здесь присутствуют общесоциальные, общечеловеческие связи и отношения. Поэтому государство, будучи еще и механизмом управления обществом, осуществляет

и обще социальную деятельность в интересах всего общества, всех классов и групп населения.¹⁵

Общесоциальная деятельность государства обеспечивает определенную степень устойчивости отношений и связей внутри общества, его целостность и единение на базе общесоциальных интересов (экономических, культурных, национальных и др.). Чем больший удельный вес обще социального в функциях государства, тем выше роль государства как инструмента преодоления противоречий, средства достижения общественного компромисса, стабилизации общественных связей.¹⁶

Отсюда можно сделать вывод, что, будучи политической организацией класса частных собственников основных средств производства, не совпадающей и даже не сближающейся со всем обществом (так как в Конституции РФ нет упоминания ни об общенародной, ни о коллективной формах собственности на средства производства), современное «социальное» Российское государство ставит перед собой, прежде всего, задачи и цели функционирования, направленные, на мой взгляд, *не на устранение социальных проблем*. Это говорит о том, что в содержании функций Российского государства преобладают классовые, а не общенациональные начала. Об этом говорит и нарастание противоречий в обществе, и отсутствие общественного компромисса, и неустойчивость общественных связей. Все это и мешает решить Российской Федерации, как государству, проблемы, возникшие и возникающие в социальной сфере.

Данные проблемы и их сущность зависят не только от потребностей и интересов господствующего класса и, в определенной мере, всего общества, но и от экономических возможностей общества и, прежде всего, от форм собственности (либо частной, либо общенародной) и от уровня социально-экономических отношений. А уже решение социальных проблем государства и его успех зависят от того, *кому* принадлежит государственная власть в стране: либо меньшинству, т.е. буржуазии, либо большинству, т.е. трудящимся. И как убеждает жизнь, *усиление социальной ориентированности государственной политики находится в прямой зависимости от увеличения доли и роли в государстве и обществе коллективной и общенародной форм собственности*. И наоборот, если экономическую базу общественных отношений составляет частная собственность на средства производства, то социальная политика приобретает узкоклассовый характер, обслуживая интересы и потребности, прежде всего, частных собственников средств производств. Следовательно, задачи и

цели деятельности государства в данном случае будут ориентироваться на решение проблем (социальных, в частности) политически организованного класса данных собственников. Поэтому при рассмотрении социальных проблем государства очень важно и даже необходимо определить *экономическую основу* общественных отношений в государстве в конкретный исторический период развития общества и государства и вследствие этого понять какой класс общества обладает государственной властью и определяет социальную политику государства на том или ином историческом этапе развития общества и государства.

Для того чтобы понять социальную сущность общественного и государственного строя того или иного государства, необходимо узнать какой способ производства господствует в нем. *От этого и будет зависеть, кому принадлежит власть* (политическая и экономическая) в данном государстве, в чьих интересах государство действует. *От этого напрямую будут зависеть и способы и пути решения социальных проблем государства*: либо они будут решаться способами и методами, выгодными частным собственникам средств производства, либо путями, учитывающими, прежде всего, интересы трудящихся.

Согласно теории исторического материализма, главным элементом, *базой социальных отношений и способа производства*, господствующих в государстве, *являются отношения собственности на средства производства*.

В статье 8 п.2 Конституции РФ 1993 г. записано: «В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности». А «земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, муниципальной и иных формах собственности» (ст.9. п.2 Конституции РФ 1993 г.).¹⁷

Все это говорит о существовании в современной России класса частных собственников средств производства (т.к. земля и другие природные ресурсы являются основными средствами производства). А наличие в частной собственности этих средств производства ведет к передаче в «частные руки» и определенной доли экономической власти. А тот факт, что в Конституции РФ ничего не говорится о коллективных формах собственности (т.е. о кооперативной, колхозной и, наконец, общенародной), а есть только упоминание о каких-то «иных формах собственности» (да и то в конце списка форм собственности, который возглавляет частная), говорит о преобладании *экономической власти именно частных собственников средств производства, т.е. буржуазии*. За это утверждение

свидетельствует и факт отсутствия в Конституции РФ 1993 г. статьи или положения о *возможности социализации основных средств производства*, если это будет необходимо обществу.

Статья 8 Конституции РФ, кроме прочего, гарантирует и свободу экономической деятельности, то есть таким образом *утверждается экономическая власть класса частных собственников средств производства*. При этом *отсутствуют* в Конституции меры ограничения этой власти частных собственников, что создает *объективные предпосылки* для овладения ими и властью над обществом, т.е. политической властью.

Что касается изменения социального облика российского общества, то надо отметить, что принятая в 1993 г. Конституция Российской Федерации установила, что Россия является «*социальным государством*», «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»¹⁸ (ст.7. п.1 Конституции РФ 1993 г.). Но здесь необходимо учесть, что все государства (в частности, европейские), которые объявили себя «социальными», имеют в своих Конституциях положения о социализации или ограничении прав частной собственности на средства производства, когда это необходимо обществу или когда это право вступает в противоречие с интересами всего общества.

Ничего подобного нет в Российской Конституции 1993 г. Следовательно, нет ни материальных, ни юридических гарантий обеспечения социально ориентированной политики государства, т.к. нет гарантий защиты общественных (социальных) форм собственности. Есть только положение о гарантии свободы экономической деятельности (ст.8. п.1), которая в современной России переросла в не контролируемую со стороны общества *экономическую власть частных собственников средств производства*.

Связывая воедино социальную и экономическую политику Российской Федерации, Н. Шмелев задается вопросом: куда исчезает вся эта новая добавленная стоимость, которую работники продолжают создавать своим трудом? В 90-е г. прошлого века Россия перестала субсидировать другие бывшие советские республики, что составило экономию порядка 50 млрд. дол. ежегодно. Она прекратила также субсидирование стран бывшего СЭВ и своих клиентов в «третьем мире» — это экономия примерно 25 млрд. дол. в год. Военные расходы страны сократились в 4–5 раз, расходы на науку и образование — более чем в 10 раз. Средняя заработная плата после

17 августа 1998 г. снизилась примерно в 3 раза, пенсии и пособия — в 5 раз; относительная налоговая нагрузка на экономику выросла примерно в два раза.¹⁹

Куда все это ушло? Вывод напрашивается сам собой. Современная власть Российской Федерации на протяжении последнего десятилетия последовательно проводила курс, который можно однозначно *квалифицировать как антисоциальный*. Такой вывод доказателен и логичен, поскольку за это время уровень и качество жизни граждан России непрерывно снижался. Разрыв между богатыми и бедными увеличивался. За пределами прожиточного минимума оказалось более третьей части населения страны.²⁰

Одной из основных проблем сегодняшней российской социально-экономической системы является *отсутствие настоящего хозяина, которым может быть лишь трудовой народ*. Формально хозяева есть, поскольку реформы наделили некоторых людей правами частной собственности. Теперь они распоряжаются благами России, которые создавались многие годы миллионами людей. Интересы новоявленных собственников, как правило, сводятся не к развитию производства, реструктуризации материально-технической базы предприятий, улучшению инвестиционного климата, построению честных партнерских отношений, а лишь к быстрой наживе. Поэтому мы и наблюдали отток инвестиционных ресурсов, концентрацию российского капитала за рубежом, банкротство промышленности и сельского хозяйства, невосребованность науки в сфере исследований и инновационных проектов, коррупцию на всех этапах власти от мелкого чиновника до крупного политика и законотворца. *Очевидно, что в этом случае ни о каком обществе с социально ориентированной экономикой не может идти и речи.*²¹

Учитывая все вышеизложенное, можно сделать вывод, что по современной Конституции РФ большинство общества, в основном *трудящиеся, не обладающие частной собственностью, отстранены от экономической власти в государстве*. А, так как в Конституции РФ 1993 г. не закрепляется социальная основа государственной власти, провозглашается принцип «*разделения властей*», которые «самостоятельны», органы местного самоуправления не являются органами государственной власти, то *большинство общества, по существу, отстранено и от политической власти*.

Вследствие того, что экономическая власть находится теперь в руках частных собствен-

ников средств производства, а политическая власть формально в Конституции ни за кем не закреплена, то сам собой напрашивается вывод: *политической власти в современной России больше у тех, у кого больше власти экономической*, то есть у частных собственников средств производства, буржуазии. Следовательно, и государственная власть находится по большей части в руках этого класса.

Таким образом, социальная *сущность общественного и государственного строя современного Российского государства является частнособственнической, капиталистической*. А это значит, что частная собственность *негласно* (т.е. тайно, скрыто) признается *опорой* современного российского конституционного строя и всего государства, т.е. мы имеем *капиталистический способ производства*. При этом также *негласно* большинство общества отстраняется от экономической и политической власти, то есть от решения проблем государства (в том числе, социальных). А решаются они, как видим, *способами, выгодными, прежде всего, реальным обладателям государственной власти в современной России, то есть буржуазии*.

Итак, Конституция РФ 1993 г. объявила Российскую Федерацию «социальным государством», в котором «охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» (п.2 ст.7 Конституции).

Однако следует заметить, что *ответственность «социального государства»* (в силу того, что оно является все-таки капиталистическим) за обеспечение человеку достойного существования в современной России стала *вторичной*. Ибо подлинно-народное государство руководствуется такими исходными представлениями, согласно которым *каждый взрослый член общества, способный к труду, имеет возможность и обязан зарабатывать на содержание себя и своей семьи. Ответственность государства наступает тогда, когда это исходное представление не может реализоваться*. А как обстоит дело с ответственностью в современной России?

В связи с тем, что Конституция РФ провозглашает индивида «свободной личностью», которая может использовать свои способности и имущество для любой, не запрещенной законом, экономической деятельности (ст.34); признает право частной

собственности (ст.35); право на свободный труд и выбор профессии (ст.37), то Российское государство, по существу, снимает с себя ответственность за создание *возможностей* трудиться на общенародных средствах производства.

Поэтому оно не может обеспечить достойное существование человека без проведения государственной политики в области образования, культуры, здоровья граждан, в жилищной сфере. Согласно Конституции РФ здравоохранение, образование, культура являются «общедоступными». Но свертывание социальных программ развития указанных сфер общественной жизни в период проведения «рыночных реформ» консервативного толка и недостаточное финансирование убеждает лишь в антисоциальной сущности этих мер.

«В российской действительности на практике постоянно урезаются рамки социальной защиты, а ее смысл ограничивается дополнительными денежными пособиями, выплатами лишь определенным категориям граждан.»²²

Сегодня является очевидным, что российская власть выбрала путь, который на словах является социально-ориентированным, нацеленным на построение общества, где главенствует закон, порядок и справедливость, а на деле мы имеем невероятное расслоение общества, где люди делятся на богатых и бедных, где олигархи на неконтролируемой приватизации выросли как грибы после дождя, где закон остается лишь на бумаге. Кроме того, не была достигнута искомая стабилизация производства, старая промышленность оказалась разрушена, а новая не создана. Потерявшая до 50 % объема индустрии страна поддерживается преимущественно импортом, оплачиваемым непомерно высокой ценой — хищническим разбазариванием недр. Наметила опасная зависимость российского хозяйства от импорта продукции и внешних кредитов. «Структурное преобразование» производства приняло форму деиндустриализации страны, обвала отечественной индустрии. Национальная валюта остается неустойчивой.²³

Следует также учитывать огромный внешний долг России. Ежегодные расходы на его обслуживание составляют не менее 8-10 млрд.дол. — сумму, примерно равную половине всех российских инвестиций в основной капитал. Иными словами, долг в течение ближайших 10 лет будет существенно сокращать внутренние источники инвестиций.²⁴

Следует подчеркнуть, что эффективность социальной политики государства определяется не только уровнем экономического развития государства, но и наличием развитого, адекватно отражающего состояние общества и потребности его граждан, *социального законодательства*. В связи с тем, что Конституция государства должна

быть базой текущего законодательства, хотелось бы высказать ряд критических замечаний к Конституции РФ 1993 г.

Так, конституционная норма «Труд — свободен» (п. 1 ст. 37) дает возможность человеку, помимо выбора рода занятий, вовсе не трудиться. Хотя и считается, что в целях самосохранения люди будут работать, однако во многих странах по объективным и субъективным причинам человек не занят полезным трудом. С другой стороны, государство снимает с себя по существу обязанность создавать рабочие места.

Обращаясь к зарубежному опыту регулирования отношений в этой сфере, можно увидеть конституционные формулировки, предполагающие ответственность государства за регулирование трудовых ресурсов и ответственность человека за обеспечение своего материального благосостояния. Например, в статье 4 Конституции Итальянской Республики сказано: «Республика признает за всеми гражданами право на труд и поощряет условия, которые делают это право реальным. Каждый гражданин в соответствии со своими возможностями и по своему выбору обязан осуществлять деятельность или выполнять функции, способствующие материальному или духовному развитию общества», а статья 35 гласит: «Республика охраняет труд во всех его формах и применениях. Она заботится о подготовке и повышении профессиональной квалификации трудящихся...».²⁵

Конституция Королевства Дании в статье 75 предусматривает: «В целях содействия общественному благу государство должно предпринять усилия к тому, чтобы работа была предоставлена каждому работоспособному гражданину на условиях, обеспечивающих его существование».²⁶

Вышеприведенные доводы позволяют высказать пожелание замены в Российской Конституции формулы «Труд свободен» на «Право на Труд» и гарантии государства по его защите, а также «Выбор труда свободен». Закрепление этих норм смогло бы более четко выразить отношение «социального государства» к труду, т.е. учесть ответственность государства в этой области; а через «право на труд» — предоставить *возможность зарабатывать себе на жизнь трудом*, «выбор труда свободен» — *распоряжаться своими способностями к труду* и выбирать род занятий. Конституция РФ сегодня не только не гарантирует и не защищает право на труд, но фактически позволяет государству самоустраниться от активной роли в его регулировании, что недопустимо в условиях становления «демократического социального государства».

Такой основополагающий аспект деятельности современного государства в социальной сфере как создание для каждого гражданина достойных условий существования требует конституционной формулировки в виде не просто «вознаграждения за труд не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда» (п. 3 ст. 37 Конституции РФ), а в виде «вознаграждения, достаточного для обеспечения человеку и его семье свободного и достойного существования». Думается, что, в законодательном же порядке должен быть определен и этот уровень, обеспечивающий достойную жизнь и свободное развитие человека.²⁷

Новое положение для российского конституционализма вводит статья 38 Конституции РФ. В ней говорится, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства, а забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей. При этом, трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях.²⁸

Но и здесь мы не видим ни механизма реализации государственной защиты материнства и детства, семьи, ни гарантий обеспечения данной защиты. Наоборот, на примере данной статьи можно понять только то, что *государство пытается устраниться* от воспитания детей и от заботы об их нетрудоспособных родителях, перекладывая эти обязанности *целиком*, в первом случае, на родителей, во втором случае — на их совершеннолетних детей. Наглядным подтверждением тому, что *государственная защита* первичной ячейки и основы общества — *семьи*, — а также *материнства и детства недостаточна и слаба* в современной России, могут служить показатели рождаемости и смертности в России (на 1000 человек). Так, число родившихся в России в 1960 году было в среднем 23,2 на 1000 человек; в 1980 г. — в среднем 15,9 на 1000; уже в 1990 году — 3,4 на 1000 человек; в период с 1996 по 1999 год этот показатель не поднимался выше 8,9 родившихся на 1000 человек, при показателе числа умерших в этот период в 13,5 — 14,5 на 1000 человек. Число умерших в 1960 г. было 7,4 на 1000 человек, в 1980 г. — 11 на 1000, в 1990 г. — 11,2 умерших на 1000 человек.²⁹

На лицо *депопуляция* населения в России в последние годы, определяющим процессом в которой является именно *низкая рождаемость*. Она в большей степени отклонилась от норм простого воспроизводства населения и должна быть в центре общественного и, особенно, государственного внимания. В противном случае, обвальная депопуляция, убыль населения со скоростью его роста, приведет к нарушению

связи поколений, и народы будут хронически запаздывать в адаптации к новому.³⁰

Поэтому очень важной задачей на данный момент является закрепление в Конституции РФ *четких гарантий и механизма обеспечения государственной защиты материнства, детства и семьи.*

Далее современная российская Конституция говорит, что каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом. Государственные пенсии и социальные пособия устанавливаются законом. При этом поощряются добровольное социальное страхование, создание дополнительных форм социального обеспечения и благотворительность.³¹

Как видно из данной статьи Конституции РФ, социальное обеспечение устанавливается для граждан не в зависимости от их общественно полезного труда, что, при отсутствии четких гарантий и механизма обеспечения данного права со стороны государства, ставит под сомнение обеспеченность и гарантированность социального обеспечения. Возникает вопрос: если гражданин РФ не занят общественно полезным трудом, а *государство при этом не устанавливает четких источников материального обеспечения данного права, то откуда государство будет черпать для этого финансовые ресурсы?*

Здесь следует сказать, что с началом экономических преобразований в России в 90-х гг. прошлого столетия государство перестало играть роль главного донора пенсионного обеспечения. Так, основные отчисления стали приходиться на работодателей (около 90 %) и только 6-8 % всех пенсионных выплат осуществлялись за счет средств госбюджета.³²

В такой ситуации повысить уровень пенсионного обеспечения практически невозможно. Такая попытка может сопровождаться либо ростом тарифов пенсионных отчислений, что приведет к падению спроса на труд или сокращению и без того низкой заработной платы; либо уменьшением числа пенсионеров за счет увеличения возраста выхода на пенсию, что явно непопулярно и несправедливо при уменьшении продолжительности жизни, характерном для современного периода реформирования в России.³³

Хотелось бы также отметить, что государство, *не являющееся* ни официально, ни фактически *общенародным*, на мой взгляд, не может гарантировать каждому своему гражданину социальное обеспечение, в силу частнособственнической экономической его основы.

Далее, статья 40 Конституции РФ провозгла-

шает, что каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища.³⁴

В данной статье также *нет гарантий предоставления жилища гражданам.*

Есть только положение, что органы государственной власти и местного самоуправления поощряют жилищное строительство и создают условия для осуществления права на жилище. Но это не означает, что государство дает гарантии обеспечения этого права *для всех*, прежде всего, *для трудящихся.*

Также в статье 40 Конституции говорится, что малоимущим, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату. Но не указывается норма этой «доступной платы» и как она определяется. Тем более, что зарплата даже «благополучного» работника составляет 4000 – 8000 рублей, а стоимость однокомнатной квартиры – 8000 – 16000 долларов (250000-500000 рублей).

Следует иметь в виду и то, что недавно Государственная Дума приняла поправку к закону, позволяющую выселять неплательщиков из квартир с предоставлением меньшей площади (не ясно, что будет с выселяемыми владельцами маленьких однокомнатных квартир). Своим решением Дума узаконила процесс выселения неплательщиков из квартир, которые были получены при Советской власти бесплатно. Тем временем в России уже сегодня 4 миллиона бездомных.³⁵

В статье 41 Конституции РФ говорится, что каждый имеет *право на охрану здоровья и медицинскую помощь.* Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно. В этой статье говорится также, что в РФ финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения; поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию.³⁶

Но все это лишь *декларация о намерениях государства в области здравоохранения.* Также обращает на себя внимание и то, что бесплатный характер медицинской помощи гражданам гарантирован только при обращении их в государственные и муниципальные учреждения здравоохранения. Но есть вероятность, что тот или иной гражданин в случае необходимости не сможет обратиться в эти учреждения в силу их удаленности либо недостаточности медицинского обслуживания в них, а материальных средств на обращение к *частным* медицинским услугам у него может не оказаться, что также

может повлечь серьезные ухудшения здоровья или даже смерть. Тогда теряется не только смысл п. 1 статьи 41, провозглашающего, прежде всего, что *каждый* имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь, но и смысл п. 1 статьи 20, который говорит, что «каждый имеет право на жизнь».³⁷

Необходимо, на мой взгляд, официально закрепить юридические и организационные гарантии обеспечения права на охрану здоровья и медицинскую помощь гражданам (прежде всего трудящимся и не имеющим материальных возможностей оплачивать частные медицинские услуги), которые не закреплены в Конституции РФ 1993 г.

В статье 43 Конституции РФ провозглашается для *каждого* право на образование. Но гарантируется общедоступность и бесплатность *лишь* дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования и только в государственных или муниципальных образовательных учреждениях.

Следовательно, и в этой статье закрепляется социальное неравенство: неимущим — только обучение в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, а имущим — еще и в частных образовательных учреждениях.

Таким образом, проведенный анализ решения основных социальных проблем государства в современном российском конституционализме позволяет сделать следующие выводы:

- в нем ярко отражено изменение всей системы социальных отношений: от социалистических к капиталистическим;

- в современном российском конституционализме нашло отражение появление в Российской Федерации отношений по поводу частной собственности на средства производства, которая была преобразована из собственности государственной, то есть общенародной (что было тождественно в РСФСР) — в частную, государственную и муниципальную собственность;

- появление капиталистического способа производства в РФ объективно привело к несправедливому распределению материальных и духовных благ между классом эксплуататоров и эксплуатируемых в пользу первых;

- наконец, все это привело к самоустранению государства от конкретного решения проблем, в том числе и социальных, в Российской Федерации.

Обращает на себя внимание и то, что в Конституции РФ 1993 г. не закреплены четкие и ясные гарантии осуществления социальных прав для всех

граждан, независимо от их материального положения, то есть на лицо фактическое разделение граждан на имущих и неимущих (чего не было во всех 4-х советских Конституциях РСФСР).

При всем этом в Конституции РФ прослеживается четкая линия на переложение заботы государства об осуществлении социальных прав граждан РФ на негосударственные институты, на частных работодателей (то есть на эксплуататоров) и на самих граждан, то есть на общество, которое, будучи разделенным в современной России на антагонистические классы, не имеет возможности заботиться о всех своих членах.

Примечания

- 1 Курашвили Б.П. Куда идет Россия? Оценка советской истории. Альтернативы развития. М., 1994. С. 7-8.
- 2 Краткий политический словарь. М., 1989. С. 151.
- 3 Даниленко В.И. Современный политологический словарь М., 2000. С. 183.
- 4 Там же.
- 5 См.: Словарь-справочник политолога. Архангельск, 1993. С. 70.
- 6 Там же.
- 7 Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Т. I. М., 1970. С. 205-206.
- 8 Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Т. I. С. 213.
- 9 Там же. С. 216.
- 10 Социологические исследования. 2001. N 3. С. 1-32.
- 11 Человек. Социальная политика, социальное партнерство // Материалы «круглого стола». М., 2001. С. 87.
- 12 Рыбаков С.А. Актуальные проблемы реализации социальной политики в России // Социальное государство... С. 147-149.
- 13 Рыбаков С.А. Актуальные проблемы реализации социальной политики в России // Социальное государство: мировой опыт и реалии России. М., 2001. С. 149-150.
- 14 Морозова Л.А. Проблемы современной российской государственности. С. 35-36.
- 15 Морозова Л.А. Проблемы современной российской государственности: Учеб. пособие. М., 1998. С. 36.
- 16 Морозова Л.А. Проблемы современной российской государственности. С. 36-37.
- 17 Стрекозов В.Г., Казанчев Ю.Д. Конституционное право России: Учебник. М., 1997. С. 241.
- 18 Стрекозов В.Г., Казанчев Ю.Д. Конституционное право России. С. 241.
- 19 Шмелев Н. О консенсусе в экономической и социальной политике // Вопр. экономики. С. 61.
- 20 Кемкин И.В. Собственность как базовый элемент социальных отношений. С. 121.
- 21 Кемкин И.В. Собственность как базовый элемент... С. 124.
- 22 Мазаева Е.С. Социальная функция современного Российского государства, 2001. Дис. на соис. канд. юр. н. С. 58-59.
- 23 Кемкин И.В. Собственность как базовый элемент... С. 110-111.
- 24 Смирнов С., Исаев Н. Социальная политика: новый курс // Вопросы экономики. 1999. N 8. С. 7.
- 25 Конституции мира (Сборник конституций государств мира. Т. 2). Ташкент, 1997. С. 299-307.
- 26 Конституции мира. Т. 6. С. 72.
- 27 Мазаева Е.С. Социальная функция... С. 68.
- 28 Стрекозов В.Г., Казанчев Ю.Д. Конституционное право

Алафаев А.А.

кандидат исторических наук

Комиссаров Ю.Ю.

СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Существует целый ряд неоднородных и неоднозначных тенденций и процессов, составляющих глобализацию, под которой понимается сложнейший феномен общественной жизни, сущностью которого является всеобъемлющая тенденция к объединению (интеграции) на основе унификации и стандартизации.

Все подходы к пониманию глобализации, в конечном счете, можно свести к двум основным:¹

1) глобализация — это объективное явление (совокупность закономерных глобализационных процессов и тенденций);

2) глобализация — это политика (доминирующее направление, модель политики) развитых государств, прежде всего, США, а также транснациональных корпораций (ТНК).

Независимо от принятого подхода к пониманию глобализации, актуальным остается вопрос о субъектах политики в условиях глобальной реальности. Если глобализация — совокупность объективных процессов и тенденций, то они «пронизывают» все подсистемы общества, в том числе и политическую сферу, предопределяя специфику субъектного состава политических отношений. Если же глобализация — это политика (целенаправленная деятельность), то должны быть субъекты этой политики, «агенты» глобализации и иные участники.

Субъекты политики — это участники политических отношений, носители целенаправленной предметно-практической деятельности, направленной на объект политики.

Применительно к субъектам политики глобализационные процессы реализуются в виде нескольких взаимосвязанных тенденций:

1) укрупнение субъектов политики (данная тенденция явилась следствием интеграционных процессов в мире, значительно раздвинувших «политическое поле» и создавших наднациональных субъектов);

2) появление новых участников политических отношений и изменение сущностных характеристик ранее действующих субъектов политики (что отчасти связано с «трансформацией ролей» в политических отношениях).

В политической науке предлагается несколько классификаций субъектов политических отношений. В частности субъекты делятся на неинституциональные (индивиды и социальные группы, общности) и институциональные (политические институты и неполитические институты, оказывающие влияние на политику).² По типу политической культуры и степени специализации политических ролей (Г. Алмонд)³ выделяют патриархальных субъектов, субъектов-подданных и субъектов-партиципантов. Можно говорить о традиционных (нация-государство) и нетрадиционных (свободный индивид, политические партии) субъектах политики.⁴

В современных условиях более адекватным представляется деление участников политических отношений на «субъекты» и «объекты» глобализации в зависимости от роли, характера и степени вовлеченности их в глобализационные процессы.

Положение индивида как субъекта политики не может быть определено однозначно.

В условиях глобальной реальности все большую силу приобретает известный закон — «в политике во внимание принимаются лишь те интересы и позиции, которые достаточно организованны и влиятельны, чтобы лоббировать в свою пользу».⁵ Поэтому, несмотря на повсеместное утверждение в политической сфере, как на национальном, так и на наднациональном уровнях, в качестве стандарта-эталона институтов представительной демократии, немыслимых без активного участия свободных индивидов, значение «рядового гражданина» как субъекта политики во многом нивелируется. Отчасти это связано с тем, что в глобальной политике единичные усилия, как правило, недостаточно эффективны, а сама «западная демократия» — это демократия управляемая (применима характеристика П.А. Сорокина, данная правительствам несвободных обществ — «самоназначенная»⁶), что обеспечивается рычагами экономического давления олигархических групп, механизмами манипулирования сознанием масс, достижениями политических технологий. В свою очередь, осознание индивидами собственной «неприча-

стности» к политике ведет к различным формам электоральной деструктивности (абсентизм, протестное голосование), а в конечном счете к отказу от участия в политической жизни. Кроме того, на глобальном уровне даже указанные демократические институты находятся в стадии становления. То есть пока отсутствуют действенные формальные институты, посредством которых индивид может быть включен в глобальную политическую жизнь.

Но среди индивидов есть *лидеры*, выражающие (представляющие) и в значительной мере определяющие политические интересы и позиции отдельных социальных общностей и политических институтов (в том числе государств-наций), а также *активные творческие личности*, способные мобилизовать общественное мнение и эффективно воздействовать на процессы, происходящие в мире, используя единство и открытость информационной сферы, иные возможности в условиях глобализации.

Существует точка зрения на значение индивида как субъекта политики.⁷ Ее сторонники отмечают, что на смену «прежней личности», идентифицировавшейся в политике как составной элемент группы (класса, нации, политической партии), в условиях становления постиндустриального (информационного) общества и глобальной реальности приходит активная часть граждан, имеющих возможность и потребность в персональной политической идентификации каждого человека. Таким образом, в силу ряда качеств (высокая образованность, возросшая социальная ответственность, расширившийся культурный и мировоззренческий кругозор, плюрализм взглядов и позиций) отдельные личности могут быть достаточно активными («автономными в выборе политической позиции»⁸) участниками политических отношений.

Однако большая часть индивидов оказывается в роли «объектов» глобальной политики и глобализационных процессов.

Что касается социальных общностей как неинституциональных субъектов политики, то ситуация представляется еще сложнее. Во-первых, в политике участвуют социальные общности, объединенные по различным признакам, и нередко трудно отделить одну социальную группу от другой (происходит «наложение» социальных общностей); во-вторых, степень вовлеченности в политическую жизнь каждой из них различна и постоянно меняется. В-третьих, глобализационные процессы не в равной мере затрагивают различные страны и регионы мира, редопределяя тем самым значительную регионально-страновую специфику «однопорядковых» социальных общностей.

Надо полагать, что социальные общности,

дифференцируемые по таким разграничительным признакам, как конфессиональные, этнические, социально-демографические (возраст, пол, образование...), в силу интернационализации различных сторон общественной жизни и «размывания» своей идентичности, пожалуй, не могут быть действенными субъектами политики. Но в отдельных случаях возможно развитие и противоположных тенденций, в рамках которых на внутриполитическую (в отдельных государствах и регионах) арену выйдут общности, объединенные по этнокультурному признаку (например, этнокультурные автономии в Великобритании, Бельгии, Испании...), стремящиеся сохранить свою идентичность в «мире без границ», обращаясь к традициям, «корням».

Для этих целей национальные *элиты* развитых государств, прежде всего, политические и экономические, объединяют усилия, координируют совместные действия (в частности, на ежегодно проводимых форумах в Давосе), создают институциональные механизмы мирового доминирования (например, Международный валютный фонд (МВФ), Всемирная торговая организация (ВТО) и другие). Реально они выступают субъектами глобализационных процессов.

Организованная преступность также становится транснациональной, срачивается с политическим экстремизмом и международным терроризмом, превращаясь во влиятельного субъекта мировой политики в условиях глобальной реальности (об этом может свидетельствовать тот факт, что, по оценкам экспертов МВФ, посредством мировых финансовых систем преступные организации ежегодно легализуют от 500 млрд. до 1,5 трлн. долларов США, составляющих 1,5 – 5 % валового мирового продукта⁹).

Международный терроризм представляет собой общность, объединенную преимущественно по корпоративному признаку, то есть по виду деятельности и принадлежности к террористическим организациям. Конфессиональные и цивилизационные признаки декларируются в целях рекрутирования новых сторонников и мобилизации ресурсов и общественного мнения в мусульманских странах. После событий сентября 2001 г. роль международного терроризма как участника мировой политики очевидна.

На первый план в условиях глобализации выходят наиболее крупные социальные общности (если не учитывать глобального человеческого общества) – *цивилизации*¹⁰, под которыми понимаются культурные суперсистемы и одновременно крупные социальные системы, сложившиеся на основе центрального ядра, состоящего из

культурных смыслов, ценностей, норм или интересов. Цивилизации функционируют как реальное единство, а границы этой культурной общности обычно перекрывают географические границы национальных, политических или религиозных единиц¹¹ (П.А. Сорокин). Причем судьбы цивилизаций в связи с глобализационными процессами и характер их участия в глобальной политике рассматривается по трем основным сценариям:¹²

1) сценарий растворения локальных цивилизаций в будущем глобализированном обществе;

2) сценарий столкновения цивилизаций (сами цивилизации — участники глобальных политических конфликтов, обусловленных односторонней направленностью глобализации в пользу западной цивилизации);

3) оптимистический сценарий трансформации и адаптации цивилизаций к глобализационным процессам, творческое их участие в становлении новой реальности при сохранении многообразия и самобытности, мирное и взаимовыгодное сосуществование.

На современном этапе глобализации доминирует западная цивилизация, от которой несколько отстают японская и китайская. Остальные (евразийская, индийская, латиноамериканская, мусульманская, африканская...), хотя и в разной мере, играют недостаточно активную роль в глобальной политике, зачастую являясь «объектами» глобализации.

Некоторые ученые предсказывают появление *глобального гражданского общества* в качестве активного участника глобализационных процессов, призванного осуществить гуманизацию и экологизацию глобализации, предотвратить столкновение цивилизаций.¹³ Это общество должно выражать общие для всех народов и цивилизаций социокультурные, экономические, экологические, геополитические интересы, обеспечивать условия жизнедеятельности будущих поколений, всего человечества.

Основой глобального гражданского общества, находящегося в стадии зарождения, станут *международные неправительственные организации и неформальные общественные движения, социальные группы и объединения*, которые постепенно набирают силу в условиях глобальной реальности и становятся, по мнению Э. Гидденса,¹⁴ «каналом активности масс», не удовлетворенных традиционными политическими институтами. В качестве примеров подобных субъектов можно привести неформальные объединения ученых и политиков в международном масштабе (в частности, «Римский клуб»), защит-

ников окружающей среды («GREEN PEACE», Фонд дикой природы), антивоенные движения (пацифистов) и, конечно же, пока недостаточно организованные объединения антиглобалистов.

Институциональными субъектами политики в условиях глобальной реальности можно считать собственно политические институты (политические партии, общественные объединения и неформальные политические институты, нации-государства, наднациональные объединения) и неполитические институты, оказывающие влияние на политику (средства массовой информации и коммуникации (СМИ), транснациональные корпорации (ТНК), международные финансовые институты).

Политические партии и общественные движения относятся к формальным институциональным субъектам политики. Их вовлеченность в глобализационные процессы незначительна. Причин тому несколько: во-первых, официально политические партии на глобальном уровне не существуют; во-вторых, сам институт политической партии переживает кризис¹⁵ в следствии релятивизации идеологических установок; отсутствия «социальной базы» у партий, которые зачастую представляют только себя и не способны выражать общие интересы в глобальном масштабе; снижением политической активности масс.

В этой связи возрастает роль *неформальных политических институтов* (кумовство, nepoтизм, клиентелистские партии, автократические клики...), как на национальном, так и на глобальном уровнях. Хотя отдельные исследователи считают,¹⁶ что господство неформальных политических институтов — это характерное свойство российской политической системы.

Дискуссионным остается вопрос о значении в рамках с глобализации такого традиционного субъекта политики, как *нация-государство*. Судьба национального государства с рядом глубинных процессов, основные из которых, по мнению С.П. Перегудова,¹⁷ следующие. С одной стороны — интернационализация и региональная интеграция, с другой — коммерциализация самого государства. Кроме того, наблюдаются отдельные тенденции к «сворачиванию» нации-государства как участника политических отношений, которое утрачивает часть своих властных потенциалов, в том числе и под воздействием глобализационных процессов. Причем национальное государство «раздает» собственные функции в двух направлениях: часть функций передается на наднациональный уровень (пример Европейского Союза), а другая часть — отходит в «частные руки» (феномен коммерциализации

государства,¹⁸ которое избавляется от полномочий в наименее доходных сферах — социального обеспечения, здравоохранения, образования...), территориальным общностям и местным автономиям (региональным властям и органам местного самоуправления), а также неформальным институтам, подменяющим государство в отдельных областях управления. Последнее обстоятельство — замещение государства различными агентами, повлекшее выдвижение на первый план неформальных институтов и усиление произвола власти — отчасти непреднамеренное следствие демократизации. По крайней мере в России.¹⁹

Но в целом следует признать, что нация-государство как субъект политики, в том числе глобальной, не исчезнет. По мнению Э. Гидденса,²⁰ в обозримом будущем государство сохранит большую часть своих административных, экономических, культурных функций (последовательно отказываясь от социальных?). Более того, в условиях глобальной реальности у государства должна появиться новая функция — «функция посредничества между социумами и глобальными процессами»²¹ (в дополнение к функции артикуляции (выражения) и представления национальных интересов на международной политической арене).

Наконец, к числу наций-государств относятся и США — единственная, «заповедная» сверхдержава, выступающая одним из основных субъектов глобализации. Более того, в 90-е гг. XX в. «фактическим лидером и дирижером глобальных перемен»²² стали именно США, поддерживаемые «атлантическим сообществом» (НАТО), а также созданные по инициативе и поддержке США ряд финансово-экономических институтов (Организация экономического сотрудничества и развития, МВФ, Всемирный банк, ВТО) и мощные транснациональные корпорации (в мире из 50 крупнейших ТНК — 27 американского происхождения²³), используемые США в качестве орудий проведения «неолиберальной модели» глобализации в интересах ограниченного круга субъектов. На долю США приходится около 1/5 мирового ВВП²⁴ (самая мощная экономика в мире), что обеспечивает доминирование этой страны по большинству известных параметров и обуславливает уникальную возможность влиять на стратегию глобального развития (отсюда — одиозные гегемонистские устремления). Если попытаться кратко описать положение США как участника глобальных политических отношений, то вполне применима такая образная характеристика: «...по отношению к остальному миру Америка ведет себя подобно хулигану-переростку,

который постоянно недоволен тем, что его поведение хотя бы чем-то ограничить, и отказывается понять, почему его поведение может иметь реальные последствия для жизни других людей».²⁵

Помимо США (хотя, быть может, и в меньшей мере) глобализация привлекает других *лидеров мировой экономики* — порядка 30 государств — членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в которых живет чуть больше 1/10 человечества, но которые владеют 2/3 мировой экономики, международной финансовой системой, новыми технологиями производства (отсюда — сверхдоходы от «технологической ренты»). Это влиятельные субъекты глобализационных процессов.

Большинство же существующих государств в условиях глобализации выступают, скорее, ее «объектами», не имеющими возможности воспользоваться достижениями глобализационных процессов и реально участвовать в принятии решений. Более того, «глобализация по неолиберальной модели» (в интересах США, других развитых государств и ТНК) ускорила воспроизводство процессов поляризации и маргинализации на общепланетарном уровне, превращая большую часть мира в «средство» для достижения целей могущественных акторов глобализации, абсолютизируя деление на «богатых» и «бедных» в мировом масштабе.

Глобализационные процессы способствуют развитию относительно новых субъектов политики — *наднациональных политических институтов*. Наиболее полно и «рельефно» сущность указанных субъектов выражает Европейский Союз, представляющий не просто «реональную ассоциацию государств», а «форму транснационального управления»,²⁶ в рамках которой вступившие в Европейский Союз страны делегировали ему часть своего суверенитета и властных полномочий. По мнению Ю.В. Яковца,²⁷ Европейский Союз, будучи межгосударственным объединением, обладает многими «признаками государства» (есть высшие органы законодательной и исполнительной власти; общие экономические институты, в том числе единая валюта, экономическое и таможенное пространство; общая налоговая, социальная, научно-техническая, экологическая политика; черты единого гражданства).

Что касается иных известных наднациональных образований (Содружество Независимых Государств, Южноамериканский комитет развития, Западноафриканский экономический и валютный союз и другие), то передача функций и суверенитета национальных государств в них осуществлена в значительно меньших объемах, носит фрагментарный

характер и служит, скорее, не интеграционным, а координационным целям. В условиях глобализации их роль, пока незначительная, должна возрасти, а ориентир — Европейский Союз.

Если принять предложенную Ю.В. Яковцом «пятиэтажную пирамиду политических отношений»,²⁸ то наряду с уровнем местным (муниципальных образований), региональным (субъектов федерации или административно-территориальных единиц унитарного государства), национальным (нации-государства), цивилизационным (наднациональные, межгосударственные, но внутрицивилизационные институты) следует выделить глобальный уровень политических отношений, на котором возможно утверждение таких субъектов, как *межцивилизационные политические институты* (например, реформируемая Организация Объединенных Наций), вплоть до утопического мирового государства (правительства).

Неполитическими институтами, оказывающими влияние на политику в условиях глобализации, являются, прежде всего, средства массовой информации и коммуникации (СМИ), транснациональные корпорации (ТНК) и международные финансовые институты.

ТНК — это общепризнанные «агенты» глобализации, одни из наиболее активных участников политических отношений, умело использующие глобализационные процессы в своих корыстных интересах. По справедливому замечанию А.Б. Вебера,²⁹ глобализация на сегодняшний день подразумевает не политику развития, а создание условий для экспансии ТНК путем навязывания менее развитым странам универсальных правил «свободного рынка» (при сохранении дискриминационных практик в своей внешней торговле в развитых странах). В глобализирующемся мире ТНК приобретают «силу суверенных государств»³⁰ (в частности, если сопоставить доходы наиболее крупных ТНК с валовым национальным продуктом государств, то, например, американские «Дженерал моторс» и «Форд» оказываются соответственно на 23 и 24 местах). По разным оценкам, совокупный доход крупнейших ТНК составляет от 51%³¹ до 61%³² мирового валового продукта (21,9 трлн. долларов США в год).

Используя наличные ресурсы ТНК вторгаются в политическую сферу, активно лоббируя свои интересы и преобразуя политико-правовую реальность, как глобальную, так и в отдельных государствах (модернизирующихся обществах).

Одной из характеристик глобализации (и отчасти постиндустриального общества) является единое информационное пространство,

в котором знания, информация и образы приобретают значение «символических благ», способных изменять ценности, потребности, представления,³³ а глобальной целью может стать употребление этих символических благ, массово производимых.³⁴ Поэтому очевидна та роль в глобализационных процессах и политике, которую играют *СМИ*, активно воздействующие на сознание потребителей данной информации (зачастую в чьих-то интересах), в значительной мере определяющие мировое и «локальное» общественное мнение, создающие иллюзию сопричастности мировым процессам при фактической исключенности и отстраненности от них, способствующие распространению потребительских стандартов и массовой культуры. Крупные СМИ (CNN, BBC...) в большинстве своем — западного происхождения («Аль-Джазира» и «Аль-Арабия» — скорее, исключения), но имеют транснациональный характер (По сути, это все те же ТНК). Именно СМИ и создаваемые ими образы, а не реальные события, формируют современную картину мира.

Отдельную группу субъектов глобализации образуют *мировые финансовые институты* — МВФ, Всемирный банк, ВТО... Эти институты поддерживают влияние США и ТНК на мировые процессы, в том числе глобализационные, служат целям «неоимпериализма». Сами ВТО, МВФ, Всемирный банк — это, наименее демократичные и наиболее закрытые международные организации, в которых «процесс принятия решения покрыт мраком».³⁵ Кроме того, это институты, обладающие действенными механизмами давления с помощью обязательств, особенно по отношению к развивающимся странам.³⁶ ВТО — путем угрозы прекращения экспорта товаров, а МВФ — с помощью введения безжалостных условий займа. США используют эти механизмы управления развивающимися странами и помогают собственным международным компаниям, уничтожая все препятствия на их пути.

Таким образом, в рамках доминирующей («неолиберальной») модели глобализации активными субъектами политики — но не в равной мере — могут выступать политические лидеры и отдельные творческие личности; социальные общности, объединенные по корпоративному признаку, цивилизационные общности и слагающие глобальное гражданское общество социальные объединения; нации-государства, преимущественно в лице США и развитых стран (также частично Китай), наднациональные политические институты и ряд неполитических институтов (ТНК, мировые СМИ, финансовые ин-

ституты), оказывающих влияние на глобальную политику. Большинству же участников политических отношений «отводится» роль «объектов» глобализации.

Примечания:

- 1 Газимагомедов Р.К., Нагдиев С.А., Черковец О.В. Глобализация: внешнеэкономическая деятельность и регионы России: Монография. М., 2003. С. 8-9.
- 2 См. в частности: Соловьев А.И. Политология: Политическая теория и политические технологии. М., 2003. С. 103-104.
- 3 Мухаев Р.Т. Политология. М., 2002. С. 259-260.
- 4 См.: Панарин А.С. Политология. М., 2003. С. 187-208.
- 5 Там же. С. 22.
- 6 Сорокин П.А. Основные тенденции нашего времени. М., 1997. С. 68-69.
- 7 Галкин А.А., Красин Ю.А. Императив толерантности в глобализирующемся мире // Россия реформирующаяся. М., 2002. С. 331.
- 8 Там же.
- 9 Корж В. Типичные способы легализации преступных доходов // Российская юстиция. 2002. № 4. С. 62.
- 10 Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2002. С. 6-7; Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2003. С. 6, 12, 43-52.
- 11 Цит. по: Яковец Ю.В. Указ. соч. С. 20.
- 12 Там же. С. 44-46.
- 13 Яковец Ю.В. Указ. соч. С. 150-151.
- 14 Цит. по: Малкин В.А. Интеллектуальный лидер британских лейбористов в государстве и обществе в эпоху глобализации // Политические исследования. 2003. № 5 (76). С. 157.
- 15 См. в подтверждение: Там же.
- 16 Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные политические институты в современной российской политике // Политические исследования. 2003. № 4 (75). С. 6.
- 17 Перегудов С.П. Новейшие тенденции в изучении отношений гражданского общества и государства // Политические исследования. 1998. № 1 (43). С. 137.
- 18 См. подробнее: Там же. С. 137-138.
- 19 Гельман В.Я. Указ. соч. С. 10.
- 20 Цит. по: Малкин В.А. Указ. соч. С. 156-157.
- 21 Яхимович З.П. Вызовы глобализации и судьбы государственности // Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность. М., 2003. С. 476.
- 22 Там же. С. 471.
- 23 Уткин А.И. Указ. соч. С. 19.
- 24 Яхимович З.П. Указ. соч. С. 473.
- 25 Дэвис М.В., Сардар З. Почему люди ненавидят Америку?. М., 2003. С. 89.
- 26 Цит. по: Малкин В.А. Указ. соч. С. 160.
- 27 Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. С. 279-280.
- 28 Там же. С. 277-281.
- 29 Вебер А.Б. Политика мирового развития: между реальностью глобализации и императивом устойчивости // Политические исследования. 2003. № 5 (76). С. 39-40.
- 30 Уткин А.И. Указ. соч. С. 38-39.
- 31 Яковец Ю.В. Указ. соч. С. 197.
- 32 Уткин А.И. Указ. соч. С. 19.
- 33 Турен А. Возвращение человека действующего. М., 1998. С. 129.
- 34 Там же. С. 50.
- 35 Дэвис М.В., Сардар З. Почему люди ненавидят Америку? С. 73.

Общеуниверситетская кафедра политологии, социологии и культуры

Пирогов А.И.

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедры политологии,
социологии и культуры МГОУ

ПОЛИТИКО - ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЛАСТИ И ЕЕ ТЕХНОЛОГИИ

Проблема власти многолика. При ее анализе приходится преодолевать трудности двоякого характера. Первая из них - это необходимость синтеза взглядов на власть, различающихся по своей мировоззренческой основе, без чего невозможно понимание современного состояния теории власти и ее практических технологий. Вторая - власть не только пронизывает собою все стороны политики, общества в целом, но и

представляет собой качественно определенный способ взаимоотношений между людьми.

Политология и политическая психология исходят из того, что политическое действие, как и другие формы поведения, продуцируется взаимодействием индивида со средой. Следовательно, политический анализ требует обращения и к психологическим факторам: познавательным

Схема 1. Сравнительный анализ концептуальных подходов различных исследований к пониманию психологии власти

О.Т.Авдеев	Власть - это способность влиять на поведение других людей. Власть - это способность влиять на поведение других людей. Власть - это способность влиять на поведение других людей.
В.А.Авдеев	Власть - это способность влиять на поведение других людей. Власть - это способность влиять на поведение других людей. Власть - это способность влиять на поведение других людей.
О.А.Авдеев	Власть - это способность влиять на поведение других людей. Власть - это способность влиять на поведение других людей. Власть - это способность влиять на поведение других людей.
С.А.Авдеев	Власть - это способность влиять на поведение других людей. Власть - это способность влиять на поведение других людей. Власть - это способность влиять на поведение других людей.
А.А.Авдеев	Власть - это способность влиять на поведение других людей. Власть - это способность влиять на поведение других людей. Власть - это способность влиять на поведение других людей.
А.А.Авдеев	Власть - это способность влиять на поведение других людей. Власть - это способность влиять на поведение других людей. Власть - это способность влиять на поведение других людей.
А.А.Авдеев	Власть - это способность влиять на поведение других людей. Власть - это способность влиять на поведение других людей. Власть - это способность влиять на поведение других людей.

процессам, ожиданиям, мотивациям, восприятию, объясняющим реакцию политического объекта на стимулы со стороны среды.

Интеллектуальные истоки современной политической психологии следует искать в пионерских работах Г. Лассуэлла, в частности «Психопатология и политика» (1930) и «Власть и общество» (1950; в соавторстве с А.Капланом). Политическая психология получила импульс

«бихевиоральной революции» 1950 -1960-х гг. в политологии и сама, в свою очередь, внесла в нее немаловажный вклад.

Психологические термины стали ныне неотъемлемым элементом политологического дискурса, а психологические понятия широко используются в исследованиях политики как на национальном, так и на международном ее уровнях.

В качестве предварительного вывода можно отметить, что рассмотренные психологические концепции власти показывают все многообразие и многосторонность этого явления. Такое разнообразие концепций власти требует использования *методологии системных описаний* для системного политико-психологического анализа власти.

Методология системных описаний в психологии разработана В.А. Ганзеном. Она позволяет реально описать психологию политической власти. Представляется, что *системно-психологический анализ власти* может быть реализован посредством анализа следующих основных проблем.

1. *Анализ системы потребностей к власти.* Обнаружение потребности, то есть появление некоторого состояния, достаточно независимо извне. Психическое состояние, вызванное потребностью, обладает большой стойкостью и продолжительностью, когда не находит естественного разрешения. Состояние потребности характеризуется своей четкой предметной направленностью, при этом ориентированность на внешний мир предполагает достижение в каком-то определенном качестве, включение этого внешнего во внутреннюю систему жизнедеятельности.

Схема 2. Системное описание потребностей в политической психологии

Требования к власти	Требования к власти	Требования к власти
Требования к власти	Требования к власти	Требования к власти
Требования к власти	Требования к власти	Требования к власти

2. Система социально-психологических ресурсов и источников власти.

В наиболее общем виде *структура власти* выглядит следующим образом: а) субъект власти; б) объект власти; в) источники, основания и ресурсы власти.

Важными структурными элементами власти являются ее основание и ресурсы. Под основанием власти понимается ее база, на которую опирается властная воля субъекта. Изменение поведения объекта в необходимом для субъекта власти направлении требует наличия определенных ресурсов, т.е. средств, с помощью которых он может оказывать воздействие на объект. Субъект, реализующий властное воздействие по отношению к объекту воздействия, использует психологию изменения его состояния, применяя комплекс политико-психологических средств в целях изменения отношения к себе и к своим идеям.

Ресурсы власти — это реальные и потенциальные средства, которые используются (или могут быть использованы) для укрепления самой

К.Левин под потребностью предлагает понимать динамическое состояние (активность), которое возникает у человека при осуществлении какого-либо намерения, действия. Введенное им понятие поля охватывает факторы как внешней (окружение), так и внутренней (субъект) ситуации, понятие «жизненное пространство» включает субъекта и психологическое окружение.

Напряжение потребности вызывает соответствующие политико-психологические состояния, которые являются объектом манипулирования в политике.¹ По мнению ряда российских политических психологов (например, А.И. Юрьева), структура психики определяет и структуру политических явлений. В перечне потребностей, детерминирующих политическую деятельность, выделяются:

- а) потребность в сохранении жизни;
- б) в продолжении рода;
- в) в сотрудничестве;
- г) ориентировочная потребность.

Представление о диалектике указанных потребностей дает схема:

власти и ее оснований. Известный американский политолог Р. Даль назвал ресурсами власти «все то, что индивид или группа могут использовать для влияния на других». Х. Хекхаузен называет такие ресурсы источниками власти. Образно говоря, основания власти — ее фундамент, ресурсы власти — ее потенциал и технологии.

В российской политической науке доминирующим является подход, при котором ресурсы общества подразделяются на два вида:

- 1) материально-экономические;
- 2) духовно-информационные.

При этом каждый из подходов дает возможность, с одной стороны, возвысить политических агентов в потенциальном статусе и ранге, а с другой увеличить мобилизующую силу и давление. Соответственно этим ресурсам можно говорить о властных технологиях, среди которых различают: организационные, поощрительные, принудительные и нормативные технологии.

Организационные технологии направлены на создание оптимальных организационных структур управления, гарантирующих быстрое

прохождение приказа до исполнителя и обеспечение надежного контроля.

Поощрительные технологии — приемы использования материальных и социальных благ, с помощью которых власть «подкармливает» определенные слои населения и политиков.

Принудительные технологии — комплекс мер административного воздействия и угрозы санкций при выполнении приказа. Одновременно они используются для предотвращения забастовок, несанкционированных митингов, против явного и скрытого саботажа распоряжений власти.

Нормативные технологии — средства и воздействия на ценностные ориентации и морально-этические нормы объектов власти.

Рассмотрение источников власти позволяет предложить их классификацию по двум основаниям:

- механизмы влияния: психологические и социальные;
- формы влияния: непосредственное и опосредованное.

Схема 3. Система социально-психологических источников вла-

1. Власть знатока	2. Власть принуждения	3. Власть эталона
4. Власть информации	5. Власть вознаграждения	6. Власть морали
7. Власть закона	8. Власть традиции	9. Власть привычки

А.И. Юрьев, положивший в отечественной политической психологии начало систематизации *источников власти*, так определяет их *перечень*: власть вознаграждения, власть принуждения, нормативная власть, власть эталона, власть знатока и информационная власть. К понятию «власть знатока» вполне применимы слова О. Тоффлера о том, что наиболее эффективным инструментом современной власти являются *знания*, позволяющие достичь искомых целей, минимально расходуя ресурсы власти; убедить людей в их личной заинтересованности в этих целях; превратить противников в союзников.

Хотя на протяжении тысячелетий и особенно последних столетий, технологии власти и социального управления неуклонно эволюционировали, именно *современные средства массовой коммуникации* создали для их внедрения и распространения принципиально новые возможности, многократно усилив эффективность использования информации для захвата власти или ее сохранения. СМИ произвели настоящую революцию, трансформировав и политические отношения, и способы управления в обществе.

Государственное, административное и вся-

кое иное силовое принуждение постепенно и во всевозрастающей степени сменяются на информационное и психологическое давление. «Иметь важную информацию значит иметь власть; уметь отличать важную информацию от неважной означает обладать еще большей властью; возможность распространять важную информацию в собственной режиссуре или умалчивать ее означает иметь двойную власть» — так лаконично характеризуют когнитивный ресурс власти влиятельные немецкие политологи.²

В интересах получения *глобальной политической власти* и связанного с ней стратегического превосходства борьба переносится в качественно новую область — в область *информационного противоборства*. При этом, утверждает эксперт в сфере коммуникативистики С. Леру, «именно масс-медиа, рассматриваемые как вездесущее информационное окружение, заменили интеллигенцию в определении ценностей для молодых поколений, живущих в нынешнем глобализованном контексте».

В современном мире практически сложилась моноцентрическая властная *система глобального доминирования*, располагающая богатым опытом и отработанными механизмами целевого воздействия (*«рефлексивного управления»*) на политические элиты, общественное мнение и информационные ресурсы других государств.

Основными звеньями ее механизма выступают:

- контроль властных элит над ведущими технологиями постиндустриального развития;
- установление единых принципов экономической политики (т.н. «вашингтонский консенсус», правила «золотого корсета» и пр.), экспансия ТНК и ФПГ, наделение западных валют, в первую очередь USD статусом мировых денег;
- вмешательство (прямое и тайное) во внутренние дела независимых государств, дестабилизация их конституционного порядка, политического единства и стабильности;
- возвращение в периферийных странах компрадорских, «прозападно» настроенных групп политиков и общественных деятелей;
- инициирование и проведение т.н. «операций по принуждению к миру», «гуманитарных акций» с использованием квазимеждународных вооруженных сил;
- использование социокультурной пропаганды и механизмов духовного доминирования.³

Не только на уровне индивидуального сознания, но в глобальном масштабе, как отмечают Ф. Зимбардо и М. Ляйппе, «наступили золотые времена для тех из нас, кто занимается процессами изменения установок и социального влияния».⁴

Между тем, вера в силу убеждающей информации едва ли является чем-то новым. Более чем 2000 лет назад Аристотель в своем произведении «Риторика» попытался сформулировать принципы убеждения. Он определил, из каких именно компонентов складываются убеждающие сообщения, причем важность этих компонентов была подтверждена научной психологией в нынешнем веке. Аристотель красноречиво описал «характер говорящего», «склад ума» публики и «самое речь», представив их факторами, от которых зависит успех воздействия на аудиторию убеждающей информации. Наличие триады факторов - «кто» говорит, «кому» и «что» именно, - стало предметом большинства современных исследований механизмов убеждения.⁵

1. *Психологические основания стремления к власти.* Исследователем психологических оснований власти А.Г. Конфисахором выдвинута гипотеза о том, что обладание властью представляет человеку уникальные возможности для самоосуществления, которых он не может достичь никаким иным образом. А.Г. Конфисахор считает, что ни в какой сфере деятельности человек не может так полно реализовать свой потенциал, как в политике, при обладании и использовании власти. Властная деятельность захватывает психологическую организацию человека - от характеристик субъекта до индивидуальности.

2. *Субъект.* Власть является страстью, влечением, с которым практически невозможно бороться. Бертран Рассел отмечал, что в каждом человеке живут две до конца не насыщаемые страсти - стремление к власти и к славе. В политике требуется неукоснительное подчинение себе всех окружающих. Человек при власти должен восприниматься окружающими как человек, поднявшийся над остальными. Властная деятельность требует предельного напряжения ума, работы мысли на высшем уровне абстракции, сопряжена с предельным напряжением внимания и памяти. Необходимо создание собственной концепции устройства общества, оперирование огромным объемом информации, массивом политических связей и контактов.

3. *Личность.* Темп существования в политике требует от человека работы в заданном ритме. Направленности соответствуют возможности, предоставляемые властью для реализации собственных идеалов и целей политика. Характер политика определяет проведение им как адекватной, так и неадекватной политики - его отношения к себе, людям, труду и Отчизне. Власть позволяет максимально полно раскрыть способности человека, позволить их реализовать и сделать востребован-

ными обществом в настоящее время, при жизни и деятельности политика.

4. *Индивидуальность.* Власть позволяет оставить след в истории, навсегда остаться в памяти потомков. Благодаря собственной деятельности политик имеет возможность изменять ход истории и влиять на все процессы, происходящие в обществе. Власть является источником новых знаний, которые можно использовать и реализовать. Обладание властью позволяет человеку выделить себя из массы людей, показать свои индивидуальные особенности независимо от оснований.

Таким образом, психология политической власти имеет в своей основе то, что она представляет человеку уникальные возможности для самоосуществления, которых он не может достичь никаким иным образом.

5. *Системное политико-психологическое описание власти.* Функционирование и восприятие политической власти соответствуют психологическим характеристикам человека с использованием обширного категориального аппарата.

Власти как характеристике индивида в антропологическом базисе соответствует «переживание власти», определяющееся через «власть героя», «власть авторитета», «власть эталона» и «власть знатока».

Власть как ресурс определяет «воздействие власти», за счет системы источников власти: «власть поощрения и наказания», «нормативная власть», «власть принуждения» и «информационная власть».

Власть как межперсональная категория определяет «формирование власти» и осуществляется за счет использования психологических механизмов: «власти внушения», «власти убеждения», «власти измененного сознания» и «власти доказательства».

Власть как философская конструкция осуществляет «проектирование власти», определяющееся через «власть культуры», «власть закона», «власть опыта» и «власть науки».

Продолжая анализ этого ряда, можно отметить, что *власть как совокупность психолого-властных технологий*, может быть охарактеризована не только рядом категорий общего порядка (технологии завоевания, использования и удержания власти; методы и средства власти), но более конкретных: власть социального контроля, власть демагогии; власть политического манипулирования, власть политического насилия и др.

В контексте проблемы выбора категориального аппарата для уяснения психологических оснований власти любопытны результаты иссле-

дования, проведенные на кафедре политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета в 1999-2000 гг. Было предложено 33 определения власти, данных разными учеными. Вопрос ставился следующим образом: «Какие из приведенных определений власти Вы считаете наиболее близкими для Вас, согласны Вы или нет с авторами?».

В результате респондентами отмечены следующие *ключевые слова* в порядке их приоритетности:

- 1) распоряжаться, воздействовать;
- 2) влияние, принуждение, полномочия;
- 3) функции, целостность;
- 4) подчинение, баланс сил;
- 5) ресурс, порядок, регламентация жизни;
- 6) законы, сила, общественное благо, ответственность;
- 7) мобилизовать, обязательства;
- 8) нормы, право, приказ, подчинение, обязанность;
- 9) способность, принятие решений, управление процессом, сопротивление;
- 10) силовое отношение, доминирование;
- 11) диктат, подавление.

Анализ выделенных определений позволил также выявить понимание категорий «цели власти» и «признаки власти», а также определить используемые в этом дискурсе ключевые слова.

Цели и признаки власти и ее технологий.

Ассоциативный блок: понятие «власть» нельзя отделять от понятия «цель». В первой части статьи же отмечалось, что в политологической литературе цели власти раскрываются посредством ряда определений: политическое господство, польза и управление обществом; наращивание порядка, регулирование и сохранение собственности; принятие общественных обязательств и решений; реализация диктата.

Технология достижения цели - необходимая совокупность действий, позволяющая обеспечить достижение поставленной цели. Как и любая другая, технология может быть: эффективной, неэффективной, реализуемой, нереализуемой, гуманной и не очень (?) и т.п. Многое в этом деле зависит от того «кем?», «когда?», «зачем?» («с какой целью?») поставлена перед «достигающим субъектом» та или иная цель.⁶

У *технологий властвования* в настоящее время одна основная задача: добиться при минимальных финансовых и вообще материальных затратах максимального воздействия на людей, иными словами, обеспечить их «добровольную» подчиняемость.

Если попытаться дать негативное определение господства как права одних властвовать над

другими, то суть его сводится к определенному социальному отношению. Фактом остается то, что при всех исторически известных общественных формациях имеет место некое извращенное соотношение, когда большинство населения той или иной страны как бы обречено на одну и ту же, неизменную социальную участь: оно вынуждено постоянно довольствоваться скудостью своих материальных ресурсов и ограниченностью социального выбора. И в то же время существует определенное меньшинство, которое какими-то известными лишь ему путями всегда находит возможности и средства не только избежать жестокой доли большинства, но и утвердиться в своем господстве над ним.

Психологическим механизмом осуществления власти является разнообразное воздействие на мотивы подвластных - стимулирующее имеющие побуждения или, наоборот, препятствующие их проявлению.

Становится понятным присутствие в этом контексте и явления *шантажа*, известного человечеству с древних времен, с той поры, когда власть над другими людьми стала приносить определенные материальные выгоды и превратилась в этой связи в предмет вожеланий отдельных особей, стремившихся достичь заветной цели любыми путями. При этом их не останавливали моральные барьеры, традиции, общепринятые правила поведения, интересы других людей.

Власть и насилие: пересекающиеся психологические основания. Согласно классификации, предложенной А.И. Юрьевым, политика может иметь следующие признаки: экстремальные, акцентуированные, прямые, опосредованные. С учетом семантики слов, позволяющих соотнести их с указанными признаками политики, произведен анализ признаков власти в выделенных определениях. В контексте рассматриваемой темы крайне примечательно, что практически для половины определений власти (определяющих понимание власти), присущи *насильственные и экстремальные признаки*.

Представляется, что это в целом соответствует общепринятому пониманию власти в формах насилия, диктата и принуждения. Возможно, начало этому положил Никколо Макиавелли, который своим произведением «Государь» создал определенный теоретический арсенал, изложив феномен господства как инструкцию, как руководство для управления государством. Макиавелли обосновал суть и социальную природу политической власти как государственной. Главный предмет анализа знаменитого итальянца - реальная способность правительства повеле-

вать подданными. Это в его понимании и есть власть. Цель государства, политики - увеличение власти любыми средствами. Власть - сила, способная обуздать страсти людей и воспитать в них гражданские добродетели.

Отмеченное выше — лишь часть арсенала, которым бессовестно и цинично пользовались все поклонники культа насилия, начиная от Сореля и кончая технологами власти эпохи фашизма и сталинизма с целью теоретического обоснования пропагандировавшихся ими принципов вождизма. Один из идеологов насилия Ф. Ницше писал: «Мы думаем, что жестокость, насилие, рабство, опасность физическая и нравственная, скрытность, стоицизм, искусство соблазнять и всевозможная дьявольщина как и все злое, страшное, тираническое, хищническое и змеиное в человеке — благоприятствуют возвышению породы «человек», как его контраст».⁷ Источники, порождающие зло, такие как страсть к деньгам, нужда, болезни — все они приветствуются Ницше как заставляющие людей поклоняться жажде власти ценой насилия.

В борьбе за власть допускаются на практике различные формы обмана и насилия. При этом и то, и другое определяется:

- а) сложившейся практикой политической борьбы;
- б) провозглашаемыми угрозами или реальными действиями противоположной стороны;
- в) декларация о стремлениях с помощью меньшего зла — обмана или насилия — предотвратить большее зло.

Насилие допускается в качестве средства для достижения ценностей более высокого порядка, т.е. ради общего блага, ради общественного спокойствия и т.п. целей.⁸ «Нравится вам это или нет, насилие - это часть жизни и уникальность американской жизни. Выдуманные ужасы нужны нынешней благополучной Америке как лекарство, — утверждает известный писатель Стивен Кинг, автор множества романов и сценариев кинофильмов, заставляющих цепенеть от страха многомиллионную аудиторию. - Если кто-то скажет, что я повинен в этой беде, я отвечу словами одного репортера, навсегда вошедшими в историю: «Я не делаю новости, я только освещаю их». Я пишу фантазии, но пишу их с мира, который вижу».⁹

Следует признать, что и в России никогда еще население не испытывало такого разгула насилия как сейчас, проникающего во все поры общества, семьи, сознание человека. Двойной гнет насильственных форм, присущих крайним видам тоталитарного режима и псевдодемократии,

взрастили в России правовой беспредел, деморализацию общества. Сознание насильника открыто и широко масштабно воспитывается через СМИ, аудиовидеопродукцию. Насильники молодеют, уже десятилетние убивают взрослых, сверстников и родителей. Насилие приобретает особо жестокий характер, сознание общества начинает привыкать к виду расчлененных трупов и запаху крови.

Причинами распространения насилия в нашем обществе является, борьба за ресурсы, борьба за власть, неуважение к закону, стремление насильственным путем решать социально значимые проблемы; импульсивность поведения в кризисных ситуациях; отсутствие господствующих мировоззренческих постулатов.

К сожалению, власть принуждения часто выступает решающим фактором исполнения чужой воли. Применение принуждения считается самым эффективным методом достижения власти.

Однако насильственные методы мотивации оказывают негативное влияние на человека, поскольку представляет собой преднамеренное действие, направленное на нанесение или угрозу нанесения ущерба и осуществляемое вопреки воле личности. Систематическое применение принуждения разрушает нравственные основы общества и совместной жизни людей. В тоже время, в общественном сознании преобладает отношение к насилию как к неизбежному злу, вытекающему из несовершенства человека и социальных отношений, что оправдывает его использование.

Системные описания политической власти позволяют представить ее в целостном виде и выявляют, что для изменения политического поведения людей и общественных отношений власть использует совокупность технологий и механизмов влияния, среди которых насилию отводится существенное, но далеко не исчерпывающее место.

В качестве выводов можно отметить следующее:

Во-первых, методология системных описаний позволяет реально описать политическую власть и используемые ею технологии для теоретических и практических целей;

Во-вторых, политическая власть с присущими ей технологиями является средством изменения общественных отношений, регулирующих самоосуществление как обладателей власти, так и подчиняющихся власти;

В-третьих, на личностном уровне политическая власть представляет человеку уникальные возможности для самоосуществления, которых он не может достичь никаким иным образом;

В-четвертых, психология политической власти существенно отличается от психологии

иных форм власти по совокупности психологических механизмов и технологий, задействованных в ее осуществлении.

Примечания

- 1 Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб., 1992. С. 32.
- 2 Politikwissenschaft: eine Grundlegung. Gmb., 1987. P.356.
- 3 По материалам международной научно-практической конференции «Глобализация экономики, региональная интеграция, влияние этих процессов на положение трудящихся государств — участников СНГ». М., 2002.
- 4 Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. СПб., 2000. С.11.
- 5 Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. СПб., 2000. С.146.
- 6 Галкин В.П. Теоретические аспекты и основы экологической проблемы: толкователь слов и идеоматических выражений. Саранск., 2000. С. 45.
- 7 Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М., 1990. С.72.
- 8 Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1996. С. 214.
- 9 Vermont Library Conference VEMA Annual Meeting May 26, 1999. The Bogeyboys by Stephen King.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Власть выступает в качестве специфической предметной области политики, позволяющей выделить ее из всех других явлений жизни общества. В конечном счете именно власть дает ключ к пониманию природы политики, сущности политических институтов, политической жизни в целом. Не случайно многие ученые считают, что политология — это наука о власти.

Очевидно при этом, что на уровне обыденного сознания можно рассуждать о власти природной или водной стихий, света и тьмы, денег и вещей, однако на уровне теоретического сознания власть всегда выступает как социальный феномен, т.е. явление, отражающее потребности, интересы и связи людей. Иначе говоря, ни властное бытие, ни властное сознание немыслимы вне социального начала.

Но, будучи социальным по своей сути, понятие власти является одновременно многозначным понятием. И, как таковое, анализируется различными науками. Так, предметом изучения естествознания является степень власти человека над природой; психологии — над самим собой; философии — над объективными законами развития общества; социологии — социальная власть; экономической теории — хозяйственная власть; политических наук — политическая власть.

Понятно, что стержневой категорией политологии является именно «политическая власть». Но несмотря на то, что с введением специальной политической дисциплины исследования в этой области значительно активизировались.¹ Даже сегодня мы сталкиваемся с множеством вариантов толкования политической власти, под которой понимают: и лиц, облеченных полномочиями; и систему органов управления или правления; и политическое господство над людьми и т.д., и т.п.

Естественно, для того, чтобы правильно ответить на вопрос «Что такое политическая власть?», нужно, прежде всего, правильно ответить на вопрос «Что такое власть?». Только решив эту важнейшую методологическую проблему можно продвигаться дальше.

Какие же точки зрения существуют во взглядах на власть?

Первое их принципиальное различие можно провести по линии позитивного или негативно-го отношения к утверждению о принудительном

характере власти, как таковой.

Сторонники позитивного отношения к этому утверждению (а их сегодня — абсолютное большинство) заявляют, что если речь идет о власти, то речь всегда идет о преодолении отпора, а потому — о принуждении одним элементом социальной системы другого ее элемента, об отношениях господства и подчинения между ними, а, следовательно, в конечном счете, — о насилии и диктате.

Заметим, что такое представление о власти характерно и для марксистской традиции, что дает повод в обвинении марксизма во всех тяжких грехах, связанных именно с таким подходом к пониманию власти.²

Действительно, например в работе «Об авторитете», Ф. Энгельс подчеркивал, что любая власть предполагает «навязывание нам чужой воли», «подчинение» ей.³

Примерно о том же говорил В.И. Ленин, когда отмечал, «что всякая крупная машинная индустрия... требует безусловного и строжайшего *единства воли*, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. ... Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? — Подчинением воли тысяч воле одного».⁴

В связи с этим необходимо сделать некоторые пояснения.

1. Думается, что марксизм, как, впрочем, и все другие общественно-политические течения, был не вправе пройти мимо того обстоятельства, проигнорировать тот факт, что греческое слово «*kpatos*», от которого и берет начало термин «власть», переводится одновременно и как «сила», и как «господство». Говоря по другому, этимологически «власть», «сила» и «господство» стоят в одном синонимическом ряду, из чего логически следует, что сам термин «власть» исторически возникает для фиксации отношений, связанных с применением силы, а также — с господством и подчинением.

2. Марксизм вовсе не одинок в подобном толковании власти.

Обратимся к трудам Аристотеля, Г.В.Ф. Гегеля, русского философа В.С. Соловьева и многих других авторитетов истории политических учений. Все эти мыслители в один голос утверждают, что власть нужна для поддержания

целостности и единства общества, для организации общественного производства, которые немыслимы без подчинения всех его участников (членов) единой воле.⁵

Если мы возьмем западную политологию, то такое представление о власти господствует в ней и поныне. С «легкой руки» М. Вебера, понятие власти трактуется здесь как способность ее субъекта утверждать собственную волю, несмотря на сопротивление.

Что же касается отдельных течений, их взглядов на эту проблему, то и здесь позиция марксизма не идет ни в какое сравнение с позицией, к примеру, анархизма, для которого ликвидация властных структур вообще является конечной целью его существования — именно в силу их принудительного характера.

3. В принципе марксизм отразил именно то отношение к власти, которое сложилось у народных масс задолго до его появления как учения.

4. Предметом анализа в марксизме была, как правило, государственная власть, в которой, как известно, принудительные начала всегда занимали видное место.

5. И, наконец, последнее. Сама возможность постановки вопроса о необязательности применения принудительного механизма при реализации институтом власти своих властных функций становится реальной лишь в условиях достаточно высокого уровня демократизации человеческой цивилизации, на подходе к которому мы находимся сегодня, но еще не находились вчера.

В силу сказанного, инкриминировать марксизму все грехи в трактовке власти как феномена, имеющего принудительный характер, было бы по меньшей мере некорректно.

Теперь по существу.

Конечно, отрицать то, что власть проявляется и как принудительное отношение между людьми, и как отношение господства и подчинения, и как насилие и диктат, было бы нелепо. Вместе с тем сводить власть только к принуждению, т.е. абсолютизировать принудительный момент в ней, было бы неправильно, как минимум, по трем причинам.

1. Принципиально неправомерно отождествлять власть с методами ее реализации, к которым, в частности, относится и принуждение.

2. Следует иметь в виду, что в рамках такого понимания власть предстает как нечто заведомо навязываемое, что влечет за собой неизбежное негативное отношение как к лицам ее осуществляющим, так и к институту власти вообще, порождая революционные проекты его ликвидации, с одной стороны, всеобщее неподчинение

его структурам, — с другой.

В действительности же власть двухвалентна, в связи с чем следует различать:

а) проявление власти, которое действительно «навязывает свою волю», свое отношение к нормам установленного порядка, *принуждая* к их соблюдению и наказывая за нарушения;

б) проявление власти, которое поддерживает установленный порядок, *убеждая* в необходимости его соблюдения и обходясь при этом без карательных санкций.

Легко заметить, что функционирование того или иного проявления власти во многом зависит не только от характера самих властных структур — от их качества, демократичности, ценностных ориентаций и т.д., но и от мировоззрения и ценностных установок того, на кого направлена власть — от отношения объекта власти к нормам установленного порядка и соответствующего их восприятия.

Разумеется, положительная оценка объекту установленного порядка, согласие с его нормами не требуют в принципе применения принудительных санкций со стороны властных структур, не является необходимостью в данном случае и навязывание ими властной воли, поскольку последний воспринимает предлагаемые ими ценности как свои собственные.

3. Третья причина связана с тем, что в системе власти отношения между ее участниками подразделяются как бы на две категории.

К первой из них относятся такого рода отношения, когда субъект и объект власти не совпадают.

Наши представления об обязательности принудительного характера власти распространяются именно на эту категорию отношений и исходят из того, что один из их участников предстает для другого чем-то внешним, противоположным.

При этом упускается из виду, что возможен и другой вариант, — когда субъект и объект власти совпадают.

Конечно, этот вариант, выражающий сущность самоуправленческих начал, сегодня выглядит, скорее, как идеальный, нежели реальный. Тем не менее, самоуправленческая сторона властвования все настойчивее внедряется в жизнь, и игнорировать ее было бы не научно.

Но главное здесь заключается в том, что самоуправленческие начала, выступая в качестве критерия степени демократизации власти (чем больше их доля в системе власти, тем демократичнее эта система), там, где они присутствуют, практически «снимают» проблему «навязывания» чужого мнения, иных правил поведения, ценностей, норм и т.п., поскольку таковые, по сути, являются одновременно и нашими.

Таким образом, *однозначная трактовка власти как феномена принуждения не может не вызывать возражений.*

Продолжая разговор, заметим, что, в свете рассматриваемого вопроса, более приемлемыми представляются определения власти, которые условно можно назвать «компромиссными». Примером такого рода определения может служить понятие власти, данное К.С. Гаджиевым. «Под властью, — отмечает автор, — подразумевается способность ее субъекта... навязать свою волю другим людям, ...будь то насильственными или ненасильственными средствами и методами».⁶ Исходя из наших предыдущих рассуждений, понятно, что достоинством этого определения является признание необходимости применения силы (насилия, принуждения) лишь как одного из альтернативных средств реализации власти. Вместе с тем и такого рода определения зачастую оказываются не свободными от односторонности. Ведь легко заметить, что в приведенном выше определении упомянутые там «насильственные или ненасильственные» средства и методы носят, в конечном счете, подчиненный характер по отношению к главной цели — «навязать свою волю». Если к этому добавить, что «навязать» — это значит, по С.И. Ожегову, «принудить», «заставить принять... *негодную вещь... свою мысль*»,⁷ то становится ясным смысл их «компромиссного» характера.

В этой связи гораздо более точными представляются определения власти, вообще абстрагирующиеся от таких понятий, как «принуждение», «навязывание», «насилие» и т.п.

В зависимости от различных подходов их можно классифицировать следующим образом:

- в соответствии с *бихевиористским*⁸ подходом под властью понимается тип поведения, основанный на возможности изменения поведения других людей (Г. Лассуэл);
- в соответствии с *телеологическим*⁹ — достижение определенных целей, получение намеченных результатов (Б. Рассел);
- в соответствии с *инструменталистским* — возможность использования определенных средств;
- в соответствии с *функциональным* — способность (умение) реализовывать функцию управления (М. Фуко);
- в соответствии с *системным* — «... способность единицы системы аккумулировать свои «интересы» (достичь целей, пресечь нежелательное вмешательство, внушить уважение, контролировать собственность и т.д.) в контексте системной интеграции и в этом смысле

осуществлять влияние на различные процессы в системе» (Т. Парсонс);

- в соответствии с *реляционистским*¹⁰ — особый род отношений между социальными единицами, при котором поведение «ответственных единиц» зависит при определенных обстоятельствах от поведения «контролирующих единиц» (Р. Даль, Д. Френч, П. Блау);

- в соответствии с *«конфликтным»* — возможность принятия решений, регулирующих распределение благ в конфликтных ситуациях.¹¹

Очевидно, что главным недостатком указанных определений является отсутствие целостного подхода. Иначе говоря, данные определения власти носят фрагментарный характер, поскольку в каждом из них акцентируется внимание лишь на отдельных признаках, чертах власти.

Устранить этот недостаток механическим объединением перечисленных свойств власти не представляется возможным, что объясняется двумя основными причинами:

- 1) объединить фрагменты — это еще не значит создать целое, тем более, что речь идет о разнокачественных и разноуровневых фрагментах;
- 2) целостное определение власти можно дать, только предварительно уяснив ее функциональное предназначение (институциональную цель), субстратное¹² содержание (основу) и сущность, что в вышеприведенных определениях хотя и присутствует, но в весьма «размытом» состоянии.

Рассмотрим эту проблему подробнее.

Первый ее аспект связан с выявлением специфической цели власти как социального института, ее функционального предназначения.

Здесь есть разные точки зрения, включая, например, и такие:

- институт власти необходим для реализации властной воли;
- институт власти необходим для изменения поведения других людей и т.п.

При таком понимании цель власти становится оторванной от потребностей общества, а институт власти приобретает как бы «автономное» значение, обслуживая сам себя и действуя по принципу: «Что хочу, то и ворочу». И хотя в реальной жизни мы с таким положением встречаемся довольно-таки часто, это вовсе не означает, что так и должно быть. Ведь в конце концов и применение властной воли, и изменение поведения других людей в соответствии с ней, если и нужны обществу, то опять-таки для чего-то.

Не вдаваясь в детали, отметим, что как институт общественной жизни власть возникает в связи с потребностью в установлении определенного порядка в отношениях между людьми

и необходимостью его дальнейшего поддержания (соблюдения каждым человеком его норм). Именно для решения этой задачи и создается институт власти.

Таким образом, *целью власти как специально созданного социального института является установление и поддержание определенного социального порядка.*

Разумеется, институциональную цель власти не следует путать с личными целями обладания властью, которые, в зависимости от типа и преобладающей потребности личности, могут быть весьма разнообразными.

Так, для «нонконформиста» (его главная потребность — потребность в свободе) целью обладания властью властью выступает получение независимости и самостоятельности; для «конформиста» (гедонистические потребности) — получение материального благополучия или других личных выгод; для «диктатора» (потребность в самоутверждении) — достижение преобладания, господства над другими людьми, высокого престижа и т.п.; для «авантюриста» (потребность в самовыражении) — игра; для «демократа» (потребность быть личностью) — служение людям, обществу и т.д.

Как видим, с институциональной целью власти сопряжена лишь цель «демократа».

Второй аспект проблемы связан с уяснением субстратного содержания власти, с ответом на вопрос: «Что лежит в основе власти, что является той матрицей, которая пронизывает и сущность власти, и ее цель?».

По мнению многих авторов, таковой является воля, в соответствии с чем осуществление власти сводится к реализации воли ее носителя.

Типичными в этом отношении являются определения власти, начинающиеся словами:

«Власть — в общем смысле способность и возможность осуществлять свою волю...»;¹³

«Власть есть присущее обществу волевое отношение между людьми»;¹⁴

Власть выступает в виде «особого волевого отношения субъекта к объекту этого отношения».¹⁵

Комментируя такого рода определения, заметим следующее.

Разумеется, волевой регуляции в институте власти принадлежит видное место. Более того, в ряде ситуаций (например, в условиях недостаточности, избыточности или конфликта мотивов деятельности субъекта власти, противоречий между требованиями установленного порядка и желаниями объекта власти) она вообще призвана, играть решающую роль.

Вместе с тем, если субстанционально власть есть воля и ничто иное, то институт власти, как

говорится, по определению приобретает волюнтаристский характер. Вследствие этого целевой функцией власти является уже не установление и поддержание определенного социального порядка, а реализация властной воли, т.е. своеобразная форма диктата. Иначе говоря, «не мытьем, так катаньем» — не в прямой, так в косвенной форме мы опять пришли к утверждению об изначально принудительном характере власти.

Думается, что в первую очередь как раз этим обстоятельством объясняется тот факт, что у сторонников понимания власти как института принуждения ее субстанциональным содержанием практически всегда выступает воля.

С другой стороны, в связи с пониманием власти как «волевого отношения между людьми» закономерно возникает вопрос: «Почему власть трактуется как способность ее субъекта только к волевым, а не, скажем, к интеллектуальным (рациональным) или эмоциональным усилиям, рассматривается как только волевое, а не рациональное или эмоциональное отношение между людьми, именно как волевой, а не рациональный или эмоциональный способ регуляции?».

Поскольку аргументированно объяснить подобную абсолютизацию волевого начала практически невозможно, постольку более близким к истине представляется понимание власти как совокупной способности ее субъекта, т.е. его способности как к волевым, так и к интеллектуальным и эмоциональным усилиям, направленным, в конечном счете, на установление и поддержание определенного социального порядка (на реализацию институциональной цели власти).

Таким образом, *субстратным содержанием власти, ее основой выступает совокупная (волевая, интеллектуальная и эмоциональная) способность ее субъекта к установлению и поддержанию определенного социального порядка.*

Наконец, третий аспект проблемы, решение которой позволит дать целостное определение власти, связан с уяснением ее сущности.

Уже в первом приближении очевидно, что сущность власти нецелесообразно отождествлять с ее основой — субстратным содержанием власти. Во всяком случае было бы нелепо усматривать сущность власти не только в воле как таковой (в волевых отношениях, в волевом способе регуляции, в способности к волевым усилиям для достижения результатов), но и в совокупной способности кого-либо. И волей, и совокупной способностью практически обладает каждый человек, хотя, разумеется, и в разной степени. Однако мы не можем заявить, что, в строгом

смысле, каждый человек обладает властью.

Казалось бы, все решает направленность этой совокупной способности.

Если, к примеру, волевые, интеллектуальные и эмоциональные усилия направлены на установление и поддержание определенного социального порядка, то это — власть, если нет, то — нет.

В такой постановке вопроса (в рассмотрении субстратного содержания власти в его связи с ее институциональной целью для выявления сущности власти), бесспорно, есть рациональное зерно. Однако факты говорят о том, что, даже будучи направленными на установление и поддержание установленного социального порядка, волевые, интеллектуальные и эмоциональные усилия вовсе не являются гарантом такового, а, следовательно, их нельзя рассматривать в качестве сущностного признака власти.

Думается, что первейшим условием для выявления сущности власти является анализ складывающихся связей между участниками властных отношений.

Можно отметить три последовательных, вытекающих один из другого, признака этих связей, позволяющих выявить их специфику, а вместе с тем и сущность власти как социального феномена жизни общества.

1. Неравенство участников властных отношений, закрепленное (конституированное), с одной стороны, в их делении на субъекты власти (представлены ее носителями, обладателями, держателями, управляющими) и объекты власти (представлены управляемыми), а с другой, — в приоритетных возможностях одних из них (субъектов власти) использовать в своих целях необходимые средства, методы и санкции.

При этом, в системе средств следует различать — средства материального воздействия, организационные средства, средства духовного воздействия; в системе методов — методы убеждения и принуждения; в системе санкций, т.е. мер воздействия, направленных на обеспечение установления и соблюдения норм установленного порядка — негативные (от насмешек до смертной казни) и позитивные (от похвалы до сооружения памятника),¹⁶ формальные (санкции, налагаемые формальным институтом — официальным государственным или общественным органом) и неформальные (санкции, имеющие свои источником круг товарищей, соседей, общественное мнение — неформальные институты), правовые (предусмотренные предписаниями закона), этические (вытекающие из признания определенных моральных норм и нравственных принципов) и религиозные (их основу составляет система

догматов и верований).

Понятно, что как формальные и неформальные, так и правовые, этические и религиозные санкции могут быть и негативными, и позитивными. В то же время правовые санкции могут быть только формальными, этические же и религиозные — как формальными, так и неформальными.

И еще одно замечание.

Диалектика средств, методов и санкций такова, что, анализируемые как ресурсы власти:¹⁷

— методы и санкции могут рассматриваться как средства (социального контроля),

— средства и санкции — как методы (социального контроля),

— а методы и средства — как санкции (социального контроля).

2. Следующим характерным признаком связей, складывающихся между участниками властных отношений, выступает их доминантность, т.е. властные отношения являют собой такую форму взаимосвязей между их участниками, при которой один из них, доминантный (а таковым, как следует из анализа первого признака, является субъект власти), оказывает более сильное (преобладающее) воздействие на другого (на объект власти).

3. Очевидно, что властные отношения далеко не всегда ограничиваются лишь доминантностью. При необходимости они могут принимать и более жесткую форму, при которой один из их участников (субъект власти) оказывает не просто более сильное, а определяющее (решающее) воздействие на другого (на объект власти), т.е. может детерминировать его жизнедеятельность в нужном направлении.

Следовательно, третьим (не обязательным, но возможным) признаком связей, складывающихся между участниками властных отношений, является их детерминационный характер.

Подводя итог рассмотрению вопроса о сущности власти, можно сказать, что *именно эти признаки властных отношений (неравенство их участников, доминантность либо детерминантность), отражающие специфику власти как социального феномена жизни общества, одновременно выражают и сущность власти, выступают как конкретные проявления этой сущности.*

Отсюда с неизбежностью следует, что:

— собственно властной целью является не просто установление и поддержание определенного социального порядка, а установление и поддержание, достигаемые за счет неравенства взаимодействующих сторон, доминантного положения одной из них, ее возможности детерминировать, если это необходимо, состояние другой стороны;

— точно также субстратным содержанием

власти выступает не просто способность (пусть даже и совокупная), а способность одной из сторон доминировать во взаимодействии с другой стороной, и, при необходимости, детерминировать требуемое ее состояние, используя при этом соответствующие ресурсы (средства, методы и санкции).

С учетом сказанного, можно сформулировать следующее целостное развернутое определение власти как социального феномена.

Власть — это основанная на приоритетных возможностях использования необходимых ресурсов (средств — материальных, организационных и духовных; методов — принуждения и убеждения; санкций — негативных и позитивных, формальных и неформальных, правовых, этических, а также религиозных) совокупная (интеллектуальная, эмоциональная и волевая) способность ее субъекта (носителя, обладателя, держателя, управляющего) оказывать более сильное, преобладающее (доминантное), либо определяющее (детерминантное) воздействие на жизнедеятельность объекта (управляемого) с целью установления и поддержания (соблюдения им норм) определенного социального порядка.

Как видим, у данного определения власти есть два весьма существенных преимущества. Оно, во-первых, имеет целостный, а не фрагментарный характер; и, во-вторых, свободно от сведения власти как к принудительному, так и к волевому началу.

С другой стороны, оно, разумеется, не свободно от недостатков:

1) нет полной ясности в вопросе о соотношении таких понятий, как субъект, носитель, обладатель, держатель, управляющий и, с другой стороны, объект власти и управляемый;

2) требует уточнения положение о средствах, методах и санкциях как о ресурсах власти, тем более — об их конкретной структуре;¹⁸

3) очевидно также, что совокупная способность не ограничивается способностью к интеллектуальным, эмоциональным и волевым усилиям;

4) вероятно, может быть скорректирована и цель власти;

5) наконец, следует разобраться, какое из понятий — «воздействие» (использовалось нами) или «влияние» (используется другими политологами) — в большей степени сопряжено с понятием власти.

Подчеркнем, однако, что такого рода недостатки не связаны с неверностью принципа определения. А потому, абстрагируясь от них, попытаемся на базе данного определения власти как социального феномена подойти к определению политической власти как разновидности

социальной власти.

Будем кратки.

Учитывая, что политика — явление не личное, а общественное, политическую власть в самом общем виде можно было бы определить как власть общественную.

Учитывая, что власть может быть общественной как по своей форме (по субъекту), так и по содержанию (по объекту), под политической властью следует понимать:

а) власть личную по форме, но общественную по содержанию;

б) власть общественную по форме, но личную по содержанию;

в) власть общественную как по форме, так и по содержанию.

Учитывая, что политическим является лишь тот уровень общественного, который непосредственно связан с жизнедеятельностью больших групп людей (прежде всего, классов, наций, граждан государства, гражданского общества в целом) и их объединений, под политической властью следует понимать форму общественной власти, связанной с жизнедеятельностью больших групп людей (прежде всего, классов, наций, граждан государства, гражданского общества в целом) и их объединений.

Учитывая, что политическим, с другой стороны, является лишь та предметная часть общественного, которая функционально реализуется в управлении, *под политической властью следует понимать форму общественной власти, связанную с жизнедеятельностью больших групп людей (прежде всего, классов, наций, граждан государства, гражданского общества в целом) и их объединений и реализуемую в процессе управления.*

Политическую власть следует различать по форме и по содержанию.

С учетом предназначения, основы и сущности власти как социального института, соответствующие определения будут выглядеть следующим образом.

Власть, политическая по своей форме, — это основанная на приоритетных возможностях использования необходимых ресурсов (средств — материальных, организационных и духовных; методов — принуждения и убеждения; санкций — негативных и позитивных, формальных и неформальных, правовых, этических, а также религиозных) совокупная (интеллектуальная, эмоциональная и волевая) способность больших групп людей (прежде всего, классов, наций, граждан государства, гражданского общества в целом) и их объединений оказывать в процессе

управления более сильное, преобладающее (доминантное), либо определяющее (детерминантное) воздействие на жизнедеятельность объекта (управляемого) с целью установления и поддержания (соблюдения им норм) определенного социального порядка.

Власть, политическая по своему содержанию, — это основанная на приоритетных возможностях использования необходимых ресурсов (средств — материальных, организационных и духовных; методов — принуждения и убеждения; санкций — негативных и позитивных, формальных и неформальных, правовых, этических, а также религиозных) совокупная (интеллектуальная, эмоциональная и волевая) способность ее субъекта (носителя, обладателя, держателя, управляющего) оказывать в процессе управления более сильное (доминантное), либо определяющее (детерминантное) влияние на жизнедеятельность больших групп людей (прежде всего, классов, наций, граждан государства, гражданского общества в целом) и их объединений с целью поддержания (соблюдения ими норм) установленного порядка.

Учение о власти является основополагающим в политологии. И первым шагом в этом учении должно быть четкое представление о сути политической власти.

Примечания

¹ Так, только в 1990-е гг. появился целый ряд работ, посвященных непосредственному анализу тех или иных аспектов политической власти (см., например: Крамник В.В. Социально-психологический механизм политической власти. Л., 1991; Зуев В.И. Власть в системе политических категорий // Государство и право. 1992. N 5; Теплов Э.Т. Политическая власть. СПб., 1993; Пушкарева Г.В. Проблема власти во французской политической науке // Социально-политический журнал. 1994. N 1-2; Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. М., 1995; Фетисов А.С. Политическая власть: проблемы легитимности // Социально-политический журнал. 1995. N 3; Залысин И.Ю. Политическое насилие в системе власти // Социально-политический журнал. 1995. N 6; Дегтярев А.А. Политическая власть как регулятивный механизм социального общения // Полис. 1996. N 3; Бутенко А.П. Наука, политика, власть: проблемы взаимоотношения и соотношения // Социально-гуманитарные знания. 1999. N 3), не говоря уже об исследованиях общего характера, проблем государственной власти, ее структурных ветвей и др.

² См.: Амелин В.Н. Власть как общественное явление // Социально-политические науки. 1991. N 2. С. 3-5.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. // 2-е изд. Т. 18. С. 302.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 200.

⁵ См.: Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 376-380; Гегель. Философия права. М., 1990. С. 308-339; Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. I. М., 1990. С. 415-420.

⁶ Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1995. С. 106.

⁷ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991.

⁸ Бихевиоризм (англ. behaviour поведение) — одно из направлений в политологии и психологии XX в.

⁹ Телеология (гр. telos (teleos) цель) — учение о цели и целесообразности.

¹⁰ Реляционный (лат. relativus относительный) — выражающий отношение, связанный с выражением отношения между чем-либо.

¹¹ См. об этом: Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979. С. 158; Митрохин В.И. О критериях эффективности самоуправления // Социально-политические науки. 1991. N 8. С. 99; Основы политической науки: Ч. I. М., 1994. С. 102-105; Политология. М., 1997. С. 91-92, 95.

¹² Субстрат (лат. substratum букв. подстилка, подкладка) — основание, носитель, субстанция.

¹³ Философский словарь. М., 1989.

¹⁴ Краснов Б.И. Власть как явление общественной жизни // Социально-политические науки. 1991. N 11. С. 27.

¹⁵ Политология: Энциклопедический словарь, М., 1993. С. 41.

¹⁶ Обычно термин «санкция» (лат. sanctio — строжайшее постановление) связывают только с применением мер воздействия, как правило принудительных, к нарушителям установленного порядка (с наказанием) и, соответственно, вкладывают в него негативное содержание, забывая при этом, что само по себе «строжайшее постановление» нейтрально в ценностном измерении, а потому может носить и одобрительный (поощрительный, разрешительный) характер.

¹⁷ Под «ресурсами власти» в широком значении этого термина понимается все то, что субъект власти может использовать для воздействия на объект, в узком — способы, обеспечивающие воздействие (влияние) на объект власти в соответствии с целями субъекта.

¹⁸ В политологической литературе выделяются, к примеру, следующие ресурсы власти: утилитарные, принудительные и нормативные, экономические, социальные и культурно-информационные, а также — силовые ресурсы, демографические ресурсы и т.д., что не делает проблему более понятной.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ВЛАСТИ, ЕЕ ФОРМЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Власти посвящено грандиозное количество исследований. Ни одно политическое явление не привлекает к себе такого внимания, и в то же время, ни одно из них не является предметом такого тотального умолчания, как политическая власть. Полезные сведения о власти содержат политология, социология, философия, литература, история и другие науки. В отличие от западного обществоведения, где феномен власти давно стал одним из главных объектов исследования, в нашей стране ее изучение по сути началось только в 90-х гг. ушедшего века. Эта тема относилась к числу наиболее идеологизированных аспектов советского обществоведения и сегодня все еще сохраняется дефицит работ по проблемам власти.¹

В процессе истории власть как социальный институт претерпела определённые изменения: от внутриродового уклада, обряда почитания старших, путём множества видоизменений и разветвлений до метода поддержания порядка на огромных территориях целых государств. Неизменным осталось лишь то, что почти всегда приобретение власти сопрягалось с применением насилия. Несомненно и то, что во многих поступках людей лежит мотив приобретения власти над себе подобными. В ходе развития человеческого общества власть стала неотъемлемой частью человеческих отношений. Люди ставили и ставят перед собой цель - получение наибольшей власти. Во всех войнах лежат мотивы захвата власти, - будь то территория, природные ресурсы или что-либо иное. Но в любом случае это давало бы власть над людьми.

Значительный материал для понимания сущности власти содержится в трудах Н. Макиавелли, Дж. Локка, Ж.Ж. Руссо, Л. Гумпловича, М. Вебера, Т. Парсонса, Р. Миллза, Д. Рисмэна, С. Храдила, Н. Лумана, Ф. Энгельса, а также отечественных ученых — Г.К. Гаджиева, А.И. Демидова, В.В. Ильина, А.С. Панарина, А.А. Федосеева, В.Ф. Халипова, и других, изучавших различные аспекты властных отношений.

Крупнейший английский философ Б. Рассел считал власть фундаментальным понятием науки об обществе в том же смысле, в каком

энергия является фундаментальным понятием физики. Т. Парсонс высказывал ту же мысль, только в ином словосочетании: власть занимает в анализе политических систем место, во многих отношениях схожее с тем, которое занимают деньги в экономических системах. Иными словами, власть имеет широкую употребительность в качестве обобщающего понятия, и в этом смысле оно вряд ли когда-либо исчезнет из концептуального арсенала. Вместе с тем его полезность как инструмента анализа ограничена его нечеткостью, ибо понятно, что смысл исторически закрепившийся за понятием власти, уже длительное время фиксируется исследователями в терминах-синонимах. Чаще всего это понятие отождествляется с терминами: «сила», «господство», «авторитет», «могущество», «влияние». Так, в американской политологической традиции применительно к изучению политики принято говорить, что ее предметом является «влияние и его носители» (Г. Лассуэл) или осуществление «власти (power), господства (rule), либо авторитетно-властного полномочия (authority) (Р. Даль).

Другой пример - *поведенческая концепция власти* (по сути, бихевиористская), которая исходит из понимания власти как взаимодействия индивидов в процессе их политического поведения. В ее формате, власть, стремление к власти - доминирующая черта человеческой психики и сознания. Поведенческая концепция по сути дела воспроизводит тезис немецкого философа Ницше: «Жизнь для меня тождественна инстинкту роста, власти, накоплению сил... если отсутствует воля к власти, существо деградирует».² Воля к власти в данном случае - это не что иное, как силовая модель власти, идущая от Макиавелли и Гоббса.

Поведенческая концепция власти (равно как и субстанциональная, структурно-функциональная, социально-классовая и другие концепции), лишь подтверждает, что понятие «власть» даже описательно адекватным образом не намечает границ своего значения. Не столько для демонстрации этого вывода, сколько для выяснения сути категорий, либо входящих в объем понятия «политический шантаж», либо сопровождающих его, рассмотрим основные из таких терминов.

Влияние - (англ. - influence) - способность политического действующего лица (политического субъекта) желательным для него самого образом воздействовать на поведение других. Успешное употребление влияния может вызвать изменения (или воспрепятствовать нежелательным изменениям) в склонностях, мнениях, установках и убеждениях, а также непосредственно в поведении.

Хотя «власть» и «влияние» часто выступают синонимами, многие ученые рассматривают влияние (что крайне важно для анализа проблемы политического шантажа) *как более широкое понятие*, а властное могущество трактуют как форму влияния, производную от угрозы сурового наказания за неповиновение и претендующую на более высокую вероятность повиновения.

Способность действующих лиц влиять на других зависит от многих факторов:

- от политических возможностей, имеющих в их распоряжении;
- от характера и степени искомого влияния;
- от того, в какой области функционируют те, кто может стать объектом усилий по оказанию влияния;
- от конкурирующих попыток других действующих лиц влиять на тех же субъектов;
- от степени повиновения, которого хотят добиться.

Несмотря на чрезвычайно важную роль феномена влияния в политическом анализе, в вопросе его определения *нет общего согласия*. Так, некоторые аналитики, проводя различие между понятиями влияния и власти. При описании они сводят значение первого из них к применению косвенных или нематериальных средств добиться изменений в поведении. Другие рассматривают власть как форму влияния, которая содержит угрозу суровых лишений за неповиновение. В целом, хотя понятие влияния не получило развернутого определения, им широко пользуются в политическом анализе всех видов: бихевиористском, историческом, правовом, философском, дескриптивном и нормативном.

Принуждение - (coercion) - форма влияния, характеризующаяся высоким уровнем оказываемого давления (constraint) или понуждения (compulsion). Многочисленные примеры политического шантажа демонстрируют нам, как принуждение может выражаться в ряде способов и приемов экономического, социального или политического запугивания, вплоть до угрозы силой или же путем ее применения.

Некоторые авторы, определяя различие между влиянием, властью как властным могуществом (power) и принуждением, рассматривают

влияние как наиболее всеохватывающее из этих понятий, обнимающее собой все средства побуждения или понуждения. В этой схеме власть представляет собой форму влияния, производную от понуждения, т.е. угрозы нанесения серьезного урона или сурового лишения за неповиновение. Принуждение, в свою очередь, есть форма власти (властного могущества), предстающая перед принуждаемым в виде перспективы серьезного урона или сурового лишения, которые ожидают его, как он ни поступи.

В самом деле, для объекта шантажа неповиновение повлечет за собой исполнение грозящего ему наказания (обнародования нелицеприятных сведений), но и повиновение будет сопряжено с серьезным уронem (материальным и моральным). С точки зрения анализа политического шантажа важно, что широкий круг взаимодействий, в основе которых лежит принуждение, глубоко конфликтен по своему существу и в типичных случаях сопряжен с угрозой применения или применением силы.

Так, в международной политике, в конечном счете, страх перед принуждением со стороны государств-соперников стимулирует гонку вооружений, заключение союзов и другие формы реагирования ради безопасности. Бездумное применение принуждающей силы на любом уровне может вызвать реакцию, которая приведет к открытому столкновению.

Власть как авторитетно-властное полномочие - (англ.- authority) - влияние, проистекающее из признания другими, по их собственной воле, чье-либо права вводить нормативные установления или отдавать распоряжения и рассчитывать на повиновение.

Авторитетно-властное отношение является субъективным, психологическим и моральным по своему характеру, в отличие от форм влияния, основанных на использовании материальных ресурсов или физическом принуждении. Источниками авторитетного полномочия власти в той или иной политической системе, согласно типологии Макса Вебера, на которую часто ссылаются, служат традиция, закон и харизматические качества политических лидеров. До настоящего времени в литературе по общественным наукам тема власти разрабатывается, как правило, со ссылкой на определение М. Вебера, в представлении которого власть должна означать «любой шанс осуществить свою волю внутри социальных отношений, в том числе вопреки противодействию, на чем бы этот шанс ни основывался».³

Власть как властное могущество вообще (англ. - power) - способность каким-либо желаемым образом воздействовать на поведение

других. Пример такого властного могущества (фактически откровенного шантажа) приводит эксперт по проблемам деятельности деструктивных культов Е.Н. Волков. Анализируя применяемые в этих культах методы «поддержания верности новообращенных», автор обращает внимание на перманентно повторяющиеся угрозы санкций за возможный уход из культа, такие как: «Если ты уйдешь, твоя жизнь развалится на куски»; или «Твоя душа сгниет»; или «Ты отправишься в ад»; или «Пострадают твои родственники»; или «Твоя жизнь будет в опасности». Результат: многие обращенные боятся покинуть культ.⁴

Итальянское «potere» (власть) происходит от разговорного латинского «potere» - обратного образования от «potens» (могущий) и других форм на «pot-» глагола «posse» (мочь), состоящего из двух компонентов: «potis» - «господин», «тот, кто может» - индоевропейского происхождения и «esse» - «быть».⁵ В результате власть имеет множество частных значений. Среди основных из них фигурируют «способность что-либо делать или действовать», «способность воздействовать на волю другого человека», «полномочия, связанные с исполнением определенной должности» и т.д.

Стало быть, «власть», при широком определении, представляет собой синоним «влияния» и охватывает весь ряд механизмов влияния — от убеждения (влияние, успешно оказываемое без обещания вознаграждения или угрозы наказания со стороны обладающего властью) до умеренного давления или сделки (обещание вознаграждения, угроза наказания) и далее вплоть до крайне жесткого давления, применения силы, или принуждения (угроза сурового наказания или лишения каких-либо благ).

Таким образом, многообразие терминологии, относящейся к одному и тому же понятию «власть», как это видно из проделанного выше анализа, лишь подтверждает его «социологическую аморфность», подмеченную еще М. Вебером. В конечном итоге выясняется, что политическими отношениями охватывается нечто большее, чем само по себе отправление власти или оказание влияния, а властные отношения обнаруживаются во всех областях человеческой деятельности.

Из сказанного следует, по крайней мере, три вывода:

1) ранее предлагаемые теории власти рассматривают некоторые, весьма существенные ее аспекты и проявления;

2) целостное описание теорий власти достигается за счет использования методологии системного подхода;

3) необходимо взаимное соотнесение теоре-

тических подходов рассмотрения власти.

Схема 1. Соотнесение теоретических под-

Теоретический подход	Содержание	Теоретический подход
	Содержание	
Теоретический подход		Теоретический подход
Теоретический подход		Теоретический подход

ходов рассмотрения власти

Признавая всеобщность политической власти, политологи по-разному ее определяют. Понятно, что суть дела не в дефинициях, а в понимании существенных признаков изучаемого явления, в подходах к его познанию. Основополагающий вопрос в данном случае - вопрос о природе политической власти, акценте на сущностной стороне политики как взаимоотношения больших социальных групп по поводу их общих интересов.

Отсюда - определение политической власти как понятия, обозначающего реальную способность определенного класса, иной большой социальной группы или большинства данного общества, а также представляющих их организаций и индивидов проводить свою волю по отношению к другим группам, отдельным индивидам, осуществлять общие интересы и цели насильственными и ненасильственными средствами.

При рассмотрении существующих концепций власти, прежде всего, бросается в глаза их многочисленность и разнообразие.

Для Томаса Гоббса власть была средством достичь блага в будущем, и сама жизнь есть вечное и неустанное стремление к власти, прекращающееся лишь со смертью.

Макс Вебер определял власть как возможность индивида осуществить свою волю вопреки сопротивлению других.

А. Каплан рассматривал применение власти как акты, воздействующие на кого-то или определяющие другие действия.

Х. Арендт полагала, что власть вовсе не принадлежит отдельному человеку, а только группе людей, действующих совместно. В этом смысле власть означает способность человека не столько действовать самому, сколько взаимодействовать с другими людьми.

Т. Парсонс понимает власть в качестве посредника, тождественного деньгам, циркулирующего внутри политической системы, но выходящего за ее рамки и проникающего в другие функциональные подсистемы (экономическую, культурную и т.д.). «Власть, таким образом, яв-

ляется реализацией обобщенной способности, состоящей в том, чтобы добиваться от членов коллектива выполнения обязательств, легитимизированных значимостью последних для целей коллектива, и допускающей возможность принуждения строптивых посредством применения к ним негативных санкций, кем бы ни являлись действующие лица этой операции».⁶

Т. Болл⁷ предлагает один из способов разрешения вопроса о власти — определить различие между двумя ситуациями: когда кто-то обладает «властью для» того, чтобы что-то совершить или воздействовать на кого-то, или кто-то имеет «власть над» другим. И аргументирует это он следующим образом: если под политикой понимается далеко не только и главным образом не принуждение или господство — т.е. «власть над», — а власть, которой пользуются для убеждения или разубеждения, или для того, чтобы обеспечить чьи-либо преимущества. «Власть над» не исчерпывает всех возможных политических проявлений. Власть возникает не только тогда, когда группа людей кем-то управляется, но также когда эта группа организуется, заряжается волей и тем самым становится способной добиваться чего-либо для себя. Здесь проявляется не чье-то господство, и не приказ, а возможность ранее неорганизованной, но сознающей себя группе идентифицироваться и решиться действовать открыто для достижения поставленной цели.

Эти рассуждения видных ученых привели соискателя к выводу об уникальности власти в человеческом обществе — она управляема и направляется. А значит, ее можно рассматривать как нравственную категорию, т.е. власть носит моральный и политический смыслы. Следовательно, власть по своей природе не является собственно угнетением — она есть возможность

выбирать образ действий или возможность добиваться результатов ненасильственным образом. Тогда власть можно представить как легитимную возможность, право и ответственность воздействовать, сочетаемые с осознанной свободой исполнения.

Столь высокая степень различия привела некоторых политологов к выводу: по поводу содержания власти не существует единого мнения, оно является «сущностно оспариваемым».

Управление общественной жизнью людей — основной аспект власти, средство, обеспечивающее организованность и управляемость человеческими сообществами. Следовательно, структура властеотношений не тождественна отношению «господство — подчинение», а еще включает подсистему «управляющий и управляемый». Эти властные взаимосвязи управленческого свойства можно представить как совокупность конкретных проблем, требующих решения со стороны государства и других политических субъектов, осуществления ими соответствующих целенаправленных действий, применения конкретных средств и ресурсов.

Примечания:

- 1 Психология и психоанализ власти. Т.1. Самара, 1999. С. 4-5.
- 2 Ницше Ф. Сочинения. Т.1. М., 1990. С. 246.
- 3 Вебер М. Политика как призвание и профессия //Избранные сочинения. М., 1990. С. 714.
- 4 Волков Е.Н. Методы вербовки и контроля сознания в деструктивных культах //Журнал практического психолога. 1996. №3. С. 76-82.
- 5 Даниленко В.И. Современный политологический словарь. М., 2000. С. 137.
- 6 Парсонс Т. О понятии «политическая власть» //Политология: хрестоматия. М., 2000. С. 241.
- 7 Подробнее см.: Болл Т. Власть //Психология и психоанализ власти. Т.1. Самара, 1999. С. 29-41.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

Власть — одна из основополагающих категорий политологии, характеризующая важнейшее явление исторического развития человеческого общества. Зародившись в глубокой древности, власть сопровождает человека и в условиях постиндустриального общества, оставаясь объектом изучения не только политических наук, но и философии, социологии, истории и др.

Феномен власти был в центре внимания выдающихся философов древности, пытавшихся объяснить ее природу и механизмы воздействия на огромные массы людей, способность объединить их или противопоставить друг другу. В наиболее известных работах «Государство» и «Законы» Платон излагает свои взгляды на общество и государство. «Государство возникает... когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но во многом еще нуждается.... Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства...».¹ Сохраняя приверженность своей идее создания идеального государства — образца всех добродетелей — мудрости правителей, храбрости воинов, умеренности низшего сословия и правды как источника и связи всех добродетелей, Платон все же не отрывается от реальной жизни. В своих работах он особое внимание уделяет двум формам правления: монархии — началу власти и демократии — началу свободы. Каждая из них, взятая в отдельности, способна довести свое начало до крайности, до гибели. Отсюда вывод — монархия должна быть ограничена свободой граждан, а демократия — властью.

Аристотель в работе «Политика» также рассматривает власть как результат естественного стремления человека к общению. Первым видом общения он считал семью, возникшую «для удовлетворения повседневных потребностей». Исторический процесс развития человечества представляет собой появление новых, более сложных форм общения — селение (колония семьи), государство. Собрание сородичей, совместно решавших насущные жизненные проблемы и выбиравших предводителя, способного

вать как первичную форму властвования. Важной отличительной чертой ее было отсутствие политического характера — управленческие функции осуществлялись всей общностью. Выступая субъектом управления, общность выражала интересы всех своих сородичей. Поскольку носители власти не имели материальных привилегий, не было и необходимости в принуждении, а тем более — в специальных учреждениях, осуществлявших это принуждение и стоявших над общностью. Основу власти предводителя (вождя), старших членов рода (племени) составляли их моральный авторитет, традиции и правила, определявшие течение повседневной жизни. Государство — «общение политическое» — стало «продуктом естественного возникновения, как и первичные общения: оно является завершением их, в завершении сказывается природа». Иными словами, возникновение государства соответствует природе человека — существа политического. Лучшей формой правления Аристотель считал ту, где при распределении власти учитываются интересы богатых и бедных, собственность и добродетель. Эффективность государственной власти он связывал с ее разделением на законосовещательную, исполнительную (распорядительскую) и судебную. «От превосходного состояния этих частей зависит и прекрасное состояние государственного строя, да и само различие отдельных видов государственного строя обусловлено различным устройством каждой из этих частей».²

Философы и политические деятели средневековья и нового времени — Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш.Л. Монтескье и др. — продолжали исследование феномена политической власти — ее сущности, закономерностей развития и механизмов осуществления, проблемы разделения властей и принципов взаимоотношений с обществом.

Многогранность феномена власти стала причиной различных научных подходов, утвердившихся в философских и политических учениях XIX–XXI вв. Так, родоначальник «философии жизни» Ф. Ницше в качестве общего стимула общественных процессов определил «волю к власти», свойственную каждой личности. Несправедливость и притеснение — есть всеобщая, глубинная ха-

рактеристика жизни как таковой, а не какой-то определенной ее социальной формы. Стремление личности к господству, к подчинению чужой воли своей, к расширению границ своего могущества – естественно и постоянно.

Разработанная М. Вебером теория рационализации, дала ему возможность осуществить социологический анализ власти. Определяя власть как возможность и способность утверждения собственной воли в системе социальных отношений, как преодоление возникающего сопротивления, М. Вебер подчеркивал ее социальный характер. Рассматривая власть как социальное явление, он указывал на всеобщность власти, многообразие ее проявления на различных уровнях и направлениях развития общества. Большое внимание М. Вебер уделил исследованию проблем господства и его легитимных типов, в том числе и государства. «Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение *господства* людей над людьми, опирающееся на легитимное (т.е. считающееся легитимным) насилие как средство».³

Выдающийся американский ученый Т. Парсонс построил сущностный анализ власти, используя возможности структурного функционализма. Рассматривая человеческое действие как самоорганизующуюся систему, Т. Парсонс исходил из необходимости определения наиболее общих механизмов ее регуляции. Так, он считал власть определяющим фактором политических систем, сравнивая ее значение с той ролью, которую в экономических системах играют деньги. «Власть понимается здесь как посредник, тождественный деньгам, циркулирующий внутри того, что мы называем политической системой, но выходящий далеко за рамки последней и проникающий в три функциональные подсистемы общества (как я их себе представляю) – экономическую подсистему, подсистему интеграции и подсистему поддержания культурных образцов»,⁴ – писал он. Следует обратить внимание на то, что Т. Парсонс указывает на всеобщность власти – свойство, позволяющее ей «выходить» за пределы политической системы и «проникать» в другие, а цель и следствия этого проникновения не могут не определяться другими свойствами власти, самим ее характером.

Особенностью бихевиоризма (А. Бентли, И. Ватсон, Ч. Мерриам) стало определение власти как особого типа поведения людей, обладающих возможностями воздействия на поведение других людей и изменения его. При этом, политическое

поведение рассматривается «очищенным» от политико-правовых норм, ценностей и интересов. Акцент делается на изучении мотивов поведения или отдельных политических поступков личности. Ч. Мерриам считал также, что наука о политическом поведении (или в более широком смысле, о социальном поведении) должна создаваться с использованием достижений естественных наук, которые помогут, например, установить связь между политическим мышлением и действием человека и его чувствами или утомляемостью. «В любом случае совершенно ясно, что надо пересмотреть основные проблемы политической организации и поведения в свете новых открытий и тенденций; вновь проанализировать природу народного правления, характер и сферу общего интереса в управлении и методы его использования; надо призвать науку, которая может вызвать войну, покончить с ней».⁵ Ч. Мерриам ставил под сомнение компетентность ученого, сведущего в вопросах политики и одновременно остающегося «невеждой в основных проблемах человеческого поведения». Он считал также, что проблема политического поведения органически связана с проблемой контроля поведения людей.

В работах В. Парето, Г. Моски, Р. Михельса выстроена система взглядов на власть как привилегию высших слоев общества. Элитарные теории в философии и политических науках появились очень давно, и устойчивость их присутствия здесь можно объяснить лишь одним – объективностью существования в обществе соответствующих групп людей – высших его слоев, элиты. Происхождение, родственные связи, богатство позволяют людям элиты получить, по словам В. Парето, «этикетку» о принадлежности к политической службе достаточно высокого уровня – министры, сенаторы, депутаты. Но далеко не всегда эти люди соответствуют характеристикам элиты, лучшей части общества, способной соответствовать требованиям его прогресса, его совершенствования. Получив назначение сенатором или избранный депутатом, такой представитель правящего меньшинства обманывает избирателей, изображая себя, если это требуется, ярким демократом, социалистом, анархистом.⁶

Меньшинству легче одержать победу над большинством и удержать власть потому, что ему легче организовать и достигнуть между собой согласия, чем большинству. К тому же, организованное меньшинство обладает не только материальным, но и интеллектуальным, и даже моральным превосходством, если оно включает наследников людей, обладавших этим качеством. В итоге, представители правящего

меньшинства обладают реальными или кажущимися качествами, которые почитаются в их обществе. Исходя из этого, Г. Моска делает вывод: «В действительности суверенная власть организованного меньшинства над неорганизованным большинством неизбежна. Власть всякого меньшинства непреодолима для любого представителя большинства, который противостоит тотальности организованного меньшинства».⁷

Выдающийся теоретик социальной философии, историк и политолог К. Поппер обращал особое внимание на «фундаментальный характер» политической власти, позволяющий ей «контролировать экономическую мощь» общества, а также на свойственную ей тенденцию к расширению «области политической деятельности». Вследствие этого, К. Поппер определил в качестве принципа построения открытого общества политическую ответственность государства за правовую защиту интересов граждан. Отвергая возможность насильственного утверждения чьих-либо интересов, он относил к числу наиболее сложных задач демократического государства определение «степени свободы, которую можно оставить гражданам, не подвергая опасности ту свободу, которую призвано защитить государство». «Это трудно, но не настолько, чтобы нам пришлось из-за этого менять свои основные требования, в частности отказаться от рассмотрения государства как инструмента защиты от преступлений, т.е. от агрессии».⁸ Государство обязано создать правовые механизмы регулирования и ограничения свободы, противопоставив их действие «иллюзорной надежде» одного человека на «милосердие другого».

И.А. Ильин — русский религиозный философ и правовед, в своих политических исследованиях разрабатывал такие сложные и важные для понимания сущности власти проблемы, как соотношение нравственности и политики, государства и права, как анализ причин установления тоталитарных режимов. Так, причинами тоталитаризма в СССР и странах Восточной Европы И. Ильин считал разрушение веры в народе, «распад христианства в душах людей», формализацию культуры. Определяя власть как «волевою силу», И. Ильин обращал внимание на то, что эта сила не может измеряться только «интенсивностью и активностью внутреннего волевого напряжения», осуществляемого властителем, но и «авторитетною непреклонностью его внешних проявлений». Сила власти — в ее верности закону и духовной правоте. По словам И. Ильина, «духовная верность творимого права является всегда лучшим залогом того, что авторитет права и власти будет

действительно признан правосознанием народа и что их политическая прочность соединится с жизненной продуктивностью».⁹

Исследования феномена власти учеными разных поколений и политических взглядов дали возможность сформировать довольно целостное учение, помогающее понять сущность власти, ее наиболее характерные особенности и формы проявления.

Власть — явление общественное и политическое. В широком смысле слова власть можно определить как способность и возможность распоряжаться кем-либо или чем-либо, оказывать решающее воздействие на деятельность, поведение и судьбы людей, используя право, авторитет, насилие. Власть — есть осуществление воли личности, группы людей. Процесс осуществления, реализации власти — акт властвования, предполагающий наличие, по крайней мере, двух компонентов — субъекта (носителя власти) и объекта (подвластной стороны). Компонентами властных отношений могут быть отдельные личности, социальные группы, политические лидеры, партии, элиты, государства.

Власть — общечеловеческая ценность, возникшая еще до появления государства. Потребность в проявлении властной воли определялась необходимостью преодоления первобытными людьми временных трудностей и стихийных бедствий, защитой от нападений врага, а позднее — необходимостью перехода от присваивающего хозяйства к производящему, сохранения целостности общности и другими событиями и явлениями. Иными словами, везде, где доминирование властной воли должно было заменить простое влияние.

Важнейшей особенностью власти является ее универсальность, ее способность проникать практически во все виды деятельности людей. Всеобщность власти можно представить как совокупность всех ее проявлений, а следовательно, и как соответствующий масштаб ее распространения. Естественно, что постоянной величиной масштаб власти быть не может — в зависимости от ситуации, от конкретных условий он может увеличиваться или уменьшаться — от власти государства, распространяющего свою политику на территории других стран, до малой группы или отдельной личности. В целом же, множественность проявлений власти складывается из наличия таких составляющих, как — политическая и неполитическая; государственная и общественная, экономическая и финансовая, семейная и личностная, классовая, групповая и клановая, формальная и неформальная, легальная и нелегальная, а также — власть религии и предрассудков, совести и слова и др. Наличие

власти во всех сферах жизнедеятельности общества, постоянство ее существования во времени, способность пространственного распространения являются показателями целостности ее начала, ее способности осуществлять организационные и контрольно-регулирующие функции, побуждать людей к действию, объединять их или противопоставлять друг другу.

Важнейшим видом власти является власть политическая. Политическую власть можно определить как свойство общественных отношений, проявляющееся в навязывании социальным субъектом своей воли другому субъекту (или другим). Политическая власть означает реальную способность определенного класса, социальной группы или личности утверждать свою волю в политике, закреплять ее в правовых нормах. Понятие «политическая власть» может употребляться в сочетании с понятиями «классовое господство», «диктатура класса» или «ведущая роль класса», помогающими раскрытию ее сущности. Понятию «политическая власть» часто сопутствует понятие «государственная власть», которое уже первого, поскольку политическая власть осуществляется не только государственными органами и учреждениями, но также и посредством деятельности политических партий и движений, различных общественных организаций. Более того, система построения современных международных отношений дает возможность реализовать политическую волю с помощью международных организаций — ООН, Совета Европы, НАТО и др. При всем этом, государство играет главную роль в системе политической власти. Она доминирует в обществе, являясь основным объектом в политической борьбе социальных субъектов. Для достижения своих целей государство может использовать экономические рычаги, средства идеологического воздействия, но ему принадлежит и монопольное право на принуждение с использованием специального аппарата силовых структур. Государство обладает и другими, не менее важными монопольными правами — эмиссией денег, сбором налогов и распределением полученных прибылей. По сути своей, государство является своеобразным продуктом самых различных форм власти.

Сущность политической власти можно понять, анализируя ее источники, признаки и функции. В качестве источников политической власти могут выступать экономические, социальные, идеологические и психологические факторы, обеспечивающие доминирование данного класса, социальной группы или личности. На самых ранних стадиях развития человеческого общества, когда власть не носила еще политического

характера, она основывалась на моральном авторитете вождя племени или старейшины рода, на системе сложившихся к этому времени традиций и норм поведения. Мотивы подчинения власти были разнообразны. Поведение подвластных членов рода, племени основывалось на уважении мнения вождя, на убежденности в необходимости выполнения его распоряжений, на личной заинтересованности в достижении поставленной цели, а иногда и просто на страхе перед опасностью подвергнуться наказанию. С появлением собственности и имущественного неравенства, власть приобретает уже политическое содержание, а ее определяющими факторами становятся экономические. Возрастающее экономическое могущество владельцев собственности в сочетании с образованием, с доступом к богатству культуры, позволило им создавать свои политические организации, укреплять свое положение в парламентах и других органах власти. Действенность экономических и организационных источников власти усиливается ее идеологическим и психологическим обоснованием. В итоге, сила политической власти, ее стабильность всегда зависят как от числа источников, составляющих комплексную основу власти, так и от степени зрелости каждого из них.

Говоря об источниках политической власти следует подчеркнуть, что в демократическом обществе главным среди них определяется народ. Так, в ст.3 Конституции Р.Ф. записано: «1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. 2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления».¹⁰

Помимо признаков, свойственных власти как общей, исходной категории, политическая власть имеет ряд собственных отличительных признаков: во-первых, она характеризуется верховенством по отношению к другим видам власти и, соответственно, обязательностью ее решений (или их последствий) для всего общества; во-вторых, политическая власть действует от имени всего общества; в-третьих, она легально использует силу в числе других средств осуществления своей властной воли; в-четвертых, ей присуща моноцентричность, выражающаяся в наличии общегосударственного центра разработки и принятия решений; в-пятых, в распоряжении политической власти находятся огромные экономические, научно-технические и организационные ресурсы, СМИ, системы управления, обширные национальные и международные связи.

Важнейшей функцией политической власти

является регулирование общественных отношений. В демократическом обществе сложность осуществления этой функции определяется действием двух противоречивых тенденций, с одной стороны, необходимость повышения эффективности деятельности всех органов власти, а, с другой, — передача части государственных дел в ведение институтов гражданского общества, повышение активности социальных субъектов. Результативность функции регулирования во многом зависит от того, как и в каком объеме осуществляются политической властью созидательная и охранительная функции. Формирование и укрепление гражданского общества, построение правового государства могут потребовать и использования насильственных мер, но вряд ли будет правильным содержание соответствующей функции политической власти сводить к подавлению воли подвластной стороны. Насилие можно осуществлять не выходя за рамки закона, используя разрешаемую им форму принуждения. В соответствии с требованиями принципов демократии при осуществлении командной и контрольно-распорядительной функций политической власти следует использовать не только приказание, но и возможности убеждения. Определяющими критериями действенности политической власти можно считать политическую стабильность и устойчивое социально-экономическое развитие общества.

Термин «легитимность» (с лат. *Legitimus* — согласный с законами, законный, правомерный, надлежащий, должный, правильный) используется в современной политологии для характеристики одной из важнейших сторон власти — ее правомочности. Но определение понятия «легитимность политической власти» не может быть основано лишь на этимологическом содержании исходного термина.¹¹

Английский философ Д. Локк обращал внимание на то, что политические общества создаются людьми, равными и независимыми по своей природе, ради того, чтобы «удобно, благополучно и мирно жить вместе». Те, кому эти люди добровольно, на основе принятых ими законов отдают власть, ограничивая тем самым свою свободу, не имеют права требовать от них повиновения своей воле. Власть осуществляется ради общего блага, и кто бы ни обладал «верховой властью в любом государстве, он обязан править согласно установленным *постоянным законам*, провозглашенным народом и известным народу».¹² Политической власти, основанной на законе, люди смогут доверить и защиту своей собственности, и наделить функциями вы-

несения справедливого приговора и приведения его в исполнение.

Французский философ и просветитель Ж.Ж. Руссо считал, что, давая «Политическому организму существование и жизнь», общественное соглашение граждан должно «сообщить ему движение и наделить волей». Раскрывая сущность этого положения, Руссо говорил о праве политической власти на совершение такого «великого и трудного дела», как создание системы законов, о ее обязанности показать народу тот верный путь, который он ищет, оградить его от «сводящих с этого пути воли частных лиц», раскрыть опасность отдаленных и скрытых бед и т.д. Народ всегда хочет блага, но не всегда решение его бывает просвещенным. Это порождает «нужду в Законодателе», способном оформить волю народа, согласовать ее с разумом, обеспечить взаимодействие частей общественного организма ради достижения наибольшей силы целого.¹³ Иными словами, общественный договор отражает взаимозависимость народа и политической власти и наполняет последнюю конкретным функциональным содержанием.

Говоря о воле народа, общественном признании полномочий власти, Руссо учитывал наличие нравственного аспекта легитимности политической власти, объективно дополняющего аспект формального подтверждения ее законности. По его мнению, навязывание повелителем своей воли народу, превращение повиновения в обязанность с помощью силы и возведение этой силы в закон — противоречит морали. Суть моральной свободы он видел в подчинении человека закону, который он сам для себя установил. Только такой закон может служить основой свободного действия.¹⁴

Необходимость морального аспекта легитимности политической власти подтверждается самим фактом использования для ее характеристики категорий добра, справедливости и ответственности. Причем и Руссо, и другие философы и политические деятели, исходили прежде всего из моральной первоосновы этих категорий. Так, выдающийся американский государственный деятель и философ Т. Джефферсон считал, что правительство, действительно заинтересованное в защите интересов народа, должно дать ему образование и информацию о своей деятельности. Помогая таким образом народу понять свою политику, правительство может сделать его своим убежденным сторонником в деле сохранения мира и порядка в обществе. Автор Декларации независимости США Б. Франклин указывал на прямую зависимость силы правительства от мнения народа, признающего прежде всего его

мудрость и способность делать добро. Определяя принципы подбора правительством губернаторов и судей для отдаленных провинций, он, в частности, обращал внимание на то, что образованного и честного судью народ будет считать приверженцем справедливости.¹⁵

Власть как «полномочие, имеющее жизненное влияние только в меру своей правоты», понимал русский философ И. Ильин. Аксиомой власти он считал то, что «законодатель естественной правоты» должен обладать особой предметной и духовной компетентностью — только духовно-зрячий человек имеет основание принять на себя властное руководство общественной жизнью. Люди, осуществляющие государственную власть, должны «удовлетворять этическому и политическому цензу». «Чернью» называл он людей, идущих во власть с корыстной целью, видя в ней лишь удобное средство достижения личных или классовых задач. Такая власть не может иметь авторитета, а это хуже явного безвластия.¹⁶

Таким образом, полная легитимность власти в основе своей должна иметь правовое и моральное обоснование, общественное соглашение и признание, соответствие правосознания и моральных принципов властвующих кругов и подчиненных.

Следует иметь в виду и то, что особенности устройства политических отношений современного мира, действие общемировых тенденций развития демократии и интеграции способствуют утверждению еще одного аспекта легитимности власти — признание ее мировым сообществом. Деятельность международных организаций мирового, европейского и других уровней, фиксирование основополагающих принципов взаимоотношений государств рядом важнейших международных актов дают возможность не только создавать соответствующие механизмы, но и в значительной мере обеспечивают их действие.

Исходя из вышеизложенного, можно определить легитимность политической власти как признание обществом правомерности политических полномочий и практических действий властных структур, как подтверждение необходимости функционирования этой власти как наилучшей.¹⁷

Процесс легитимации политической власти объективен, он включает структуры и институты власти, ее цели, формы и действия, а также документы и решения. Содержание процесса определяется необходимостью объяснения функционирования конкретных политических структур, их изменений и обновлений в соответствии с изменившимися общественными потребностями, доказательности принимаемых политических решений. Легитимация предполагает подтверждение правомочности использования политической властью всех доступных

ей средств — от убеждения до принуждения с применением силы.

Характер и содержание легитимации неразрывно связаны с политическим режимом. В демократическом обществе легитимация составляет необходимую основу власти, способствуя укреплению ее авторитета в обществе. Функционируя в соответствии с политическими и социальными потребностями народа, демократическая власть использует выборы, референдумы и другие демократические процедуры для укрепления своих связей с обществом, для получения подтверждения правомочности своей политики и возможности своего дальнейшего существования.

Особенностью недемократических режимов, особенно тоталитарных и диктаторских, может быть даже полное игнорирование политических интересов общества, а, следовательно, и самой проблемы легитимации власти. Но, какой бы сильной такая власть не казалась и какие бы жестокие средства не использовала для подавления народной воли, она обречена на гибель.

Неизбежными трудностями и остротой сопровождается процесс легитимации власти в условиях переходных периодов, когда изжившие себя способы и механизмы признания власти должны быть заменены новыми. Такая замена требует не только времени, но и определения принципов построения самой системы власти, а соответственно и конкретного содержания процесса ее легитимации. Естественное стремление общества избежать состояния безвластия может привести к несовершенному законодательству, к принятию непродуманных решений, способных деформировать весь процесс легитимации власти. В итоге, возможно возникновение ситуации, когда любые политические действия власти будут отторгаться обществом, а в числе их, вероятно, и вполне рациональные, соответствующие требованиям момента. Политическая нестабильность и социальные конфликты могут изменить само направление развития переходного периода, предполагавшееся ранее.

Легитимация политической власти имеет свои источники. Исследования Д. Локка, Ж.Ж.-Руссо, И. Ильина и других ученых дают возможность определить в качестве наиболее надежного источника легитимации политической власти участие граждан в управлении обществом. Демократические режимы создают наиболее благоприятные условия для активизации политического потенциала общества, для превращения в субъектов политики индивидов, социальных общностей и групп. Осознание причастности к политике власти больших масс людей увеличи-

вает потенциал ее легитимации.

Наименее надежным источником легитимации политической власти является сила. Любой политический режим опирается на принуждение, любому политическому режиму свойственно ограничение прав и свобод личности. Но степень использования принуждения, масштаб распространения и формы зависят от характера режима и времени его действия. Даже устойчиво развивающиеся демократические режимы могут увеличить ограничения прав граждан на получение полной и объективной информации во время военных конфликтов и угрозы террористических актов, запретить демонстрации и митинги граждан. Но и в этих неординарных условиях продолжает действовать правило — расширение границ принуждения означает соответствующее снижение уровня легитимности власти. Более того, возрастает возможность падения данного режима.

Режим недемократический, изначально опирающийся на силу, в гораздо большей степени подвержен угрозе падения. Русский писатель и философ А.Н. Радищев признавал за народом право нарушить свои «обязанности» перед самодержавием — «наипротивнейшим человеческому существу состоянием», если оно нарушает свои.¹⁸

Условиях общественного развития второй половины XX в. увеличили возможности такого источника как технократическая легитимация. В этом случае легитимация власти осуществляется посредством ее собственной деятельности — экономической, военной, образовательной и др., обеспечивающей успешное всестороннее общественное развитие. Примерами повышения легитимности политической власти как следствия прежде всего эффективной экономической деятельности могут служить ФРГ, Япония, Сингапур и др. страны.

Характеристика легитимности политической власти предполагает определение ее объектов, предметов и формальных показателей.

К объектам легитимности политической власти относятся политические лидеры, политические руководители и политические авторитеты (монархи, президенты государств, премьер-министры, лидеры правящих политических партий и т.д.), политические элиты. Несмотря на то, что «политические авторитеты» выделяются в качестве самостоятельного объекта легитимности политической власти, сама проблема авторитетности имеет непосредственное отношение и к другим названным объектам. Признание обществом связи личностных качеств или действий конкретных лидеров, руководителей и др. с достижениями в развитии страны, может служить определенной гарантией

их легитимации и, одновременно, достаточно серьезным критерием для оценки возможностей других политических деятелей.

Объектом легитимности политической власти является состав организационных структур (органов, учреждений) правящего политического режима — парламента, кабинета министров, судов и др., а также административный персонал.

Предметами легитимности политической власти будут: во-первых, действующие политико-идеологические принципы (политические идеологии), во-вторых, действующие ценности и нормы политической жизни, в-третьих, политические режимы как совокупность способов и форм организации политической жизни и функционирования политической власти.

Важную роль в определении легитимности политической власти играют следующие формальные показатели: отсутствие массового недовольства политической властью в целом или действиями определенных ее лидеров и руководителей, прямых попыток свержения данного политического режима и фактов проявления гражданского неповиновения; низкий уровень принуждения, применяемого властью для поддержания порядка и осуществления принятой политики; положительные результаты свободных выборов или референдумов и массовые действия (митинги, демонстрации) в поддержку существующей власти.

В зависимости от времени и конкретных условий развития общества и характера его отношений с политической властью для поддержания ее легитимности могут быть использованы самые различные средства. К их числу можно отнести: мероприятия по осуществлению поддержанных обществом политических программ или внесение необходимых изменений в политику, изменение законодательства и реформирование системы политических институтов, использование средств массовой информации для формирования определенного общественного мнения и др.

Противоположным по сущности процессу легитимации политической власти является процесс ее делегитимации — утраты властью общественного доверия. Причины делегитимации могут быть самыми различными — от сформировавшейся в обществе убежденности в несостоятельности политических концепций и практических действий власти до недоверия конкретным политическим лидерам и руководителям.

Сложность структуры политической власти, разнообразие форм и средств, используемых политическими режимами, возможная противоречивость политико-идеологических принципов, определяющих деятельность политических пар-

тий — все это говорит в пользу того, что процесс легитимации, как и процесс делегитимации нельзя рассматривать «в чистом виде», в отрыве друг от друга. Оба они составляют взаимосвязанные стороны единого политического процесса.

Большое внимание современная политология уделяет типологии легитимности политической власти. Одним из первых исследователей этой проблемы стал М. Вебер, выделивший три основных типа легитимности (господства): традиционное, харизматическое и рациональное.¹⁹

Традиционное господство — авторитет «вечно вчерашнего» — обусловлено авторитетом нравов, привычной ориентацией на их сохранение и соблюдение, верой в законность и даже священность издревле существующих порядков. Видами такого господства он считал геронтократическое (власть старейшин), патриархальное (власть вождя племени) и патримониальное (власть монарха). В целом, традиционный тип господства по своей структуре сходен со структурой семьи, что в значительной мере обуславливает его устойчивость. Ядро управляющей системы здесь образуют родственники, личные друзья или друзья вассалов, лично зависимых и верных правителю. Именно личная зависимость и верность определяют характер отношений в любой общественной сфере, заменяя формальное право и обеспечивая получение должности и продвижение по ступеням служебной иерархии.

Харизматическое господство — «авторитет внеобыденного личного дара», полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием у человека качеств вождя: откровений, героизма и других. Харизматическое господство, «как его осуществляют пророк, или — в области политического — избранный князь-военачальник, или избранный всеобщим голосованием выдающийся демагог и политический партийный вождь».²⁰

Рациональное (легальное) господство — основано на авторитете веры в обязательность легального установления и деловой компетентности носителей власти. Данный тип господства возникает в результате длительной эволюции государства, когда утверждается правовое начало как принцип власти, и установленным законам подчиняются не только управляемые, но и управляющие. «Штаб управления», состоящий из специально образованных чиновников, действует «невзирая на лица», в строгом соответствии с требованиями формальных и рациональных правил.

Типы легитимности политической власти М. Вебера можно характеризовать как идеальные (чистые), учитывая при этом, его замечание о том, что в действительности в таком виде они

встречаются редко.

Ю. Хабермас — немецкий философ, социолог и политический мыслитель, определяет типы легитимной власти в соответствии с разработанной им концепцией «коммуникативной этики»: власть, рождающаяся в процессе коммуникации и административно применяемую власть. Он анализирует два «противоположных» процесса, которые встречаются и перекрещиваются в деятельности политической общественности и имеют собственные цели. Суть первого состоит в коммуникативном формировании легитимной власти, возникающей вне «всякой репрессивности» политической общественности. Суть второго — в обеспечении легитимности через политическую систему, «с помощью которой административная власть пытается управлять политическими коммуникациями». Насколько оба процесса — «спонтанное формирование мнений благодаря автономным объединениям общественности» и «организованное обретение лояльности масс» будут взаимосвязаны и какой из них пересилит другой — зависит от конкретных условий развития общества. Но, в любом случае, способность общественных образований (политических партий и др) принимать и проводить в жизнь решения согласно демократическим процедурам и реальная деятельность демократического правового государства будут способствовать «встречному движению» процессов.²¹

Американский политолог Д. Истон создал свою типологию легитимности политической власти, исходя из наличия таких источников поддержки власти и режима, как идеологические принципы, привязанность к структурам и нормам режима и преданность власти как следствия положительной оценки личностных свойств определенных субъектов власти. В соответствии, с этим он называет три типа легитимности власти: идеологический, структурный и личный. Основу идеологической легитимности составляют идеологические принципы и убеждения граждан в ценности данного политического строя. Но, поскольку, то и другое нуждаются в постоянной поддержке, то для обеспечения своей «живучести» политические системы должны выполнять две взаимосвязанные функции: «Во-первых, они должны быть способны предлагать обществу ценности и, во-вторых, вынуждать большинство его членов признавать их в качестве обязательных, по крайней мере почти всегда. Эти два свойства выделяют политические системы среди других типов социальных систем».²²

Структурная легитимность опирается на приверженность граждан механизму и нормам действия власти. Важную роль при этом играет доверие к традиционным институтам власти, деятельность которых воспринимается как основа

и гарантия стабильности общественной жизни. Вместе с тем, традиционность, даже вошедшая в привычку, не дает полной гарантии стабильности самой власти, например, в периоды таких значительных событий, как участие в каких-либо военных операциях за пределами собственной территории. В странах с развитой демократией решения власти могут не получить однозначной оценки, и ее устойчивость будет зависеть от способности удерживать принимаемые политические решения и «добиваться их выполнения с нужной регулярностью».²³

Личная легитимность основана на вере граждан в личностные качества политического лидера, в его способность использовать власть с максимальной пользой для общества. При этом, симпатии граждан к лидеру, как правило, сочетаются с рациональным расчетом, исключая поклонение и готовность к полному подчинению.

Важнейшим средством поддержки легитимности власти — любого ее типа — Д. Истон считает информационную систему, способную обеспечить прямую и обратную связь между обществом и властью, а тем самым и «живучесть» политической системы. «Предложение» обществу идеологических ценностей, формирование общественного мнения, ознакомление власти с особенностями общественных настроений — вся сложная система отношений «требований и поддержки» в значительной степени зависит от состояния и условий работы средств информации.

В качестве предмета легитимности политической власти в современной политологии используются политические режимы. Опираясь на собственные исследования, а также на работы Д. Пеласси, Д. Сартори, С. Файнера, французский ученый М. Доган выделяет: развитые плюралистические демократии, которые признаются большинством граждан как легитимные; диктаторские (деспотические или тоталитарные), которые не признаются большинством населения страны; авторитарно-бюрократические, которыми основные гражданские права соблюдаются лишь частично. Каждое «измерение» режима — степень участия широких масс в управлении или исключение из него, мера подчинения масс правителям или возможность использования предусмотренных мер воздействия на правителей и др. — позволяет построить ряд предполагаемых комбинаций режимов. Так, С. Файнер, наряду с либеральными демократиями и тоталитарными системами, выделяет военные режимы, основанные скорее на чувстве страха, чем на регламентации; «показные демократии», где олигархия обладает всей полнотой власти и

квази-демократии, построенные на привлечении масс, путем воздействия на их чувства.²⁴

Более глубокому анализу сущности политической власти служит ее типологизация. Данное выше определение политической власти, ее социального масштаба, источников, функций и т.д., позволяют выделить и ее основные типобразующие признаки.

Выполнению задач политической власти служит процесс ее институционализации — создания политических институтов как устойчивых форм организации взаимодействия людей. Структуру власти составляют институты государственного управления, политические партии, другие политические организации, которые выстраиваются в соответствии с принятой иерархией (меж- и внутри институциональной). В зависимости от характера политической системы, особенностей государственного строя и политической жизни общества наряду с официальными, легальными институтами могут формироваться неинституционные (неформальные, нелегализованные) структуры. К числу их можно отнести группы лоббирования, лидеров кланов, группировок, влиятельных лиц, приближенных к крупным государственным чиновникам и т.д. Деятельность таких структур приобретает теневой, противоправный и даже мафиозный характер. Масштабы их влияния, а вместе с ними и непосредственная угроза деформации системы официальных институтов, находятся в прямой зависимости от степени легитимности последних и эффективности их деятельности.

Политическая власть может быть типологизирована по субъекту — парламентская, правительственная, судебная, личная (монархическая-королевская, царская и т.п., президентская), коллективная (партийная, коллегиальная власть руководящих групп, классовая, клановая, народная, власть так называемых правящих сил); по структуре правящего субъекта — единоличная, единоначальная (монархическая, самодержавная, диктаторская), полиархическая, образованная группой — олигархией (тип группового самовластия); по социально-политической природе и структурной организации носителя власти — монархическая, республиканская.²⁵ Образованные на основе различных признаков, типы политической власти составили группы, известным образом связанные между собой. Роль связующих звеньев играют, например, понятия «монархия», «республика», «парламент», давно и широко используемые для характеристики власти политическими науками.

Монархия (от греч. *monarchia* - единовластие) — форма правления, при которой верховная государственная власть принадлежит единоличному

правителю — монарху, как правило, получающему и передающему ее по наследству. Поскольку власть монарху может принадлежать полностью или частично, формально или реально, то монархии делятся на абсолютные (неограниченные) и конституционные, парламентские, когда власть монарха ограничивается властью парламента, Конституцией. Число абсолютных монархий к концу XX в. было незначительным — Саудовская Аравия, Катар, Оман, ОАЭ и некоторые другие). В теократических монархиях — Оман, Катар и др. глава государства одновременно является и религиозным главой. В развитых странах — Великобритания, Бельгия, Дания и др. — власть монарха отличается формальностью, символическостью, а сохранению их во многом способствует приверженность традиции. Решающую роль в определении политического курса и его реализации принадлежит здесь парламентам.

Республика (от лат. *respublica*: *res* — дело и *publicus* — общественный, всенародный) — форма правления, при которой права на власть принадлежат всем дееспособным гражданам или большинству их. Республика возникла еще в античные времена как антипод монархической власти. Систему республиканского управления составляют органы, избираемые гражданами или формируемые общенациональными представительными учреждениями, что позволяет определять ее как демократическую форму власти. Несмотря на то, что республиканская власть отличается большими возможностями для реализации принципов народовластия, степень участия граждан во властных структурах различна, поскольку зависит от ряда причин: пользуются граждане действительными или формальными правами, в каком объеме предоставляются и гарантируются им эти права, какая часть населения принимает участие в выборах. Большую роль играет и то, насколько сильно влияние отдельных социальных групп, партий и кланов на деятельность органов власти, каковы возможности манипулирования ими.

Республиканская власть может осуществляться в двух основных формах — парламентской (парламентарной) и президентской. Отличительной чертой парламентских республик является формирование законодательной (парламент) и исполнительной власти (правительство) победившими на выборах политическими партиями. Созданное на парламентской основе из представителей партий парламентского большинства, правительство ответственно перед парламентом как верховным органом власти. В парламентских республиках (Австрия, Германия, Италия, Индия,

Швейцария и др.) президент обычно наделен чисто номинальными функциями.

В президентских республиках (Россия, США, Мексика и др.) президент избирается всенародным голосованием, что и определяет широту его властных функций. Президент формирует правительство, которое ответственно перед ним как главой государства. Он может быть одновременно и премьер-министром. Вместе с тем, Конституция наделяет парламент большими возможностями контроля за деятельностью президента вплоть до отклонения его законопредложений и объявления импичмента.

В некоторых странах — Португалия, Франция, Финляндия и др. — сочетаются черты парламентской и президентской республик.

Политическая власть различается по режиму — совокупности средств и методов ее осуществления. Одна и та же форма правления (монархия, республика) может осуществляться в открытых, закрытых и промежуточных обществах, в которых могут устанавливаться демократические, тоталитарные и авторитарные, военно-диктаторские и гражданские, теократические и др. режимы. Общим, определяющим критерием для всех них будет характер отношений между личностью, обществом и властью.

В соответствии с методами и средствами, которые власть использует для достижения поставленных целей, она характеризуется как господство, насилие, принуждение или убеждение, авторитет. Господство определяется как абсолютное или относительное подчинение одних людей или социальных групп другим. Подчинение может осуществляться с помощью насилия, т.е. с применением силы или угрозы силы. Непосредственно от целей насильственных действий, условий и времени осуществления зависят их масштабы — отдельные акты, ограниченные и массовые, внутригосударственные и межгосударственные действия. Массовые политические репрессии, террор, гражданские войны, агрессии и т.п. являются отличительными признаками фашистских и других недемократических режимов.

Насилие противоречит принципам демократического общества. Возможные случаи его применения (например, в экстремальных условиях) должны быть определены законом. Но, подчеркивая неразрывную связь демократии и закона, следует обратить внимание и на связь его с понятиями «принуждение», «убеждение», «авторитет». Соблюдение закона предполагает определенную обязательность. В самом слове «законопослушание» заложена необходимость послушания, следования конкретному пред-

писанию, что вряд ли может быть полностью освобождено от принуждения. Но закону свойственна функция убеждения — своей силой, целесообразностью, позитивными последствиями его исполнения для личности и общества.

Авторитет власти предполагает признание ее необходимости обществом или отдельной личностью. Авторитет опирается на способность его носителей направлять действия или помыслы других людей в нужном им направлении, не прибегая к насилию. Как форма осуществления власти, авторитет может опираться на признание подвластными его права на осуществление именно таких действий, использование избранных им политических средств. Уверенность подвластного в легитимности распоряжения, основанного на авторитете, а не боязнь наказания за его неисполнение, отличают авторитет от принуждения. Одним из примеров проявления авторитета служит харизматическая власть (в ее лучшем варианте), сочетающая в себе высокий уровень легитимности с высокими нравственными нормами и способностью правильно оценивать настроения масс и отражать их в своих действиях.

Типологизация политической власти проводится также по области и объему прерогатив — государственная, ассоциативная (например, партийная, групповая, местной администрации); власть во внешнеполитических отношениях, международная, власть всемирных организаций, союзов, блоков. Ее можно определять и по социальному типу — власть рабовладельческая, феодальная, буржуазная.

С каких бы позиций учеными не анализировался феномен власти, практически все они признают неразрывное единство власти и политики. Политика находит свое выражение в политической власти. Изучение власти открывает возможности для понимания сущности политической жизни общества, деятельности политических институтов, принципов и особенностей построения системы политических отношений в зависимости от времени и условий развития конкретного общества.

Примечания

- ¹ Платон. Собр. соч. Т.3. М., 1994. С. 129-130.
- ² Аристотель. Политика и Афинская полиция. М., 1997. С. 154.
- ³ Вебер Макс. Политика как призвание и профессия // Антология мировой политической мысли. Т. 2. М., 1997. С. 12.
- ⁴ Парсонс Т. О понятии «политическая власть» // Антология мировой политической мысли. М., 1997. Т. 2. С. 479.
- ⁵ Мерриам Чарлз Эдвард. Новые аспекты политики // Антология мировой политической мысли. Т. 2. М., 1997. С. 182.
- ⁶ Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли. Т. 2. М., 1997. С. 62.

- ⁷ Моска Г. Правящий класс // Антология мировой политической мысли. Т. 2. 1997. С. 121.
- ⁸ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1. М., 1992. С. 149-150.
- ⁹ Ильин И.А. Аксиомы власти // Политическая мысль второй половины XX века. Пермь, 1999. С. 132.
- ¹⁰ Конституция Российской Федерации. М., 1993. С. 4.
- ¹¹ История использования термина «легитимность» относится к временам средневековья, когда он трактовался, в основном, как право верховных должностных лиц поступать в соответствии с традициями, обычаями и принятыми нормами поведения. Позднее, этот термин стали употреблять для определения правомочий выборной власти. В XIX в. им обозначали политическое движение во Франции, целью которого было восстановление королевской власти как единственно законной (в отличие от власти Наполеона — «узурпатора».) После июльской революции 1830 г. во Франции была создана монархическая «партия легитимистов» — сторонников династии Бурбонов.
- ¹² Локк Дж. О целях политического общества и правления // Антология мировой политической мысли. Т.1. М., 1997. С. 365.
- ¹³ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Антология мировой политической мысли. Т.1. М., 1997. С. 433.
- ¹⁴ Там же. С. 428, 434.
- ¹⁵ Франклин Бенджамин. Как из великой империи сделать маленькое государство. Правила, преподанные министру при вступлении его в должность // Антология мировой политической мысли. Т.1. С. 384. М., 1997.
- ¹⁶ Ильин И.А. Аксиомы власти. Пермь, 1999. С. 133-134.
- ¹⁷ Легитимность власти не следует смешивать с ее легальностью (от лат. *Legalis* — законный) — узаконенностью, разрешенностью законом деятельности каких-либо политических институтов, объединений, организаций, а также определенных действий и процессов. Вместе с этим, оба понятия связаны друг с другом и могут даже совпадать в известной степени, например, в аспекте правового оформления данной власти.
- ¹⁸ Политическая мысль второй половины XX века. С. 99.
- ¹⁹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Антология мировой политической мысли. Т.2. М., 1997, С. 12.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Хабермас Ю. Философский спор вокруг идеи демократии // Антология мировой политической мысли. Т.2. М., 1997. С. 777, 778.
- ²² Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. Т.2. М., 1997. С. 635.
- ²³ Там же. С. 636.
- ²⁴ Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. М, 1994. С. 247; Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. 1994. №6. С. 148, 149.
- ²⁵ Политология // Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 5.

БЫЛ ЛИ ПЛАТОН ТЕХНОКРАТОМ?

Историко-философский анализ позволяет в известной степени проследить истоки технократической мысли. Определенным намеком на будущие технократические замыслы следует считать идею Платона о совершенном государстве, управляемом специальным образом подготовленными носителями истинных знаний (философами), а не наследными сановниками.

Государство Платон понимает в широком смысле, как совместное поселение. «Государство, - считает он, - возникает,... когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но нуждается еще во многом... Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства...».¹ Следовательно, «его (государство) создают наши потребности», и среди них «первая и самая большая потребность — это добыча пищи для существования жизни... Вторая потребность — жилье, третья — одежда и так далее».² Государство — необходимое условие личного совершенства. Основанное на разделении труда, оно способствует выявлению человеческих склонностей и их развитию.

Совершенная форма совместного существования — в прошлом, когда людей соединяли узы дружбы, они не в чем не нуждались и все свободное время посвящали философским рассуждениям. Тогда управляли на земле сами боги. Вернуться к этому золотому веку невозможно, этому мешают постоянные войны, нужда, стихийные бедствия. Постепенно в государстве на первый план выступают стяжательство, насилие, раздор, отсутствие заботы об общем благе. В каждом государстве ныне «заключены два враждующих между собой государства: одно — бедняков, другое — богачей...».³

Платон, как известно, выделял четыре отрицательные формы государства: тимократию — власть честолюбцев: еще сохраняются общие трапезы, правители еще пользуются почетом, воины не гонятся за материальными благами, но уже накапливаются богатства, появляется тяга к роскоши; олигархия — это уже господство немногих: власть в руках богатых, люди не совершенствуют свои способности, данные от рождения; демократия — власть большинства: усиливается раскол и насилие в обществе, зависть и злоба

бедняков приводит к восстанию и «дележке» власти; тирания — наихудшая форма правления, вырождение демократии: тиран, вознесшийся на волне народного правительства, уничтожает своих врагов и подавляет соплеменников.

Возможно и другое устройство государства, основанное на идее справедливости. Совершенное государство, по замыслу Платона, должно было быть: а) единым, то есть в нем будет соблюдаться принцип морально-политического единства всех граждан; б) трех сословным, причем каждое сословие будет воплощать в себе одно из трех душевных начал; в) иерархическим; г) управляемым «разумным сословием»; д) управляемым на основе знания, а не мнения; е) наиболее адекватно воплощающим на земле мир идей (Деятельность государства должна быть подчинена высшей идее блага).⁴

Отзвук этих характеристик можно найти во всех современных технократических концепциях. Не противоречит большинству этих концепций и мысль Платона о том, что совершенное государство должно лишь функционировать, но не развиваться. Он называет два экономических: 1) рост численности населения и 2) расширенное воспроизводство, - и два идеологических фактора: 3) новаторство в искусстве и 4) новшества в системе воспитания. По его мнению, второй и четвертый факторы зависят от первого и третьего, которые Платон предлагает контролировать двояким способом: посредством строгого контроля над рождаемостью и вообще деторождением и через беспощадную цензуру над всеми произведениями художественного творчества.

Так как каждый из членов общества имеет нужду во многих, то в основе построения совершенного государства был положен принцип разделения труда. Разделение труда есть причина появления трех сословий: философов, стражников и трудящихся. Разделение труда обусловлено также и существующим неравенством умственных способностей людей. Интеллектуальное неравенство людей объясняла его концепция знания как припоминания. Из этой же концепции вытекала и вполне технократическая мысль о недопустимости «природного» сапожника (плотника) претендовать на несвойственную ему государственную должность, которую он не

способен осилить по своим умственным задаткам. В совершенном государстве «природный» сапожник может стать, например, кузнецом или наоборот, но не больше. И в этом залог того, что все три сословия испытывают взаимное уважение, каждое по-своему служит идее справедливости; они свободны, так как внутренне осознали необходимость своего положения; равны, потому что каждый гражданин совершенного государства занимает именно то место в обществе, для которого он рожден, знает свое место; счастливы, ведь между ними нет никаких противоречий: ни одно сословие не вмешивается в дела других, управленческие функции (законодательные, полицейские) сведены к минимуму и доведены до автоматизма, а функционирование совершенного государства происходит как бы само собой.

На чрезвычайно важный для каждой технократической концепции вопрос о власти Платон отвечает по-разному. В одном случае он считает, что родится правитель-философ, сумеющий проникнуться идеей совершенного государства и сохранить верность ей независимо от окружения. В другом случае он утверждает, что осуществлять намеченный план необходимо, начиная с набора стражей. В третьем случае путь к созданию совершенного государства лежит через усовершенствование форм власти. В любом случае Платон полагает, что необходимо начать с убеждения людей в своей правоте, с убеждения в том, что в совершенном государстве им будет лучше. И тогда проект преобразования общества преодолеет черты утопичности и станет реальным. Конечно, трудно найти правителя, который захочет прислушиваться к мнению философа, и который сам окажется философом, - но это возможно. Еще труднее переделать живых людей и объяснить им, что по сути природы своей они должны заниматься именно этим делом, а не чем-то другим. Но и это возможно, так как познание истины и справедливости равно самой справедливости; человек, который знает, что такое справедливость, уже в силу одного этого является справедливым.

Отсюда, важное значение, которое Платон придает воспитанию граждан. Однако, опять же в духе технократизма, если Платон не уделяет внимания воспитанию граждан низшего класса, то к воспитанию «управленцев» (воинов и правителей-философов) относится очень серьезно. Следует отметить специфичность содержания предлагаемого Платоном воспитания: ликвидация частной собственности, отсутствие устойчивых браков, общественное воспитание детей. Воспитание предусматривалось как телесное, так и духовное. Из искусства необходимо изгнать изображения порока, изнеживающие

мелодии, актерское «лицемерие».

Правители-философы отбираются из числа будущих воинов, это самые совершенные стражи, стоящие на защите интересов целого. Правители-философы не столько «профессионалы-управленцы», сколько мудрецы, стремящиеся к чистому благу, способные понять духовные основы общества, незамутненные политическими компромиссами и прагматичностью. Они поддерживают в обществе добродетели: мудрость, мужество, благоразумие (сдерживающая мера), справедливость. Мудрость — удел философов; мужество — присуще воинам; благоразумие, выражающееся в подчинении существующим законам, должно быть присуще всем; справедливость — итоговая добродетель, состоит в том, чтобы каждый делал свое дело. В то же время Платон предупреждал, что существует круговорот, по завершению которого сословие правителей не производится. Каким бы образом ни старались правители комбинировать браки между стражами, — замена им родиться не может; человечество физически и умственно вырождается. По этой причине место правителей занимают сначала стражи, а затем и выходцы из низшего сословия. Процесс разложения совершенного государства, начавшись, уже не может быть остановлен и достигает своего логического завершения в тирании.

Рассуждения Платона чрезвычайно важны для понимания того, что его совершенное государство, которое современные исследователи, не без основания, считают тоталитарным, в значительной степени обременено признаками технократичности. Если вспомнить, что в переводе с греческого слово *techné* - означало искусственный и в первоначальном смысле употреблялось для противопоставления «естественного» и «искусственного», то эта мысль уже не кажется невероятной.

Однозначного ответа на вопрос: был ли Платон технократом-утопистом? - нет. Скорее всего, правильный ответ будет содержать в себе и утверждение, и отрицание. Ведь, отмечал Карл Поппер, «чары Платона» оказались настолько сильны, что отголоски его учения об идеальном государстве можно обнаружить и во многих современных концепциях, социальных утопиях, политических программах.

Примечания:

1. Платон. Государство // Платон. Соч.: в 3-х тт. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 145.
2. Там же.
3. Платон. Государство // Платон. Соч.: в 3-х тт. Т. 3. Ч. 1. С. 210.
4. История теоретической социологии в 5-ти тт. Т. 1. М.; 1995. С. 28-29.

Экономический факультет

Общеуниверситетская кафедра политологии, социологии и культуры

Чистоходова Л.И.

профессор, декан экономического факультета

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ВОДООХРАННЫХ ЗОН В ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ (на примере г. Москвы)

Вода — важнейший компонент окружающей среды, возобновляемый, ограниченный и уязвимый природный ресурс, используемый и охраняемый в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на ее территории, обеспечивающий экономическое, социальное, экологическое благополучие населения, существование животного и растительного мира.

Территория России, одной из самых богатых водными ресурсами стран, покрыта сетью рек, от малых (длиною менее 100 км.), до больших (более 2000 км.). Всего на территории страны 2,9 млн. рек, ручьев и временных водотоков. Но в последние пять десятилетий словно эпидемия пронеслась над водами, в результате чего многие большие реки несут вместо живительной влаги насыщенные промышленными стоками и химическими отходами растворы, погибли и продолжают деградировать тысячи малых рек, озера объявляются зонами экологического бедствия. Все усиливающееся количество антропогенных отходов, попадающих в реки, расточительное отношение к воде, нарушение правил их охраны привели к тому, что естественные биологические свойства вод, например способность к самоочищению, значительно нарушены. А это означает, что нависает угроза над всем живым на Земле. Вот почему среди множества экологических проблем, стоящих перед человечеством, на первый план выходит задача сохранить жизненные свойства воды.

На основе материалов, характеризующих состояние поверхностных вод Российской Федерации, можно определить комплекс основных причин сложившейся негативной ситуации, главными из ко-

торых являются отсутствие зон санитарной охраны и несоблюдение регламентированного режима хозяйственной деятельности в водоохранных зонах. На прилегающих к рекам территориях производится вырубка лесов и неумеренная распашка земель, что приводит к значительному уменьшению поверхностного и подземного грунтового стока в реки, особенно пагубна распашка склонов, балок, оврагов, так как при этом нарушается эрозионная устойчивость почвы, в результате чего значительная часть ее смывается в реки, а они, в свою очередь, начинают заиливаться и мелеть. Гибнут реки и из-за невыполнения агролесомелиоративных и противоэрозионных мероприятий в пределах водоохранных зон, небрежного хранения минеральных удобрений и ядохимикатов, слива на рельеф сточных вод различных предприятий, мойки автомобильного транспорта и т.д.

Согласно ст. 111 Водного кодекса РФ для поддержания водных объектов в состоянии, соответствующем экологическим требованиям, для предотвращения загрязнения, засорения, заиливания и истощения поверхностных вод, а также сохранения среды обитания объектов животного и растительного мира устанавливаются водоохраные зоны, а в их пределах — прибрежные защитные полосы. Водоохранной зоной является территория, примыкающая к акваториям рек, озер, водохранилищ, морей и болот, на которой устанавливается специальный режим хозяйственной и иных видов деятельности, обеспечивающий снижение антропогенной нагрузки на указанные объекты для поддержания их экологических систем на надлежащем уровне, соответствующем научно обоснованному сочетанию экологических и экономических ин-

тересов общества. На территории прибрежных защитных полос устанавливается более строгий режим их использования и охраны.

В соответствии с этим Правительством РФ утверждено *Положение о водоохранных зонах водных объектов и их прибрежных защитных полосах* от 23 ноября 1996 г., в котором подчеркивается, что соблюдение специального режима на территории водоохранных зон и прибрежных защитных полос является составной частью комплекса природоохранных мер по улучшению гидрогеологического, гидрохимического, гидробиологического, санитарного и экологического состояния водных объектов и благоустройству их прибрежных территорий.

На наш взгляд, наиболее значимым в Положении является разработка механизма реализации его в практике природоохранной деятельности, включающего нормирование минимальных размеров зон и полос, порядок определения и установления размеров и границ этих территорий, разработку специального режима природопользования, заключающегося в запрещении и ограничении отдельных видов деятельности.

Минимальная ширина водоохранных зон для рек определяется их протяженностью и находится в пределах от 50 до 500 м., а для озер и водохранилищ при площади акватории до 2 км.² — 300 м., от 2 км. и более — 500 м. Величина минимальной ширины прибрежных полос зависит от видов земельных угодий, прилегающих к водному объекту (лес, луг, пашня и т. д.), и крутизны склонов берегов и составляет от 15 до 100 м.

Размеры и границы водоохранных зон и прибрежных защитных полос, а также режим их использования определяются для конкретных водных объектов при проектировании исходя из физико-географических, почвенных, гидрогеологических и других условий с учетом прогнозов изменения береговой линии. Проектирование зон и полос осуществляется в соответствии с нормативно-методическими документами, утвержденными Министерством природных ресурсов РФ (МПР России), а утверждаются проекты органами исполнительной власти субъектов Федерации по представлению бассейновых и других территориальных органов управления по использованию и охране водного фонда. Установление зон и полос не влечет изъятия земельных участков у собственников земель, землевладельцев, землепользователей или запрета на совершение сделок с землей: они обязаны соблюдать и обеспечивать установленный режим использования

этих территорий. В Положении приводится достаточно широкий перечень видов деятельности, запрещенных в пределах установленных зон (например, авиационно-химические работы; применение химических средств борьбы с вредителями, болезнями растений и сорняками; складирование навоза и мусора; заправка топливом, мойка и ремонт автомобилей и других машин и механизмов; строительство и реконструкция зданий, сооружений, коммуникаций и других объектов без согласования с МПР России) и полос (дополнительно к перечисленным: распашка земель, применение удобрений; размещение дачных и садово-огородных участков и выделение земель под индивидуальное строительство; движение автомобилей и тракторов).

Буквально несколько строк в Положении посвящено водным объектам, располагающимся в городах и других поселениях. Здесь размеры и границы водоохранных зон устанавливаются исходя из конкретных условий планировки и застройки в соответствии с утвержденными генеральными планами, а при наличии ливневой канализации и набережной границу прибрежных защитных полос допускается совмещать с парапетом набережной. Исключение составляют реки, заключенные в закрытые коллекторы, для которых водоохранные зоны не устанавливаются. Понятно, что столь краткое правовое регулирование деятельности по определению размеров и границ водозащитных зон и прибрежных защитных полос в городах не может быть исчерпывающим, поскольку в подавляющем большинстве городов России сложились различные взаимоотношения между объектами и компонентами урбанизированных экологических систем.

Территория Москвы и Московской области относится к регионам с ограниченными водными ресурсами. В свою очередь, Москва является городом, где для хозяйственного питьевого снабжения используются преимущественно речная вода. В последнее время наблюдается ухудшение качества поверхностных вод. На территории Москвы 59 рек и ручьев, 20 из них впадает в Москву-реку в пределах города. Все они подвержены воздействию со стороны объектов промышленности и транспорта. В отдельных районах города большая часть загрязняющих веществ поступает в реки с поверхностным стоком. Одним из основных видов загрязнения поверхностных вод являются твердые минеральные вещества (взвешенные частицы) и нефтепродукты. С поверхности города Москвы смывается 430 тыс. т. нефтепродуктов. Увеличение площадей, закрытых асфальтом и зданиями — водонепроницаемых поверхностей, приводит к увеличению поверхност-

ного стока. Вклад поверхностной составляющей речного стока с территории Москвы почти в 2 раза больше, чем с окружающей Москву местности, а в пределах Садового кольца — в 3,7 раза.

В соответствии с *Уставом города Москвы* от 28 июня 1995 г. к ведению города относятся и благоустройство территории, и охрана окружающей среды, поэтому городские власти осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и других нормативных правовых актов, в рассматриваемом аспекте. Примером служит *Временное положение о водоохранных зонах водных объектов, расположенных на территории города Москвы и их прибрежных защитных полосах* от 19 октября 1999 г. №958, которое не только конкретизирует многие нормы общего федерального законодательства, но и имеет ряд отличий. Так, в целях установления зон и полос предусмотрены меры по обеспечению природного и рекреационного потенциала и образного композиционно-пространственного облика города. Исходя из целей установления водоохранных зон и прибрежных защитных полос определяются их размеры и границы с учетом условий, приведенных в Положении, а также перспектив развития города, современного состояния водных объектов и прилегающих к ним территорий.

Минимальные размеры водоохранных зон составляет для рек: Москва — 400 м.; Яуза, Сетунь, Городня, Ичка, Лихоборка, Очаковка, Пономарка, Раменка, Серебрянка, Сходня, Чермянка, Чертановка — 100 м.; для прочих водотоков — 50 м. В Москве находится около 400 прудов. Среди самых крупных — Большой Головинский, Серебряно-Виноградский (в Измайлове) и Большой Садовый (в парке Тимирязевской сельскохозяйственной академии). Большой Люблинский, Нижне-Царицинский и Борисовский пруды. Зеркало существующих в городе прудов размером от 1 га. и более составляет свыше 650 га. В связи с множеством небольших поверхностных водоемов в Москве для них утверждены свои нормативы. Так, для водоемов с площадью акватории менее 5 га. минимальный размер водоохранных зон составляет 50 м., а для больших (но менее 2 км.²) — 100м. Согласно постановлению правительства Москвы «О проектных предложениях по установлению границ Природного комплекса Москвы с их описанием и закреплении актами красных линий» от 19 января 1999 г. (в ред. от 7 июля 2003 г.) территории Природного комплекса Москвы, приуроченные к речным долинам и придонным участкам, включаются в водоохранные зоны. На

застроенных территориях минимальные размеры водоохранных зон водотоков, за исключением тех, для которых установлены зоны санитарной охраны (например, вблизи истока р. Сетунь), не нормируются, а устанавливаются в процессе проектирования с учетом экологической ситуации и архитектурно-планировочной организации территории, включая размещение поверхностей с твердым покрытием, условия отведения и очистки поверхностного стока, расположение дорожно-транспортных сетей, рекреационное значение территории и т.д. Для прибрежных защитных полос рек, озер и водохранилищ устанавливается ледующая минимальная ширина: на участках русла, не имеющих обустроенных набережных для рек: Москва — 100 м., Яуза — 50 м., остальных — 35 м.; для обустроенных участков водоемов и водотоков — 25 м. При наличии набережной и ливневой канализации граница прибрежной защитной полосы совмещается с парапетом набережной, внешней кромкой газона или тротуара. Проектная документация, обосновывающая размеры и границы водоохранных зон и прибрежных защитных полос и определяющая развитие территорий водных объектов, разрабатывается на основании согласованной и утвержденной в установленном порядке градостроительной документации, имеющей положительное заключение Государственной экологической экспертизы.

Независимо от формы реализации прав собственности на земельные участки и их функционального использования, в состав запрещенных включены все виды деятельности, упомянутые в Положении, а также некоторые специфические для Москвы: размещение металлических тентов для автомашин типа «ракушка» или «пенал»; складирование загрязненного снега; прокладка проездов и дорог и др. Следует отметить, что более жесткие ограничения видов деятельности предусматриваются для малых рек.

Кроме того, во Временном положении существует новелла, согласно которой в пределах водоохранных зон в зависимости от назначения прилегающих территорий и их природной ценности по результатам проектирования выделяются следующие категории территорий: особо охраняемые природные; реконструкции и экологической реабилитации; ограничения градостроительной и хозяйственной деятельности. Для этих территорий оговаривается специальная регламентация хозяйственной и иной деятельности. Например, в пределах территории реконструкции и экологической реабилитации (под ней следует понимать комплекс мер, направ-

ленных на возвращение отдельным компонентам или экосистеме в целом ее прежних свойств и качеств с применением мер инженерного, биологического и социального воздействия) — основных водоохранных функций — предполагается восстановление элементов и компонентов Природного комплекса. Реконструкция, перепрофилирование существующих объектов производится в соответствии с Законом города Москвы «*О регулировании градостроительной деятельности на территории Природного комплекса города Москвы*» от 21 октября 1998 г. Поэтому на территории с ограниченной градостроительной и хозяйственной деятельностью предусматриваются: инженерная подготовка территории, препятствующая заилению и истощению водных объектов, сбор и очистка поверхностного стока, исключающие попадание загрязненного стока в водные объекты; функциональное озеленение территории, а также мероприятия, исключающие отрицательное влияние на экологическое состояние водных объектов.

Начиная с 2000 г. проводятся интенсивные работы по проектированию размеров и границ водоохранных зон водных объектов Москвы. Проектирование осуществляется специализированными организациями (Геоцентр-Москва, Гидроспецгеология, Центр практической геоэкологии и др.) по заказу окружных отделений Москомприроды. Анализ этих работ позволяет сделать следующие выводы и рекомендации.

Так как под водоохранными зонами понимаются участки, прилегающие руслу реки (как открытому, так и взятому в коллектор), в пределах которых техногенная нагрузка на элементы природного комплекса напрямую сказывается на состоянии водных объектов, основной целью установления этих зон является управление качеством природных вод. Управляющим воздействием при этом могут быть меры охраны, защиты и реабилитации того или иного, в данном случае — природных вод, компонента экосистемы. Под мерами охраны следует понимать определенный и научно обоснованный регламент хозяйственного поведения со своим комплексом разрешительных и запретительных мероприятий. Защита предполагает использование средств инженерного воздействия на компоненты среды и/или на конструктивные элементы инженерных сооружений с целью изоляции последних или локализации их негативного влияния. Особо следует подчеркнуть, что указанные меры управления могут быть реализованы именно в водоохранных территориях, так как эти территории имеют особый природоохранный статус.

Научным основанием для определения водоохранных зон должно быть представление о природно-техногенной или урбанизированной экосистеме, состоящей из различных компонентов атмосферного воздуха, поверхностных вод, подземных вод, почвы, недр, биоты (флора и фауна), человека с его хозяйственной и иной деятельностью, инженерных сооружений и т.п., ибо основное свойство экосистем — сложная взаимосвязь всех указанных компонентов между собой. Системность взаимоотношений между ними выражается в том, что воздействие на любой компонент неизбежно вызывает ответную реакцию всех других. Так, загрязнение городского воздуха повлечет загрязнение почв и деградацию растительности, а это, в свою очередь, приведет к загрязнению грунтовых вод и через них — поверхностных, а также окажет негативное влияние на биотические компоненты и на человека.

Таким образом, водоохранная территория рек должна иметь и общее природоохранное значение, тем более что именно речные долины являются для города экологическим каркасом и естественными коридорами, по которым в город могут проникать растения и животные (не только водные). Установление водоохранных зон связано с решением таких основных задач как сохранение и восстановление качественных и количественных показателей водных ресурсов, рекреационного потенциала и особенностей ландшафта, его эстетической привлекательности, видового разнообразия флоры и фауны.

Границы водоохранных зон определяются природными (геологическое строение грунтов, условия защищенности подземных вод и взаимосвязи их с поверхностными водами) и техногенными (соотношение селитебных, рекреационных и промышленных территорий, развитие ливнесточной канализации и т. п.) факторами. Горные породы в долинах рек, ручьев, у оврагов, так же как и у искусственных сооружений в недрах (карьерах, котлованах, туннелях), разуплотнены, рассечены трещинами и, следовательно, имеют большую, чем фоновая, проницаемость. Поэтому повышается емкость пород и формируется подрусловый поток подземных вод, имеющий расход, соизмеримый с поверхностным. Попытки засыпать ручьи и овраги, как правило, не приводят к уничтожению подрусловых потоков. Они могут сохраняться неопределенно долгое время и сопровождаться негативными явлениями просадками, суффозией, сосредоточенным переносом загрязнений. Наличие почти повсеместно щелей в стыках канализационных труб и секций коллекторов

предопределяет довольно интенсивную связь грунтовых и сточных вод. Поэтому ширина водоохранной зоны должна определяться с учетом возможного переноса потоком подземных вод наиболее вероятных для данной части города загрязняющих веществ.

Ширина водоохранных зон не может задаваться в виде постоянной величины для реки; в зависимости от геологических, гидрологических, гидрогеологических и водохозяйственных особенностей участка долины (водосборного бассейна) ширина зоны должна назначаться различной. Поскольку водохозяйственная и иная обстановка может довольно быстро и существенно меняться, необходимо иметь гибкий правовой механизм пересмотра границ водоохранных зон и прибрежных защитных полос.

Водоохранные зоны должны устанавливаться не по признаку административного деления или принадлежности, а с учетом экологических особенностей территории города и техногенного воздействия. На застраиваемых территориях водоохранные зоны регламентируют градостроительные решения, а на застроенных служат основой проектирования мер охраны, защиты и реабилитации окружающей среды. При проектировании водоохранных зон для основной реки необходимо назначать зоны и для ее притоков, поскольку они во многом определяют качество речной воды.

Представляется целесообразным специально включать в водоохранные зоны наиболее экоопасные, «грязные» объекты: свалки, промплощадки, поля фильтрации, отстойники, дороги и мосты с интенсивным движением и зимним засолением, подземные сооружения и т. п. Такой подход создает нормативно-правовую основу для проектов охраны и реабилитации окружающей среды этих территорий.

Основными источниками загрязнения рек в черте города являются сбросы сточных вод и загрязненный поверхностный сток с территории города. Если точечные источники сбросов сточных вод можно контролировать с помощью различных видов очистки и экологизации технологий производственных процессов, то поверхностный сток не очищается от загрязнений

и попадает прямо в водные объекты. Загрязнения, выносимые талыми и ливневыми водами с территории города, содержат практически весь перечень загрязнителей, характерных для промышленных сточных вод Москвы. Эпизодичность поверхностного стока, разрозненные ливнестоки, неудовлетворительная их эксплуатация делают проблему борьбы с загрязнением рек весьма сложной. Очевидна недопустимость сброса неочищенных ливневых вод в гидрографическую сеть города. Необходим тщательный анализ сложившихся в течение многих лет условий формирования и отведения по водостокам поверхностных вод на различных участках рек с разработкой комплекса инженерных решений по снижению воздействия этих источников загрязнения. В этот комплекс могут быть включены такие меры как общесплавная канализация и создание кустовых очистных сооружений, а также сохранение в наиболее приближенных к естественным условиям тех приречных участков территории города, которые еще можно спасти. Там же, где поверхностный сток канализован, игнорировать искусственную гидрографическую сеть нельзя; в этом случае водоохранная зона реки может представлять собой сумму водоохранных зон над коллекторно-дренажной сетью.

В Москве изменена гидравлическая связь поверхностных и подземных вод на всей площади города, напоры артезианских вод сработаны настолько, что везде сформировалась предпосылка нисходящей фильтрации. Можно утверждать, что практически всюду в Москве есть условия для попадания загрязненных поверхностных и грунтовых вод в артезианские водоносные горизонты, на которых основано водоснабжение большинства городов Подмоскovie. Таким образом, загрязненные поверхностные воды становятся «вторичным» потенциальным источником экологической опасности.

В качестве обобщающего вывода отметим, что правовое регулирование деятельности по охране и рациональному использованию вод необходимо совершенствовать, учитывая при этом положительный опыт Москвы. При этом размеры водоохранных зон и, главное, режим

Щетинин В.П.

*доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой
экономики образования и методики преподавания
экономических дисциплин МГОУ*

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРИТАЦИЯ

Теория капитала вообще, особенно человеческого капитала, относится к числу самых сложных и дискуссионных в экономической науке. К тому же, два обстоятельства последнего времени усиливают актуальность научной полемики по проблемам человеческого капитала: переход России от социалистического к капиталистическому социально-экономическому устройству и публикация русского перевода «Избранных трудов по экономической теории» Г.Э. Беккера – одного из виднейших основателей концепции человеческого капитала.

Трактовка понятия «капитал» в экономической науке прошла долгий, многовековой путь видоизменений, начиная с меркантилистов, признающих главной формой богатства – денежный капитал, и физиократов, которые рассматривали землю в качестве природного капитала. Для классиков политической Экономии производительный капитал связывался прежде всего с вещественными средствами производства. Но и рабочая сила относилась ими к капиталу, поскольку она способна производить экономические блага и приносить доход их владельцу.

На современном этапе перехода человечества от индустриальной к постиндустриальной экономике господствующие позиции в трактовке категории «капитал» принадлежат сторонникам неоклассического направления. В центре их внимания не случайно оказался человеческий капитал, который будто бы не имеет принципиальных отличий от вещественного капитала.

Ныне существуют самые разнообразные трактовки категории «человеческий капитал» И. Фишер, напрям, относил к нему самого человека с его врожденными качествами и свойствами. Некоторые под человеческим капиталом понимают, с одной стороны, совокупность производственных способностей современного работника, а с другой, – издержки государства, предприятия и самого человека на их формирование и постоянное совершенствование. Г. Беккер рассматривал человеческий капитал в узком и широком плане. В узком смысле «одной из форм капитала является образование. Человеческим его называют потому, что эта форма становится

частью человека, а капиталом является вследствие того, что представляет собой источник будущих удовлетворений или будущих заработков, либо того и другого вместе». В широком смысле «человеческий капитал формируется за счет инвестиций в человека, среди которых можно назвать обучение, подготовку на производстве, расходы на здравоохранение, миграцию и поиски информации о ценах и доходах».¹

В одном из фундаментальных учебников американских экономистов понятие человеческого капитала было введено для объяснения того, почему образование и опыт влияют на оплату труда, а также того, что определяет уровень образования, получаемого людьми. Дается такое определение рассматриваемой категории: «Человеческий капитал есть мера воплощения в человеке способности приносить доход. Человеческий капитал включает врожденные способности и талант, а также образование и приобретенную квалификацию».²

Определяется человеческий капитал и как «имеющийся у каждого запас знаний, способностей, навыков и мотиваций».³

Для Р. Нуреева человеческий капитал – общие и специальные знания, трудовые, навыки, производственный опыт, «особая разновидность трудовых ресурсов».⁴ А в другом учебнике инвестиции в человеческий капитал характеризуются как «любое действие, которое повышает квалификацию и способности, или, другими словами, производительность труда рабочих».⁵

Безусловной заслугой теоретиков человеческого капитала является признание, хотя и запоздалое, первостепенной роли человека в развитии общественного производства. Широкое распространение этой теории на Западе и появление большого числа ее сторонников в России определяется тем, что в центре внимания концепции оказалась главная составляющая социально-экономического развития – человеческий фактор в его качественно преобразованном виде. А это связано с усилением роли образования, которое становится основным ресурсом и источником формирования нынешних работников с высоким интеллектуальным и творческим

потенциалом.

Экономический подход к человеку и его рациональному поведению, осуществляемый в рамках концепции человеческого капитала, в самом деле широко используется в практике рыночного хозяйствования экономически развитых стран мира. Многие зарубежные и российские экономисты в наши дни рассматривают инвестиции в сферу образования как важный вид капиталовложений и один из главных источников умножения национального богатства. Поэтому большой интерес наших специалистов по экономическим вопросам образования вызвала статья Капелюшникова Р.И., Албеговой И.М., Леоновой Т.Г., Емцова Р.Г. и Наша П. «Человеческий капитал России: проблемы реабилитации». Рефрен статьи: человеческий потенциал России, ее высокообразованная рабочая сила выступают более ценными производственными ресурсами, чем устаревший и сильно изношенный основной капитал. Авторы с позиции концепции человеческого капитала обосновывают важные меры по сохранению, увеличению и рыночной переориентации интеллектуального потенциала нашей страны для скорейшего выхода ее из кризисного состояния и последующего экономического роста.⁶

Концепция человеческого капитала не случайно сложилась в 50-60-е гг. XX в. в связи с началом информационной революции и постепенной трансформации индустриального в постиндустриальное общество.

Именно за вторую половину минувшего века во всех развитых странах существенно увеличилось среднее число лет обучения взрослого населения (образовательный ценз). Речь идет в целом о заметном прогрессе передовых стран в развитии интеллектуальных производительных сил, формировании внушительного по абсолютным и относительным размерам невестного (духовного) богатства и сравнительно быстро растущей инновационно-информационной сфере.

Благодаря теории человеческого капитала удалось быстрее преодолеть заблуждение, что затраты на образование являются потребительскими расходами, признать их производительную природу. Ведь инвестиции в человека обеспечивают значительный долговременный экономический эффект.

Не менее плодотворными оказались положения концепции человеческого капитала о выгоды и рациональности вкладывания средств учащимися и их родителями в образование и профессиональную подготовку.

Теория человеческого капитала применима в качестве аналитического инструмента при

выявлении экономической эффективности образования. Безусловная заслуга сторонников этой теории заключается в том, что они четко определили его индивидуальный экономический эффект для отдельного человека.

Главным результатом экономической «отдачи» образования теоретики человеческого капитала считают прирост дохода (заработной платы) работника, благодаря повышению его образовательного и профессионального потенциала. Они основываются на том, что различия в зарплате соответственно отражают различия в производительности труда. «Денежный доход от образования» выявляется как разность в пожизненных заработках тех, кто имеет неодинаковое образование (скажем, выпускник вуза и среднего учебного заведения). Издержки образования помимо непосредственных расходов на обучение включают и так называемый упущенный доход. Это тот потенциальный заработок, который человек мог бы получить, если бы он работал, а не учился. На долю недополученного дохода ныне, по оценкам экспертов, приходится обычно больше, чем прямых издержек на образование.

Прямая зависимость размеров зарплаты и социальной защищенности работников от уровня их образования и квалификации позволяет возмещать расходы на обучение и обеспечивать более высокие доходы тем, чей образовательный, потенциал выше. Так, размеры заработной платы наемных работников в США в зависимости от уровня образования в 1998 г. составили (в долларах):

В среднем по стране. - 29.514
Неполное среднее образование - 16.124
Среднее образование - 22.895
Среднее профессиональное образование - 24.804
Незаконченное высшее образование - 29.872
Бакалавр наук - 40.478
Магистр наук - 51.183
Доктор наук - 77.446
Высококвалифицированный специалист - 95.148⁷

Через призму теории человеческого капитала образование стало рассматриваться во многих странах как решающий источник экономического роста, как инструмент смягчения экономического неравенства и как средство борьбы с безработицей. В связи с этим произошел коренной пересмотр приоритетов в политике государства. Образование заняло достойное место в стратегии экономического роста различных

стран, стало ключевым рычагом преодоления экономической отсталости.

К сожалению, подобная закономерность не только часто не обнаруживается, а и грубейшим образом нарушается в современной России. Как известно, по насыщенности специалистами, образовательному и интеллектуальному потенциалу отрасли науки, образования, здравоохранения и культуры намного превышают другие отрасли. В конце истекшего столетия на 1000 работников промышленности имелось 245 специалистов, а в социальных отраслях - их было свыше 600⁸. Правоммерно поэтому еще в начале 90-х гг. было зафиксировано в статье 54 Федерального закона «Об образовании», что минимальные ставки и должностные оклады педагогическим работникам должны быть выше среднего уровня заработной платы в Российской Федерации. Причем, для профессорско-преподавательского состава вузов она должна в два раза превышать уровень средней заработной платы работников промышленности. А для учителей и других педагогических работников - не ниже средней заработной платы работников промышленности.

На самом деле в последние 12 лет зарплата учителей редко выходила за пределы 40-50% средней заработной платы работников промышленности. После повышения тарифных ставок ЕТС работников бюджетной сферы с 1 октября 2003 г. оклад школьного учителя, имеющего 12 разряд, «достиг» 1740 руб.⁹ Не лучше положение в здравоохранении. Неквалифицированный труд в других сферах оценивается в 45 - 60 и более руб. в час. А хирург за операционным столом зарабатывает 14 - 20 руб. в час. После октябрьского повышения санитарки получают 851 руб., медсестры - от 1403 до 1851, хирургия стационаров - от 2001 до 2645 руб. Как же тут не работать на двух - трех ставках, чтобы не оказаться в полной нищете?¹⁰

Невысока оплата труда работников науки и вузовских педагогов. Средний заработок подавляющего большинства ученых в 2002 г. составил 4552 руб. в месяц. Оклад профессора 2340 - 2520 руб., доцента и старшего преподавателя 2180 руб., оклад преподавателя и ассистента 1880 - 2020 руб. Как видим, профессор получает в два раза меньше московского дворника.¹¹

Многие теоретики человеческого капитала усматривали эффект образования и в абсолютных размерах, и в быстром приросте человеческого капитала, и в увеличении валового национального продукта (ВНП) в зависимости от затрат или инвестиций на образование.

Одним из первых размеры человеческого капитала в США рассчитал в начале 60-х гг. ХХ

в. Шульц Т. Он воспользовался таким способом: стоимость одного года обучения каждого уровня (с учетом потерянных заработков) умножалась на число человеко-лет образования, накопленных населением к тому или иному моменту времени. По его расчетам, образовательный капитал, воплощенный в населении в 1969 г., составлял 1307 млрд. долл.; образовательный капитал, воплощенный в рабочей силе, - 873 млрд. долл., а воспроизводимое материальное богатство - 1617 млрд. долл. С 1929 по 1969 г. темп роста фонда образования опережал темп роста физического капитала примерно в 2 раза и соответственно составил: 4,1 и 2%.¹²

Подобные расчеты, но по иной методике и с других позиций осуществил известный российский специалист по экономическим проблемам образования В.И. Марцинкевич. По его расчетам фонд образования рабочей силы США в 1983 г. достиг 2104 млрд. долл.; фонд образования населения - 2721 млрд. долл., а вещественное национальное богатство - 3941 млрд. долл. С 1952 по 1983 г. в США фонд образования в расчете на одного занятого вырос в 3,8 раза, а капиталовооруженность в частном секторе - в 2,3 раза. Уровень вооруженности рабочей силы США фондом образования (по издержкам на него) в 1983 г. составил 21,5 тыс. долл., тогда как вооруженность работника вещественным капиталом - 15,3 тыс. долл., т.е. почти на треть ниже.¹³

Сегодня становится все более очевидно, что судьба отдельного человека, судьба той или иной страны будут зависеть от образовательного уровня населения. В развитых странах мира 60% прироста национального дохода определяется приростом знаний и образованности общества. Ученые США подсчитали, сколько валового внутреннего продукта (ВВП) производят работники, имеющие образовательный ценз, продолжительностью 10,5; 12,5 и более 14 лет. Оказалось, что именно третья группа производит более половины ВВП. Подобные исследования несколько лет назад проводились и у нас в стране. Результаты были сходными: труженики с высшим образованием, составляющие четверть работающих, производили 56% стоимости прибавочного продукта.¹⁴

Через призму теории человеческого капитала образование стало рассматриваться во многих странах как решающий источник экономического роста, как инструмент смягчения экономического неравенства и как средство борьбы с безработицей. В связи с этим произошел коренной пересмотр приоритетов в политике государства. образование заняло достойное место в стратегии экономического роста различных

стран, стало ключевым рычагом преодоления экономической отсталости.

Теорию человеческого капитала вряд ли можно считать общепринятой. Еще в 60-70-е гг. она вызвала резкую критику с позиций марксистской теории постоянного переменного капитала, что в какой-то мере сохраняется и до сих пор. Не случайно Р.И. Капелюшников в статье «Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению» признал: «Теоретические новации Беккера далеко не всегда ожидал благожелательный прием. Идея человеческого капитала, кажущаяся столь очевидной, была встречена в штыки педагогической общественностью, усмотревшей в ней умаление культурной ценности образования и низведение человека до уровня машины».¹⁵

На уязвимость понятия «человеческий капитал» обращал внимание и Т. Шульц: «Сама мысль о капиталовложениях в человеческие существа кажется недопустимой для некоторых из нас. Наши ценности и вера не позволяют нам смотреть на людей как на капитальные товары, за исключением рабства, а оно ужасает нас... Таким образом, рассматривать людей как богатство, которое может быть увеличено путем инвестиций, - значит вступать в противоречие с глубоко укоренившимися ценностями. Представляется, что это снова низводит человека до простого материального компонента, человек превращается в нечто, напоминающее собственность».¹⁶

Эти и некоторые другие аспекты теории человеческого капитала продолжают подвергаться критике со стороны ученых в области экономики и педагогики. Может быть, все дело в нашем восприятии не очень удачного термина «человеческий капитал»? И в этом тоже. Но главное в другом, более существенном: в превалировании технократического подхода к характеристике элементов человеческого капитала и недооценке его социально-экономического содержания.

К тому же концепция человеческого капитала не была фундаментально новой и научно обоснованной. Прежде всего неоклассики в своем подходе к этому капиталу возвращаются к заблуждениям экономистов домарксистского периода. Некоторые представители классической школы рассматривали и простую рабочую силу в качестве особого капитала. К. Маркс критиковал излюбленное и «безмозглое представление» ряда классиков политической экономики за то, что они уподобляли рабочую силу капиталу, которая, будто бы, приносит процент в виде заработной платы. По его справедливому мнению, два обстоятельства опровергают это

ложное утверждение: во-первых, рабочий должен трудиться, чтобы получить эти проценты; во-вторых, он не может превратить в звонкую монету капитальную стоимость своей рабочей силы путем ее передачи другому. «Более того, годовая стоимость его рабочей силы равна его средней годовой заработной плате, и своим трудом он должен возместить для покупателя его рабочей силы именно эту стоимость плюс прибавочную стоимость, то есть ее прирост».¹⁷

Наряду с этим основатели теории человеческого капитала полностью отказались от марксистских достижений в теории трудовой стоимости и капитала. С одной стороны, они замалчивают глубинную характеристику К. Марксом категории «рабочая сила» применительно к капитализму. А с другой стороны, позаимствовали из его определения рабочей силы самое важное ее свойство - человеческие способности. И включили их в состав человеческого капитала. А под последним понимается совокупность способностей, знаний, умений, навыков, квалификации и интеллектуального потенциала, которые обеспечивают получение прибыли.

Вольно или невольно эти теоретики бессистемно характеризуют человеческие способности, вырывая их часть и включая в человеческий капитал способности умственного порядка. Воспользовавшись тем, что в наше время определяющая роль в экономическом развитии принадлежит не физическим, а интеллектуальным способностям, эти ученые включают в человеческий капитал интеллектуально-творческие свойства работника, отрывая их от его физических способностей, хотя они неотделимы друг от друга и находятся в тесном взаимодействии.

С учетом теории Маркса особенно очевидна уязвимость рассматриваемой трактовки понятия «человеческий капитал», ее эклектичный характер, базирующийся на механическом соединении разнородных понятий: образование, кватафицированная рабочая сила, инвестиции в образование человека как «вложения в человеческий капитал». Более того, Г. Беккер выделяет общий и специальный человеческий капитал. Общий капитал обладает теми качествами, которые способны приносить пользу во многих фирмах, а не только там, где они были получены. А к специальному капиталу относятся зрения, применение которых возможно лишь в определенной фирме.

И все же следует согласиться с утверждением Р.И. Капелюшникова, что теория человеческого капитала изучает процесс качественного совершенствования людских ресурсов. «С ее движением связан настоящий переворот в эко-

номике труда».¹⁸ Этот вывод можно с полным правом распространить и на экономику образования.

Недостаточная глубина раскрытия сущностных качеств человеческого капитала заложена в принадлежности этой концепции к неоклассическому направлению современной экономической науки. А для нее характерны позитивизм, сводящий задачи науки к описанию явлений, как они обнаруживаются на поверхности, внеисторизм и асоциальность.

Человеческий капитал как экономическая категория может в полной мере быть раскрыт при соблюдении ряда необходимых условий. Среди них на первом плане следовало бы поставить научную методологию анализа этого сложного современного экономического явления. Лишь при таком подходе удастся преодолеть поверхностную характеристику понятия «человеческий капитал» и подняться до осознания того, что в нем нашли свое зеркальное отражение те глубинные изменения в производственных отношениях, которые произошли в XX столетии в развитых странах мира.

Сегодня рельефно выделяются два методологических подхода к проблеме, которые обусловлены двумя ныне ведущими направлениями экономической теории: неоклассическим и марксовым. Причем важно не поддаваться соблазну скоропалительного и в известной мере конъюнктурного отказа от теории Маркса, потому что такой подход ориентирует исследователя на выявление глубинных экономических сущностей, маскируемых их внешними проявлениями.

Руководствуясь принципом органического сочетания исторического и логического подхода в процессе экономического исследования, надо зачитывать процесс зарождения не только человеческого капитала, но и капитала вообще. В категории человеческого капитала необходимо видеть как то, что присуще капиталу в целом, так и специфические свойства, характерные для человеческого капитала.

В современной экономической литературе под капиталом в широком смысле слова подразумевается любой ресурс, создаваемый с целью производства большего количества экономических благ и получения дохода. Тем самым капитал вольно или невольно рассматривается лишь как технический фактор производства и недооценивается в качестве особого выражения общественных отношений.

Между тем капитал представляет собой фундаментальную экономическую категорию рыночной экономики, базирующейся на ис-

пользовании наемного труда. Обычно выделяют две основные формы капитала: вещественный капитал (машины, здания, сооружения, сырье) и человеческий капитал. Эти составные части капитала, с точки зрения процесса труда, различаются как объективные и субъективные факторы, как средства производства и рабочая сила, а с позиции их функционального назначения (процесса увеличения стоимости), различаются как вещественный и человеческий капитал.

Опираясь на теорию трудовой стоимости, Маркс открыл двойственный характер труда, создающего товар как единство двух противоположных свойств, размежевал понятия «труд» и «рабочая сила»; показал, что товаром является не труд, а рабочая сила, которая имеет особую стоимость и т.д.

Под рабочей силой К. Маркс понимал совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает человеческий организм и которые используются людьми для производства тех или иных потребительных стоимостей. Для многих до сих пор выглядит парадоксом: рабочая сила, не будучи капиталом при ее продаже, становится таковым в распоряжении предпринимателя, когда используется в процессе производства. А дело в том, что рабочая сила в развитой рыночной экономике является товаром особого рода. Как и всякий товар, она располагает двумя свойствами: стоимостью и потребительной стоимостью в своеобразных качествах. Стоимость рабочей силы сводится к стоимости жизненных средств рабочего и членов его семьи. Естественно, рабочего интересует такой уровень заработной платы, который позволял бы ему приобретать необходимый объем жизненных благ. Так что рабочего интересует в первую очередь реализация стоимости своей способности к труду.

Полную ясность в эту проблему вносит такая констатация Маркса: «Мы должны проводить следующее различие: рабочая сила в руках рабочего является товаром, а не капиталом; ею обуславливается доход для него лишь постольку, поскольку он может постоянно повторять ее продажу; в качестве капитала она функционирует после продажи, в руках капиталиста, во время самого процесса производства». Именно купля и продажа рабочей силы увековечивает ее «в качестве элемента капитала; вследствие этого капитал представляется создателем товаров».¹⁹

Ту часть капитала, что тратится на приобретение средств производства, Маркс именовал постоянным капиталом, поскольку она в процессе производства не меняет величины своей стоимости.

Своим конкретным трудом работники не только создают определенные товары, но и переносят на них стоимость используемых элементов вещественного капитала. Тем самым обеспечивается возмещение этой части капитала предпринимателю в том же, неизменном размере.

По иному ведет себя другая часть капитала, направляемая на покупку рабочей силы. Ее владелец абстрактным трудом создает новую стоимость, превышающую стоимость рабочей силы и приносящую прибыль работодателю. Эту часть капитала Маркс называет переменным капиталом.

Только живой человеческий труд - творец новой стоимости. Он же воскрешает и накопленный в средствах производства прошлый труд. Вот почему, думается, переменный капитал с полным правом мог бы называться человеческим. Но с некоторыми оговорками.

Современная действительность показала несовместимость двух противоположных начал в учении К. Маркса: глубокого анализа целого ряда фундаментальных категорий товарно-капиталистического строя и неоправданной идеологической направленности на его уничтожение. Не случайно видный американский специалист по современной экономической мысли Б. Седигмен считает: «Марксово определение капитала как отношения между людьми обладает большими достоинствами». Он утверждает, что это безвозвратно затеряно в теориях Фишера и Нанта, что оставляет впечатление об их апологетическом характере.²⁰

Вместе с тем К. Маркс недооценивал созидательную роль предпринимателей, рассматривая их главным образом как эксплуататоров. В действительности же, предприниматели выполняют важные воспроизводственные функции, вкладывают свой интеллектуальный труд и в изучение конъюнкты рынка, и в развертывание инновационной деятельности в производственном процессе, и в организацию и координацию кооперированного труда работников. Не случайно Дж. Кларк в качестве четвертого фактора производства выделял предпринимательские способности. «Чисторидинирующую работу мы назовем функцией предпринимателя, и вознаграждение за нее мы назовем прибылью. Функция эта сама по себе не связана ни с трудом, ни с собственностью на капитал; она состоит целиком в установлении и поддержании производительных отношений между факторами производства».²¹

С позиции концепции «человеческого капитала» человек с получением образования становится как бы владельцем двух факторов:

труда и человеческого капитала. Каждый из них создает предельный доход, составляющий в сумме заработную плату. Причем меньшая ее часть (неизвестно какая) поступает работнику за обычный труд, а большая - приносится человеческим капиталом. Так что зарплата современного работника рассматривается как сочетание рыночной цены простого труда и рентного дохода от вложения в человеческий капитал.

Каков же механизм создания этого рентного дохода? На этот вопрос, теоретики «человеческого капитала» не дали вразумительного ответа. В связи с этим, думается, они очутились в теоретической ловушке и не в состоянии оказались раскрыть действительный источник повышенного дохода, создаваемого в ходе использования человеческого капитала в производстве. Между тем, уже Марксу был ясен источник возрастающего дохода от использования квалифицированных рабочих, имеющих более высокий образовательный потенциал, в процессе капиталистического производства.

Это исследование он осуществил с позиции теории простого и сложного труда и квалифицированной рабочей силы в середине XIX в., когда преобладающим был простой физический труд.

Поэтому при жизни К. Маркса доля стоимости услуг по обучению рабочих была мизерна. В настоящее время эта величина резко возросла. И теперь о необученной рабочей силе можно говорить с известной долей условности. Речь может идти лишь о степени подготовки работников к трудовой деятельности и доли той части стоимости рабочей силы, которая сформирована в процессе общеобразовательной и профессиональной учебы.

Уязвимость неоклассического направления теории человеческого капитала связана прежде всего с тем, что его представители предали забвению классическую марксову характеристику категории «рабочая сила». А в связи с этим, в частности, не сумели установить логически научные взаимосвязи между такими экономическими явлениями, как образование, его продукт, современный человеческий потенциал и их составные части. Именно поэтому образование нередко рассматривают как одну из форм капитала, которая формирует, создает «человеческий капитал».²²

Образование - это одна из важнейших и приоритетнейших отраслей экономики, которая обеспечивает удовлетворение потребностей людей в таком насущнейшем продукте, как образовательные услуги. Это совокупность многообразных знаний, информации, умений и навыков, направленных на удовлетворение возрастающих образовательных потребностей людей, развитие

их интеллектуальных и творческих способностей. Образовательные услуги – это разновидность общественных благ, ведь они идут на пользу всему обществу, а не только отдельным лицам. Когда образование оплачивается путем налогов и распределяется бесплатно или очень дешево, тогда и менее обеспеченные граждане в состоянии получить хорошее образование, что создает предпосылки равных возможностей в учебе, позволяет более равномерно распределять услугу образования между людьми, чем это может сделать свободный рынок.

Еще К. Маркс констатировал: покупка таких услуг, которые выражаются в обучении рабочей силы, сохраняют и видоизменяют ее, словом, «дают ей специальность, ... например, услуг школьного учителя, поскольку он «промышленно необходим» или полезен, ... сохраняет источник всех стоимостей – самую рабочую силу, – все это есть покупка таких услуг, которые дают взамен себя «пригодный для продажи товар и т.д.», а именно самую рабочую силу, в издержки производства или воспроизводства которой эти услуги входят». ²³ А эти издержки ныне велики.

Достойная стоимость рабочей силы означает возможность удовлетворения в полной мере трех основных групп потребностей: в питании, в физической защите и в коммуникационной сфере. Причем, по имеющимся данным, на питание («продовольственную корзину») идет сравнительно небольшая доля общих жизненных потребностей человека: примерно 12%. Потребность в физической защите (жилище, одежда, медицинское обслуживание и т.п.) повышает долю до 36%. А большая часть, или 52% всех расходов, придется на коммуникационную сферу: образование, культура, досуг, транспорт и т.п. ²⁴ Естественно, это идеальная ситуация, от которой далеко реальное положение тружеников в нашей стране, где почти у трети населения почти вся зарплата уходит на питание. Однако еще великий врач и педагог Н.И. Пирогов писал: «Полноты всестороннего развития человеческих способностей» можно достичь лишь в случае, когда «учиться, образовываться и просвещаться делается такой же инстинктивной потребностью, как питаться и кормиться телу». ²⁵

Квалифицированная рабочая сила – продукт главным образом обучения в сфере образования. Она является результатом труда преподавателей и обучающихся, а также труда, овеществленного в материальных условиях обучения. Затраты труда на подготовку современной рабочей силы обнаруживают двойственность. При базовых формах ее подготовки (общее, среднее и высшее специальное образование)

затраты принимают вид инвестиций, т.е. долгосрочных капитальных вложений, аналогичных инвестициям в вещественный основной капитал. Эти затраты предшествуют использованию квалифицированной рабочей силы в процессе производства и в этом смысле являются как бы прошлым трудом. Но расходы на подготовку непосредственно не материализуются как прошлый труд, воплощенный в средствах производства, поскольку отражаются на личности работника и формируют его квалификацию. Подавляющую часть затрат на подготовку составляют расходы труда на приобретение знаний и навыков обучающегося. Сама же квалификация представляет собой лишь способность к сложному труду, которая реализуется в процессе использования живого труда, выступающего творцом новой стоимости.

И наче говоря, затраты на подготовку квалифицированной рабочей силы не переносятся на создаваемый продукт как прошлый труд, овеществленный в средствах производства, а проявляются в текущих затратах более производительного, сложного труда. «Труд исключительно высокой производительной силы, – считал К. Маркс, – функционирует как умноженный труд, т.е. создает в равные промежутки времени стоимость большей величины, чем средний общественный труд того же рода». ²⁶ Маркс отмечал, что сложный труд по сравнению со средним общественным трудом есть «проявление такой рабочей силы, образование которой стоит большего рабочего времени и которая имеет поэтому более высокую стоимость, чем простая рабочая сила. Если стоимость этой силы выше, то и проявляется она зато в более высоком труде и овеществляется поэтому за равные промежутки времени в сравнительно более высоких стоимостях». ²⁷

В акте применения квалифицированного труда, как утверждают некоторые экономисты, процессы обучения и производства воссоединяются как стадии функционирования живого труда. В результате обучения квалифицированная рабочая сила перестраивается в физическом интеллектуальном смысле, приобретает новые качества, способность производить в единицу времени большую стоимость. Это и есть тот реальный источник, позволяющий предпринимателям и государству вознаграждать более квалифицированных рабочих и специалистов более высокой зарплатой. Последняя, в свою очередь, – весьма действенный стимул дальнейшего повышения образовательного и профессионально-квалификационного уровня работников.

Вместе с тем теория человеческого капитала

не явилась фундаментально новой, так как роль образования в экономическом развитии была уже признана классиками экономической науки. К тому же академик С.Г. Струмилин, чьи работы оставались малоизвестными за рубежом до 60-х гг., показал высокую экономическую плодотворность школьного образования. Он предвосхитил многие идеи, реализованные, и развитые позднее исследования зарубежных и российских экономистов, занимающихся проблемами человеческого капитала и экономической эффективности образования.

Еще в начале 20-х гг. С.Г. Струмилин утверждал, что капитальные затраты казны на школьное обучение «окупаются с лихвой уже в первые 1,5 года, а в течение следующих 35,5 лет государство получает... чистые барыши на этот капитал в размере 73% годовых. Рентабельнее такого помещения капитала было бы трудно что-либо придумать...» По его расчетам, образование, соответствующее 14 годам школьного обучения, дает прирост квалификации «по меньшей мере в 2,8 раза больше, чем соответствующий по продолжительности стаж».²⁸

Более развитый человеческий потенциал наемного работника создает своим живым трудом такую новую стоимость, которая превышает часть, представляемую его зарплатой. Причем происходит капитализация этой части за счет другой части новой стоимости в форме прибыли предпринимателя. Так стоимость рабочей силы в распоряжении последнего становится человеческим капиталом.

В качестве комбинированной социально-экономической категории человеческий капитал выражает многоликость тех существенных перемен, которые произошли и получают свое дальнейшее развитие в системе общественного производства.

Прежде всего это касается заметных изменений в самом человеке как главной производительной силе и социальном субъекте общества. Если в доиндустриальный и индустриальный периоды преобладающим был простой физический труд, то теперь господствует умственный труд высокообразованных людей.

С изменением производительных сил происходят существенные изменения в социально-экономическом строе и прежде всего в отношениях собственности. Для нынешнего этапа развития характерны не только смешанная экономика, многообразие форм собственности, но и значительный удельный вес интеллектуальной собственности. Основой этой собственности выступают интеллект, знания, опыт и предвидения. Теперь интеллектуальная собственность

превращается в главную разновидность собственности, поскольку продуктивное использование в производстве знаний, инновационных и творческих способностей становится решающим фактором экономического роста.

Наряду с интеллектуальной собственностью широкое распространение получает акционерная форма предприятий, при которой заметная часть рабочих приобретает их акции и участвует в управлении такими предприятиями. Создается возможность замены конфронтации между предпринимателями и наемными рабочими отношениями партнерства.

Перечисленные явления, факты и тенденции свидетельствуют о гуманизации, демократизации и усилении социализации капитала. Однако это не означает, что этот процесс близок к завершению и что человеческий капитал полностью освободился от тех отрицательных свойств капитала, которые, были ему присущи в прошлые века. Ведь наемный труд как экономическая категория все еще сохраняется. И дело не только в том, что большая часть рабочих не является собственниками предприятий, не владеет акциями и не допущена к их управлению, но и в том, что заработки рабочих низки.

В этих условиях обнаруживается двойственная природа, двуликость человеческого капитала. В широком смысле категорию «человеческий капитал» следует рассматривать как социально-экономическую форму нынешнего качества человеческого потенциала в масштабе всего общества. Этот потенциал принадлежит и наемным работникам, и работодателям, и труженикам государственного сектора, и тем, кто использует в производстве собственный труд, и работникам социальной сферы. Он становится капиталом, включаясь в производство.

В узком смысле это - та часть человеческого капитала, которая производительно используется предпринимателями для извлечения прибыли. И она не несет в себе признаки прежнего переменного капитала. Эта часть капитала, видимо, будет все более трансформироваться и приобретать черты общечеловеческого капитала.

При этом произойдут коренные перемены во всех сторонах жизни, сложится новый тип общества. П. Дракер назвал его обществом знаний. Знания превращаются в ключевой ресурс, в главную производительную силу. Они оттесняют на второй план традиционные экономические ресурсы: капитал, труд, землю.²⁹ Поэтому за последние 40 лет в центр хозяйственной жизни выдвигаются отрасли, занятые производством и распределением нематериальной продукции

- знаний и информации. Здесь и накапливаются теперь основные богатства общества.

Итак, современному уровню образования соответствует человеческий капитал как более развитая форма переменного капитала, сущность которого раскрыта К. Марксом. Несмотря на единство и неразрывность человеческого и вещественного капитала в рамках производственного капитала, ведущая и все возрастающая роль принадлежит первому из них. Именно человеческий капитал - творец нового вещественного капитала, он сохраняет и переносит стоимость потребляемого физического капитала на товары, создает новую стоимость, возмещающую стоимость рабочей силы и приносит прибыль предпринимателям.

Примечания

- 1 Becker G. Human Capital. N. Y, 1964. P. 43.
- 2 Фишер С., Дорибуш Р., Шмалензи Р. Экономика. Пер. с англ. М., 1993. С. 303.
- 3 «Капелюшников Р.И. Послесловие. Вклад Гэри Беккера в экономическую теорию. / Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. М., 2003. С. 649.
- 4 Нуреев Р.М. Курс микроэкономики. М., 2002. С. 318.
- 5 Носова С.С. Экономическая теория. М., 2003. С. 144.
- 6 Общество и экономика. 1993. № 9-10. С. 3-4.
- 7 Statistical Abstract the United States. Washington, 1999. P. 170.
- 8 Образование в Российской Федерации в 1992 году. М., 1993. С. 13.
- 9 Российская газета. 7 октября 2003 г. С. 10.
- 10 Гокинаев С. Зарплаты растут. Качество жизни падает. // Литературная газета. 18-24. 02.2004.
- 11 Медведев Ю. Думать будет некому. // Российская газета. 9.02. 2004. С. 3.
- 12 Дятлов С.А. Основы теории человеческого капитала. СПб., 1994. С. 124.
- 13 Марцинкевич Б.И. Человеческий фактор и эффективность экономики. М., 1991. С. 173-174.
- 14 Российская газета. 01.08.1998.
- 15 Экономика, политика, идеология. 1993. № 11. С. 18.
- 16 Вуз и рынок. Кн. 1. М., 1992. С. 304.
- 17 Маркс К. Капитал. Т. 3. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С 8.
- 18 Капелюшников Р.И. Теория человеческого капитала.
- 19 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 24. С. 428.
- 20 Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968. С. 433.
- 21 Кларк Дж. Б. Распределение богатства. М., 2000. С. 10.
- 22 Грейсон Дж., О'Делл К. Американский менеджмент на пороге XXI века. М. 1991. С. 253.
- 23 Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. I. М., 1962. С. 149.
- 24 Каждому по потребности // Литературная газета. 9-15. 04.2003. С. 2.
- 25 См. Советская педагогика. 1991. № 1. С. 81.
- 26 Маркс К. Капитал. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 329.
- 27 Там же. С. 208-209.
- 28 Струмилин С.Г. Хозяйственное значение народного образования. М-Л., 1924. С. 29, 45.
- 29 Drucker P. Post capitalist Society. N. Y., 1993. 86.

РОЛЬ СЕМЕЙНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Системная трансформация, происходящая в России и повлекшая за собой многочисленные негативные явления, поставила на повестку как в экономической, так и в политической сфере дня вопрос о факторах, стабилизирующих хозяйственную жизнь общества в столь непростой период. Обычно к таким факторам в первую очередь относят необходимость сохранения мощного государственного регулирования, что особенно актуально при переходе от плановой экономики к рынку. На эту тему в последние годы написаны многие монографии, научные статьи. И действительно, данный аспект развития экономики в двадцатом - двадцать первом веке не вызывает сомнения. Но есть значительно менее исследованный пласт экономических отношений, развитие которых также играет стабилизирующую роль. Мы имеем в виду массив так называемой неформальной экономики, весьма значительную роль в которой играет домохозяйство.

Бытует мнение, что в современном хозяйстве существует два основных типа регулирования: административно-государственный и рыночный. Все виды смешанной экономики классифицируются по критерию соотношения, в которых находятся указанные типы. Где-то преобладает государственно-административное регулирование, где-то - рыночное. Однако ряд авторов (особенно институциональной ориентации) склонны считать, что в экономической системе функционируют и взаимодействуют три первичных института со своими специфическими методами самоорганизации: семейными, экономическими и бюрократическими. Методы семейного регулирования обычно носят неформальный характер, что вовсе не ослабляет их действенности.¹

Типы регулирования не привязываются жестко к «своему» институту, они тесно взаимодействуют, проникают в противоположные по типу институты. Здесь уместно вспомнить одно из противоречий капиталистического производства, содержанием которого была противоположность между жестким планированием внутри предпри-

ятия и анархией (точнее, рыночной стихийностью) во внешней среде. Таким образом, в одном и том же институте - на капиталистической фабрике прослеживалось сочетание двух методов регулирования: не только «родного» рыночного (во внешней среде), но и административного регулирования (внутри предприятия). Вместе с тем действие административного регулирования чаще всего связывают не с капиталистической фабрикой, а с государством - другим экономическим институтом. Поэтому и семейное регулирование связано не только с институтом семьи. Хотя взаимосвязь семейного регулирования и неформальных отношений не подлежит сомнению.

Справедливости ради надо отметить, что в последние годы как в отечественной, так и в зарубежной литературе появился интерес к «неформальным формам» хозяйства, как обеспечивающим определенную устойчивость экономики в современном нестабильном мире. Сегодня уже очевидно, что процессы глобализации, основанные на навязывании всему миру модели рыночной демократии (причем в наиболее жестком ее варианте - американском), во-первых, не приносят желаемых экономических результатов (примером здесь могут служить не только буксующие российские реформы, но и не так давно лопнувшее «аргентинское чудо»); во-вторых, этот тип хозяйства встречает всё более активное сопротивление стран, идущих по иному пути. Всё это заставляет искать элементы экономического развития, отличные и от тотального огосударствления экономики, и от тотального рынка.

Интерес экономической науки к данному спектру хозяйственных отношений подогревается процессом трансформации в России. Непонятный для традиционных направлений научной мысли феномен выживания нашей страны в течение последних пятнадцати лет (в условиях 50-ти %-ного спада реального сектора, непрерывных техногенных катастроф, вакуума рыночных институтов на месте сметенных плановых, невыплат зарплаты и т.д. и т.п.) стал поводом для развертывания широких исследований на тему: как нам удастся выжить в подобных

условиях. И выяснилось, что действительно существует в экономике огромный пласт хозяйственных отношений, одинаково дистанцированных и от рынка и от государства, главным институтом которых служит домохозяйство. Эти отношения служат основой так называемого семейного регулирования экономики.

Под семейным регулированием здесь мы будем понимать не только локальную организацию деятельности внутри семейного коллектива, но и такие элементы хозяйственного механизма как японский менеджмент (построение корпорации по типу семьи), протекционизм государства по отношению к своим производителям и потребителям, переговорные модели, использующиеся в современном бизнесе и многое другое. Все эти разнородные явления объединяет указанная выше дистанцированность как от закономерностей рыночной экономики, так и от планомерных взаимосвязей, характерных для хозяйства командного типа. Мы намеренно не называем его «социалистической экономикой», поскольку, по нашему глубокому убеждению, последняя в значительной степени насыщена элементами семейного регулирования. Частично эти элементы присутствуют и в социальном рыночном хозяйстве. И всё же, повторим, что семейное регулирование теснее всего связано с неформальной экономикой. Но прежде, чем выделить эту взаимосвязь, обратимся к направлениям хозяйственной жизни, дающим возможность использовать именно семейный тип координации субъектов экономики.

Первое направление семейного регулирования основано на социально-экономических функциях домохозяйства. Эти функции модифицируют рыночные отношения на всех стадиях воспроизводственного цикла: в производстве, распределении, обмене и потреблении.

Второе направление связано с формированием структуры общественных потребностей.

Третье направление, ярчайшим образом реализованное и показавшее эффективность в японской экономике - построение основных экономических институтов по типу семьи. Отдельные элементы этого направления характерны для большинства стран современного мирового хозяйства.

Четвертое направление - перенесение принципов семейного коллектива в административное регулирование. Последнее чаще всего происходит через передачу ряда социальных функций семьи государству. Это началось сравнительно недавно, причем в немалой степени этот процесс обязан своим появлением, с одной стороны, системному кризису капиталистической экономики конца 20-х начала 30-х годов XX века, с другой,

становлению советской плановой экономики, многие черты которой помогли западным странам, перенявшим их, выйти из одного из самых тяжелых кризисов XX столетия.

Пятое направление - модификация процесса разделения труда, характерное для стадии, переходной к постиндустриальному обществу именно по семейному образцу (увеличении роли женщины как руководителя производства и государства, приоритет потребностей во всестороннем развитии каждого члена общества независимо от его рыночного вклада и т.п.).

Можно назвать еще целый ряд направлений, но, по нашему мнению, лучше расширить представление о некоторых из них. Начнем с последнего, пятого направления, поскольку оно лежит в основе многих процессов современной экономической жизни.

Привлекая работы весьма интересного исследователя домохозяйства Й. Бен-Пората, Р. Поллак отмечает, что неоклассическая теория постулирует анонимность рыночных агентов и обезличивание сделок. Проведенный же Й. Бен-Поратом анализ семьи дал ему возможность ослабить неоклассическую предпосылку и признать, что «индивидуальность» экономических агентов - их способность различать друг друга - играет существенную роль во многих типах экономического взаимодействия. И идет она (в том числе) от своеобразия семейного разделения труда, поскольку, по мнению автора, «традиционная семья это концентрированное выражение специализации по индивидуальности, основанное на использовании собственных производительных ресурсов, а также на взаимной страховке и поддержке». Правда, в конце концов автор делает вывод, что, передав этот тип разделения труда общественному производству, сама семья вынуждена в производительной деятельности ограничиваться совместным потреблением и рядом эмоциональных взаимодействий.² Мы не разделяем скепсиса автора по поводу сужения производительной деятельности домохозяйств, но в данном случае важно другое. Трансформация типа разделения труда в обществе идет от семьи, и последняя тем самым обогащает общественный труд, делает его более гибким, эффективным, причем не только в чисто экономическом понимании, но и в плане общечеловеческой эволюции.

Семья состоит из агентов с ярко выраженной индивидуальностью. Даже самый «серенький» человек в семье кем-то любим, иногда кем-то ненавидим, но всегда заметен - такова специфика построения этого института. И все взаимозависимости в семье также индивидуализированы,

причем последнее очевидно даже в самой примитивной трудовой внутрисемейной деятельности (уборка помещения, стирка, доставка продуктов и даже - вынос мусора кому-то нравится, кто-то вообще не может выполнять подобное поручение и т.п.). Конечно, индивидуализация в общественном хозяйстве менее выражена, поскольку, в отличие от семьи, здесь гораздо свободнее можно мигрировать из одного трудового коллектива в другой. И все же преодоление обезличенности (кстати, в значительной степени как теоретической предпосылки, а не как реальной практики хозяйствования) экономических отношений и основанных на этом традиционных методов регулирования - административном и рыночном - является фактором повышения экономической эффективности и в узком смысле слова. Наиболее подробно этот процесс освещен в институциональной теории, дошедшей до ниспровержения «экономического человека» Смита-Зомбарта с его «разумным» хозяйственным поведением и предложившей свой тип «интерпретативной рациональности» (А. Олейник). Внесение в бизнес по сути внутрисемейных психологических коллизий доказывает, во-первых, их вездесущность для социальной материи, и, во-вторых, необходимость тщательного изучения элементов внутрисемейного регулирования для правильной трактовки их внедрения в общественное производство.

А теперь вернемся к первому из указанных направлений и посмотрим, как воздействуют социально-экономические функции семьи на общественное хозяйство.

Основа возникновения любого производства - наличие самих работников. Воспроизводство человека как такового, который на определенном этапе становится трудоспособным и входит в трудовые ресурсы, - традиционная функция семейного коллектива. От решения последнего (разумеется, обусловленного экономической, политической обстановкой, традициями народа и т.п., но все же самостоятельного) «рожать или не рожать» зависит очень многое в экономике. Попытки внеэкономического и экономического воздействия на эти процессы (в Европе целью было увеличение рождаемости, в Азии - уменьшение) долгосрочных результатов не давали. Мы должны признать, что здесь действуют иные закономерности и что это одно из самых явных проявлений семейного регулирования экономики. Очевидно значение семейного регулирования и в распределении членов семей по областям хозяйственной деятельности. Поскольку семьи социально неоднородны, имеют различные экономические возможности, разное представление

о необходимости получения детьми образования, квалификации, сферы приложения труда, постольку семья принимает самое активное участие в процессе создания и распределения рабочей силы. Конкретизируется эта функция в литературе следующим образом: независимо от потребностей общества именно семья решает в основном вопрос, включить ли своего члена в общественное товарное производство той или иной формы собственности, заняться ли личным хозяйством, продолжить ли образование своего члена и т.д.³

Однако и непосредственное производство находится под пристальным вниманием семейного коллектива, т.е. подвержено семейному регулированию. Связано это, в первую очередь, с так называемой экономической функцией семьи. Несмотря на бытующее представление о домохозяйстве как об институте конечного потребления, современные отечественные исследователи подчеркивают решающее значение именно производственной функции, превалирующей над функцией потребления. Генезис недооценки роли семьи в фазе производства связан с переходом от преимущественно семейного хозяйства докапиталистического типа к машинной цивилизации, где результаты труда коллективного работника слабо связаны с его семейным статусом. Кстати, считается, что семью как институт начали «отменять» социалисты. На самом деле ослабление значения данного института в экономике связано именно с индустриальной стадией развития общества. Это очень доказательно изложено (правда, в художественной форме) в антиутопии О.Хаксли «О дивный новый мир». Машины разрушили семейное производство, втянув в фабричную систему мужчин, женщин и даже детей, но не как членов семьи, а как бы поодиночке, как усредненных членов общества со слабо выраженными половозрастными различиями. Однако и в эту эпоху семья, являясь первичной ячейкой общества, вместе с тем сохраняет статус и первоначальной экономической ячейки. Между семьей как общественным явлением и экономическими отношениями, господствующими в обществе, существует нерасторжимая связь⁴.

Можно привести один пример существенного влияния семейного поведения даже на макроэкономику. Одной из центральных проблем макроэкономики является анализ механизма распределения домашними хозяйствами своего дохода между текущим потреблением и сбережением как одного из ключевых экономических решений. Валовые сбережения домохозяйств в переходной экономике России, отражая этапы самого перехода, вместе с тем являлись важным фактором стабилизации в предкризисный период (сбережения достигали в 1997 г. 8,2% ВВП, в 1999 фактически упали до 0 (0,2%), но затем стали постепенно увеличиваться).

Именно от домохозяйств сегодня ждут решения о массированном вложении сбережений, как организованных, так и неорганизованных в российскую экономику⁵. Как известно, экономическая функция - форма реализации потребностей. Поэтому в качестве аргумента воздействия семьи на производственный процесс привести мнение ряда авторов не только о производительном характере самого внутрисемейного труда как значительной по объему части народного хозяйства, но и гипотезу о том, что внутрисемейный труд служит субстанциональной основой возникновения изменяющейся потребности как таковой.⁶

И, наконец, такое направление семейного регулирования как построение корпорации по «семейному принципу»: пожизненная система найма работников, японский менеджмент как феномен современной мировой экономики. Мы остановимся на них именно в свете нашей проблемы, поскольку уверены в том, что они представляют собой важнейшее направление семейного регулирования хозяйства, причем весьма эффективного, что доказано десятилетиями успешного развития Японии.

Продвижение по служебной лестнице в японской корпорации соответствует этапам жизни в семье. Окончание школы, получение общего образования, окончание вуза и первая должность в профессиональной карьере - это годы жизни от 22 до 30. Далее следует рождение первого ребенка и переход на другую, более оплачиваемую должность в рамках компании. К 35 годам планируется рождение второго ребенка и определяются перспективы материального обеспечения семьи. Все это время компания «опекает» своего работника. С 40 до 45 лет решаются коренные проблемы семьи; накопление средств на образование детей, расходы на покупку жилья. Это - пик семейных расходов. В профессиональной жизни работник получает высшую квалификацию, высокооплачиваемую работу. Затем начинается подготовка к так называемой второй карьере. В это время первый ребенок уже поступает на работу. Поступление на работу младшего близко по времени к женитьбестаршего ребенка. И эти крупные события в жизни семьи, круто меняющие и материальное, и социальное поле ее деятельности совпадают с переходом на другую работу, чтобы к 65 годам уйти на пенсию и закончить карьеру⁷. Такая связанность семейных стадий жизненного цикла и профессиональной карьеры для Европы была характерна только в средние века. Имеется в виду жесткий регламент ремесленных гильдий.⁸

Система пожизненного или точнее долговременного найма имеет место на примерно трети крупных японских предприятиях. Предприятие осуществляет прием на работу раз в год, обычно весной, когда молодежь оканчивает различные учебные заведения. Прием осуществляется на

условиях гарантированной занятости до ухода на пенсию. До этого времени работник не может быть уволен по инициативе администрации, если только он не нарушает грубо трудовые обязанности. Так что упомянутая выше вторая карьера осуществляется либо в рамках компании; либо по инициативе самого работника. Поэтому в Японии увольнение по инициативе работодателя считается (да и является на самом деле) не игрой рыночных сил, а суровым общественным наказанием.⁹

Такая система требует особого менеджмента. Почти все учебники по этому предмету, равно как и практика российского бизнеса, основаны на западной системе, где определяется работа (рабочее место, функциональные обязанности) и под нее ищут - причем из нескольких претендентов - кандидата на выполнение этой работы. В Японии берется коллектив, изучаются характеристики членов этого коллектива и под людей подбирается работа. Где еще можно найти «пожизненный найм» для выполнения совместных обязанностей, которые распределяются в соответствии с заданными способностями, склонностями, психическими особенностями уже имеющихся людей, поскольку «других не дано»? Конечно в семье. Таким распределением труда вместо его разделения характерна именно семья. В западных странах строительство рыночной системы отвергало не только сохранение семейных принципов в новых трудовых коллективах (напомним, что в доиндустриальную эпоху трудовой коллектив был тождественен семейному), но и стремилось разрушить саму семью. Рыночная мотивация к распределению благ между активными трудоспособными гражданами отрицала семейную мотивацию типа «всё лучшее - детям (и старикам)». Лишь после Великой депрессии государство вспоминает эти принципы, начиная активно вести социальную политику. Между прочим, это спасло капитализм. В японском менеджменте при строительстве индустриального хозяйства сразу была введена компонента семейного регулирования. В этом проявился менталитет талантливой азиатской нации, где все полезное не отрицается, а сохраняется, приспособляясь к новым условиям.

И в заключении несколько слов о неформальном характере семейного регулирования экономики. Это отличительная черта (наряду с «антирыночным» распределением) данного типа координации производственных связей. Именно эта черта делает домохозяйства некоторым стабилизатором экономики в переходный период. Задача домохозяйств вроде бы пассивная - приспособиться к переменам. Но в результате они сами становятся определенными регуляторами в переходный период развития экономики. Например, при движении России от плана к рынку необходима определенная рыночная модернизация интересующего нас института. «Рыночная институционализа-

пия домашних хозяйств, пишет Филоненко А.В., - представляет процесс формирования совокупных формальных и неформальных правил и норм, обеспечивающих адаптацию домашних хозяйств к условиям транзитивной экономики через изменение их поведения как основных экономических субъектов".¹⁰ Отметим, что автор называет домохозяйства основными экономическими институтами трансформирующихся экономик, Адаптируясь к изменениям, домашние хозяйства оказывают воздействие на формирование экономических институтов, регулируют институциональные сдвиги, что позволяет содержательно охарактеризовать механизм институциональных изменений в переходной экономике России в целом. В связи с этим "именно на уровне домашнего хозяйства и через его посредство общество реализует свои защитные механизмы, вступающие в действие в критические периоды".¹⁰

Что касается конкретных проявлений, то лучше всего видна стабилизирующая роль домашних хозяйств в процессе внутрисемейного перераспределения доходов и активной взаимопомощи семей друг другу в кризисный период нашего развития. Причем к агентам таких неформальных отношений, позволивших выжить россиянам в то время, когда государство фактически кинуло своих граждан на произвол судьбы, когда месяцами не выплачивались зарплаты, пенсии и пособия, относятся не только родственники, но и друзья, соседи, сослуживцы. Исследования показали, что в этот период около 88% семей помогали родственникам деньгами, 83% вещами, 62% в покупке вещей, 56% в покупке продуктов, 62% в организации отдыха и 92% в ведении хозяйства. Примерно такие же цифры характеризуют семьи, получавшие помощь; 85%, 87%, 64%, 61%, 60% и 86% соответственно.¹¹

Именно этот фактор помог России пройти через тяжелейшую трансформацию. И этот переход оказал глобальное влияние на экономическую науку в целом. Пока еще оно не проявилось в полной мере, но в будущем осмысление российского опыта и роли в нем особого типа хозяйственной координации - семейного регулирования экономики - займут, на наш взгляд, весьма существенное место. "Великое преобразование" России, - писал в конце 90-х годов Р.Буайе, - ставит множество проблем, не находящихся очевидное решение в рамках имеющихся экономических теорий. Этот беспрецедентный исторический эпизод приведет к тому, что все экономические теории полностью преобразуются или

окончательно утратят свое значение".¹²

Примечания:

1. Бондаренко И. Институциональная экономическая теория: некоторые основные вопросы // МЭиМО, 1995, № 11. С. 72
2. Поллак Р. Трансакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства. ТЕЗИС, № 6, 1994. С. 54
3. См. подробнее: Мигранова Л.А., Рабкина Н.Б. Изменение дифференциации при превращении заработной платы в доход семьи. В кн. Социально-экономические проблемы благосостояния. М. 1976
4. Б.М. Левин, М.В. Петрович. Экономическая функция семьи. М., 1984. С. 9
5. Ясин Е. Перспективы российской экономики: проблемы и факторы развития / У Вопросы экономики 2002. № 5. С. 20.
6. Васильчук Ю.А. Семья как экономическая "клеточка" воспроизводственного спроса // Соревнование двух систем. Социализм и капитализм. Общее и особенное. М., 1990
7. Курицын В., Рославцев А. Организация управления в японских компаниях. - М., 1988. с. 86-93
8. Подробнее: Зидер Райнхард. Социальная история семьи. М., 1997.
9. Рудык Э. Управление трудом в Японии: уроки для России // Альтернативы. № 1, 2002. С. 45-46
10. Филоненко А.В. Рыночная институционализация домашних хозяйств в переходной экономике. - Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. эк. наук. - Ростов на Дону, 2003. С. 11, 16.
11. Неформальная экономика / Под ред. Т.Шанина. - М. Логос, 1999. С. 109.
12. Буайе Р. Теория регуляции (Предисловие к русскому изданию). М., 1997. С. 31.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВУЗАХ

Многие российские университеты, в ногу с западными, занялись предпринимательской деятельностью, используя различные методы изыскания средств:

- плата за обучение, превышающая 50% от общего количества студентов, хотя официально разрешено 25%;
- сдача в аренду помещений и оборудования;
- гранты (в основном от международных организаций);
- курсы повышения квалификации для специалистов предприятий и региона;
- накладные расходы от науки;
- краткосрочные курсы;
- конференции;
- денежные пожертвования.

Сегодня многие российские университеты благодаря предпринимательской деятельности зарабатывают 50% и много более от общего бюджета университета.¹ В результате децентрализации поток внебюджетных средств поступает на централизованный счет университета, находящийся под контролем ректора, который до недавнего времени не отчитывался за них. Отсутствие отчетности приводило к ситуации, описанной Э.Д. Днепровым, бывшим министром образования России: «Высшие учебные заведения, за некоторыми исключениями, давно приватизированы ректорами. Государству досталось «право» только наблюдать неутраченную деятельность ректоров, что является трудной задачей по причине абсолютной непрозрачности этой деятельности по отношению к государству и обществу».² Много зависит от профессиональных и личных качеств ректора, а также от его желания перемен. Ректор набирает свою команду проректоров из числа профессорско-преподавательского состава на контрактной основе (обычно в университетах около 5-6 проректоров). Эта команда меняется с приходом нового ректора, что является одной из причин, почему проректора предпочитают оставаться заведующими кафедрами и продолжать свою академическую карьеру.

Конечно, одной из проблем является то, что «российские университеты не располагают профессиональными менеджерами, которые могли бы выполнять соответствующие задачи, опреде-

лив свои принципы управления, структуру управления и т.д., также в университетах отсутствует возможность профессионально анализировать практические и концептуальные аспекты управления образованием. Однако нельзя утверждать, что в России не существует инновационных учебных заведений, факультетов или кафедр, имеющих сильных менеджеров — энтузиастов и активных административных команд, как, например, университет Нижнего Новгорода, Санкт-Петербургский государственный технический университет, Томский политехнический университет и др. Недавно, 27-28 мая 2003 г., в Москве состоялась Конференция по проблемам предпринимательского университета и предпринимательского образования, на которой некоторые университеты делились опытом и инновациями.

В качестве примера рассмотрим Санкт-Петербургский государственный технический университет (в частности, кафедру менеджмента международного образования). Он может служить образцом того, как предпринимательство содействует трансформации университета в настоящих условиях.

Кафедра менеджмента международного образования была основана в 1997 г., ее миссия — готовить профессионалов для отделов международных отношений высших учебных заведений и общественных организаций. Персонал кафедры состоит из заведующего кафедрой, четырех доцентов (кандидатов наук), двух старших преподавателей и четырех администраторов. В 2000/2001 учебном году кафедра обучала 186 студентов, включая 31 иностранного студента. Благодаря внутренней децентрализации университета, кафедра имеет свой собственный бюджет и может принимать некоторые автономные решения.

Кафедра финансируется из следующих источников:

1. Государственный бюджет (покрывает бюджетные зарплаты Общеуниверситетской кафедры экономической теории);
2. Плата за обучение (70 % поступлений от российских студентов и 45 % поступлений от иностранных студентов);
3. Научные проекты, гранты;
4. Лаборатория оценки российских и иностранных дипломов, созданная на базе кафедры;

5. Консультации и семинары;

6. Краткие курсы профессионального развития.

Внебюджетные средства распределяются следующим образом (все данные получены от заведующего кафедрой):

- зарплата персонала-68%;
- технические нужды-17%;
- оборудование и технические материалы-8%;
- командировки-7%.

Таким образом, зарплата доцентов может быть повышена от 80-90 до 179-200 долл. в месяц. Для сравнения, такое количество денег зарабатывает преподаватель в частном университете за несколько часов преподавания, но существующая практика показывает, что ни один преподаватель не будет принят на работу в частный университет, если он не является преподавателем государственного университета.

Эта кафедра представляет собой положительный и отличный от многих других пример российского предпринимательства. Позитивный, потому что кафедра привлекательна и для молодого поколения преподавателей; и отличный, потому, что бюджет кафедры прозрачен для сотрудников в отличие от многих

других кафедр и институтов. Но такой пример скорее не правило, а исключение из правил, так как в системе высшего профессионального образования отсутствуют механизмы поддержки институциональных инициатив, а также механизмы отчетности и финансовой прозрачности.

В заключение подчеркнем еще раз, что российские университеты движутся по пути инноваций и предпринимательства путем реорганизации управленческих структур и создания новой финансовой системы. Но, как было сказано выше, наследие прошлого формирует препятствия на пути адаптации к новой политике; должны быть созданы новые общие ценности, для того чтобы двигать процесс преобразований вперед.

Библиографический список

1. Tagirov V.M. Higher Education Institutions as a Part of the Not-for Profit Sector of the Economy // E. Knjazev (ed.). Development of a Strategic Approach to Management of Russian Universities. Kazan, Russia: UNIPRESS, 2001 (in Russian).
2. Dneprov E. Parliamentary Hearings at the Crossroads for Russian Higher Education // The First of September, 87. December 2000 (in Russian).

Жураховская И.М.,
Жураховский С.Н.

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И РЫНОК ТРУДА: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Основным фактором экономического роста любой политической системы является человек, так как именно люди создают средства производства и приводят их в движение, чтобы приумножить жизненные блага.

Изменения в структуре производства развитых стран показали, что входят в практику и получают экономическую оценку субъективные факторы: знания, квалификация, накопленный производственный опыт.

Теоретически этот факт получил обоснование в начале 1960-х гг., когда развитие НТП потребовало работника нового качества.¹

В первоначальном виде человек не приносит эффекта. Однако, после соответствующей подготовки человек приобретает качество капитала. По мере роста затрат на улучшение качественного состояния рабочей силы труд превращается в человеческий капитал. Рост капиталовложений в человека меняет структуру заработной платы, большая часть которой теперь является продуктом человеческого капитала. Вложения в человеческий капитал выше вложений в вещественный капитал, и он отодвигается на второй план. Так, создание нового рабочего места в США равно трем годовым зарплатам работника; затраты же на образование и профессиональную подготовку работника, способного трудиться на этом рабочем месте, превышают эту величину на

несколько порядков.²

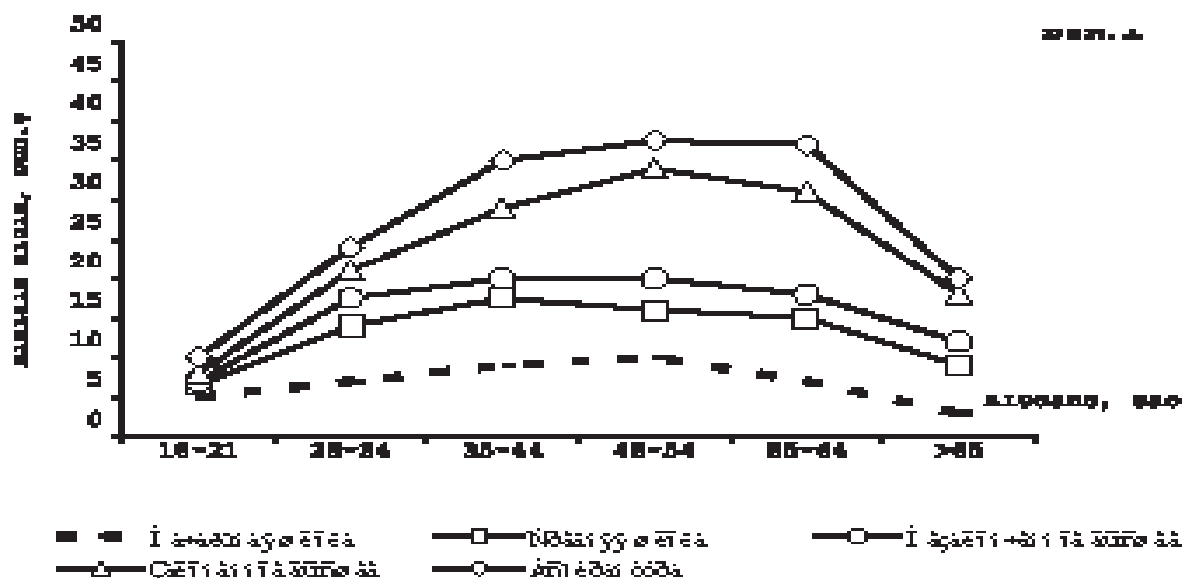
Таким образом, человеческий капитал есть способность человека приносить доход. Капитал подразумевает активы (здания, оборудование и т.д.), они являются результатом инвестиций и генерируют поток дохода. Человеческий же капитал создается тогда, когда человек инвестирует в самого себя, оплачивая образование и квалификацию. Эти инвестиции окупаются со временем в виде более высокой заработной платы (Рис. 1) или способности выполнять работу, приносящую большее удовлетворение.³

Оценку человеческого капитала, в принципе, можно выполнять по затратам на образование и повышение квалификации работников.

Рынок труда в России формируется в сложных экономических, социальных и политических условиях и имеет ряд особенностей:

1. Происходит структурно-технологический регресс и деиндустриализация народного хозяйства. Кадры теряют в основном высокотехнологичные, наукоемкие и социально ориентированные отрасли. Образование и высокая квалификация не спасают от безработицы.

2. Высвобождение работников в России происходит не в результате НТП, когда возникает потребность в высококвалифицированных кадрах и происходит сокращение малоквалифицированных работников. В экономике России не

закладываются возможности для технологического роста, происходит неоправданный процесс растраты трудовых ресурсов.

3. Рыночная экономика повышает требования к квалификации, профессионализму работников, а они не отвечают современным требованиям. Уровень качества многих видов продукции и услуг невысок.

По данным паспортно-визового управления МВД РФ, только в 1992-1996 гг. ежегодно около 5 тысяч человек уезжали за рубеж, причем самые квалифицированные и перспективные кадры в возрасте 30-40 лет.⁴

4. По мнению российских экономистов⁵ в 1990-е гг. выявились следующие тенденции структуризации рынка труда:

А) Выделились группы с уровнем безработицы выше среднего.

- в категории умственного труда это инженерно-технические работники, в категории индустриального труда - рабочие машиностроения и металлообработки, текстильщики, швейники и т.д.;

- особая группа, включающая малоквалифицированных и неквалифицированных рабочих, которые вытесняются «гастрарбайтерами».

Эти перемены - макроэкономическая проблема, требующая перспективной стратегии и крупных затрат. К текущим относятся затраты на улучшение условий труда, его организацию. Они дают быструю, но кратковременную отдачу. Инвестиционные же затраты совершенствуют качество рабочей силы, определяют характер экономики в будущем. Поэтому необходимо управление системой образования как одним из основных инструментов становления цивилизованного рынка труда.

Б) Намечился процесс стратификации профессиональной занятости с выделением профессий, на которые существует повышенный спрос; и профессий, спрос на которые либо стабилизировался, либо сокращается.

Тенденции трансформации рынка труда определили и подвижки в области профессиональной подготовки специалистов. Они касаются и численности обучаемых и направлений их профессионального образования.

В первой половине 90-х гг. численность учащихся во всех типах учебных заведений снизилась более чем на 1,1 млн. человек.

Прием в ПТУ в 1999 г. составил примерно 64% от уровня 1990 г., а подготовка квалифицированных рабочих - около 57,5%. Это было оправданно, так как снизился спрос на рабочие

кадры, а профессиональный уровень подготовки в ПТУ почти не изменился.

Прием в учебные заведения среднего профессионального образования в 2000 г. составил почти 89% от уровня 1990 г., а подготовка специалистов - немногим более 89%. Все большую конкуренцию среднему специальному высшему образованию составляет первая ступень высшего образования.

Более благополучная ситуация складывалась в высшей школе. Если до 1994 г. прослеживалась тенденция снижения численности принятых в вузы, то с 1995 г. начинается ее увеличение.

За 1991-2000 гг. число принимаемых в вузы студентов возросло на 22%, подготовка специалистов высшей школой - на 32%.

Анализ показывает, что до 2004 г. будет происходить усиление потенциала высшего профессионального образования. В полном масштабе это проявится к 2005 г., когда увеличение приема в соответствующие учебные заведения во второй половине 90-х годов начнет реализовываться в выпусках специалистов.

Однако в 2007 г. Россию ожидает демографический кризис и, по расчетам специалистов, количество потенциальных студентов сравняется с количеством мест, определенных для приема в государственных вузы.

Существует и проблема перестройки профессиональной структуры подготовки специалистов вузами - снижение численности инженерно-технических кадров и неоправданный рост числа специалистов в области экономики, управления и гуманитарно-социальных специальностей. К 2000 г. удельный вес инженеров в общей численности выпускников вузов снизился до 24% против 38% в 1994 г.

Такая трансформация системы образования является стихийной реакцией на изменения структуры рынка труда, носит не опережающий, а запаздывающий характер. Диспропорции между предложением рабочей силы определенного качества и спросом на нее остаются. Необходимо государственное регулирование системы образования (в том числе и негосударственными образовательными учреждениями), которое должно уменьшить эти диспропорции путем опережающего изменения системы образования по прогнозам развития системы занятости.

Это регулирование призвано выполнять двоякую функцию - социальную (обучение профессиям, пользующимся наибольшим спросом на рынке труда) и экономическую - удовлетворение потребностей в рабочей силе определенной профессиональной подготовки и квалификации.

Эти функции определяют как краткосрочные, так и стратегические цели направления

политики занятости. Главным инструментом реализации их должна являться Федеральная программа занятости. Стратегические цели обуславливают необходимость расширения временных горизонтов программы, по крайней мере, до пяти лет, но при этом Федеральная программа занятости должна корректироваться и продлеваться каждый год.

Приоритетные задачи такой Программы на пятилетний период:

- обучения безработных, расширение контингентов лиц, обучаемых и трудоустраиваемых по новым профессиям и специальностям;
- преодоление диспропорций в подготовке специалистов и квалифицированных рабочих, совершенствование оплаты труда;
- обзосоздание благоприятных условий для желающих получить новую специальность или освоить новый вид деятельности;
- углубление реформы системы всех форм образования с учетом новых экономических реалий.

Перестройку же системы образования целесообразно осуществлять в двух направлениях:

Первое - кардинальный пересмотр образовательными заведениями всех уровней планов приема и выпуска, а также учебных программ в сторону сокращения подготовки маловостребованных специалистов. Одновременно на базе учебных мощностей необходимо расширять подготовку кадров, на которые намечается дефицит. Это может быть выполнено без уменьшения ассигнований на деятельность этих заведений.

Более кардинальные меры должны быть предприняты в отношении заведений начального профессионального образования. При наличии соответствующих условий (преподавательские кадры, учебное оборудование и литература) часть ПТУ может быть переориентирована на подготовку служащих низшего звена, что позволит более рационально использовать труд высококвалифицированных специалистов. Не подлежащие перепрофилированию учебные заведения должны быть либо переориентированы на подготовку требуемых рынком рабочих, либо закрыты.

Второе направление - созданием условий для заинтересованности учебных заведений в подготовке квалифицированных кадров в соответствии с изменяющимися потребностями рынка труда. Для этого учебные заведения должны свободно продавать свои услуги по рыночным ценам.

Бесплатное высшее образование стало одной из главных причин перепроизводства некоторых категорий специалистов, что привело к обесценению высшего образования, перекосам в оплате труда.

Однако в финансировании образования долж-

ны участвовать бюджеты всех уровней, заинтересованные предприятия и организации, сами вузы за счет осуществления НИР и продажи их результатов, сдачи в аренду оборудования, спонсорские фонды и будущие специалисты (в пределах 20% общих расходов на их образование).

Основным инструментом политики занятости в сфере воздействия на экономически активное население должны стать ежегодные программы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации. Главный акцент целесообразно сделать в следующих направлениях:

- регулярный мониторинг структуры высвобождаемых работников. Это необходимо для прогнозных оценок рынка труда и принятия адекватных мер по совершенствованию системы образования;
- работа по формированию программных мероприятий профессиональной подготовки и переподготовки трудовых ресурсов;
- повышение квалификации, дообучение и переподготовку вобождающихся или находящихся под угрозой увольнения рабочих и ИТР.

Для реализации Федеральной программы нужен механизм управления нею. Комплексный характер программных мероприятий, затрагивающих различные сферы экономической политики государства, вызывает необходимость координационного центра, согласовывающего действия, относящихся к компетенции различных ведомств и организаций. В состав такого органа должны войти представители министерства экономического развития и торговли, финансов, промышленности и энергетики, образования и науки, а также ряда ведущих вузов страны.

Таким образом, включение в состав Федеральной программы занятости вопросов трансформации системы образования позволит решить проблемы совершенствования профессионального состава рабочей силы страны.

Примечания

- ¹ Ключков В.В. Экономика образования: иллюзии и факты. М., 1985.
- ² Араб-Оглы Э.А. Поколения людей и поколения машин. Коммунист. 1987. №2. С.66.
- ³ Журавовская И.М. Разделение труда и его роль в трансформации экономики. Диссертация на соискание уч. степени к.э.н. М., МПУ. 1996.
- ⁴ В.Павлюткин «Мышеловка для академиков» // Мир за неделю. №12(12). 1999.
- ⁵ Ю.Богомолов, Н.Кулагина «Управление профессиональным составом экономически активного населения в период до 2000 г.»Международный журнал «Проблемы теории и практики управления». № 4. 1997.

УПРАВЛЕНИЕ ОПЛАТОЙ ТРУДА ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА В ВУЗЕ

В сложившейся экономической ситуации в стране по-прежнему достаточно острой является проблема, связанная с оплатой труда преподавателей. Наблюдается отток преподавательских кадров в коммерческие структуры. Большинству вузов приходится изыскивать дополнительные источники финансирования в целях улучшения материального положения своих сотрудников – открытие внебюджетных отделений, факультетов довузовского образования и повышения квалификации, обучение иностранных студентов и т.д. Однако многие преподаватели и руководители высшей школы считают, что позаботиться об их социальном положении должно государство.

В официальном документе – Национальной доктрине образования РФ – отмечено, что государство призвано обеспечить условия для неуклонного повышения престижа и социального статуса преподавателей. В этих целях предполагалось уже на первом этапе оплату труда ППС вузов приблизить к удвоенному размеру заработной платы работников промышленности.¹ Однако и сегодня данное положение довольно далеко от реальности. Бюджетная зарплата специалистов, находящихся на самой высокой ступеньке иерархической лестницы в системе образования, только со всеми существующими надбавками приближается к средней заработной плате в России.

Существующая система оплаты труда бюджетных работников, к которым относятся преподаватели государственных ВУЗов, является довольно жесткой и не дает руководителю возможностей по оперативному управлению оплатой труда преподавателей. В плане совершенствования системы оплаты труда преподавателей можно предложить чтобы заработная плата преподавателей состояла из двух составляющих: первая – бюджетная, т.е. оплата по тарифной системе, а вторая составляющая должна формироваться из внебюджетных средств, т.е. за счет средств самого вуза. Вторая составляющая находится полностью в руках руководителя и будет являться фактором эффективного управления деятельностью ВУЗа. Если первая составляющая является полностью детерминированной, то использование второй составляющей требует разработки методик ее применения.

При выборе форм и системы оплаты труда

работников высшего учебного заведения руководитель сталкивается с рядом противоречащих друг другу проблем. Первая – обеспечить наибольшую эффективность функционирования вуза, которая напрямую зависит от эффективности работы каждого преподавателя и сотрудника. Вторая – оптимизировать размеры фонда оплаты труда в высшем учебном заведении, так как в структуре себестоимости подготовки специалиста в высшем учебном заведении издержки на оплату труда преподавателей занимают доминирующее место.

На практике бывает довольно сложно определить эффективность отдельно взятого преподавателя – постоянный контроль за деятельностью сотрудника невозможен, поэтому в вузе выстраиваются те или иные формы «невяных контрактов», основанных на доверии администрации к профессиональной деятельности сотрудника. Отношения, построенные на доверии, играют ключевую роль на этапе становления вуза, однако по мере увеличения размеров высшего учебного заведения на смену неформальным методам контроля должны приходиться формальные.²

Если оценка эффективности отдельно взятого преподавателя не проводится, то очень часто возникает эффект уравниловки – сотрудники получают заработную плату без учета их конечного вклада в качество подготовки специалистов. В условиях уравниловки возникает ситуация, когда одним сотрудникам вуз переплачивает, т.е. за их относительно менее эффективный труд они получают ту же самую зарплату, что и более эффективные преподаватели. Это ведет к рентоориентируемому поведению со стороны неэффективных сотрудников. Неэффективный преподаватель будет вкладывать усилия не в повышение качества учебного процесса, в этом он просто неконкурентоспособен, а в закрепление своего статуса, приносящего ренту. Это может выглядеть как стремление наладить неформальные отношения с администрацией вуза, попытках подкупа студентов, выражающихся в снижении требовательности в обмен на гарантию высоких оценок, в излишней строгости или излишней лояльности преподавателя.

Другим аспектом проблемы уравниловки является недостаточный уровень оплаты более эффективно работающих преподавателей. У преподавателей высшей школы с высокой производительностью труда и относительно низкими доходами возникает ответная реакция, которая, чаще всего, характеризуется следующими двумя моделями поведения.

В пренебрежении своими непосредственными обязанностями (работа на конкурента, опоздания на занятия, пренебрежение выполнением методической, научной и воспитательной работы, пропуски занятий, снижение качества проводимых занятий). Проблема ответственности преподавателя в значительной мере это вопрос этики, но и воздействием материальными стимулами экономист пренебрегать не может. После того как преподаватель вуза уже нанят на работу, у него появляется некоторая монопольная власть над вузом, факультетом, кафедрой. Монополизм преподавателя определяется его исключительностью и альтернативной стоимостью привлечения другого равноценного специалиста. Вуз, не может найти быструю замену узкоспециализированному преподавателю и у него появляется возможность давить на руководство вуза с целью максимизации текущих денежных доходов. Преподаватель может в ультимативной форме требовать повышения ставок заработной платы, зная, что в настоящее время у вуза отсутствует какая-либо альтернатива. Данное поведение мы назовем политикой шантажа. Очевидно, подобное давление со стороны преподавателей приводит к усилению рыночной конкуренции между вузами за данный ограниченный ресурс, что в долгосрочном периоде способствует более эффективному распределению человеческого потенциала. Однако, в краткосрочном периоде политика «шантажа» может дестабилизировать работу высшего учебного заведения, факультета, кафедры, поскольку она:

а) влияет на внутривузовское бюджетирование, приводя к нерациональному на данный момент использованию финансовых средств;

б) увеличивает нестабильность учебного процесса;

в) разрушает психологический климат в педагогическом коллективе.

Подход - «платите или я уйду» в краткосрочном периоде времени неприемлем, он приводит к снижению качества образовательного процесса.

Несомненно, лучшей формой борьбы с политикой «шантажа» и «саботажа» в стратегии вуза является создание здоровой конкуренции между преподавателями, подготовка молодых кадров

внутри вуза, политика «охоты за головами», межвузовский обмен преподавателями, тщательно разработанная должностная инструкция и правильно оформленный трудовой контракт, по нашему мнению, во многом способствуют решению данной проблемы. Контракт между преподавателем и вузом задает возможные рамки поведения контрагентов, предусматривает способы решения возможных спорных ситуаций, увеличивает степень предсказуемости поведения сторон, прописывает санкции за несоблюдение условий контракта³ [2]. В России в настоящее время распространены следующие типы трудовых контрактов:

- повременная форма оплаты труда, при которой размер зарплаты определяется количеством часов, проведенных на работе;

- сдельная оплата труда, при которой размер зарплаты зависит от объема произведенной работы;

- аккордная система, при которой заработная плата начисляется по результатам выполнения всего объема работы. По сути, аккордная система строится не на основе трудового договора, а договора подряда.

Глубоких социологических исследований по проблеме, почему менеджеры используют ту или иную систему оплаты труда, в России не проводилось. На наш взгляд, это связано с тем, что чем сложнее определить вклад работника в конечный результат, тем активнее используется повременная форма оплаты с косвенными и субъективными методами контроля деятельности работника. В государственных вузах широко используется контракт типа «сдельная оплата труда плюс премия». При начислении заработной платы преподавателю вуз использует следующие показатели: число проведенных лекций и семинаров, число опрошенных на экзамене или зачете студентов, число проверенных рефератов и курсовых работ, число дипломных работ, написанных под руководством преподавателя. В качестве премии преподавателю в данной системе оплаты труда выступает объем учебной работы - чем он выше, тем большую премию руководство вуза выплачивает отдельно взятому преподавателю. Преимущества и недостатки данной формы оплаты труда обобщены в приведенной ниже таблице 1.

Данная система оплаты труда преподавателей используется во многих вузах. Некоторые вузы пытаются практиковать окладную систему. Ее сущность заключается в том, что за преподавателем закрепляется определенное количество часов, в течение которых он обязан находиться на работе независимо от того, есть у него в

данный момент какая-либо учебная нагрузка или нет. Главным недостатком этого подхода является то, что преподаватель зачастую просто отсиживает часы на своем рабочем месте и никакую пользу вузу не приносит. Преимущество состоит в том, что, если преподаватель нужен, то он всегда на месте. Это удобно при заменах, практике отработки, посещении кафедр. Повременная система оплаты снижает возможность

подработок для преподавателей, находящихся в штате учебного заведения.

Если при сдельной системе, после выполнения заранее оговоренной работы преподаватель может пойти работать куда-то еще, то при повременной у него такая возможность отсутствует. Мобильность сотрудников снижается, что вызывает сопротивление со стороны преподавателей, так как в результате почасовая ставка заработной платы при применении окладной системы получается слишком низкой. Желание сменить место работы при прочих равных условиях у преподавателей растет.

Насколько нам известно, аккордная форма оплаты в высших учебных заведениях практиче-

Таблица 1.

Преимущества и недостатки сдельной оплаты труда преподавателя вуза

Преимущества сдельной оплаты труда преподавателя вуза	Недостатки сдельной оплаты труда преподавателя вуза
1. Сдельная оплата труда преподавателя вуза позволяет стимулировать его к выполнению учебной нагрузки, так как оплата зависит от количества часов, проведенных на занятиях.	1. Сдельная оплата труда преподавателя вуза может привести к снижению качества преподавания, так как преподаватель будет стремиться закончить работу как можно быстрее, не уделяя должного внимания подготовке материала.
2. Сдельная оплата труда преподавателя вуза позволяет избежать необходимости выплаты оклада преподавателю, который не выполняет учебной нагрузки.	2. Сдельная оплата труда преподавателя вуза может привести к снижению заработной платы преподавателей, так как оплата зависит от количества часов, проведенных на занятиях, а не от сложности работы.
3. Сдельная оплата труда преподавателя вуза позволяет избежать необходимости выплаты оклада преподавателю, который не выполняет учебной нагрузки.	3. Сдельная оплата труда преподавателя вуза может привести к снижению заработной платы преподавателей, так как оплата зависит от количества часов, проведенных на занятиях, а не от сложности работы.

ски не применяется. Хотя теоретически она вполне могла бы существовать. В этом случае ВУЗ платил бы преподавателю по факту выполненной работы. В качестве критериев можно было бы использовать оценку качества прочитанного курса студентами, оценку по дипломному проекту, руководство которым осуществлял преподаватель и т.д. Возможно данную систему оплаты внедрить за разработку учебно-методических пособий. Аккордная форма оплаты неудобна для преподавателей, так как у руководства вуза появляется соблазн оценить выполненную работу ниже ее рыночной стоимости, что в краткосрочной временной перспективе будет приводить к политике шантажа как с одной, так и с другой стороны. Преимущество аккордной системы - в ее ориентированности на конечный результат. По сути, данная система является разновидностью не трудового контракта, а договора подряда.

Нам представляется, что для оценки эф-

фективности сложных видов деятельности не могут использоваться простые схемы. Если для преподавателя высшей школы установить сдельную оплату от количества проведенных лекций, то его задачей может стать проведение как можно большего числа лекций, при этом он будет стараться выбирать курсы, требующие наименьшего объема подготовки. Если преподавателя перевести на фиксированный оклад, то на качество и производительность его труда денежные стимулы не будут оказывать никакого воздействия, т.к. предельный доход преподавателя от проведенной лекции или семинарского занятия равен нулю.

Решение данной проблемы мы видим в создании четких критериев оценки деятельности преподавателя вуза. Преподавателю задаются определенные параметры, и в зависимости от их выполнения начисляется заработная плата. Сложность проблемы состоит в том, чтобы заданные параметры соответствовали реальным тре-

бованиям администрации вуза, если параметры слишком высоки, то у преподавателя не будет стимулов к эффективной деятельности в силу очевидной невыполнимости задания, если низки, то может возникнуть стремление занижать показатели, чтобы менеджмент вуза не поднял планку показателей. Так, в идеале должна выглядеть контрактная схема. В современных условиях она трудноосуществима из-за сложности определения параметров качества труда преподавателя и отсутствия системы автоматизированного учета в большинстве вузов. Мы видим наиболее приемлемой ту систему оплаты труда, в которой имеются «оклад + почасовая оплата за определенные виды работ + премия». Данная система является смешанным видом. Преподаватель получает относительно небольшой оклад независимо от объема выполненных им работ. Эта фиксированная сумма определяется значимостью преподавателя для вуза. За преподавателем устанавливается присутственный день (дни), когда он весь день находится в вузе и осуществляет научную, воспитательную, методическую и другие виды работ. Если преподаватель не выполняет условия кон-

тракта, в этой части сумма оклада уменьшается или оклад не выплачивается. Вторая компонента системы – почасовая оплата. Каждый дополнительный час проведенных занятий оплачивается. Если занятия сорваны по вине преподавателя, то контракт может предусматривать штрафные санкции в виде снижения почасовой ставки заработной платы. Если преподаватель не выполняет сроки проверки письменных работ или фактически не проверяет их, то руководством также принимаются штрафные санкции. Третья часть системы – премия, её размер определяется руководством факультета или вуза в зависимости от соответствия преподавателя формальным или неформальным критериям эффективности его работы, разработанным внутри вузовской или факультетской структуры. Так, на размер премии преподавателя могут влиять следующие формальные и неформальные критерии, обобщенные в таблице 2.

Таблица 2.

Формальные и неформальные критерии оценки эффективности труда преподавателя вуза

ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು	ರೋಗದ ಕಾರಣಗಳು
1. ಹಸಿರು ಬಣ್ಣದ ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು	1. ಹಸಿರು ಬಣ್ಣದ ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು
2. ಹಸಿರು ಬಣ್ಣದ ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು	2. ಹಸಿರು ಬಣ್ಣದ ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು
3. ಹಸಿರು ಬಣ್ಣದ ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು	3. ಹಸಿರು ಬಣ್ಣದ ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು
4. ಹಸಿರು ಬಣ್ಣದ ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು	4. ಹಸಿರು ಬಣ್ಣದ ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು
5. ಹಸಿರು ಬಣ್ಣದ ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು	5. ಹಸಿರು ಬಣ್ಣದ ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು
6. ಹಸಿರು ಬಣ್ಣದ ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು	6. ಹಸಿರು ಬಣ್ಣದ ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು
7. ಹಸಿರು ಬಣ್ಣದ ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು	7. ಹಸಿರು ಬಣ್ಣದ ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು
8. ಹಸಿರು ಬಣ್ಣದ ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು	8. ಹಸಿರು ಬಣ್ಣದ ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು
9. ಹಸಿರು ಬಣ್ಣದ ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು	9. ಹಸಿರು ಬಣ್ಣದ ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು
10. ಹಸಿರು ಬಣ್ಣದ ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು	10. ಹಸಿರು ಬಣ್ಣದ ರೋಗದ ಲಕ್ಷಣಗಳು

Сама по себе деятельность, связанная с определением четкого вклада преподавателя в качество и эффективность учебного процесса связана с определенными издержками и требует зачастую изменения системы учета и контроля в высшем учебном заведении. Однако, эта деятельности должна привести к росту производительности труда преподавателей вузов и повышению качества высшего образования в нашей стране.

Примечания

- 1 Национальная доктрина образования в РФ // Бюллетень МО РФ. 2000. № 11. С. 4-13.
- 2 Менеджмент, маркетинг и экономика образования: Учебное пособие / / Н. Новгород, 2001.
- 3 2. Норт Дуглас. Институты, идеология и эффективность экономики. (От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик). М., 1993. С. 35-78.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ

С начала 1990-х гг. Россия вслед за другими реформируемыми экономиками Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) включилась в «импортирование» стандартного набора институтов: была законодательно установлена минимальная зарплата, создана система страхования по безработице, легализована забастовочная деятельность, сформирована сложная многоступенчатая система коллективных переговоров, установлены налоги на фонд оплаты труда, внедрена политика налогового ограничения доходов, предпринимались попытки индексации заработной платы и т.д. Ожидалось, что в России рынок труда будет функционировать примерно так же, как рынки труда в других постсоциалистических странах, раньше вступивших на путь реформ. Правда, учитывая, что трансформационный кризис оказался более глубоким, можно было предполагать, что масштаб и острота проблем окажутся иными: «сброс» предприятиями рабочей силы — активнее, безработица — выше, трудовые конфликты — многочисленнее, инфляционное давление издержек на рабочую силу — сильнее. Однако этого не произошло.

Наиболее яркой чертой сложившегося рынка труда в России, отличающего его от стран ЦВЕ, — явно неадекватный падению производства масштаб открытой безработицы. Прогноз открытой безработицы на заре рыночных реформ был крайне пессимистичным. Российские экономисты прогнозировали ее в первые два-три года в объеме 4-7 млн. человек, эксперты Международной организации труда (МОТ) — 6-7 млн. человек. Реальность оказалась далекой от обоих прогнозов: число лиц, признанных безработными российскими службами занятости, в последние десять лет не превышало 9,5 млн. человек (таблица 1).

Начиная с 1997 г. прослеживается устойчивый тренд сокращения уровня безработицы. Таких темпов сокращения безработицы не знала ни одна другая переходная экономика. Сегодня Россия является наряду с Венгрией и Чехией страной с наиболее благополучной экономикой переходного типа. Но фиксируемое статистикой сокращение безработицы означает, прежде все-

Таблица 1.

Численность безработных и уровень безработицы в Российской Федерации*

Год	Численность безработных, человек, млн.	Уровень безработицы, %
1992	3377,1	5,2
1995	6719	9,5
1998	2002,1	13,2
1999	9022,6	13,0
2000	7514,7	10,5
2001	6160	9,1
2002	5125	8,0

*По материалам Госкомстата РФ.

го, лишь то, что под патронажем государственной политики занятости оказывается меньшее число безработных. Устойчивый разрыв между общей и регистрируемой безработицей в России составляет одну из наиболее парадоксальных черт российского рынка труда. Существует мнение, что расхождение между общей и регистрируемой безработицей — аномалия, присущая исключительно российскому рынку труда. В действительности же это вполне закономерное явление, встречающееся повсеместно и обусловленное различной статистической природой альтернативных индикаторов безработицы. Правда, обычно разрыв между ними оказывается, во-первых, не слишком значительным и, во-вторых, в пользу регистрируемой безработицы, а не общей. В России на протяжении 1990-х г. такой разрыв составлял около 3,5-7 раз.

Постепенная «ликвидация безработных как класса», конечно же, в определенной мере связана с экономическим ростом, обусловившим увеличение числа рабочих мест на предприятиях и в организациях. В качестве мест приложения своего труда россияне выбирают традиционно растущие сырьевые отрасли (рисунок 1).

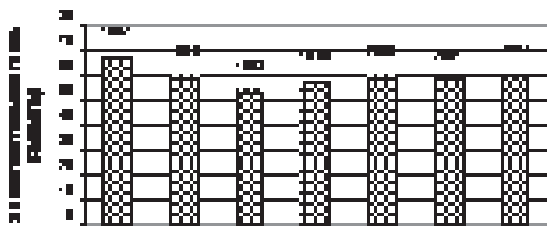

Рисунок 1. Уровень занятости населения в России.*

*По материалам Госкомстата РФ.

Но не менее важную роль в тенденции сокращения численности зарегистрированных безработных сыграли и неудовлетворительная ситуация с выплатой пособий по безработице, и малая эффективность организованного поиска работы.

Социальный портрет российской безработицы имеет несколько неблагоприятных признаков, среди которых главный — тенденция к росту продолжительности безработицы, в ряде регионов принявшей хроническую форму (таблица 2).

Таблица 2.

Средняя продолжительность поиска работы в Российской Федерации*
(месяцев)

	1999	2000	2001	2002
Россия	8,9	8,6	8,2	8,4
Средний	9,1	8,9	8,6	8,6
Депрессивный	8,2	8,4	9,1	8,9

*По материалам Госкомстата РФ.

Другой ярко выраженной специфической чертой российского рынка труда является преобладание скрытых, латентных, процессов над открытыми. Наибольшее развитие получили две ее основные формы: вынужденные, инициированные администрацией предприятий, неоплачиваемые (или частично оплачиваемые) отпуска и применение режимов неполной занятости.

Итак, российский рынок труда это поистине уникальная коллекция самых разнообразных нестандартных форм поведения всех его агентов — работников, работодателей, государственных институтов. Тем не менее, сложившаяся модель вряд ли соответствует идеалам эффективного, цивилизованного и устойчиво развивающегося рынка труда. Например, зачастую вторичная занятость ориентированна на непрестижные рабо-

чие места с неудовлетворительной техникой безопасности. Неоднозначно следует оценить и возможности трудоустройства населения в расширяющийся малый бизнес. С одной стороны, это некоторые благоприятные для работников нововведения, например гибкий график, относительно высокий уровень оплаты труда, а с другой — распространены грубые нарушения трудовых прав работника (излишняя продолжительность рабочего дня, наем без трудового договора, отсутствие страхования, произвольное увольнение без выходного пособия и т.д.).

Пластичность российского рынка труда обеспечивалась не содержанием норм трудового права, которые в действительности были и остаются жесткими и чрезвычайно обременительными, а слабостью контроля за их соблюдением. Но нельзя отрицать, что в пореформенный период российский рынок труда сыграл роль амортизатора, существенно смягчив возможные негативные последствия, связанные с избыточной защитой занятости. К сожалению, гораздо хуже российская модель рынка труда оказалась приспособлена к тому, чтобы способствовать экономическому росту.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Прошло более десяти лет рыночного реформирования российской экономики, перехода её от плановой социалистической системы хозяйствования к капиталистическому товарному производству, который модно называть переходом от командно-административной, тоталитарной экономики к свободному рыночному хозяйствованию.

Есть основания считать нынешнее состояние реформируемой экономики России как неудовлетворительное, поскольку и сейчас страна находится в глубоком системном кризисе. Специалисты, исследующие основные направления рыночных реформ, отмечают различного рода модификации и деформации, как в системе реформируемых отношений собственности, так и в содержании рыночного хозяйствования. Однако еще нет исследований, сопоставляющих и анализирующих различные «типы» перехода к капиталистическому товарному производству. Хорошо известен и исследован переход к «рыночной экономике», т.е. к капиталистическому товарному производству от феодальной экономики, которая покоится на феодальных отношениях собственности и натуральной организации хозяйства с крепостническим принудительным трудом работника.

Сейчас мы имеем дело с тем, казалось бы, невероятным случаем, когда история обогатилась новым «типом» перехода к капиталистическому товарному производству (к так называемой «рыночной экономике»), но уже не от феодализма, а от социалистической плановой экономики, которая покоилась на общенародной государственной собственности и планомерной организации хозяйства. Но, если переход от феодализма к капитализму был движением вперед, то каким образом можно квалифицировать переход к рыночной экономике от социалистической плановой системы хозяйства. Ведь это уникальное историческое явление. Фактически перед экономической наукой возникает два основных вопроса: 1) как «ведет» себя частная капиталистическая собственность при переходе от феодализма и от социализма; 2) что происходит с законами товарного производства, с так

называемыми рыночными отношениями при этих двух «типах» перехода.

Переход от феодализма к капитализму протекал спонтанно, как естественно-исторический процесс, охватывающий в той или иной степени все страны мира в течение столетий. Это означает, что капиталистическая частная собственность постепенно внедрялась в феодальную экономику, и, доказывая свои преимущества, сосуществовала с феодальной собственностью, рудименты которой мы видим и сейчас даже в самых развитых странах капитализма в виде земельной собственности и феодальных поместий. Одновременно феодальная аристократия не сразу исчезла с исторической арены, она сосуществовала и постепенно смешивалась с буржуазной элитой, сохранив некоторые свои атрибуты по сей день.

Не менее интересным представляется тот факт, что завоевание политической власти буржуазией явилось следствием завоевания экономических доминирующих позиций, а не наоборот. Известные буржуазные революции были бы немыслимы без прочной социальной опоры формирования пресловутого буржуазного «электората».

Однако особое внимание исследователя должно быть обращено на роль капиталистической частной собственности и предпринимательства в экономическом развитии человечества при переходе от феодализма к капитализму. В этом вопросе нужно отдать должное К. Марксу и Ф. Энгельсу, которые в «Манифесте коммунистической партии» писали следующее: «Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль... Она впервые показала, чего может достигнуть человеческая деятельность... Она создала чудеса искусства... беспрестанные перевороты в производстве... К великому огорчению реакционеров, она вырвала из-под ног промышленности национальную почву... Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации... Буржуазия менее чем за сто лет... создала более

многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые... Феодальные отношения собственности... перестали соответствовать развившимся производительным силам. Они тормозили производство... превратились в его оковы. Их необходимо было разбить, и они были разбиты».¹

Эта оценка великими мыслителями той роли, которую сыграла капиталистическая частная собственность как динамичная прогрессивная сила при переходе от феодализма к капиталистической рыночной экономике, эта оценка не может вызывать сомнений ни у одного ученого экономиста. Надо иметь в виду при этом то принципиальное обстоятельство, что эта форма собственности реализовалась в рамках товарной организации хозяйства, являясь её экономической основой; она развивалась вместе с развитием товарных, рыночных отношений, где исторически первоначально рынок играл перво-степенную регулирующую, стимулирующую и социально-дифференцирующую роль.

Не случайно отцы политической экономики Ф. Кенэ, А. Смит, Ф. Рикардо выдвинули теорию «невидимой руки» и знаменитый афоризм *laissez faire, laissez passer* (лесэ фэр, лесэ пасэ), который в русском переводе означает: «Дайте людям самим делать свои дела, дайте делам идти своим ходом». Формула «лесэ фэр...» до сих пор считается в экономической науке знаком экономической свободы, выражением идеи экономического либерализма, предполагающего невмешательство кого бы то ни было в производственную, торговую и финансовую деятельность субъектов рыночных отношений.

Выражая существо своей теории «невидимой руки» А. Смит говорил о том, что всем людям свойственно желание улучшить свое положение, присущее с рождения. Поэтому каждому человеку, пока он не нарушает законов справедливости, можно свободно преследовать свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и даже целого клана. В этом случае отдельному человеку не требуется понимания интересов общества. Он преследует лишь собственную выгоду и невидимой рукой направляется к цели, причем, общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это. Он и не делает вид, будто ведет торговлю ради блага общества.²

Теория «невидимой руки» отражает характер реальных рыночных отношений, которым генетически свойственно естественным образом регулировать в интересах общества товарное производство, когда оно проходило младенческий период перехода от натурального феодального производства. Иными словами, при переходе от феодализма капиталистические рыночные отношения на основе частной капиталистической собственности спонтанно, естественным образом пробивают себе путь, убедительно демонстрируя громадные преимущества перед феодальными отношениями собственности и натуральным хозяйством.

Принципиально иначе «появляется» на историческую арену переход «к рынку», т.е. к капиталистическому товарному производству от социалистического планомерно-организованного хозяйства Советского Союза, представляющего гигантский единый народнохозяйственный комплекс. Можно ли отождествлять это хозяйство с феодальным, по сравнению с которым рыночная экономика обладает бесспорными преимуществами, а потому переход к ней является таким же естественным, как это мы видим при переходе её от феодализма?

По этому вопросу американские экономисты писали следующее: «В течение 1928-1940 гг. среднегодовые темпы роста ВВП в Советском Союзе составили примерно 6%. Это был период Великой депрессии. Поэтому в течение первых 10 лет функционирования планового хозяйства экономический рост в Советском Союзе обладал очевидным превосходством по сравнению с показателями США. Вторая Мировая война принесла Советскому Союзу колоссальные разрушения, но, тем не менее, к 1948 г. выпуск продукции вновь достиг предвоенного уровня».³

Американцы отмечают далее: «В течение большей части послевоенного периода темпы экономического роста в Советском Союзе были выше, чем в Соединенных Штатах... Рост советского ВВП по сравнению с ВВП США был выше в период, начиная с 1955 г.; в 1985 г. он составлял приблизительно 63% уровня США»⁴. И далее: «Не подлежит сомнению, что после 1928 г. система централизованного планирования смогла обеспечить более высокие темпы роста экономики, чем это было бы возможно в случае отсутствия этой системы».⁵

Наконец, американцы отмечают: «В Советском Союзе доходы распределены более равномерно, чем в США... сегодня он обеспечивает всех своих граждан предметами первой жизненной необходимости: продуктами питания,

образованием, медицинской помощью и жильем. В период после 1928 г. экономика СССР развивалась быстрыми темпами. В дальнейшем он стал одной из двух основных военных держав. И его экономика продолжала расти».⁶

Вместе с этим следовало бы отметить величайшие достижения социального прогресса советского общества: мир и дружба народов страны, личная безопасность жизни каждого и его семьи, устойчивость экономического положения, стабильность цен и постепенный, но неуклонный рост доходов, высокий уровень социальной защищенности и занятости всего населения, бесплатное образование, здравоохранение, жилье, копеечные затраты на лекарства, транспорт, почтовые расходы, доступность отдыха и лечения в санаториях, больницах, клиниках и т.п. Все это обеспечивалось общественной собственностью и плановой системой хозяйства на таком уровне, которого по ряду позиций не достигли развитые капиталистические страны.

Таким образом, переход от феодализма к рынку, т.е. к капитализму, несомненно, был прогрессивным движением вперед. Напротив, переход от социализма к капитализму, как показал 10-летний период рыночного реформирования советской экономики, оказался драматическим для всего человечества, попятным движением, сопровождавшимся перманентным разрушительным процессом.

Если переход от феодализма к капитализму протекал спонтанно в течение столетий как естественно-исторический процесс, то рыночное реформирование - по сути дела, реставрация капитализма - советской экономики осуществлялось реформаторами по монетаристской модели сознательно, с исторической точки зрения мгновенно. При переходе от феодализма буржуазная государственность сложилась как следствие завоевания буржуазией господствующих экономических позиций. И даже после буржуазных революций следовали реставрации феодальной монархической государственности и восстановление привилегий феодальной знати с последующим постепенным вытеснением её буржуазной элитой. Укрепление позиций и развитие капиталистического рыночного предпринимательства проходило под лозунгом свободы и невмешательства государства в «святая святых» рыночного хозяйствования.

Напротив, при переходе от социализма к рынку преобразование советской государственности в так называемую демократическую государственность предшествовало переходу, являясь важнейшей политической силой,

руководившей рыночными преобразованиями, поскольку сами реформаторы стояли у руля этой новой государственности. Именно новая государственность своим поспешным законодательством о собственности, рыночном предпринимательстве и занятости сформулировало внеэкономические принципы преобразования социалистической экономики в капиталистическую, закладывая правовой фундамент и «легитимность» осуществляемых преобразований. При переходе от феодализма буржуазия такой легитимностью не обладала. Приватизация и тотальная либерализация являлись претворением в жизнь законодательных государственных установлений, превращающих государственную общественную собственность в частно-капиталистическую, а планомерную организацию народного хозяйства - в систему конкурентных рыночных отношений, открывающих простор рыночному саморегулированию, действию «невидимой руки» рынка, о которой писал еще А. Смит.

Однако реформаторы не учитывали отличие генезиса частной капиталистической собственности, которая при переходе от феодализма спонтанно возникала рядом и около феодальной собственности в ходе исторического процесса первоначального накопления капитала. Она не выходила из феодальной собственности, не экспроприировала её, а, развивалась рядом, постепенно вытесняя её с господствующих экономических позиций.

Принципиально иначе «появляется на свет» капиталистическая частная собственность при переходе от социализма к рынку. Она возникает из недр общенародно-государственной собственности, фактически, за счет её экспроприации. Возникшая таким новым способом капиталистическая частная собственность не могла не нести на себе отпечаток рудиментов общенародной собственности и не повлиять соответствующим образом на новые капиталистические рыночные отношения.

Как отмечалось выше, при переходе от феодализма капиталистическая частная собственность проявила себя как динамичная, творческая сила развития производительных сил общества, невиданный расцвет промышленности, торговли и т.п., поскольку она не имела тех препятствий, с которыми новая постсоветская капиталистическая собственность столкнулась в условиях российских рыночных преобразований и которая никак не укладывалась в прокрустово ложе единого народнохозяйственного комплекса, в рамки гигантских обобществленных экономических структур, которые необходимо было дробить, фактически разрушать.

При переходе от феодализма содержание первоначального накопления капитала принципиально отличалось от тех условий, в которых происходило преобразование советской государственной собственности в различные формы частной собственности, формировались капитал и наемный труд. Нужно учитывать, что у истоков новой частной собственности, новорожденного капитала стоят фигуры государственного чиновника, прежнего советского хозяйственного и партийного руководителя. К этому нужно добавить криминализацию, теневые факторы, коррупцию и широко разветвленную организованную преступность. Роль и влияние этих факторов на новую частную собственность еще недостаточно исследована. Еще сильнее оказалось влияние на неё неокрепшей новой демократической государственности, недостаточно компетентной группой государственных руководителей-реформаторов.

Реформаторы считали, что возникшая в ходе преобразований новая частная собственность «поведет» себя так же динамично-прогрессивно, как вела себя частная капиталистическая собственность при переходе от феодализма к рынку, или как она ведет себя в современных развитых странах рыночной экономики. Увы! Этим надеждам не суждено было сбыться, и было бы поистине величайшим историческим чудом, если бы эти утопические надежды сбылись. Даже простому безграмотному обывателю ясно, что страна экономически, социально, интеллектуально была отброшена далеко назад.

Новейшими исследованиями российских рыночных реформ отечественными учеными установлено, что в ходе этих реформ частная собственность утвердилась в качестве господствующей формы, но в обществе не достигнуто равновесие экономических интересов, не обеспечена социально-экономическая стабильность, нет оснований считать эффективными преобразования отношений собственности, поскольку у новых частных собственников отсутствует главное – рациональное отношение к приватизированному имуществу, к повышению эффективности его использования.

Доходы от реализации частной собственности дифференцировались так, что возник широкий слой населения ниже черты бедности в сочетании с небольшой прослойкой олигархов. Возникшие в руках частных лиц огромные денежные богатства утрачивают связь с материальной природой экономики как системы жизнеобеспечения всего общества. Они приобретают свойство уходить из производства товаров и производственной инвестиционной

сферы в оффшорные зоны, не попадающие под национальное регулирование, и в зарубежные финансовые структуры, подальше от национального реального сектора экономики.

В итоге такого «поведения» новой частной собственности национальная экономика фундаментально деформировалась, расслоившись на два сектора: процветающий, доминирующий в экономике, финансово-«виртуальный», и хиреющий национальный реальный сектор.

Возникший на базе новой частной собственности новорожденный отечественный капитал тоже не оправдал надежд реформаторов. Заняв доминирующие позиции в экономике страны, он сосредоточил свои интересы на флюсообразном развитии финансово-посреднических структур, сырьевых и добывающих отраслях промышленности. В итоге произошла структурная деградация народного хозяйства, нарушена целостность системы и отраслевое равновесие промышленности, непредсказуемое реформаторами обвальное сокращение производства всех видов продукции потребительского и производственного назначения, поставившее под угрозу индустриальный уровень страны, достигнутый советской экономикой. Реальность этой угрозы стала еще очевиднее, поскольку усилилось массовое старение и износ основного капитала при отсутствии у новорожденного отечественного капитала должного стремления использовать имеющиеся экономические возможности его инвестиционно-инновационного обновления.

Не лучшим образом обстоят дела и с социальным аспектом деятельности отечественного предпринимательства, для которого чуждыми оказались такие сферы жизнедеятельности общества, как наука, образование, культура, спорт, здравоохранение. Исследованиями выявлены непредсказуемые реформаторами отрицательные сдвиги и деформации при формировании наемного труда, которых не было, когда формировался наемный труд при переходе к рынку от феодализма. Наше предпринимательство оказалось равнодушным к снижению социальной престижности труда и его оттоку из сфер, определяющих научно-технический и социальный прогресс общества из-за предельного снижения оплаты самого квалифицированного интеллектуального труда работников науки, образования, здравоохранения, культуры. Деформация системы оплаты труда, когда она годами задерживается миллионам трудящихся, – это явление неизвестно истории рыночной капиталистической экономики. Причем, самое удивительное состоит в том, что вооруженные монетаристскими идеями реформаторы, исповедующие «невидимую руку»

рынка как величайшее достижение человеческой цивилизации, всю ответственность за провалы этой «невидимой руки» и дремучесть новоявленного российского предпринимательства возлагают на новую демократическую государственность, которую они неумолимо отлучают от вмешательства в экономику. Козлом отпущения за «грехи» и абсолютную экономическую несостоятельность предпринимательства оказалась новая демократическая государственность.

Да, реформаторам удалось добиться преобразования общественной социалистической собственности в частную капиталистическую собственность и обеспечить ей господствующие позиции в экономике страны. Но не удалось добиться главного - той прогрессивности, животворности, рационализма, экономичности и динамичности, которой обладала частная капиталистическая собственность при переходе к рынку от феодальной системы натурального хозяйства. На деле, на свет появился чудовищный гибрид, мутант, обросший химерами криминализации, коррупции, теневыми наростами, беспощадно пожирающий все самое лучшее, что было создано до его возникновения.

Нельзя относиться к частной собственности догматически, однозначно. Истории известны различные формы частной собственности: рабовладельческая, феодальная, помещичья, капиталистическая. И в рамках каждого из этих видов есть внутривидовые различия, возникшие в зависимости от многообразных конкретных обстоятельств, переходных ступеней изменения и развития. Так, капиталистическая частная собственность неоднозначна, она изменялась и развивалась, принимая различные разновидности - это индивидуальная частная, акционерная частная, монополистическая, государственно-монополистическая, коллективно-монополистическая (корпоративная), транснациональная и т.д. и т.п., не считая бесчисленного множества переходных форм и состояний частной собственности. В свое время среди российских ученых дебатировалась проблема «плюрализма» собственности, выдвигалась идея о том, что каждая форма собственности имеет реальные основания, обладая различными свойствами и способами влияния на ход общественного развития и экономического роста. Однако общая историческая тенденция развития частной собственности состоит в её неотвратимой социализации до определенного предела, когда движение социализации перерастает рамки частной собственности, отрицая её и требуя возникновения собственности общественной, которая тоже возникает и развивается,

проявляясь различным образом.

Так, американское общество⁷ (США считается страной рыночной экономики), где более 11 тыс. фирм, на которых занято 12 млн. работников (12% рабочей силы страны) перешло в полную собственность или частичную их персонала, считает, что, наделяя рабочих акциями по программе ЭСОП, оно превращает их в капиталистов, а США - в страну демократического капитализма. В этой стране передового капитализма широкое распространение имеет совместная собственность наемных рабочих и хозяев, совместно владеющих результатами труда (доходами) на коллективно-частных (долевых) принципах. В 500 крупнейших промышленных корпорациях доля акций наемных работников составляет 27,2%, а в 100 самых крупных - 33%, например, в «Макконелл-Дуглас» - 32,6%, «Маккормик» - 26,3, «Проктер энд Гэмбл» - 24,5%. Ныне более чем в 70 странах мира законодательно закреплено право работников на участие в управлении производством, имуществом и прибылью предприятия.

Доморощенные российские реформаторы-монетаристы проигнорировали мировой опыт социализации частной капиталистической собственности, переходный характер её к коллективно-общественной собственности, не учли и не посчитались с российскими историческими традициями обобществления собственности. Внеэкономическими методами они повели курс на дробление социалистической собственности вопреки логике её исторического развития и в итоге произвели чудовищного монстра.

Не посчитались они и с логикой исторического развития товарной организации хозяйства. Действительно, навязывая стране монетаристскую модель рыночного реформирования плановой советской экономики, реформаторы исходили из классических положений о преимуществах рыночного хозяйства перед феодальной системой хозяйства, плодотворности «невидимой руки» рынка, той динамичности развития капиталистической рыночной экономики, которая придавалась ей отношениями свободной конкуренции.

Но уже у классиков политической экономии, особенно в «Капитале» К. Маркса показано, что с возникновением и развитием многоотраслевого капиталистического хозяйства, возникшие новые отношения межотраслевой конкуренции модифицируют действие закона стоимости в закон цены производства, рыночная цена колеблется уже не вокруг стоимости, а около её модификата - цены производства. Т.е. уже на

этой стадии развития товарной организации хозяйства ослабляется связь ценообразования с затратами трудовых и материальных ресурсов и принудительными законами конкуренции (межотраслевой), навязывается перераспределение ресурсов и доходов в пользу более высокотехнологического производства. Бще более эта связь нарушается в монопольной цене, которая устанавливается уже не спонтанно «невидимой рукой», а вполне видимой, сознательно, и используется рыночной монополией как рычаг перераспределения ресурсов в свою пользу диктатом несовершенной, монополистической конкуренции. Объективно пробивает себе путь необходимость концентрации ресурсов для решения крупных проблем общественного развития. И уже не рынок своей «невидимой рукой» регулирует экономику, как это было на заре капитализма в условиях свободной («совершенной») конкуренции, а крупные экономические структуры (КЭС), монополистические гиганты диктатом цен навязывают свою волю обществу, перетягивая ресурсы и претворяя в жизнь свои экономические (и не только экономические) интересы. Соответственно, возникли теории «несовершенной» и монополистической конкуренции, которые представляют собой попытку объяснить природу кардинальных изменений в системе конкурентных отношений. Так или иначе, а в экономической науке уже давно обосновано положение о том, что современный капитализм развитых индустриальных стран есть монополистический и государственно-монополистический капитализм, что экономически основное изменение в системе капиталистических рыночных отношений состоит в смене свободной конкуренции господством монополий, что монополия стоит над конкуренцией и что, если можно говорить о современной конкуренции, то это уже не та свободная конкуренция далеких добрых времен раннего капитализма, а модифицированный её рудимент, никак не исполняющий прежней регулирующей экономику роли. Настало время, когда в экономике капиталистических стран и в международных экономических отношениях задают тон гигантские транснациональные корпорации (ТНК) и международные конгломераты, исполинские финансовые структуры; мир все более втягивается в процесс так называемой глобализации, по различным направлениям развиваются интеграционные международные процессы и т.п. Бывший когда-то свободным рынок с его свободой предпринимательства, свободой колебания цен, свободной конкуренцией, свободой перелива капиталов между

отраслями, регионами, странами, интеграционными международными структурами, этот рынок радикально деформирован, поработен экономическими гигантами и используется ими в качестве инструментария претворения в жизнь их интересов. Конкуренции, как таковой в её прежнем экономическом значении, даже в её прежней ипостаси как «несовершенной», «монополистической», - такой конкуренции уже нет, если не считать некоторых ублюдочных форм её проявления на уровне «челноков», где даже ценовые факторы конкуренции уже не срабатывают. Конкуренцию заменило ожесточенное, бесчеловечное соперничество с применением наглого обмана, мошенничества, силовых методов расправы, шантаж, организованной преступности, физического уничтожения, коррупции, мафиозного сговора, правового беспредела, политического давления, морального втапывания в грязь средствами массовой информации вплоть до применения военной силы на мировой арене, где сталкиваются экономические гиганты.

По поводу рыночных деформаций известный американский ученый-экономист Дж. Гэлбрейт еще в 60-е гг. XX в, высказался следующим образом: «Рынок не только не является контролирующей силой в экономике, но все более приспосабливается к нуждам и потребностям хозяйственных организаций».⁸

Как известно, действенность рынка в его классическом варианте проявляется посредством цены, её регулирующего значения, выражающего движение стоимости реально производимых товаров, реальных затрат трудовых и материальных ресурсов. В этом состоит органическая связь рыночного ценообразования в его денежном выражении с производственными затратами и движением производительности труда. Так было характерно для условий свободной конкуренции. По замыслу реформаторов так должно было получиться при переходе советской экономики к рынку. Однако анализ ценообразования в реформируемой российской экономике показывает, что цена утрачивает связь с затратами ресурсов, с производственными затратами, издержками предприятий. Соответственно, ослабляется связь величины денежных доходов фирм, предприятий, корпораций, естественных монополий, и, в особенности, трудовых доходов огромной массы наемных работников с трудовыми и материальными затратами на производство товаров и услуг. Ослабляется рыночное действие закона спроса и предложения, когда цены товаров определяются не этим рыночным законом, а давлением политических сил, диктатом различного рода монополий, многоэтажным накручиванием цен

коммерческо-посредническими структурами, играми финансовых магнатов и т.п.

Это хорошо видно по изменениям цен на энергоносители на внутреннем российском и на мировом рынке, по проведению правительством политики денежного сжатия, когда коэффициент монетизации⁹ в стране достигал 12,5% (при норме в развитых странах 60-70%), годами задерживалась зарплата миллионам трудящихся, а удельный вес бартерных сделок в общем товарообороте страны достигал 70-80%.

Несмотря на это, при падении платежеспособного спроса, цены продолжали расти, периодически взлетая скачками, так называемыми «дефолтами», инфляционными рывками, опустошая карманы потребителей. При таком направлении развития рыночно-денежных отношений отодвигается в тень трудовая, ресурсная основа ценообразования, которая приобретает четко выраженный инфляционный характер. Фактически цены утратили свое классическое свойство колебаться вокруг стоимости товаров, снижающейся под влиянием роста производительности труда.

В реформируемой российской экономике цены приобрели свойство неумолимого инфляционного роста. Потребители (а производители тоже являются представителями производственного потребления) знают только одно, что нужно ожидать не только неотвратимого роста, но и очередного скачка цен. И нет никакой надежды на снижение цен, если не считать сезонных микроскопических понижений, которые затем с лихвой перекрываются очередными скачками. Из этого обстоятельства пора сделать вывод о деформации ценообразования, его перерождении, суть которого состоит в том, что оно из инструмента регулирования ресурсных затрат превратилось в инструмент перетягивания ресурсов от наемного труда (в конечном счете) в пользу частной собственности владельцев крупных экономических структур и коррумпированного чиновничества. Этим объясняется деформация рынка труда, прежде всего, через деформирование цены труда и всего трудового мотивационного механизма, формирование такого уровня оплаты труда, который недостаточен даже для обеспечения прожиточного минимума» соответственно, никак не стимулирующего трудовую активность населения страны. Денежная форма оплаты труда утратила связь с затратами трудового ресурса наемного работника за счет изъятия большей части этого ресурса через деформированный механизм ценообразования в пользу монополии частной собственности,

коррумпированного чиновничества и теневых мафиозных структур.

Одним из рычагов ценового изъятия трудового ресурса наемного труда в условиях реформирования российской экономики стала валютная монополия и агрессия американского доллара. Серьезным фактором неустойчивости экономики России при переходе к рынку служит интервенция доллара, российский рубль оказался привязанным к американскому доллару, искусственно завышенный курс которого по отношению к рублю служит мощным каналом изъятия ресурсов экономики России, подпитывающим деловую активность США и других стран «золотого миллиарда». Соединенным Штатам достаточно произвести бумажные знаки, чтобы приобрести реальные товары и опутать долговой зависимостью все постсоветское пространство и прежде всего Россию. За полстолетия вне США скопилось 300-400 трлн. бумажных долларов, тогда как всемирный валовой внутренний продукт составляет всего лишь около 40 трлн. долларов.

Мировая финансовая пирамида растет, возрастает объем в обращении «мыльных пузырей» оторванных от реальной экономики, а спекулятивные операции финансовых структур приводят к системным кризисам национальных валют и их девальвации, о чем свидетельствует успешная операция против российского рубля в августе 1998 г. Система российского, так называемого ценообразования, посаженная на долларовую иглу, рухнула, российский рынок труда, еще не сложившийся, был деформирован августовским «дефолтом», и без того дешевый российский наемный труд скачкообразно обесценился в сочетании со скачкообразным ростом безработицы. Все это лишний раз подтверждает вывод о том, что цена, как денежное выражение стоимости товаров, утратила свое прежнее значение и стала рычагом перетягивания ресурсов от наемного труда к монополистическим структурам российской экономики, а в более широком плане, на уровне международных экономических отношений - рычагом изъятия ресурсов российской экономики в пользу стран «золотого миллиарда».

Реформаторы-монетаристы продемонстрировали полное непонимание утопичности своих программ рыночных преобразований российской экономики и не предвидели катастрофических последствий своих, так называемых «реформ». Ибо реформа по своей сути всегда проводится в интересах совершенствования системы, улучшения жизни людей, в интересах процветания, а не удушения общества. Методологический

подход реформаторов оказался насквозь догматическим, с заскорузлыми метафизическими представлениями о вечности и неизменности рыночного саморегулирования, незыблемости «невидимой руки» рынка.

Сопоставление переходов к «рынку» от феодализма и от социализма показывает, что частная капиталистическая собственность и товарная организация хозяйства «ведут себя» принципиально различным образом в условиях этих двух типов переходов. И это естественно, ибо частная собственность и организация хозяйства «не стоят на месте»; они изменяются и развиваются таким образом, что по законам развития постепенно, утрачивая ресурс жизнеспособности, изживают себя, уступая место более высоким по уровню развитым формам собственности и организации хозяйства. Мировой опыт современного состояния частной собственности и рыночного хозяйства неопровержимо свидетельствует об отмирании частной капиталистической собственности и товарной организации хозяйства, т.е. так называемой «рыночной экономики». Уже нет рыночной экономики, как таковой, а есть смешанная экономика, социальная рыночная экономика, социалистическая экономика, в рамках которых рыночные отношения модифицированы и деформированы неотвратимым процессом социализации.

Как историческая тенденция, социализация представляет собой исторический процесс постепенного вытеснения индивидуального, частного начала в экономике общества началом коллективным, общественным. Это вытеснение не происходит безболезненно. Поскольку социализация - процесс прогрессивный как способ решения обществом назревших задач, то неизбежно его столкновение с консервативными, реакционными силами общества. В экономической науке ностальгия по «старым добрым временам» получила название «экономического романтизма». В свое время Спеминди нападал на крупное машинное производство и возводил в апофеоз мелкого производителя, особенно крестьянство, т.е. более крупную частную капиталистическую собственность, как более развитую, противопоставляя мелкой частной собственности, зачаточной форме крупной собственности, призывая вернуться к ней. Истории известно много примеров и попыток отказа от передовых

достижений человечества, даже повернуть ход истории назад, например, когда после буржуазных революций происходила реставрация феодализма, восстанавливался монархический строй, и реанимировались дворянские аристократические привилегии.

В России мы наблюдаем наихудшие варианты этих попятных движений, ввергающие народы в неслыханные бедствия, а экономику - в немыслимые разрушения. Консервативные силы в России имеют сложную иерархию: одни стремятся реставрировать капитализм, считая это движением вперед; другие идут в своих устремлениях еще дальше - им хочется вернуть царя-батюшку и возродить дворянские привилегии. Какие еще неизвестные нам народные бедствия и экономические катаклизмы получит российское общество, если осуществляются стремления монархистов вслед за монетаристами, ведущими Россию «к рынку» - это пока никому неизвестно. Несомненно лишь одно - очередным разрушительным силам будет открыта следующая зеленая улица. И это естественно, ибо движение вспять всегда есть движение разрушительное, поскольку оно противодействует решению человечеством задач, поставленных ему ходом истории, задачам неотвратимой социализации как способу выживания в этом мире, альтернативы которому нет.

Примечания

- 1 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.4. С. 426-429.
- 2 См. Майбурд Ч.М. Введение в историю экономической мысли. М., 1996. С. 180.
- 3 Фишер С., Дорибуш Р., Шмалензи Р. Экономика. М., 1995. С.760.
- 4 Там же. С. 761-762.
- 5 Там же. С. 763.
- 6 Там же. С. 761,763.
- 7 См. Филякин Ю.П. Теоретические проблемы становления социально-ориентированной экономики: опыт России. М., 2000. С. 81.
- 8 Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 31.
- 9 Отношение денежной массы в обращении к стоимости валового внутреннего продукта страны.

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК КОНСОЛИДИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Одним из важнейших социальных обязательств современного государства является социальная поддержка и социальная защита населения, что требует эффективного регулирования отношений между обществом и социальными правами личности: правом на жизнь, на труд, на отдых, на охрану здоровья, на образование. Государство, осуществляя социально-ориентированную политику, должно гарантировать своим гражданам право на получение части национальных доходов и финансирование экономически уязвимой часть граждан с целью оказания им помощи и обеспечения достойного уровня жизни, медицинского обслуживания, доступности образования, культуры. Соответственно, социальная поддержка и защита - это и совокупность правовых норм, регулирующих определенную сферу общественных отношений, и регулирование распределительных отношений, связанных с денежной формой обеспечения (пенсии, пособия и т.д.), и предоставление различных услуг (социальное обслуживание престарелых, нетрудоспособных, семей с детьми, безработных), и забота о детях, пожилых, инвалидах и других гражданах, оказавшихся социально незащищенными.

Поскольку исполнение социальных обязательств государства зависит, в первую очередь, от динамики производительности труда, а их объем отражает экономическое, политическое, социальное и культурное развитие общества и предопределяет его развитие в перспективе, то рост объема социальных гарантий, социальное благополучие невозможны вне эффективных рыночной экономики и социальной политики. Причем последняя представляет собой проведение социальных реформ и принятие государством социальных обязательств в пользу не одной или нескольких социальных групп (классов), имеющих самые разные интересы, а в интересах общества в целом (с учетом исторических обстоятельств, имеющихся организационных и пропагандистских возможностей, финансовых ресурсов).¹

дарства обеспечивается системой таких значимых институтов как: общественно поддерживаемая социальная доктрина (сформулированная в официальных программных документах); конституционные и законодательные установления и конкретизирующие их нормативные подзаконные акты по группам и отдельным социальным обязательствам государства; институциональная структура и механизм организации, мониторинга и контроля исполнения социальных обязательств государства; и т.п.).² Вместе с тем, поскольку все социальные группы и классы имеют разные интересы, то цивилизованная форма политических взаимоотношений в обществе может быть восстановлена именно посредством организации эффективного взаимодействия различных социальных групп и их политических представителей (причем достижение взаимопонимания между ними вырабатывается многими годами бескомпромиссной борьбы).

Так, на сегодняшний день одной из действенных форм вышеуказанного взаимодействия является социальное партнерство, отражающее принцип и практику трехсторонних консультаций с целью выработки компромиссного трехстороннего соглашения объединения профсоюзов, объединения предпринимателей и представителей государства. При этом социальное партнерство выполняет консолидирующую функцию социальной политики, представляет собой один из принципов, при котором политика доходов, цен, налогового обложения, социальной защиты и занятости проводятся государством, профсоюзами, работодателями и товаропроизводителями в интересах гармонизации общества и развития рыночной экономики.

Необходимо учитывать, что рыночная экономика, которая основана на экономической свободе хозяйствующих субъектов независимо от формы собственности их экономического привлечения к рациональному хозяйствованию, в значительной степени позволяет обществу реализовать сильные стороны товарного производства и рынка в интересах социально -

экономического прогресса. Она создает оптимальную (хотя и не абсолютную в экономическом и социальном плане) систему привлечения к эффективному, инициативному и ответственному экономическому поведению. В рыночной экономике последнее если и навязывается, то, прежде всего экономическими методами, а люди и социальные группы ориентируются на собственные интересы и силы, и за негативные последствия хозяйственной деятельности сами же и отвечают. Однако обеспечить более достойный жизненный уровень всем членам общества без перехода к социально ориентированному рынку, как признает сейчас большинство экономистов и практиков, невозможно. Данный переход, по большей части, и есть реализация социальной политики, которая решает целый ряд актуальных проблем, как-то: реализует систему мер, направленную на социальную защиту населения, особенно той его части, которая получает низкие доходы; обеспечивает экономическую равноправность различным формам собственности и хозяйствования; поддерживает финансово-кредитную и денежную инфраструктуры, предотвращает возникновение инфляционных процессов; демополизирует сферу обращения, кредитного обслуживания предприятий и населения; и т.д.

Как демонстрирует мировой опыт, государство может проводить активную или пассивную социальную политику. Активная социальная политика - это «полноценная социальная политика, при которой государство в полном объеме выполняет свои конституционные функции по обеспечению прав, свобод и обязанностей граждан в социальной сфере». Институционально активную социальную политику характеризует наличие выработанной совместно с другими субъектами гражданского общества стратегии и приоритетов этой политики, а также осуществление практической работы по реализации намеченных планов. В свою очередь, пассивная социальная политика характеризуется отсутствием реальных дел по исполнению социальных обязательств государства, невыполнением своих конституционно обязательных функций.

Следует также подчеркнуть и то обстоятельство, что на сегодняшний день определенная часть научного и политико-экономического сообщества придерживается точки зрения, согласно которой финансирование социальных затрат и весь механизм организации исполнения социальных обязательств государства представляет собой ничто иное, как определенную уступку политическим требованиям левых движений и домогательствам неудачников, не сумевших

вписаться в рыночную экономику. Среди данной группы специалистов немало и таких, которые с позиции экономической составляющей, выступают против государственного перераспределения доходов в пользу бедных и признают необходимость этих мер только по давлению политических соображений. Они аргументируют свою позицию тем, что перераспределение доходов в пользу неимущих минимизирует и даже ликвидирует стимулы к производительному и интенсивному труду как у тех, кто получает помощь, так и у тех, за счет кого эта помощь предоставляется: первые утрачивают стимулы к самостоятельному выходу из бедственного положения, вторые теряют мотивацию к тому, чтобы добиваться высших результатов (другими словами, и в том и другом случае, при прочих равных условиях, имеет место значительный ущерб росту эффективности производства).

Минимальные социальные стандарты, принятые в обществе, играют важнейшую роль и в процессе регулирования доходов вообще и заработную плату трудящихся, в частности (поскольку оплата труда является важнейшим фактором, определяющим ликвидность товаров и услуг, а проблемы, возникающие в области оплаты труда, принято относить как к социальной, так и к экономической политике). Так, если внутрифирменная организация заработной платы на предприятии, в организации является их внутренним делом, то в рамках общества государство осуществляет активное воздействие на ее уровень, поскольку политика доходов является социальной функцией государства. В результате экономическая политика государства оказывает решающее воздействие и на внутренние дела отдельных предприятий. Если же государство повышает в социальных целях минимальный размер платы труда, то этот факт может обусловить более производительную работу предприятий и фирм, способствуя тем самым достижению основных коммерческих целей предприятия. Для сохранения позиций предприятия вынуждены повышать эффективность с тем, чтобы соответственно увеличить реальный размер предпринимательского дохода. Выбор этого варианта предопределяется тем, что в зависимости от уровня конкуренции на рынке повышение цен на нем далеко не всегда возможно, и как бы предприниматели не стремились сохранить неизменным или изменить в свою пользу характер функционального распределения дохода, некоторое время приходится идти в ногу с социальной политикой государства. Речь идет о перераспределении дохода соответственно

факторам производства между их владельцами, в частности, о пропорциях, в которых доход распределяется между трудом и капиталом. Вместе с тем, следует учитывать и мнение некоторых экономистов, утверждающих, что повышение законодательно устанавливаемого минимума заработной платы может вызывать сокращение рабочих мест для низкооплачиваемых, мало-квалифицированных рабочих (иными словами, элемент, казалось бы, социальной политики на деле превращается в существенный фактор воздействия на состояние занятости, эффективности производства и экономической политики в целом).³

В ст.7 Конституции РФ зафиксировано: «Российская Федерация - социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». При этом далее уточняется перечень основных социальных обязательств государства перед своими гражданами: «охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты».⁴ Далее, в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина», этот укрупненный перечень многократно дробится и конкретизируется.

Однако, как отмечают многие специалисты, Конституция РФ и ее положения не раскрывая содержание таких понятий, как «регулирование», «установление основ» или «общие вопросы», и, вполне определенно, переадресовывает подразумеваемые под ними организацию и непосредственное исполнение социальных обязательств государства из ведения самой Российской Федерации к ее субъектам и к органам местного самоуправления, которые, согласно ст.130,132, отвечают за все «вопросы местного значения», в том числе за содержание детских садов и больниц, жилья и школ, и т.п.⁵ В то же время, коллизией является то обстоятельство, что органы местной власти не могут отвечать за вопросы местного значения в полной мере, поскольку в декабре 1991г., специальным постановлением Верховного Совета РФ собственность была разграничена таким образом, что объектами муниципальной ее формы стали жилой и нежилой фонды, учреждения здравоохранения, образования и другие социальные объекты, однако не все, а лишь находящиеся в управлении местных

властей. Иными словами, устанавливалось, что, например, больница может быть и федеральной, и республиканской (областной, краевой, окружной), и муниципальной. Наряду с положениями, прямо относящимися к полномочиям «центра» в социальной сфере, Конституция РФ содержит ряд норм, присущих унитарному государству, позволяющих определять государственную социальную политику: ценовая политика, рычаги воздействия на политику доходов и расходов населения, федеральные налоги и сборы, федеральные фонды регионального развития, финансовые основы реализации социальной политики на федеральном и региональном уровнях.

Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что в настоящее время в России существует более 1000 видов социальной поддержки населения за счет бюджетных средств (только на федеральном уровне установлено 156 видов выплат, льгот, пособий и дотаций для 256 категорий населения, но лишь только два пособия из них предполагают проверку нуждаемости, остальные же предназначены для различных социальных групп без учета их имущественного положения). Если же учесть, что количество граждан, имеющих право на те или иные социальные льготы и выплаты, достигает 68 % всего населения, или около 100 миллионов, то получается, что значительная, если не основная, часть социальной помощи распределяется фактически в пользу достаточно обеспеченных семей, и только около 25% этой помощи попадает к тем, кто действительно в ней нуждается.⁶

По мнению многих экспертов, такого значительного перечня социальных обязательств государства нет ни в одной из конституций зарубежных стран, кроме бывшего СССР. К тому же, если социальных обязательств в стране стало больше, то средств, выделяемых на их реализацию стало значительно меньше, чем во многих зарубежных странах. Именно поэтому сегодня многие российские политические деятели ставят вопрос о переоценке смысла, форм и механизмов нынешней социальной политики России и о возвращении к тому, что составляет сущность социальных отношений каждого общества, - к феномену бесспорных социальных обязательств государства перед обществом.

Так, например, важную роль в программах повышения уровня и качества жизни населения играет улучшение жилищных условий, формирование и развитие рынка жилья. Но сегодня порядок предоставления бесплатного жилья по существу перестал существовать (при нынешнем же уровне доходов подавляющему большинству

населения улучшение жилищных условий за счет собственных средств пока недоступно).

По качеству и объему предоставляемых социальных услуг российская экономика, несмотря на то, что представители большого бизнеса признали ее рыночной, в действительности может быть отнесена к переходной. Поэтому и социальная политика, проводимая государством, является переходной, не исключающей борьбы за перемены во всех ключевых областях формирования социального положения населения, за степень эксплуатации, за сохранение или повышение уровня жизни и уровня социальной защищенности, за лучшие условия труда, за доступ к политической власти, за передел собственности. При этом решение основных социальных вопросов становится центральным пунктом влияния на социальную политику, и, как бы не стремились некоторые идеологи и политики максимально дистанцировать государство от решения социальных проблем, преложив их на граждан, полностью увести его от выполнения социальных функций и обязательств оказывается невозможно. Этим и объясняется незавершенность конструкции российской социальной политики, ее неопределенность, когда одновременно с желанием разгосударствления социальной политики в Конституцию РФ были внесены положения о социальном государстве и обещана так называемая сильная социальная политика.

Как справедливо подчеркивают многие специалисты, в настоящее время образовался определенный информационный вакуум и «дефицит разъяснений» по поводу проведения конкретных направлений государственной социальной политики. Между тем, общая линия курса достаточно хорошо просматривается в ежегодных обращениях Президента РФ к Федеральному Собранию РФ⁷ (в частности, за сдержанной немногословностью и скупой аргументацией достаточно четко видна известная концептуальная установка современных «реформаторов» - переход от содержащейся в ст.7 Конституции РФ формулы «социального» государства к пока неконституционной формуле «субсидиарного» государства, которое будет обеспечивать социальные гарантии в той мере, в которой общество не может этого сделать самостоятельно⁸). Так, если в условиях социалистического общества государство гарантировало социальные блага, возводя их в ранг права: право на труд, на образование, на бесплатное медицинское обслуживание, на жилище и т.д., т.е. существовали социальные гарантии, то на определенном этапе, в ходе рыночных реформ социальные гарантии

превратились в социальную защиту, (даже было образовано Министерство социальной защиты). Сегодня же общество в социальном плане опускается еще на одну ступень ниже, когда правительство, в лице самых высоких государственных чиновников, упраздняет положение о социальной защите и вводит новую более низкую планку социального обслуживания своих граждан. При этом утверждение в качестве основы социальной политики «принципа субсидиарности» означает, по существу, ничто иное, как «яростное наступление» государства на права граждан и на основы Конституции РФ: ведь принципиальное различие «социального» и «субсидиарного» государства заключается в том, что первое провозглашает в качестве одной из главных своих целей претворение в обществе идей социальной защиты и социальной справедливости, обеспечения всем его членам возможности «реализовать свое индивидуальное благосостояние в рамках установленных правовых и моральных границ», посредством «государственной корректировки первоначального распределения доходов и имущества»,⁴⁰ а второе не озадачивает себя подобными целями и в максимальной мере уходит от регулирования социально-экономических процессов, руководствуясь правилом: «помогать не всем, кого жалко, а только самым бедным».⁹

Более того, именно отличительной чертой постепенного отказа российского руководства от политики социального государства является уход от решения социальных задач во имя какой-то, якобы, «чистой рыночной идеи», которая, возможно, будет служить некоему «частному интересу». И это притом, что всем хорошо известно и всеми признается актуальность знаменитого высказывания выдающегося реформатора германской экономики Л.Эрхарда: «...Частные интересы могут быть оправданы лишь тогда, когда они одновременно служат так же интересам общества».¹⁰

Примечания

- 1 Ракитский Б.В. Социальная рыночная экономика и социальная политика // Государственное регулирование рыночной экономики / Под общ. ред. Кушлина В.И., Волгина Н.А. М., 2000. С.573-586; и др.
- 2 Резников Л. Еще несколько мыслей о «Новом старом» реформационном курсе // Российский экономический журнал. 2001. №7. С.3-11.
- 3 Левашов В.И. Социальная политика доходов и заработной платы. - М., 2000. С. 196-197; и др.

- 4 Конституция Российской Федерации //Новый сборник законов Российской Федерации. М., 2001. С. 7-8.
- 5 Лексин В., Швецов А. Общероссийские реформы и реальное развитие. Статья 5. Распределение социальных обязательств государства между федеральным и региональным и местным уровнями //Российский экономический журнал. 2001. №2. С. 36-52.
- 6 Обзор экономической политики в России за 1999 год / Фонд бюро экономического анализа. - М., 2000. С. 99, 330, 337, 343; Мисихина С. Социальные выплаты и льготы в Российской Федерации: Распределение по группам с различным уровнем дохода //Вопросы экономики. 1999. №2. С. 85-89.
- 7 Путин В.В. России надо быть сильной и конкурентоспособной. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2002. 19 апреля. С. 4-7; и др.
- 8 Стратегия экономического развития России. По материалам общероссийской дискуссии, проведенной Комитетом Государственной Думы по экономической политике и предпринимательству, Отделением экономики РАН, Российским торгово-финансовым союзом и Российским экономическим журналом //Российский экономический журнал. 2000. № 7. С. 30; и др.
- 9 Ламперт Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь. М., 1994. С. 67-69.
- 10 Эрхард Л. Благосостояние для всех. М., 1991. С. 132.

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Сегодня Россия находится в сложном периоде рыночной трансформации. Наша страна достигла значительных успехов в демократическом строительстве, в формировании цивилизованного рынка. Однако еще очень многое предстоит сделать, и задача отечественного образования заключается в том, чтобы помочь пройти этот переходный период быстро, грамотно, эффективно.¹ В этой связи, российские граждане должны получать такие знания, которые нужны им не только сегодня, но и в будущей жизни.

Несмотря на негативные тенденции, российская система образования по-прежнему остается одной из самых эффективных. Ее положительный опыт перенимается во многих странах. Высоко котируется и имеет большой международный авторитет наше высшее образование.²

По нашему мнению, кризиса образования ни в Советском Союзе, ни в России не было и нет. Кризис образовательной системы означает преподавание в искаженном виде законов гуманитарных и естественных наук, признанных человеческим сообществом. Этим российская образовательная система не страдает. Причина всех существующих неурядиц с образованием в целом и высшей школой России в частности заключается в отсутствии взвешенной государ-

ственной политики, как в экономике, так и в этой сфере. Между тем, практика реформ, анализ ее недостатков показывает, что огромное значение в обеспечении более эффективного, последовательного реформирования имело бы усиление централизованного регулирования этих процессов.

Прежде всего, это объясняется возрастанием в переходной экономике роли субъективного фактора. Плановой экономике было присуще сверхцентрализованное государственное управление, слом которого в первый момент породил своеобразный вакуум, потерю управляемости хозяйством в масштабах огромной российской экономики. Поэтому, усиление роли государства понимается автором не в смысле восстановления прежних гипертрофированных функций, а в смысле овладения сложившейся ситуацией распада и хаоса, преодоления ее и осуществления руководства экономикой на новых принципах.

Следует признать, что с переходом к рынку система высшего образования России не только сохранила, но и, по крайней мере, количественно увеличила свой потенциал (см. таблицу 1.3.). При этом рост показателей в сфере высшего образования происходит на фоне снижения численности населения страны.³

В целом за годы реформ удалось обеспечить основной конституционный принцип - сохранение

Таблица 1.

Основные показатели высшей школы России в 1990-2002 гг.⁴

Показатель	Год								
	1990	1995	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Число студентов в высшей школе, человек	2324	2855	2302	2048	2247	2123	4270	4797	5223
Число студентов в высшей школе, человек (в % к 1990 г.)	-	123	99	88	97	93	185	207	225
Число студентов в высшей школе, человек (в % к 1990 г.)	-	123	99	88	97	93	185	207	225
Число студентов в высшей школе, человек (в % к 1990 г.)	-	123	99	88	97	93	185	207	225
Число студентов в высшей школе, человек (в % к 1990 г.)	-	123	99	88	97	93	185	207	225

доступа к бесплатному высшему образованию на конкурсной основе, сохранить сеть государственных вузов, профессорско-преподавательский состав, развить сеть негосударственных вузов. В то же время реформы сдерживались из-за сокращения реальных объемов финансирования отрасли.

Значимость вклада высшей школы в реформирование общества подтверждается мировым опытом. Он показывает, что все страны, успешно преодолевшие переход к современным рыночным отношениям, рассматривали сферу высшего образования как приоритетную и исходили из этого в своей инвестиционной политике. Для уяснения природы и движущих сил развития высшего образования в постиндустриальных странах необходимо выделить общие факторы социально-экономического и научно-технического характера, предопределяющие его быстрый количественный и качественный рост. К таким факторам следует отнести:

1. Устойчивое развитие экономики, стремительный рост наукоемких производств, что обеспечивается персоналом, большую часть которого составляют лица с высшим или специальным образованием.

2. Приоритетность государственной образовательной политики. Глубокое понимание обществом и политической элитой в постиндустриальных странах того, что успешное развитие высшего образования является одним из важнейших факторов повышения национальной безопасности и благосостояния страны, благополучия каждого гражданина.

3. Интенсивный рост объема научно-технической информации, быстрая смена технологий и приоритетное внедрение наукоемких технологий.⁵

4. Постоянный и устойчивый рост производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве, ведущий к уменьшению доли населения, занятого непосредственно в материальном производстве, и увеличению числа лиц, занятых интеллектуальным трудом и работой в сфере услуг.

5. Развитие мощных внешних средств программно-мыслительной деятельности, ведущее к автоматизации и увеличению производительности умственного труда.

6. Повышение благосостояния и доходов населения, способствующее росту платежеспособного спроса на образовательные услуги, постепенному смещению центра тяжести инвестиционной финансовой нагрузки от государства к частному сектору.

Отмеченные социально-экономические и научно-технические факторы способствуют ускоренному формированию потребности в образовании во всех слоях российского общества. Это выражается в увеличении количества вузов различных форм собственности, в росте числа студентов, которые сами оплачивают свое образование, в росте конкуренции между вузами. При этом российские организации и предприятия испытывают колоссальный дефицит профессионалов. Некоторые из них периодически вынуждены импортировать квалифицированные кадры из-за границы.

В этой связи представляет существенный интерес рассмотрение негосударственного сегмента высшего образования России. Многие негосударственные вузы являются «инновационными площадками для всей системы образования. Они оперативно реагируют на изменение требований рынка специалистов, привносят новые, востребованные дисциплины, креативно адаптируют зарубежные технологии на российской образовательной почве».⁶ Кроме того, они формируют в образовательном пространстве конкурентную среду, создают дополнительные рабочие места и обеспечивают пополнение бюджета налоговыми поступлениями. Однако качество образования в большинстве негосударственных вузов остается достаточно низким.

Образовательный рынок по праву считается достаточно прибыльным, поэтому на нем идет жесткая конкурентная борьба. Это обуславливает необходимость повышения качества образовательных услуг, а оно, свою очередь, возможно только на основе использования современных экономических методов, которые должны быть дополнены соответствующими организационно-правовыми и информационными механизмами. Поэтому сегодня довольно остро ощущается потребность в научных разработках по обоснованию экономических и организационных основ повышения эффективности предпринимательской деятельности в исследуемой сфере.

Безусловно, высшая школа, являясь звеном единого хозяйственного комплекса, развивается в соответствии с внутренними закономерностями общества, с другой стороны, являясь подсистемой национального хозяйства, имеет самостоятельное значение и в конечном счете определяет уровень развития этого общества.

Созданная в Советском Союзе система образования была признана экспертами ЮНЕСКО уникальной, а отечественная высшая школа – одной из лучших в мире. Ученые и специалисты с советскими и российскими дипломами успешно

трудятся в зарубежных университетах, исследовательских центрах, на предприятиях⁷. Приходится констатировать, что сегодня отечественное образование переживает драматический период, от итогов которого зависит не только будущее страны, но и, возможно, ее существование как государства.

Между тем, автор считает, что переход России к рыночной экономике и демократии, необходимость новой парадигмы государства и интеграции в мировое сообщество, стоящее на пороге утверждения нового технологического уклада и образовательной революции, объективно требуют восстановить приоритетность образования, решить проблемы его качества и доступности.

Примечания

1 Путин В. Дело государственной важности //Высшее

образование в России. 2003. № 1. С. 5-10.

2 Кольчугина М. Образование и государство //Мировая экономика и международные отношения. 2001. №10. С. 75.

3 Российский статистический ежегодник. 2003: Стат.сб. / Госкомстат России. М., 2003. С. 28.

4 Составлено автором по: Российский статистический ежегодник. 2003: Стат.сб. /Госкомстат России. М., 2003. С. 209.

5 Кольчугина М. Образование и государство //Мировая экономика и международные отношения. 2001. №10. С. 76.

6 Жуков В.И. Высшая школа России: исторические и современные сюжеты. М., 2000. С. 75.

7 Кольчугина М. Образование и государство //Мировая экономика и международные отношения. 2001. №10. С. 77.

Алафаев А.А.

*кандидат исторических наук,
декан юридического факультета МГОУ*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ВОПРОС В РУССКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МЫСЛИ НА РУБЕЖЕ 70-80-ХХ ГОДОВ XIX ВЕКА

Вопрос о государственном строе был в пореформенную эпоху одной из коренных задач раскрепощения России. В период общего кризиса, возникшего в стране на рубеже 70-80-х гг. XIX в., вокруг него шла ожесточенная борьба трех общественно-политических лагерей. Если реакционеры откровенно выступали в роли «сторожевых псов» самодержавия, а революционеры боролись за его свержение, то либералы пытались, интенсивно разрабатывая реформы, подтолкнуть самодержавие на второй (после 1861 г.) шаг по пути мирной трансформации его в буржуазную конституционную монархию. Органом именно таких либералов являлся «Вестник Европы».¹ Солидарный с земским движением за реформы «внизу» и «вверху», - журнал пропагандировал широкую программу административных и политических реформ, указывая свой идеал государственного устройства и средства к его достижению. При этом либеральный орган, говоря о запретных темах эзоповским языком, осторожно и умело усыплял свирепую и бдительную царскую цензуру.

Программа реформ «вверху». Если о реформах «внизу» либеральные публицисты могли открыто, особенно в период «диктатуры сердца» гр. М.Т. Лорис-Меликова и сменившей ее «диктатуры улыбок» гр. Н.П. Игнатьева, говорить в печати, то о реформах «вверху» цензурный и полицейский гнет заставлял молчать. Но «Вестник Европы» — проповедник европейских порядков — упорно, хотя и очень осторожно, проводил между строк конституционные идеи, мечтая о политико-правовой модернизации полукрепостнического самодержавия в буржуазное, правовое государство.²

О своем идеале государственного строя и средствах достижения его «Вестник Европы» более откровенно высказывался в полемике с противниками справа и слева. При этом сами либералы, осуждая реакционеров и революцио-

неров, зачастую оставались, по выражению К.Д. Кавелина, «между двух огней».

В период нарастания второго демократического подъема революционное подполье клеймило либеральную оппозицию за аморфность, пассивность, двуличие и трусость. Пытаясь отразить нападки слева, Л.А. Полонский во Внутреннем обозрении, вырезанном цензурой из 1 кн. «Вестника Европы» 1879 г., объяснял и оправдывал политическую позицию и тактику либералов. Делая исторические экскурсы, он пропагандировал оптимальный, на его взгляд, вариант конституционного устройства России. Игнорируя или извращая историю крестьянских восстаний, дворцовых переворотов, называя движение декабристов «недоразумением» и принижая значение деятельности дворянских революционеров, он пытался доказать, что в России, идущей особым в отличие от Запада путем, нет революционных традиций и революционного народа и поэтому борьба против самодержавия беспочвенна и бесплодна. Более того, всякие революционные поползновения, имеющие сугубо подражательный, иноземно-западнический характер, вызывают со стороны правительства ответную реакцию и тогда страдают все: русское общество и народ, либералы и революционеры, а в итоге - дело прогресса.

Смысл русской «законности» или государственности, объяснял Л.А. Полонский, заключается в ее «односторонности», т.е. инициатива преобразований всегда исходила из одной стороны (власти), а другая, пассивная сторона (народ) только поддерживала центральную власть, изначально вручив ей свою судьбу. Их взаимоотношения строились на принципе взаимного доверия и помощи. Совсем по-иному пути шел Запад, где антагонистическая борьба между властью и народом заканчивалась рядом компромиссов, которые приобретали характер двустороннего, общественного договора. Отме-

тим, что такой действительно односторонний взгляд на якобы неантагонистическую сущность русской «законности» служил обоснованием и оправданием определенной пассивности позиции либералов. Не случайно нетерпеливые «новые мыслители» (революционеры-землевольты) упрекали их в том, что они «стоят и ждут подачек».

Далее либеральный публицист ставил риторический вопрос: какой путь гарантирует прочность политических преобразований - реформа или революция? Рассказывая о различных (мирных и революционных) путях к конституционному строю западноевропейских государств, Полонский выражал все свои симпатии итальянскому образцу государственного устройства, ибо итальянская «октроированная конституция оказалась и прочнее, и либеральнее многих и многих реформ, добытых принуждением и революцией».³ Публицист, осмысливая опыт конституционной Европы, не смог понять, что все реформы, тем более политические, были прямым или побочным продуктом революционной борьбы масс, что, в частности, итальянская конституция была дарована «сверху» благодаря, в первую очередь, революционно-патриотическим действиям итальянского народа.

Свое Внутреннее обозрение Полонский заканчивал, указывая на необходимость экономических, административных и политических реформ, признанием, что более всего заботится о «дальнейшей расчистке пути для спокойного обеспечения монархической России в будущем».⁴ При этом либерал был уверен: долгого застоя в России быть не может. Г.В. Плеханов, назвав это Внутреннее обозрение важным и интересным, писал: «Л. Полонский делал тот назидательный вывод, что и впредь все шансы «законности» (читай - конституции) будут зависеть у нас от доброй воли власти, которая, наконец, сама убедится когда-нибудь в пользе и необходимости либеральных реформ».⁵ Л.А. Полонский, как и другие либералы-конституционалисты, в своих рассуждениях не поднимался до диалектической мысли, что монарх, даровав по доброй воле конституцию, точно также мог урезать или отнять ее у России. Пореформенное двадцатилетие мало чему научило прекраснодушных либералов, идеализировавших центральную, монархическую власть и игнорировавших активность и потенциал проснувшегося от голода и реформ народа. Уповав на конституцию «сверху», они не понимали, что сущность послереформенного самодержавия оставалась такой, какой и была - реакционно-крепостнической, что радикальная реформа «сверху» не возможна без давления «снизу».

фильская газета «Русь», отчаянно соперничая с реакционными «Московскими ведомостями», усилила огонь своих критических нападок на либералов, обвиняя последних в солидарности с нигилистами, неуважении к «самобытности» русского народа, преклонении во всем перед «гниющим Западом», пустословии и отсутствии какой-либо позитивной программы.⁶ Давая отпор «Руси», внутренний обозреватель «Вестника Европы» (1882. № 4) писал, что либералы были и остаются сторонниками безостановочного движения вперед, - при этом их объединяют единые требования свободы слова, свободы совести и личной неприкосновенности. Для них очевидна необходимость реорганизации волости, что требует, в свою очередь, соответствующих перемен в сфере «высшего государственного управления». Если славянофилы, ограничиваясь требованием административных реформ, желают усиления административной опеки над народом, то либералы, говоря о необходимости «сочинительства», кладут в основу своих реформ принцип самоуправления. Далее либеральный публицист касался самого острого и деликатного вопроса - о «правовом порядке». В свое время Н. Геккер верно заметит, что «основной пункт разногласий между либералами и нелибералами 1880-х г. заключался в вопросе о правовом порядке, т.е. об ограничении самодержавия и введения у нас конституции».⁷ Либералы, продолжал Арсеньев, всегда ратовали за так называемый «правовой порядок», в чем встретили поддержку со стороны 12 губернских собраний, которые на прошедшей зимней сессии ходатайствовали об «избрании уполномоченных от всех земств империи, для обсуждения всех важнейших вопросов внутреннего управления».⁸ «Вестник Европы», как и другие органы конституционного либерализма, видел в земском конституционализме моральную поддержку и опору. Отражая нападки «Руси», либеральный «Голос» был солидарен с «Вестником Европы»: «Нужно, необходимо, даже неизбежно водворить в нашей жизни порядок, который может быть основан только на праве, точном и всеми признаваемом».⁹ Далее К.К. Арсеньев, полемизируя с органом И.С. Аксакова, подчеркивал демократический характер либеральной программы: «Для нас, как и для большинства русских «либералов», понятие о народе совпадает с понятием о России; работа, предстоящая России, должна быть предпринята не только для народа, но и с участием народа».¹⁰ Россия во многих отношениях отстает от Запада, которого необходимо догнать, но при том

так, чтобы избежать кровавый опыт западно-европейских революций. Для этого требуется второе «19 февраля». Лучше конституция «сверху», чем революция «снизу». Реформы, предлагаемые либералами, помогут России занять достойное место среди цивилизованных народов Европы и, таким образом, сохранить свою «самобытность», о которой столь рьяно трубят и пекутся славянофилы. Самобытность, признаваемая либералами, предполагает естественное движение вперед, тогда как «самобытность», исповедуемая славянофильством, требует поворота назад». ¹¹ Такова была отповедь «Вестника Европы» славянофилам из «Руси».

В связи с этим Внутренним обозрением журнала Петербургский цензурный комитет 25 марта 1882 г. принял решение: «Имея в виду предписание высшего начальства о недопущении рассуждений о необходимости конституции для России, Комитет согласно с мнением Цензора, полагает Апрельскую книжку «Вестника Европы» арестовать ...если редакция не согласится исключить неудобные места на страницах 806, 807 и 809». ¹²

Разумеется, что цензурные условия не позволяли К.К. Арсеньеву открыто изложить свои конституционные взгляды. Однако редактору «Вестника Европы», анонимно выпустившему за границей специальную брошюру, ¹³ казалось, ничто не мешало это сделать. Острие своего памфлета М.М. Стасюлевич направил против реакционеров, в частности Д.А. Толстого и М.Н. Каткова, с которыми «Вестник Европы» вел постоянную борьбу.

Отвечая М.Н. Каткову, который указывал на Пруссию, где все якобы жалуются на конституцию, М.М. Стасюлевич писал: «вся беда состоит в том, что там нет полной конституции и министры не ответственны перед страной, также как и у нас». ¹⁴ Не удовлетворенный прусской конституцией, русский либерал предлагал свой идеал политического строя. Он считал, что реакционеры держат нового царя в осаде, а последний, в свою очередь, народ и общество. В стране царит анархия. Чтобы выйти из такого чудовищного и критического положения, необходима конституция, которая дала бы возможность Верховной власти и народу быть вполне самодержавными. Только царь и народ, эти два «священнейших предмета», могут взаимно ограничивать власть друг друга. М.М. Стасюлевич так выразил сущность своих конституционных взглядов: «Для Верховной власти нет истинного самодержавия там, где не самодержавен народ! Вот это и есть истинная конституция». ¹⁵

Такое определение и понимание конститу-

ции П.В. Анненков в своем письме к М.М. Стасюлевичу, не подозревая в нем автора, назвал «громким, но бессмысленным». ¹⁶ Впоследствии Г.В. Плеханов, соглашаясь с П.В. Анненковым, пояснял: либералы типа Стасюлевича М.М. «предпочитали убеждать и надеялись убедить верховную власть в том, что ей чрезвычайно выгодно ограничить самое себя. А так как подобную мысль нельзя доказать с помощью разумных доводов, то им поневоле приходилось обращаться к бессмыслицам». ¹⁷ Таким образом, не только цензурные условия, но и некоторая расплывчатость представлений либералов о новом политическом строе мешала им более определенно изложить свои конституционные проекты перестройки самодержавия.

Следует отметить, что не все публицисты «Вестника Европы» были конституционалистами. Противником конституции был, в частности, К.Д. Кавелин - близкий друг М.М. Стасюлевича и многолетний сотрудник журнала. Об этом писал в своей брошюре и сам М.М. Стасюлевич, жалуясь, что почтенный автор «Политических призраков» (Берлин, 1878) усматривает в ограничении самодержавия только «конституционную ложь», а не «конституционную правду». Играя в кругу «Вестника Европы» видную роль, К.Д. Кавелин оставался сторонником такого представительного правления, которое, не ограничивая самодержавие, спасло бы в то же время Россию как от революции, так и от конституции. Решая вопрос о государственном строе, старый либерал расходился с редакцией «Вестника Европы» и делал, как и по некоторым другим вопросам, шаг вправо - к славянофилам. В развитии «всемирности», т.е. того начала, которое несут русские, он, как и славянофилы, видел особенность и всемирно - историческое предназначение России. В своем полемическом «Письме в редакцию» К.Д. Кавелин признавал, что считает «возможным и желательным коренные преобразования, но только в административном, а не в политическом направлении и смысле». ¹⁸ Россия - «мужицкое царство», «самодержавная республика» - таков не менее «громкий» и не менее «бессмысленный», чем у конституционалиста М.М. Стасюлевича, социально-политический идеал либерала - представителя К.Д. Кавелина. Если либералы типа Кавелина ограничивались требованием административных реформ, то редакция «Вестника Европы» шла дальше, осторожно ратуя за политические преобразования, т.е. за конституционную монархию. М.М. Стасюлевич в своем письме от 31 мая 1881 г. писал К.Д. Кавелину: «Вы говорите, что мы ничего не хотим,

кроме законности, и под ней-то и разумею конституцию... Совершенно верно!».¹⁹ Но несмотря на некоторое расхождение политических идеалов, либеральных деятелей и публицистов объединяло одно - желание реформ, чтобы вывести страну из социально-экономического кризиса и ограничить административный произвол в стране. 27 января 1880 г. К.Д. Кавелин писал М.М. Стасюлевичу: «Новые славянофилы, новые западники, подобные Вам, и я с моими идеалами мужицкого царства ищем нового и отворачиваемся от прошлого. Это наша общая почва».²⁰ Однако эти поиски либералов оставались на старой, монархической почве. Поэтому либеральное «новое» не могло идти дальше конституционного обновления монархии.

Таким образом, в программе «Вестника Европы» выразилось стремление либералов трансформировать самодержавие в буржуазную, конституционную монархию. Публицисты журнала рисовали идиллию обновленной, либеральной России. Перед читателями вставала величественная картина перестроенного архитектурного сооружения, олицетворявшего собой правовое государство. Какова же его конструкция?

Благодаря реформам «внизу»: - учреждена самоуправляющаяся сословная (или бессословная) волость, как мелкая земская единица. На территории новой волости которая охватила 2-3 имевшихся ранее волостей, действуют органы местного управления и самоуправления, чьи права и обязанности зафиксированы новым законодательством. Гражданские законы получили стройный и ясный характер. В каждой волости образован бессословный, народный, земский суд. Нет более сословных перегородок, привилегий и розни. Органы самоуправления (волостные, уездные и губернские земства) получили свободу и самостоятельность. Земства, отражая интересы всех сословий, всего населения страны и взаимодействуя с правительством, определяют внутреннюю жизнь государства. Земства - фундамент конституционного строя, который утвержден в России «сверху», мирным путем, при поддержке общества и народа.

Благодаря реформам «сверху» административный произвол заменен точным соблюдением закона и независимым судом. Законодательная власть отделена от исполнительной, а судебная - от административной власти. Все органы государственного управления, во главе с сенатом, работают четко и слаженно. Монарх, наконец, убедился в преимуществах конституционного управления. Он, чтобы освободиться от влияния различных придворных партий, ввел в стране

основной закон, которому подчиняются все, не исключая и его самого. Народ получил конституционные свободы. Восторжествовала истинная конституция: Верховная власть и народ вполне самодержавны. И нет другой, кроме них, силы, которая могла бы нарушить гармонию и сущность их обоюдной власти. Народное представительство в высших органах государственного управления не столько ограничивает царскую власть, сколько, при поддержке, усиливает ее. Скелет государственного организма, т.е. конституция, стал гораздо прочнее и гибче. Это доказывает, что конституционная монархия является более высоким типом государственности, чем самодержавие. Россия повторила итальянский образец конституционного устройства государства. В стране водворен «правовой порядок» и социальный мир. Таким образом, «сочинительство» двинуло Россию вперед и она заняла достойное место среди цивилизованных народов Европы.

Если учесть, что восходящая буржуазия, стремясь к власти, всегда клялась именем народа, то станет ясно, чьи классовые интересы отражала эта социально-политическая программа либерального органа. Несмотря на некоторую расплывчатость политического идеала (в силу цензурных условий, неразвитости самого либерализма), «Вестник Европы» ратовал, несомненно, за конституционную монархию. М.М. Ковалевский от имени читателей Внутренних обозрений К.К. Арсеньева писал следующее: «Мы постепенно проникались сознанием, что самоуправление внизу в общине, волости, уезде, городе и губернии нуждается в самоуправлении сверху, что правовой порядок не мыслим без конституции».²¹

Своеобразным рупором «Вестника Европы» являлась газета М.М. Стасюлевича «Порядок»,²² которая в острой полемике с реакционными «Московскими ведомостями» отстаивала конституционные идеи. Катков обвинял либералов в солидарности с террористами. «Чтобы сказали «Московские ведомости», - возражает «Порядок», - при встрече с двумя голодными, из которых один, под влиянием голода, совершает грабеж, а другой только умоляет о пище».²³ Из такого признания «Порядка» М.Н. Катков в своих «Московских ведомостях» (1881. № 104) делал вывод, что революционеры и либералы «мучимы голодом и нуждаются в хлебе, а хлеб этот есть правовой порядок, иначе - конституция, и этого насущного хлеба требует - де русский народ».²⁴

Несмотря на общность позиций в борьбе с противниками справа и слева, среди либералов имелись серьезные разногласия по конституционному вопросу. Если правое крыло либерализма в основном решало его в отрицательном смысле, то левое - в положительном. Строго говоря, русский либерализм состоял из двух основных социально-политических течений: дворянского и буржуазного, представительно- монархического и конституционно-монархического, отличие которых отразилось в политических взглядах соответственно К.Д. Кавелина и М.М. Стасюлевича. Феномены либерализма, как малоизученная тематика, требуют дифференцированного подхода. Это поможет избежать спорных суждений о либерализме, встречающиеся в нашей литературе.²⁵

Было ли возможно положительное решение конституционного вопроса в изучаемый нами период? Скорее всего - да. Всё зависело от исхода борьбы либералов и революционеров, с одной стороны, и, с другой - противостоящей им реакционной партии во главе с Катковым М.Н., который с гордостью называл себя «цепным псом самодержавия». Однако революционеры, оторванные своей террористической тактикой от масс, как Антей от земли, привели страну к «катастрофе 1-го марта». Террор их поднял и - погубил. Либералы без революционной силы оказались нулём. Победила партия самодержавия. Новый император Александр III, стоявший, словно витязь, перед распутьем с указательными знаками - «Революция», «Реформа», «Реакция» - выбрал последний путь.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1 В истории русской журналистики «Вестник Европы» (СПб., 1866-1918) оставил неизгладимый след. При своем появлении журнал проф. М.М. Стасюлевича (1826-1911) собрал вокруг себя представителей оппозиционной интеллигенции, убежденных сторонников безостановочного продолжения буржуазных реформ и мирного прогресса, начатых 19 февраля 1861 г. В известном смысле «Вестник Европы» можно назвать журналом ученых и профессоров. Журналу М.М. Стасюлевича обязаны своим политическим развитием многие выдающиеся деятели позднего либерализма (М.М. Ковалевский, П.Н. Милюков, П.Б. Струве и др.). В 1909 г. издателем «Вестника Европы» стал М.М. Ковалевский, редактором - К.К. Арсеньев. Можно без преувеличения сказать, что вышедшие в свет более 600 томов «Вестника Европы», журнала истории, науки и литературы, представляют собой бесценную энциклопедию духовной жизни либеральной России. В изучаемый нами период редакция «Вестника Европы» состояла из трех человек - М.М. Стасюлевича, А.Н. Пыпина и внутреннего обозревателя (до марта 1880 г. - Л.А. Полонского, потом - К.К. Арсеньева). Следует отметить, что историография данного вопроса крайне бедна. В свое время автором статьи

были опубликованы небольшим тиражом две монографии: «Русский либерализм на рубеже 70- 80-х гг. XIX в.: Из истории журнала « Вестник Европы» (М., 1991) и «Русский либерализм и самодержавие на рубеже 1870-1880-х годов» (М., 2002).

2 Главное Управление по делам печати, отвечая на запрос министра внутренних дел Л.С. Макова, дало в ноябре 1878 г. такую характеристику журнала М.М. Стасюлевича: «Вестник Европы», при всяком удобном случае, стремится выставить неудовлетворительность существующего устройства России и преимущества представительного образа правления». (РГИА. Ф.776. Оп. 3. Д. 87. Ч. II. Л. 46-46 об.).

3 М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1. СПб., 1911. С. 481.

4 Там же. С. 482.

5 Плеханов Г.В. Соч. Т.24. М-Л., 1927. С.135.

6 См.: Русь. 1882. № 8; Как справедливо отметил В.Я. Лаврычев, «фрондерство Аксакова все более линияло»; Лаврычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. М., 1974. С.152; Н.И. Цимбаев также отмечает, что И. Аксаков «в 1870-е годы постепенно отходит от либеральных воззрений славянофильства». Цимбаев Н.И. Славянофильство. М., 1986. С.230.

7 Геккер Н. М.М. Стасюлевич и старый русский либерализм//Современник. 1911. № 4. С. 247.

8 Вестник Европы. 1882. № 4. Внутреннее обозрение. С. 806.

9 Модестов В. Славянофильская злоба//Голос. 1882. 28 февраля № 54.

10 Вестник Европы. 1882. № 4. Внутреннее обозрение. С. 808.

11 Там же. С. 809.

12 РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 87. Ч. II. Л. 94. Однако редактору журнала удалось защитить это Внутреннее обозрение от ареста и цензурных ножниц.

13 См.: Черный передел реформ Александра II: Письма из Москвы за границу (не по почте). Берлин, 1882. После назначения гр. Д.А. Толстого в мае 1882 г. министром внутренних дел М.М. Стасюлевич понял, что теперь открытая борьба против всемогущего реакционера в пределах России и тем более на страницах «Вестника Европы» осложнена большим риском. Так появилась анонимная брошюра. По распоряжению автора один из экземпляров был послан по почте его другу П.В. Анненкову. Брошюра в России имела определенный успех и интриговала своим безымянным автором. Однако осторожный М.М. Стасюлевич хранил свою тайну даже от друзей, вплоть до 1901 г., т.е. 19 лет. Для широких кругов имя автора стало известно только через год после его смерти, когда брошюра была перепечатана, с некоторыми купюрами, в многотомном издании, выходившем под ред. Лемке М.К. (См.:М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 3. СПб., 1912. С. 745-777.) Итак, только через тридцать лет после выхода в свет анонимной брошюры авторство М.М. Стасюлевича стало известно образованной России.

14 (Стасюлевич М.М.). Черный передел реформ Александра II. Берлин, 1882. С.80.

15 М.М. Стасюлевич и его современники... Т.3. СПб., 1912. С.775.

16 Письмо Анненкова П.В. к Стасюлевичу М.М. от 18 авг. 1882 г.//М.М. Стасюлевич и его современники... Т. 3. СПб., 1912. С. 403.

- 17 Плеханов Г.В. Соч. Т.24. М-Л., 1927. С. 77.
- 18 Кавелин К.Д. Письмо в редакцию // Вестник Европы. 1882. № 12. С.939. См. подробнее: Секиринский С.С. Эволюция либерализма // Политическая история: Россия - СССР - Российская Федерация: Т.1. М., 1996. С. 302-304; В.А. Китаев также отмечает, что «принимая идею разделения властей, Кавелин выступил последовательным противником ограничения самодержавия в России» (См.: Китаев В.А. К.Д. Кавелин: между славянофильством и западничеством // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 271.
- 19 М.М. Стасюлевич и его современники... Т.2. СПб., 1912. С.156.
- 20 Там же. С.148.
- 21 Ковалевский М.М. К юбилею К.К. Арсеньева // Русские ведомости. 1907. 20 ноября № 266.
- 22 См.: Мостовская Н.Н. Тургенев и газета М.М. Стасюлевича «Порядок» // Тургеневский сборник. Вып. 4. Л., 1968. С. 291; О «предосудительном направлении» г. «Порядок» цензоры доносили из месяца в месяц (См.: РГИА. Ф.777. Оп.3. Д.82. Л.6-37).
- 23 Цит. по: Тихомиров Л. Конституционалисты в эпоху 1881 года. М., 1895. С. 45.
- 24 Там же. См. также: Тихомиров Л.А. Конституционалисты в эпоху 1881 года // Критика демократии. М., 1997. С.231.
- 25 В частности, В.А. Твардовская пишет, что в период второй революционной ситуации «Вестник Европы» М.М. Стасюлевича, «Голос» А.А. Краевского были полны намеков на необходимость перемен в управлении. Однако не только легальная, но и бесцензурная либеральная печать не шла дальше требований административных преобразований, не ставя вопроса о каком-либо ограничении самодержавия» (См.: Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. С.182). Делая такое широкое обобщение, она ссылается при этом на анонимную брошюру либерала - представительства К.Д. Кавелина «Политические призраки» (Берлин, 1878), игнорируя почему-то анонимную брошюру либерала - конституционалиста М.М. Стасюлевича «Черный передел реформ Александра II (Берлин, 1882). Вопрос об ограничении самодержавия ставила и по-своему решала не только демократическая, но и наиболее передовая часть либеральной печати: «Вестник Европы», «Порядок», «Страна», «Голос».

ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Источник права — это форма существования правовых норм. Как и само международное частное право (далее — МЧП) в целом, его источники имеют двойственный и парадоксальный характер. Специфика источников МЧП порождена его предметом регулирования: частноправовые отношения, отягощенные иностранным элементом, т.е. лежащие в сфере международного общения и затрагивающие интересы двух и более государств. С одной стороны, МЧП представляет собой отрасль национального права, следовательно, его источники имеют национально-правовой характер. С другой, МЧП регулирует именно международные гражданские правоотношения, следовательно, международное право выступает самостоятельным источником этой отрасли права. В пользу данной точки зрения говорит и сама нормативная структура МЧП: унифицированные международные нормы (и материальные, и коллизионные) непосредственно входят в его структуру и являются ее неотъемлемой частью. Именно такое положение вещей и предопределяет двойственный характер источников МЧП (одновременно и национальный, и международно-правовой).

Национальным источником МЧП является вся внутренняя правовая система в целом, весь правовой порядок данного государства. Такой подход при определении национальных источников МЧП связан с тем, что его основополагающей частью являются коллизионные нормы, отсылающие не к конкретному закону, а ко всей правовой системе, ко всему правовому порядку в целом. На первом месте среди внутренних источников МЧП стоят, естественно, законы и подзаконные акты. Во многих государствах приняты специальные законы о международном частном праве. Но даже в таких государствах национальное гражданское, торговое, семейное, трудовое, гражданско-процессуальное и арбитражное законодательство в целом можно назвать источником МЧП. Немаловажное место среди источников занимают и национальные правовые обычаи в сфере МЧП (следует сразу отметить ограниченное количество таких обычаев во всех государствах). Конкретные вопросы регулирования частноправовых отношений с иностранным элементом в основном регламентируются во

внутригосударственных подзаконных актах, ведомственных и межведомственных инструкциях, которые также входят в правовую систему государства и выступают в качестве источников МЧП. Национальная судебная и арбитражная практика в принципе выделяется как самостоятельный источник МЧП, но это также часть национального правового порядка, поэтому судебную практику можно отнести и к национальному праву как источнику МЧП.

По аналогии с национальным правом можно утверждать, что источником МЧП является международное право в целом. В систему международно-правовых источников МЧП входят международные договоры, международные правовые обычаи и система негосударственного регулирования внешнеторговой деятельности (международное коммерческое право). Из всех международно-правовых источников МЧП основное значение принадлежит именно международным договорам. Кроме того, нельзя забывать, что общепризнанные нормы и принципы международного права являются частью правовой системы большинства государств и имеют примат над нормами национального права в случае их противоречия (ст. 15 Конституции РФ и ст. 7 ГК РФ).

Парадоксальный характер источников МЧП проявляется в том, что самостоятельными источниками этой отрасли права являются такие формы существования правовых норм, которые в других отраслях права считаются либо вспомогательными источниками, либо средствами определения и толкования правовых норм, либо просто правовыми институтами. Это связано с тем, что МЧП отличается особой сложностью, и в нем, как ни в какой другой отрасли права, имеется огромное количество пробелов. Такими источниками МЧП можно назвать судебную и арбитражную практику (и национальную, и международную), доктрину (науку) права, аналогию права и аналогию закона, автономию воли сторон, общие принципы права цивилизованных народов.

Источники российского международного частного права перечислены в ГК РФ — ст. 3, ст. 5-7, ст. 1186; в ГПК РФ — ст. 11; в АПК РФ — ст. 13; в СК РФ — ст. 3-6. Российское законодательство в качестве источников МЧП признает национальное право, международные договоры и обычаи,

Национальное право как источник международного частного права. Национальное право является основным и первостепенным источником МЧП как отрасли именно национального права. Основную роль в создании норм МЧП играют национальные законы. На первом месте стоят те национальные законы, которые специально предназначены для регулирования гражданско-правовых отношений с иностранным элементом (специальные законы о международном частном праве, инвестиционное законодательство, законодательство о налогообложении иностранных лиц, законодательство о компенсационных соглашениях). Однако при этом не следует забывать, что основным законом любого государства (и, соответственно, главным источником всего национального права) является конституция этого государства. Говоря об источниках российского международного частного права, прежде всего следует упомянуть Конституцию РФ. Необходимо подчеркнуть, что Конституция устанавливает только самые общие начала регулирования международных гражданских отношений (гл.2). Конкретные вопросы правовой регламентации содержатся в специальных федеральных законах. В законодательстве РФ, регулирующем отношения в сфере МЧП, следует выделить: Гражданский кодекс, Гражданский процессуальный кодекс, Арбитражно-процессуальный кодекс, Трудовой кодекс, Семейный кодекс, Налоговый кодекс, Таможенный кодекс, Воздушный кодекс, Кодекс Торгового Мореплавания, Основы законодательства о нотариате, Закон о МКАС. Подзаконные акты, ведомственные инструкции, ненормативные акты министерств и ведомств РФ также являются источниками российского МЧП. Разумеется, все перечисленное законодательство, так же как подзаконные акты и ведомственные инструкции, в целом не могут считаться источниками российского МЧП. Речь идет о содержащихся в них отдельных нормах, главах и разделах, специально посвященных регулированию частноправовых отношений с иностранным элементом.

В российском праве отсутствует отдельный закон о международном частном праве, хотя проект такого закона на доктринальном уровне был подготовлен уже в 80-х гг. XX в. К сожалению, полной кодификации российского международного частного права произвести не удалось, специальный закон о МЧП не рассматривался даже на уровне законопроекта. В российском праве произведена межотраслевая кодификация — в ГК, СК, КТМ, ГПК и АПК включены специальные главы и разделы, регулирующие

частноправовые отношения с иностранным элементом. Основные источники российского МЧП — разд.VI ГК РФ, разд.VII СК РФ, гл.XXVI КТМ РФ, разд.V ГПК, гл.31, 32, 33 АПК РФ. Главный источник — это разд.VI части третьей ГК РФ, поскольку положения гражданского законодательства могут применяться по аналогии ко всем частноправовым отношениям, не урегулированным специальным законодательством (ст.4 СК РФ). Особое значение имеет гл.66 разд.VI части третьей ГК РФ, которая содержит общие положения применения иностранного права на территории РФ и устанавливает общие принципы регулирования всех частноправовых отношений с иностранным элементом.

Несмотря на то, что межотраслевая кодификация российского международного частного права была предпринята совсем недавно (1995-2003 гг.), все законодательные акты в этой области уже продемонстрировали большое количество пробелов и других серьезных недостатков. Основные пороки российского законодательства о МЧП, — это неопределенность формулировок и правоположений, наличие «отсылочных» и «бланкетных» коллизионных норм, постоянная необходимость применения аналогии права и закона, практическая невозможность непосредственного применения норм ГК (без толкования и разъяснения пленумами верховных судов), полное отсутствие регулирования трудовых отношений с иностранным элементом в Трудовом кодексе, огромное количество неурегулированных вопросов в СК РФ. В принципе на современной стадии развития международных гражданских отношений в РФ следовало бы принять отдельный, специальный закон, который регулировал бы весь спектр отношений в области МЧП. Полномасштабная кодификация международного частного права вообще имеет серьезные преимущества по сравнению с межотраслевой, — меньшее количество пробелов, отсутствие «взаимных отсылок», и необходимости применять различные нормативные акты, меньше основания для применения аналогии права и закона.

В праве многих зарубежных государств уже давно произведена полномасштабная кодификация МЧП, — приняты специальные законы о международном частном праве и процессе (Турция, балканские страны, Италия). При этом, как правило, имеет место отдельное регулирование вопросов внутригосударственного международного частного права и международного гражданского процесса. Эталонными (с точки зрения юридической техники) национальными законами о МЧП являются специальные кодификации МЧП

в Польше, Чехии, Венгрии, Австрии и Швейцарии. Кодификация МЧП может производиться не только посредством принятия специального закона, но и иными способами, — например, в 1986 г. в ФРГ был принят Вводный закон к ГГУ, содержащий полномасштабную кодификацию международного частного права Германии. По этому же пути пошел и японский законодатель, — в 1989 г. к ЯГК был принят Вводный закон, содержащий нормы японского МЧП. Точно такие же Вводные законы приняты к Гражданским кодексам Испании и Бразилии.

Довольно своеобразно развивается международное частное право во Франции. Первоисточником французского МЧП является ФГК 1804 г. Этот нормативный акт содержит всего несколько коллизионных правил одностороннего и императивного характера (предусматривающих применение исключительно французского права к отношениям с иностранным элементом). В порядке интерпретации этих норм и на их основе практика французских судов первой и второй инстанций сформулировала обширный конгломерат коллизионных норм по различным видам гражданских правоотношений. Таким образом, развитие французского МЧП осуществляется посредством судебной практики (учитывая при этом, что Франция не является страной прецедентного права). В большинстве же государств мира нормы их национального международного частного права, как и в России, сформулированы в отдельных главах и разделах гражданских кодексов (Португалия, скандинавские страны, Греция, страны Бенилюкса, большинство государств Азии, Африки и Латинской Америки).

Ни в Великобритании, ни в США не существует специальных законов, кодифицирующих МЧП этих государств. В англо-американском праве решающее значение имеет система судебных прецедентов, хотя по отдельным вопросам издаются специальные законы, в которых содержатся нормы МЧП (Закон об иммунитете иностранного государства США 1976 г., Единый торговый кодекс США 1962 г., Закон Великобритании о государственном иммунитете 1978 г., Закон Великобритании об арбитраже 1996 г.). В США на федеральном уровне выработан Свод законов о конфликтах законов 1972 г., который представляет собой частную (произведенную не законодателем, а правоведами) общенациональную кодификацию МЧП, имеющую рекомендательный характер. Однако в отдельных штатах есть специальные законы о МЧП (штат Луизиана, 1981 г.).

Международное право как источник международного частного права.

Международно-правовыми источниками МЧП выступают международный договор, международный обычай, международное коммерческое право.

Международный договор имеет наиболее важное значение как источник МЧП. Между договорами в области международного публичного и международного частного права есть существенные различия. Создателем (субъектом) и адресатом норм международных соглашений в международном публичном праве одновременно выступает само государство. Государство создает нормы международного публичного права, самому себе их адресует и на себя же возлагает ответственность за их нарушение. Нормы международных соглашений, регулирующих отношения в сфере публичного права, как правило, являются несамоисполнимыми. Они адресованы государству в целом и не могут быть применены в национальном праве без издания специального внутригосударственного акта, конкретизирующего такие нормы и приспособляющего их для действия в национальном праве.

Создателем (субъектом) норм международных соглашений, регулирующих проблемы МЧП, также является государство. Независимо от предмета регулирования, любое межгосударственное соглашение входит в сферу международного публичного права. Однако подавляющее большинство международных конвенций, посвященных регламентации частноправовых вопросов, адресованы не государству в целом, а его национальным правоприменительным органам, физическим и юридическим лицам. Такие международные договоры содержат в основном самоисполнимые нормы, т.е. конкретные и завершенные, уже полностью приспособленные для непосредственного действия в национальном праве. Для имплементации норм такого международного договора во внутреннее право не нужно издания специальных законов, а достаточно ратификации договора или его подписания. Разумеется, все международные соглашения по вопросам МЧП содержат и обязательства государств в целом (изменить свое законодательство в целях исполнения обязательств по данному соглашению, денонсировать ранее заключенные соглашения и др.). Однако поскольку нормы подобных договоров адресованы непосредственно национальным участникам гражданских правоотношений, то имеется прямая возможность непосредственного применения норм международных договоров в национальных судах и арбитражах (ст. 7 ГК РФ).

Международные договоры, регулирующие вопросы МЧП, составляют в международном праве целую систему. Основное количество таких договоров — двусторонние (договоры о правовой

помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, консульские конвенции, договоры о торговле и мореплавании, торговом судоходстве). Наиболее важное значение для международного сотрудничества имеют, естественно, не двусторонние, а универсальные международные соглашения, устанавливающие единообразное правовое регулирование на глобальном уровне. С начала XX в. в рамках различных международных организаций (Гаагские конференции по МЧП, УНИДРУА, МОТ и др.) предпринимались попытки универсальной кодификации МЧП.

В настоящее время разработана целая система универсальных Гаагских, Брюссельских и Женевских конвенций, регулирующих отношения практически во всех областях МЧП. Заключены, вступили в силу и достаточно успешно действуют универсальные международные соглашения о защите иностранных инвестиций, о регулировании международной купли-продажи и других внешнеторговых сделок, о праве интеллектуальной собственности, вексельном и чековом праве, о брачно-семейных отношениях, по вопросам международного гражданского процесса. Основным недостатком большинства таких соглашений — их недостаточно представительный характер (например, в Венской конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. участвуют всего около 100 государств мира). Многие универсальные международные соглашения в сфере МЧП, принятые довольно давно, до сих пор не вступили в силу, так как не набрали необходимого количества участников.

Значительно более успешна кодификация международного частного права, производимая посредством заключения международных конвенций регионального характера. В современном мире существует единственная межгосударственная кодификация МЧП на региональном уровне — это Кодекс Бустаманте 1928 г. (участники — государства Центральной и Южной Америки). Кодекс Бустаманте — это полномасштабная кодификация унифицированных региональных коллизионных норм, которые действуют и применяются судами всех государств-участников. Кодекс представляет собой до сих пор непревзойденную межгосударственную унификацию коллизионного права. В 60-х гг. XX в. был создан Международный симпозиум по Кодексу Бустаманте — универсальная межправительственная международная организация, членами которой являются государства разных регионов (Польша, Австрия, Египет и др.). Региональные конвенции по вопросам сотрудничества в области МЧП заключаются в рамках различных международных организаций,

— например, Конвенция СНГ о правовой помощи 1993 г., конвенции Европейского Совета (Конвенция об усыновлении детей 1967 г., Конвенция о репатриации несовершеннолетних 1970 г., Конвенция о правовом статусе детей, рожденных вне брака, 1975 г.)

Международно-правовой обычай. Как источник международного публичного права международно-правовой обычай определен в Статute Международного Суда ООН. Обычай — это всеобщая практика, признанная в качестве правовой нормы. Для того, чтобы практика приобрела характер обычной нормы права необходимы длительность, регулярность, устойчивость и повторяемость ее применения. Кроме того, такая практика официально должна быть признана в качестве нормы права. Обычай считается устной формой источников права. Это, однако, не означает отсутствия письменной фиксации международных правовых обычаев. Наоборот, все обычаи (и национально-правовые, и международные) практически всегда закрепляются именно в письменной форме. То, что этот источник права считается устным, означает только то, что запись обычаев производится в ненормативных актах (судебной практике, дипломатической переписке, односторонних заявлениях государства, частных неофициальных кодификациях).

В международном частном праве наиболее важную роль играют международные торговые обычаи, обычаи делового оборота и обычаи торгового мореплавания. Во внешней торговле разработаны типы обычных сделок, основанные на унифицированном толковании устойчивых торговых, деловых и банковских терминов. Международной торговой палатой в Париже произведено несколько частных неофициальных кодификаций международных обычаев: Варшавско-Оксфордские правила по сделкам на условиях СИФ, Йорк-Антверпенские правила об общей аварии (последняя редакция — 1994 г.), Международные правила по унифицированному толкованию торговых терминов (ИНКОТЕРМС-2000), Унифицированные правила по документарным аккредитивам и инкассо и др. Все эти акты не имеют нормативного характера и не являются источником права. Это просто запись, письменная фиксация обычных норм права. Источником права здесь выступает каждое отдельное правило поведения, отдельный тип сделки. Международный обычай признается как источник права в российском законодательстве — ст.5 и п.6 ст.1211 ГК РФ. В КТМ РФ содержится специальная отсылка к нормам международного обычая, — распределение убытков приобщей аварии производится в соответствии

с Йорк-Антверпенскими правилами в ред. 1994 г.

Международное коммерческое право. Понятие *lex mercatoria* (международного коммерческого права, транснационального торгового права, права международного сообщества коммерсантов) появилось в праве сравнительно недавно — в середине XX в. Под международным коммерческим правом принято понимать систему негосударственного регулирования внешнеторговой деятельности. Эта система еще определяется как «мягкое, гибкое» право (в смысле рекомендательного характера его норм — участники правоотношения не связаны императивными государственными предписаниями). К понятию международного коммерческого права примыкают понятия «квазимеждународное право» и «право ТНК».

Преимущества международного коммерческого права по сравнению с национальным законодательством и международными договорами заключаются именно в предоставлении участникам международной торговли максимума свободы действий. Основа *lex mercatoria* — резолюции-рекомендации международных организаций по вопросам внешней торговли (общие условия поставок, договоры-формуляры, договоры присоединения, типовые контракты, типовые регламенты). Роль в развитии международного коммерческого права играют ВТО, МТП, ЮНСИТРАЛ и другие международные организации.

В системе негосударственного регулирования внешней торговли следует особо отметить общие условия поставок, разработанные Европейской экономической комиссии ООН; стандарты Комиссии по внутреннему транспорту; стандарты и рекомендации ИКАО и ИМО; типовой международный патент, разработанный Международным центром патентной документации (ИНПАДОК). В российской правовой доктрине международное коммерческое право не признавалось вплоть до конца 80-х гг. XX в. (в связи с государственной монополией внешней торговли). Только в начале 90-х гг. состоялось признание *lex mercatoria* как части международного публичного права и источника международного частного права и в российской юридической науке.

Судебная и арбитражная практика как источник международного частного права. Во многих зарубежных государствах судебная и арбитражная практика в качестве источника МЧП играет более важную роль, чем национальное законодательство и международное право (Франция, Великобритания, США). Под судебной и арбитражной практикой, выступа-

ющей источником права понимают решения судов (как правило, высших инстанций), которые имеют правотворческий характер, — формулируют новые нормы права. Нужно иметь в виду, что правотворческая роль судов и арбитражей заключается не в создании новых норм права, — суды не имеют законотворческих полномочий и не могут «творить» право. Суды только выявляют действующее (позитивное) право и формулируют его именно как систему юридически обязательных предписаний. В принципе суд только фиксирует уже имеющееся правило поведения, которое в обществе расценивается как имеющее обязательный характер.

Правотворческая деятельность судов в очень большой степени зависит от судейского усмотрения, которое имеет решающее значение при выявлении сложившихся правил поведения, уже признанных общественным сознанием в качестве обязательных предписаний. Судейское усмотрение играет решающую роль не только при выявлении права, но и в его толковании, определении и применении. Принцип свободы судейского усмотрения является одним из основных принципов современного судопроизводства. В международном частном праве этот принцип имеет особое значение: восполнение пробелов в правовом регулировании частных отношений с иностранным элементом, квалификация юридических понятий, установление «подразумеваемой» воли сторон, определение закона «существа отношения», установления критерия наиболее тесной связи, — все это является прямыми обязанностями судов.

Англо-американская в принципе основано на системе судебных прецедентов, которые в этих странах играют роль основного источника права (в том числе, и международного частного). Судебный прецедент можно определить следующим образом — это решение вышестоящего суда, имеющее императивное, решающее значение до нижестоящих судов при разрешении ими аналогичных дел в дальнейшем. Никакое решение суда не становится прецедентом автоматически; оно должно получить статус прецедента в установленном законом порядке. Судебный прецедент как решение, имеющее руководящее значение при решении аналогичных дел в дальнейшем, используется практически во всех государствах, но только в странах общей правовой системы есть целостное прецедентное право. Наибольшее количество прецедентов — в английском праве. Их настолько много, что это в очень большой степени усложняет и замедляет судебную процедуру. В современной судебной практике Великобритании господствует узаконенная тен-

денция к ограничению количества прецедентов в английском праве. Суды стремятся принимать решения, основанные на презумпции «отыскания закона, свойственного данному договору», т.е. решения, которые основаны строго на данных, конкретных фактических обстоятельствах и не могут быть применены при решении аналогичных дел в дальнейшем.

В настоящее время уже сложилась и действует региональная система прецедентного права — европейское прецедентное право, сложившееся в рамках Европейского союза (ЕС) и выработанное Европейским судом. Все решения этого Суда обязательны для государств-членов ЕС, их национальных судов и административных органов, физических и юридических лиц и автоматически имеют характер прецедента. Судебные органы стран-членов ЕС не вправе принимать решения, противоречащие решениям Европейского суда, которые имеют решающее значение и обязательно должны применяться по аналогии. Европейский суд играет решающую роль в развитии регионального международного частного права в странах ЕС.

В российском законодательстве судебная и арбитражная практика формально юридически не считается источником права. Отечественный законодатель расценивает практику правоприменительных органов в качестве основного средства для толкования, определения и применения правовых норм. Такой подход полностью противоречит сложившейся практике. На самом деле российские суды и арбитражи играют точно такую же роль по выявлению действующего права и его формулированию, как и суды тех государств, в которых судебная практика признана официальным источником права. Значение источника права имеют в первую очередь разъяснения пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ. Формально юридически эти разъяснения имеют рекомендательный характер, но на практике никакое противоречащее им решение нижестоящих судов не вступает в законную силу. В отечественной литературе уже высказывалась точка зрения, что решения Конституционного Суда РФ — это судебный прецедент, а система решений и постановлений Конституционного Суда РФ представляет собой начало формирования российского прецедентного права.

Особо важное значение практика российских правоприменительных органов имеет для развития и усовершенствования российского международного частного права. Уже говорилось, что одним из самых существенных недостатков отечественного законодательства в сфере МЧП является неопределенность его

формулировок и фактическая невозможность их непосредственного применения судами, без соответствующих разъяснений пленумов. Кроме того, российское международное частное право отличается огромным количеством пробелов, восполнить которые проще всего именно при помощи судебной практики, а не посредством внесения изменений в законодательство. Реальная жизнь идет именно по этому пути, так что фактически судебная и арбитражная практика давно является самостоятельным источником российского МЧП.

Доктрина права, аналогия права и закона, общие принципы права цивилизованных народов как источник международного частного права. Все эти институты считаются самостоятельными источниками международного частного права в законодательстве большинства зарубежных государств и в зарубежной правовой науке. В российском законодательстве и в господствующем отечественном правоведении перечисленные институты к источникам права не относятся (за исключением аналогии права и закона).

Доктрина права. Доктрина права — это высказывания ученых, признанные на официальном, государственном или международном уровне (экспертные заключения, комментарии к законодательству, ответы на запросы официальных органов и должностных лиц). В любом цивилизованном государстве существует «право разногласий», — все ученые вправе высказывать совершенно различные мнения по одному и тому же вопросу. Если доктрина имеет практическое применение, то государственные органы полностью свободны в выборе между различными точками зрения, высказанными юристами. Российский законодатель учитывает оценку доктрины как источника международного частного права в других государствах (ст. 1191 ГК РФ, ст. 14 АПК РФ), но не считает разработки российских ученых даже вспомогательным источником права. Такая позиция является в корне неправильной, поскольку именно юридическая наука (сравнительное правоведение) сыграла основополагающую роль в становлении и развитии МЧП.

В настоящее время доктрина международного частного права широко используется в целях его унификации и гармонизации. Разработки Международного института по унификации частного права (УНИДРУА), Гаагских конференций по МЧП и Комиссии международного права лежат в основе многих международных соглашений и применяются большинством национальных законодателей для усовершенствования МЧП различных государств. Оценка доктрины в качестве

самостоятельного источника международного частного права связано с различным регулированием одних и тех же отношений в законодательстве разных государств и необходимостью унификации такого регулирования; с наличием в МЧП огромного количества пробелов — намного большего, чем в других отраслях права. Основной функцией доктрины как источника МЧП является максимальное восполнение этих пробелов на уровне научных разработок.

Аналогия права и аналогия закона. Аналогия закона, — когда отношения прямо не урегулированы законодательством, или соглашением сторон, или обычаями делового оборота, к таким отношениям (если это не противоречит их существу), применяется законодательство, регулирующее сходные отношения. Аналогия права применяется, если невозможно использовать аналогию закона: права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и требований законодательства, требований добросовестности, разумности и справедливости. Аналогия права и закона известны со времен римского права законодательству большинства государств мира. Практически везде эти институты считаются источниками права (как и в российском законодательстве — ст.6 ГК РФ, ст.5 СК РФ, ст.11 ГПК РФ, ст.13 АПК РФ).

Исходя из смысла перечисленных норм, российский законодатель расценивает аналогию права и закона как самостоятельные источники российского частного права (в том числе и международного частного). Такая же оценка аналогии права и закона (как самостоятельных источников МЧП) имеет место и в зарубежном законодательстве, судебной практике и доктрине. Причины подобной оценки этих институтов — те же самые, вследствие которых в зарубежном законодательстве самостоятельным источником МЧП считается доктрина права. Основными функциями аналогии права и закона в международном частном праве являются: восполнение пробелов, адаптация коллизионных норм, решение интерлокальных, интертемпоральных и интерперсональных коллизий, толкование принципа реальной связи и закона существа отношения.

Общие принципы права цивилизованных народов. В соответствии со ст.38 Статута Международного Суда ООН общие принципы права являются самостоятельным источником международного публичного права. Правда, они не играют роли его основных источников, в роли которых выступают международный договор и международно-правовой обычай. В Статуте, кроме того, подчеркивается, что по желанию сторон

Суд может разрешать спор не на основе международного права, а на основе принципов справедливости и доброй совести (принцип справедливости и доброй совести — это один из общих принципов права). Под «цивилизованными народами» понимаются те государства, чьи частноправовые системы основаны на рецептированном римском праве. Система «права народов» в римском праве — основа современного международного публичного права (точно так же, как и международного частного). Отсюда можно сделать однозначный вывод — общие принципы права входят в систему международного права, следовательно, являются международно-правовыми источниками международного частного права любого государства.

Выделение этих принципов в качестве самостоятельного источника МЧП связано с их двуединой ролью в системе МЧП — это одновременно и его основные принципы, и форма существования правовых норм. В современном мире четко прослеживается тенденция постоянного применения общих принципов права национальными и международными судами и арбитражами. В основном такое регулирование используется для разрешения споров с участием транснациональных корпораций, оффшорных компаний, компаний международного бизнеса, международных юридических лиц, споров между государством и частными иностранными инвесторами.

Общие принципы права упоминаются в российском законодательстве (ст.6 ГК РФ): принципы добросовестности, разумности и справедливости. Однако российский законодатель не выделяет такие принципы в качестве отдельного источника права, что противоречит как смыслу российского законодательства, так и общим мировым тенденциям правового развития. Основная роль общих принципов права как источника МЧП заключается в решении частного правоотношения, затрагивающего интересы двух и более государств, не на основе их национального права, а при помощи общих для всех традиционных правовых постулатов.

Автономия воли субъектов правоотношения как источник международного частного права. Автономия воли участников гражданского правоотношения — это фундаментальный, основополагающий принцип любой внутригосударственной частноправовой системы. Сущность автономии воли заключается в свободе сторон вступить или не вступить в любые частноправовые отношения, как урегулированные, так и не урегулированные законодательно. В международном частном праве автономия воли играет особую роль: она

выступает как триединое явление — источник МЧП, его главный специальный принцип и одна из коллизионных привязок. Такое положение автономии воли является феноменом и свойственно только международному частному праву.

Автономия воли как источник права заключается в возможности субъектов договора избрать любую модель поведения, никому не известную, никем не опробованную, абсолютно новую для данной правовой системы. При этом автономия воли не имеет неограниченного характера: любой национальный законодатель устанавливает ее пределы — частные соглашения не должны нарушать государственно-властные установления (в том числе и императивные нормы частного права — о форме сделки, сроках исковой давности, пределах ответственности и т. д.). Модель поведения, избранная сторонами, строго обязательна для самих сторон отношения и для всех государственных органов (в первую очередь, судов и арбитражей). Во всех правовых системах автономия воли оценивается как частный закон (*lex privata*). Автономия воли субъектов договора считается основным источником обязательственного права (в том числе и права внешнеэкономических сделок) в зарубежной практике и доктрине.

По существу, автономия воли как источник российского обязательственного права закреплена в ст. 421 ГК РФ. Стороны вправе вступать в любые договорные отношения, в том числе и не предусмотренные в ГК, заключать смешанные договоры (договоры, содержащие элементы нескольких самостоятельных контрактов). Однако автономия воли не выделена российским законодателем в качестве самостоятельного источника права, что противоречит и положениям отечественного законодательства, и практике. В российском международном частном праве с формально юридической точки зрения автономии воли оценивается следующим образом — это не источник права, а только одна из коллизионных привязок (ст. 1210 ГК РФ). Такая оценка абсолютно не соответствует истинному положению вещей, является полностью устаревшей и требует скорейшего пересмотра.

Использованная литература

Конституция РФ 1993 г.
Арбитражно-процессуальный кодекс РФ 2002 г.
Гражданский кодекс РФ 2002 г.
Гражданский процессуальный кодекс РФ 2003 г.
Воздушный кодекс РФ 1997 г.
Кодекс торгового мореплавания РФ 1999 г.
Основы законодательства РФ о нотариате. 1993 г.
Семейный кодекс РФ 1995 г.
Трудовой кодекс РФ 2002 г.

Гражданское и торговое право капиталистических стран: Сб. нормативных актов. М., 2003.
Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран: Сб. нормативных актов. М., 2001.
Международное торговое право: Сб. международных документов. М., 2002.
Международное частное право (действующие нормативные акты) / Сб. документов. М., 2003.
Международное частное право (в документах). М., 2004.
Международное частное право: иностранное законодательство. М., 2001.
Международное частное право. Сб. документов М., 2002.
Международные правила по унифицированному толкованию торговых терминов (ИНКОТЕРМС). М., 2004.
Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М., 2003.
Ануфриева Л.П. Международное частное право: В 3-х т. М., 2003.
Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М., 2002.
Богуславский М.М. Международное частное право. М., 2003.
Вольф М. Международное частное право. М., 1948.
Гаврилов В.В. Международное частное право. М., 2000.
Дмитриева Г.К. Международное частное право. М., 2003.
Ерпылева Н.Ю. Международное частное право. М., 2004.
Звеков В.П. Международное частное право. М., 2002.
Иссад М. Международное частное право. М., 1989.
Кох Х., Магнус У. Международное частное право и сравнительное правоведение. М., 2001.
Лозовик М.Н. Согласие государства на обязательность для него части норм международного договора. // Государство и право. 2003. N 12.
Лукашук И.И. Нормы международного права в современной правовой системе России. М., 2002.
Лунц Н.А. Курс международного частного права: В 3-х т. М., 1973-1976.
Международное частное право: современные проблемы. В 2-х кн. М., 1994.
Международное частное право: Уч. пособие. М., 2004.
Международное частное право: Уч. пособие. М., 2002.
Морозова Л.А. Еще раз о судебной практике как источнике права / Государство и право. 2004. N 1.
Нешатаева Т.Н. Международный гражданский процесс. М., 2001.
Перетерский И.С., Крылов С.Б. Международное частное право. М., 1959.
Раапе Л. Международное частное право. М., 1960.
Розенберг М.Г. Международный договор и иностранное право в практике международного коммерческого арбитражного суда. М., 2001.
Скаридов А.С. Международное частное право. СПб., 2002.
Скворцов А.С. Международное частное право. М., 2003.
Тихомиров Ю.А. Коллизионное право. М., 2000.
Третейский суд: законодательство, практика, комментарий. М., 2001.
Частное право Европейского Союза. Пер. с франц. М., 2001.
Чешир Дж., Норт П. Международное частное право. М., 1982.
Шак Х. Международное гражданское процессуальное право. М., 2001.

*Добросоветному исследователю и
дорогому мне Человеку,
Анне Ивановне посвящается.*

ЗАЛОГОВОЕ ПРАВО КАК ОСОБЫЙ ВИД ВЕЩНЫХ ПРАВ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

В мировой и отечественной цивилистике залоговое право традиционно относят к числу наиболее сложных и противоречивых правовых явлений, представляющих собой «средоточие проблем» теоретического плана и трудностей законодательного закрепления конструкции залога, в частности: вопрос о вещной или обязательственной природе залогового права; проблема акцессорности как одного из существенных признаков залога; плюрализм взглядов на саму возможность преодоления «внутренней противоречивости» залогового права; вопросы, связанные с отнесением закладной к числу ценных бумаг; спорные моменты реализации системы ипотечного кредитования в РФ.

Исследование указанных проблем в России осложняется тем фактом, что на смену «залоговому буму» в дореволюционный период (когда теоретическая проработка залоговой проблематики достигла расцвета,¹ а в Российской империи существовала достаточно действенная ипотечная система) пришел «этап относительного забвения», во время которого «в нашей стране залог ... имел, скорее, ритуальное значение, сопровождая наиболее примитивные акты обмена».² В этом смысле обращение к теории залогового права в российской науке гражданского права последнего десятилетия, в законодательстве и в практике гражданского оборота представляется отчасти выражением исторической справедливости («серебряный век отечественного залогового права»), но одновременно предопределяет необходимость восприятия достижений дореволюционной цивилистической мысли и активизации современных исследований актуальных проблем залога.

Несмотря на то, что на протяжении своей двухтысячелетней истории — от Рима периода республики до сего дня — залог практически постоянно используется в качестве «ширмы» для «отчуждательных и полуотчуждательных сделок» (А.С. Звоницкий), позволяя заинтересованным лицам обходить разнообразные законодательные

запреты на приобретение имущества и принимая самые причудливые формы, основное значение столь сложного института гражданского (частного) права заключается, безусловно, не в этом. Залог значим в силу ряда обстоятельств:

1) говоря образно, залог исторически обладает «громадной разрушительной потенцией» в том смысле, что он способен сначала ограничить столь существенное правомочие собственника, как распоряжение, а затем и вовсе лишить залогодателя-собственника (вопреки его прямой воле) «самого абсолютного из абсолютных» и «самого вещного из вещных» прав — права собственности;

2) функционально залог опосредует правовую связь, предусматривающую установление альтернативной модели правоотношения (другие способы обеспечения исполнения обязательств предназначены для установления пределов расширения ответственности: по объему — в случае задатка или неустойки, по кругу лиц — при гарантии или поручительстве³);

3) залог — это правовой институт, который, опосредуя отношения, возникающие в гражданском обороте, придает ему рациональность и динамичность;⁴ так, например, залоговое обеспечение обязательств способно предотвратить кризис неплатежей в условиях нестабильной экономики;

4) особое значение имеет ипотека — залог недвижимого имущества, так как последнее, обладая высокой ценностью и инфляционной устойчивостью, обеспечивает получение кредита там, где формы личного обеспечения обязательств оказываются недостаточными гарантиями обоснованности и добросовестности намерений потенциального должника (в последнее время ипотека приобретает «социальное значение», так как ее рассматривают в качестве одного из основных способов решения «жилищных проблем» населения);

5) установленный на объекты недвижимого имущества залог позволяет выпускать высоколиквидные (в силу их вещной обеспеченности)

Сказанное предопределяет вывод: значение залога в хозяйственной жизни страны должно все более возрастать. Но сама законодательная конструкция залога, противоречия и пробелы в нормах о залоге, недостатки «механизмов» практической реализации залоговых форм обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования института залога, что во многом зависит от адекватного осмысления юридической природы залога, теоретической проработки проблем залогового права, на что, в конечном счете, и направлена данная работа.

Традиционно под «вещным правом» понимается право, предоставляющее его обладателю возможность непосредственного воздействия на вещь, т.е. возможность осуществлять это право без содействия обязанных лиц.⁵

Таким образом, сущностное различие вещных и обязательственных прав в том, что имеет решающее значение для удовлетворения интересов управомоченного лица: собственные действия, направленные на вещь (вещное право) или действия обязанного лица (обязательственное право). Но, как справедливо отмечает Ю.К. Толстой,⁶ обязательственный момент есть и в вещном праве; просто в области вещных прав поведение обязанных лиц на первый план не выступает, так как они обязаны лишь к тому, чтобы не препятствовать управомоченному лицу совершать (либо воздерживаться от совершения) действия по осуществлению своего права, то есть пассивная обязанность. Так, субъективному залоговому праву кредитора противостоит обязанность должника не препятствовать обращению взыскания на предмет залога, а также обязанность других кредиторов должника по обязательству, обеспеченному залогом, в том числе и младших залоговых кредиторов, соблюдать право преимущества (право преимущественного — перед иными кредиторами — удовлетворения из стоимости заложенного имущества) как одно из слагаемых залогового права.

Выделяются следующие характерные черты (признаки) вещных прав:⁷

- 1) непосредственное и исключительное господство (власть) над вещью;
- 2) бессрочный характер;
- 3) объектом выступает вещь;
- 4) требования, вытекающие из вещных прав, подлежат преимущественному удовлетворению по сравнению с требованиями из обязательственных прав;
- 5) право следования;
- 6) вещные права пользуются абсолютной

защитой.

Указанные черты не следует абсолютизировать, так как во многом они относительны: например, непосредственная и исключительная власть над вещью (как совокупность правомочий владения, пользования и распоряжения) и бессрочный характер вещных прав в полной мере присущи только праву собственности. Не случайно, из приведенного выше набора признаков (черт) вещного права законодатель в Гражданском кодексе РФ (ГК РФ) закрепил лишь некоторые, наименее спорные — применительно к институту права собственности, а при определении других (ограниченных) вещных прав — набор черт, как правило, ограничивается правом следования, преимущественного удовлетворения и указанием на абсолютную защиту (например, п. 3, 4 ст. 216 ГК РФ).

Все слагаемые правовой конструкции залога (классические черты залогового права) условно можно разделить на две категории:

а) вещные черты:

- *объектом* залогового права в «собственном («тесном» - В.М. Хвостов) смысле» выступает телесная *вещь*, а объектом залога в «несобственном («обширном» - В.М. Хвостов) смысле» - любое *имущество* (права, товары в обороте, «будущие» вещи);

- *право преимущества*, традиционно свойственное залоговому праву, означает, что залогодатель обладает правом первым удовлетворить свое требование среди других кредиторов данного должника (но исключения, предусмотренные отечественным законодателем (п. 3 ст. 25, п. 1 ст. 64 ГК РФ), нивелируют право преимущественного удовлетворения требований залогодержателя, низводя это право до третьей очереди);

- *право следования* обеспечивает сохранение залога в силе на все время действия обеспечиваемого залогом обязательства, даже если изменился субъект права собственности или иного вещного права на предмет залога — ст. 353 ГК РФ, ст. 38 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)»⁸ (т.е. «залоговое право следует за вещью»);

- залоговое право пользуется *абсолютной защитой* (заложенное имущество может быть истребовано от любого лица, в том числе и от собственника; субъективное залоговое право оберегается вещно-правовыми исками) — ст. 347 ГК РФ, п. 3 ст. 33 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)»;

б) *самобытные (залоговые) черты:*

- *принцип акцессорности* — то есть залоговое правоотношение является дополнительным (производным, вторичным) по отношению к другому правоотношению («основному» обязательству, в обеспечение которого и было установлено залоговое обременение), без которого оно утрачивает свое значение как вещного обеспечения (указанный принцип закрепляется в ряде норм, в частности, в нормах, содержащихся в ст. 329, п. 1 ст. 334, ст. 339, ст. 348, пп. 1 п. 1 ст. 352 ГК РФ; ст. 2, п. 1 ст. 11 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)»).

Залоговое право может проявить свою «самостоятельность» в двух формах: 1. путем отрешения вещного обеспечения от его связи с обязательством (например, некоторые национальные залоговые формы в ФРГ); 2. в виде поглощения личного требования вещным обеспечением (выражается в отсутствии личного иска к должнику о возврате долга, а заложенная вещь считается необходимым и достаточным эквивалентом «суммы долга»);

- *принцип специальность* означает установление залога на определенную вещь (хотя существуют и «генеральные ипотеки», по которым в залог передается все недвижимое имущество должника; залог товаров в обороте не позволяет определить вещь индивидуальными признаками);

- *принцип публичности* выражается в регистрации и учете залоговых прав, в возможности ознакомить заинтересованных лиц с залоговыми обременениями на конкретное имущество, что позволяет избежать многочисленных злоупотреблений в области залоговых отношений (п. 3 ст. 342 ГК РФ; ст. 26 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)»);

- *принцип неделимости залогового права* проявляется, в частности, в случае, когда обязательство при переходе в порядке наследования делится на несколько обязательств, то в обеспечение каждого нового обязательства залоговое право сохраняет силу в полном объеме (не делится), оно погашается лишь с удовлетворением всех «частичных» обязательств.

Набор характерных черт, слагающих правовую конструкцию залога, предопределяет решение вопроса о правовой природе залогового права, по которому существует, по крайней мере, три точки зрения:

- 1) природа залога — вещно-правовая;
- 2) з а л о г о б л а д а е т
обязательно-правовой природой;
- 3) природа залога — смешанная (двойственная — вещно-обязательственная).

Сторонниками вещно-правовой природы за-

логового права в дореволюционной цивилистике выступали, в частности: М.С. Варадинов (залог — это «право обеспечения в чужом имуществе, которому присущи черты вещного права»⁹), Е.В. Васьковский (залог — это «вещное право, позволяющее своему обладателю извлечь из телесной вещи ее имущественную ценность»¹⁰), Д.И. Мейер («залог представляется правом уже как бы правом на чужую вещь»¹¹), К.П. Победоносцев («залог представляет собой привилегию, направленную не против должника, а против других кредиторов», то есть залогому присущи принципы отношения к объекту (например, право преимущества), характерные для вещного, а не обязательственного права¹²), Г.Ф. Шершеневич (залог — это «право на чужую вещь, принадлежащее верителю в обеспечение его требования по обязательству и состоящее в возможности преимущественного удовлетворения из данной вещи»¹³). Среди современных ученых, последовательно отстаивающих вещно-правовую природу залога, можно назвать, например: А.А. Вишневого, К.И. Карабанову.

Вещно-правовой концепции залога придерживался Свод Законов Российской империи (ст. 476 Устава судов торговых — «залог есть не что иное, как отчуждение права распоряжения, составляющего нераздельную принадлежность права собственности»), проект российского Гражданского уложения,¹⁴ ГК РСФСР 1922 г.

Вещно-правовая природа залога с необходимостью подтверждается тем, что залоговому праву свойственны практически все признаки (черты) вещного права (за исключением двух, присущих исключительно праву собственности). Применение принципов (черт), слагающих правовую конструкцию залога, их набор — остается единым вне зависимости от того, что становится объектом залога: телесная вещь («залог в собственном смысле») или право («залог в несобственном смысле»); отношение этих принципов, их воздействие на разнородные объекты залога есть отношение (воздействие), свойственное классическому вещному праву, каким и является залоговое право.

Сразу оговоримся, что вещная природа залогового права не абсолютна, так как залог является ограниченным вещным правом и тесно связан со своей функциональной направленностью (реальный способ обеспечения обязательства, что предопределяет акцессорный характер залога).

Обязательно-правовой природы залога придерживались: К.Н. Анненков («залог... скорее характера права личного, чем вещного, с некоторыми, разве немногими чертами последнего»¹⁵), О.В. Гантовер («залог может быть разумею как право скорее по преимуществу с личным характером»¹⁶), В.М. Хвостов (залог — это «обязательственное право требования, при котором личность должника, обязанного уплатить заключающийся в залоге долг, определяется держанием заложенной вещи, а заложенная вещь является тем объектом, который в той или иной форме отвечает за неуплату этого долга»¹⁷) и другие.

Основные аргументы представителей данной точки зрения можно свести к следующим:

1) объектом залога может быть не только телесная вещь, но и имущественные права-требования (признак обязательно-правового права; однако, это кажущееся противоречие, которое можно преодолеть, о чем далее);

2) залоговому праву свойственны некоторые обязательно-правовые элементы (например, уступка прав требования по договору о залоге¹⁸), связанные с функциональной направленностью и акцессорностью залога (но это не существенные признаки залогового права, не слагающие его правовой конструкции, а значит — не определяющие его природу).

ГК РСФСР 1964 г. вывел залог в область обязательно-правового права. В.В. Витрянский, Б.Д. Завидов и ряд других исследователей¹⁹ делают вывод о том, что структурное расположение норм о залоге в ГК РФ (§3 — «Залог» Главы 23 — «Обеспечение исполнения обязательства» Подраздела I — «Общие положения об обязательствах» Раздела III — «Обязательственное право») также подтверждает отнесение законодателем залогового права к числу обязательно-правовых. Озвученная точка зрения подвергается справедливой критике (К.И. Карабанова, А.В. Черных), так как в действующем российском законодательстве был воспринят иной подход к оценке явления, заключающийся в переносе акцента с важнейших составляющих элементов (вещных или обязательно-правовых) на *целевую направленность* установления залога и объединения его по этому признаку с другими правовыми формами. Кроме того, есть мнение,²⁰ что отечественный законодатель вообще не придавал значения спору о правовой природе залога (проблема решается свободно, а в законе — только указание на функциональную направленность).

Довольно широкое распространение получила точка зрения,²¹ будто спор о вещно-правовой

или обязательно-правовой природе залога должен быть решен в форме признания двойственной (смешанной) природы залога. Среди определений, базирующихся на этой концепции, особого внимания заслуживает определение дореволюционного цивилиста В.Л. Исаченко:²² «залог создает для верителя так называемое залоговое право, по которому вместе с правом обязательно-правовым (то есть правом требовать от залогодателя удовлетворения его претензии), залогодержатель имеет и вещное право на заложенное ему имущество». Современные ученые также активно поддерживают и развивают данную концепцию в собственных определениях: «залог порождает два вида отношений — между залогодателем и залогодержателем и между залогодержателем и вещью, то есть, с одной стороны, залог — способ обеспечения должника путем установления относительной правовой связи с кредитором, а с другой стороны — непосредственная правовая связь залогодержателя и вещи» (Е.Б. Осипов, М.К. Сулейменов²³); «залоговое обязательство — это акцессорное обязательство, в силу которого залогодатель передает или обязуется передать вещь в залог, а залогодержатель приобретает вещное право на эту вещь и право на удовлетворение своих требований, имеющих денежный характер, преимущественно перед другими кредиторами» (К.В. Копылов²⁴).

Обязательственный элемент, на который ссылаются авторы приведенных определений, безусловно, наличествует, но связан не столько с правовой природой залога, сколько, пожалуй, с его функциональной направленностью (способ обеспечения обязательства).

Что касается признания «двойственной природы залогового права», то этот, казалось бы, всех примиряющий вывод представляется ошибочным по своей сути: «внутренняя двойственность», на что указывал более века назад А.С. Звоницкий,²⁵ есть противоречие между единством природы залогового права и разнообразием природы его объектов.

Правильным подходом²⁶ к определению сущности залогового права должно быть выделение признака единообразного внешнего воздействия на разнородные объекты залога (вещи и права); воздействия, заключающегося в использовании одних и тех же правовых принципов — слагаемых правовой конструкции залога — применительно к объектам совершенно различной внутренней природы. Единообразие правовых форм, средств, методов, способов, приемов воздействия на разнорядковые объ-

екты обеспечивает единство природы залогового права, а так как принципы (черты) залога (вещные, самобытные залоговые не противоречат вещным) — это сущностные характеристики вещного права, то следует признать единую вещно-правовую природу залогового права.

Но, даже соглашаясь с подобным выводом, нельзя отрицать тот факт, что «залог в обширном смысле» (прав, товаров в обороте) всегда мешал построению единой вещно-правовой теории залогового права. Выход, традиционно предлагаемый²⁷ и существовавший во все времена, — придание (признание) «фикции вещности» объектам «залога в широком смысле» (например, имущественным правам), то есть условное превращение многообразных объектов залога в один — «вещь» (необходимое условие реализации фикции вещности — непридание решающего значения, игнорирование классического правила: «никто не может передать прав больше, чем имеет сам»). Как следствие, появились теории, «втискивающие» «залог в широком смысле» в круг вещных прав — теории ценности и стоимости, абсолютных и относительных прав, теория залога «будущих вещей» и иные, определяющие залоговое право следующим образом: это «*абсолютное право на уплату определенной суммы, направляемое против обладателя определенного имущественного объекта и осуществляющееся в виде исключительного права взыскания*» (Л.А. Кассо²⁸); «*право залога есть условно осуществляемое право на определенную в количестве и в порядке меновую ценность из данного имущественного объекта*» (А.С. Звоницкий²⁹); «*в силу установленной юридической связи субъекта с чужим имуществом залогодержатель имеет юридическую возможность извлечь из заложенного у него имущества его меновую ценность, независимо и исключительно от лица постороннего*» (А.М. Гуляев³⁰); это «*право на меновую ценность объекта*» (Экснер³¹); это «*право на присоединение к имуществу определенной ценности путем превращения в ценность определенного объекта*» (Бремер³²); ряд других определений.

Интересно, что «фикция вещности» оказалась отчасти востребованной в современном российском гражданском законодательстве, например, в понимании предприятия как имущественного комплекса со своими активами и пассивами (долгами), то есть в понятие имущества включаются не только вещи, но и имущественные права, исключительные права, долги (ст. 132 ГК РФ).

Это общая тенденция российского законодательства — расширение объектов права собственности и иных вещных прав за счет 171

определенными признаками обязательственных прав, например, прав на действия.³³ Подобный подход — не новый в отечественной цивилистике: еще в 1918 г. И.А. Покровский отмечал,³⁴ что «в деловом обороте все более и более начинают смотреть на обязательство лишь как на некоторую имущественную статью: требование составляет часть в имуществе кредитора, долг — некоторый минус в имуществе должника».

Таким образом, последовательно реализуя «фикцию вещности» в отечественном законодательстве (в этом направлении уже многое сделано), можно *de jure* преодолеть разнообразие природы объектов залогового права, а последнее ввести в число ограниченных вещных прав, но с особым статусом, связанным с традиционной сопряженностью залогового права обязательствам, что обусловлено функциональной направленностью залога (обеспечение обязательства).

С учетом сказанного нами дается определение залогового права — это классическое (ограниченное) вещное право с функцией реального способа обеспечения обязательства.

Результатом проделанной работы стали следующие выводы:

1) анализ правовой конструкции залога показал, что помимо самобытных черт залоговой присущи большинство признаков вещного права, за исключением нескольких, свойственных праву собственности;

2) критическое осмысление понимания залога как сложного правового явления с «двойственной (вещно-обязательственной) природой» привело к признанию недостаточно обоснованным такого подхода; в действительности же имеет место единая природа залогового права и различная природа его объектов (вещей и прав);

3) единая природа залогового права предполагает и единообразное воздействие на объекты залога, обладающие разной природой, посредством принципов (черт), составляющих содержание залогового права; это воздействие и его форма, устанавливающие отношения субъекта (залогодержателя) к объекту залога, характерны именно для права вещного, а не обязательственного; отсюда — утверждение о единой природе залогового права, вещно-правовой природе;

4) проблема противоречия видов залога, объекты которых различны по природе, может быть решена в виде условного признания «вещности» залога прав, то есть приданием «фикции

вещности» тем объектам залога, которые более тяготеют к сфере обязательственного права, что возможно — при актуализации тенденций, существующих в действующем гражданском законодательстве.

Примечания:

- 1 В развитие теории залогового права вклад внесли, в частности: К.Н. Анненков, М.С. Варадинов, Е.В. Васковский, О.В. Гантовер, А.М. Гуляев, А.С. Звоницкий, В.Л. Исаченко, Л.А. Кассо, Д.И. Мейер, К.П. Победоносцев, В.М. Хвостов, Г.Ф. Шершеневич.
- 2 Медведев Д.А. Российский закон о залоге // Правоведение. 1992. № 5. С. 13.
- 3 Черных А.В. Залог недвижимости в российском праве. М., 1995. С. 35.
- 4 Черных А.В. Указ. соч. С. 3; Карабанова К.И. Залог в РФ: некоторые проблемы правового регулирования: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук (12.00.03). Волгоград, 1998. С. 3.
- 5 См., например: Римское частное право. М., 1997. С. 156; Хвостов В.М. Система римского права. М., 1996. С. 223; Гражданское право. Часть первая // Под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. М., 1997. С. 246.
- 6 Гражданское право. Т. 1. М., 2003. С. 392-393.
- 7 Там же. С. 395-397; Тимонина Ю.В. Категория ограниченных вещных прав в доктрине и законодательстве (общие положения). // Актуальные проблемы гражданского права. Вып. 2. М., 2000. С. 55-59.
- 8 Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 29. Ст. 3400; 2002. № 7. Ст. 629; Российская газета. 2004. 10 февраля.
- 9 Цит. по: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 2-е изд. М., 2000. С. 495.
- 10 Цит. по: Черных А.В. Залог недвижимости в российском праве. С.32.
- 11 Цит. по: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч. С. 494.
- 12 Цит. по: Черных А.В. Указ. соч. С.34.
- 13 Цит. по: Там же. С. 32.
- 14 См. в подтверждение: Плешанова О.П. О развитии залогового права России на рубеже XIX—XX вв. // Залог и ипотека в российском и зарубежном праве. Материалы международной научной конференции, состоявшейся в Институте государства и права РАН 8-9 декабря 1998 г. М., 1999. С. 55.
- 15 Цит. по: Черных А.В. Указ. соч. С. 32.
- 16 Цит. по: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч. С. 494.
- 17 Цит. по: Хвостов В.М. Система римского права. С. 334.
- 18 См., в частности: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч. С. 501-502.
- 19 См.: Там же. С.501; Завидов Б.Д. Анализ залога в гражданском праве России. М., 1999. С. 7.
- 20 Рубанов А.А. Залог и ипотека в законодательстве РФ и зарубежных стран // Залог и ипотека в российском и зарубежном праве. Материалы международной научной конференции, состоявшейся в Институте государства и права РАН 8-9 декабря 1998 г. М., 1999. С. 7.
- 21 Вишневский А.А. Залоговое право. М., 1995. С. 8; Будилов В.М. Залоговое право России и ФРГ. СПб., 1993. С. 5; Карабанова К.И. Залог в РФ: некоторые проблемы правового регулирования. С. 16; Копылов К.В. Залоговое обязательство в гражданском праве РФ: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук (12.00.03). - Екатеринбург, 2001. С. 4-5; Плешанова О.П. О развитии залогового права России на рубеже XIX—XX вв. // Залог и ипотека в российском и зарубежном праве. Материалы международной научной конференции, состоявшейся в Институте государства и права РАН 8-9 декабря 1998 г. М., 1999. С. 55.
- 22 Цит. по: Черных А.В. Указ. соч. С.32.
- 23 Цит. по: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч. С. 503.
- 24 Копылов К.В. Залоговое обязательство в гражданском праве РФ. С. 5.
- 25 См.: Черных А.В. Указ. соч. С. 40.
- 26 См., например: Там же.
- 27 Медведев Д.А. Российский закон о залоге // Правоведение. 1992. № 5. С. 14.
- 29 Цит. по: Черных А.В. Залог недвижимости в российском праве. С. 39.
- 28 См.: Кассо Л.А. Понятие о залоге в современном праве. М., 1999. С. 16.
- 30 Там же.
- 31 Там же.
- 32 Там же.
- 33 Подробнее см.: Брагинский М.И. Гражданский кодекс и объекты права собственности // Российское право. 1997. № 4. С. 79.
- 34 Цит. по: Кассо Л.А. Понятие о залоге в современном праве. С. 17.

ЭКОЛОГО - ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ

Сегодня создается впечатление, что люди забыли историю своего народа, своих предков, а думают только о сиюминутной наживе. Рынок диктует свои условия, а люди безвольно подчиняются им. Не думают и, что еще страшнее, не хотят думать о будущем.

Взять, к примеру, успешную и хвалимую сегодня нефтяную отрасль хозяйства. По данным, приведенным в передаче А. Караулова «Момент истины» от 4 мая 2003 г., на грани рентабельности находится 70% нефтяных приисков, а за гранью выработки 70 %. Где же, спрашивается, историческая память народа? Или уже забыли о том, что цивилизация острова Пасхи, вырубив все деревья, не смогла обеспечить свое будущее и прекратила существование. Неужели хотят, чтобы и у России было такое «будущее»?

Обществу давно известно, что родители, занятые на работе, обеспечивающие своих детей материально, не имеют возможности уделять должное внимание вопросам воспитания, в т.ч. формированию экологической культуры. Эту функцию должно взять на себя государство. В развитом демократическом государстве эта функция в значительной степени лежит на общественных институтах. Но в нашей стране, где демократия находится в стадии становления и утверждения, повышение эколого-правовой культуры должно проходить под контролем государства. Этот процесс должен направляться государственной властью, способствовать формированию тех общественных структур, которые вне зависимости от власти будут отстаивать экологическое благополучие и защищать окружающую среду.

Повышение правовой культуры народа может идти, как минимум, двумя путями: посредством закона и четко направленной информационной политикой. От закона требуется продуманность норм, их не подвергаемая сомнению императивность, а от государства - контроль за соблюдением и исполнением. Информационная политика может проявляться через систему образования, молодежную политику, мероприятия социально-направленного характера, через средства массовой информации.

Следует отметить, что в федеральном законе «Об охране окружающей среды» вопросу экологической культуры и образования посвящена 173

глава XII «Основы формирования экологической культуры». В статье 71 законодатель провозглашает, что в целях формирования экологической культуры устанавливается система всеобщего и комплексного экологического образования. Она состоит из :

- дошкольного образования;
- общего образования;
- среднего, образования;
- профессионального и высшего профессионального;
- послевузовского профессионального образования;
- профессиональной подготовки и повышения квалификации специалистов.

В эту систему также входит распространение экологических знаний, в том числе через средства массовой информации, музеи, библиотеки, учреждения культуры, природоохранные учреждения, организации спорта и туризма.

Причем, согласно 72 статье, в дошкольных, общеобразовательных и дополнительного образования учреждениях независимо от их профиля и организационно - правовых форм преподаются основы экологических знаний. В соответствии с профилем образовательных учреждений по профессиональной подготовке, переподготовке и повышения квалификации- преподаются учебные дисциплины по охране окружающей среды, экологической безопасности и рациональному природопользованию.

В дополнение закон устанавливает обязанность для руководителей организаций и специалистов, которые ответственны за принятие решений при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, которая оказывает, или может оказать негативное воздействие на окружающую среду, иметь подготовку в области охраны окружающей среды и экологической безопасности. Корреспондируется с предыдущими нормами и норма статьи 74 об экологическом просвещении. Данная функция возложена на органы государственной власти, государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, на общественные объединения, СМИ, образовательные учреждения, учрежде-

ния культуры, музеи, библиотеки, природоохранные учреждения, организации спорта и туризма, иные юридические лица. Однако не секрет, что между теорией и практикой существует большая разница. Буква закона еще не обозначает выполнение данной нормы в повседневной жизни. Таким образом, между теоретическими положениями и реальной жизнью есть существенный разрыв. Почему и как он возник? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо вспомнить, как обстояло дело с экологическим образованием в России до сегодняшнего времени. В России, начиная с XVIII в. и до 20-х гг. XX в., отдельные экологические вопросы рассматривались в рамках преподавания естествознания. Затем, информация, связанная с вопросами экологии, преподносилась школьникам, в основном, в связи с обучением их основам сельскохозяйственного производства. С 30-х гг. экологическое просвещение осуществлялось в процессе естествознания и биологического образования школьников. В 60-е гг. появляется новый предмет под названием «Природоведение», который закладывал основы экологической культуры уже в начальной школе. Во второй половине 80-х гг. формируется система собственно экологического образования учащихся.

В конце 90-х гг. XX в. под влиянием объективных факторов начались научные дискуссии о дальнейшей стратегии отечественного образования в области экологии, поиск нетрадиционных подходов. Сложилась ситуация, когда при возрастании объема знаний учащиеся все меньше знают и все хуже пользуются своими знаниями на практике. Жизнь стала чрезвычайно динамичной. Она сталкивает нас с немыслимыми ранее проблемами, справиться с которыми, опираясь только на старое знание невозможно. К такого рода проблемам относится и экологическая тематика, которая преподносит нам такие «странные явления» как озонные дыры и глобальное потепление, трансгенные продукты и клонирование человека. В последнее время все более заметны тенденции к созданию новой образовательной парадигмы, суть которой состоит в сосредоточении основных усилий не на усвоении объема информации, а на обучении людей самостоятельно мыслить и, соответственно, иметь возможность вовремя приспособиться к стремительно меняющейся жизни.

В Китайской Народной Республике уже идет процесс реформы базового образования. Одними из главных идей являются ориентация знаний на практику, их усвоение через исследовательскую практическую деятельность ученика, проявление интереса к непрерывному обучению

на протяжении всей жизни. Это вполне сочетается с теми задачами, которые ЮНЕСКО поставил новому XXI в.: научиться познавать; научиться действовать; научиться жить в сотрудничестве; научиться выживать (Сяо Су. Реформа базового образования в Китае // Народное образование. 2002. N 7. С. 53-60). Заимствование этого опыта, обогащение им нашей школы существенно сократит разрыв между теорией и практикой.

Возможно, мы повторимся, но необходимо менять и отношение к закону, которое в России выражалось в известном афоризме: «Строгость наших законов всегда компенсировалась необязательностью их исполнения». Для изменения такой ситуации необходима серьезная, зачастую тяжелая, воспитательная работа. Воспитание же, как известно, немыслимо без образования, обучения. В дошкольном и младшем школьном возрасте обучение строится на эмоционально - образном подходе, так как формирование отношения к природе должно начинаться с воспитания эстетических чувств к ней. В средней школе необходим уровень природоохранных и системных экологических знаний, которые должны подкрепляться действиями. Последние, в свою очередь, формируют навыки и личный опыт общения с природой. Целенаправленное формирование рациональных взаимоотношений человека и окружающей среды есть одна из важнейших задач общего образования вообще и экологического образования в частности. (Тюмасева З. Почему экологическое образование не выполняет свою основную функцию // Народное образование. 2003. N 2. С. 55). Человек общается с природой как организм и как личность. Поэтому и необходимо видеть взаимоотношения с окружающей средой в двух аспектах: природном и социальном. Если первому аспекту в большей степени соответствует изучение дисциплин естествознания, то второму экологического права. Во многих школах экологические дисциплины вводятся с 1 класса. В школах на 2000/2001 уч. год Министерством образования включены материалы по следующим темам: развитие представлений детей об окружающем мире, развитии экологической культуры детей, окружающий мир, биология, экология, естествознание. Издаются пособия по экологическому образованию детей: справочники и энциклопедии, содержащие сведения о животном и растительном мире разных регионов, почвах, проблемах экологии и будущем человечества. Выпущены фильмы, посвященные экологии г. Москвы. (Сведения о Москве здесь и далее взяты из доклада о состоянии окружающей природной

среды Москвы в 2000-2001 гг.) Большую роль в экологическом образовании играют учреждения дополнительного образования. В Москве, к примеру, это Московская городская станция юных натуралистов (:МГСЮН), Центральная станция юных натуралистов и экологов (ЦСЮН), Клуб эколога - натуралиста, Детский экологический центр и др.

Внешкольная работа также важна. Педагог и психолог А. Обухов со старшеклассниками из Московского Лицея N 1553 занимался исследовательской деятельностью в деревнях Русского Севера. (Обухов А. Человек в гармонии с природой. // Народное образование. 2003. № 3. С. 185-191).

Исследование бытия человека в мире позволило подросткам увидеть природу и приобщиться к культуре. Начал действовать проект молодежного экологического туристско-спортивного добровольческого лагеря «Чистый Селигер - 2003», который выполняет сразу несколько воспитательных задач. Восстанавливается деятельность школьных лесничеств (Средняя школа. № 23 Советского района Ханты-Мансийского автономного округа). Созданы колледжи и техникумы экологического профиля. В них ведется подготовка по специальностям: «Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов», «Охрана атмосферы на предприятиях», «Эксплуатация оборудования и систем водоснабжения и водоотведения», «Мониторинг загрязнения атмосферного воздуха», «Мониторинг загрязнения почв». В вузовской системе Госстандарт ввел учебную дисциплину «Экология». В учебные дисциплины соответствующих специальностей включены курсы экологического профиля. В ряде вузов успешно действуют кафедры охраны природы, экологии (Тверской госуниверситет), экологические факультеты.. Сформирован перечень экологических специальностей, в рамках которых вузы готовят специалистов-экологов. Международный независимый эколого-политологический университет, являющийся негосударственным вузом, также ведет деятельность по экологическому воспитанию и образованию. Цель такой многоплановой работы: дать понять будущим специалистам, что любая профессиональная деятельность должна учитывать законы развития природы и общества, показать, каким образом каждый из них может оказать влияние на состояние окружающей нас природы. Но еще большая цель состоит в том, чтобы это осознали не только специалисты, но и все граждане России.

Отметим однако, что путь образования и воспитания достаточно долг, да и невозможно всех людей выровнять под одну «эколого-правовую

гребенку». Необходимы также весьма важные меры, чтобы заставить всех соблюдать правила поведения, которые защищают от вреда окружающую среду. Какие же меры необходимо принять по оздоровлению экологической ситуации? Их можно подразделить на несколько групп. Первая группа экономико-правового характера. Необходимо четко разобраться с налоговыми поступлениями в бюджеты разных уровней. Этот вопрос касается и платы за загрязнение окружающей среды. В настоящее время плата за загрязнение окружающей природной среды регулируется ст. 16 ФЗ от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды».

В данной статье говорится, что негативное воздействие на окружающую среду является платным. А формы платы за такое воздействие должны определяться федеральными законами. Но на сегодняшний момент ни в одном ФЗ формы платы не установлены, они есть лишь в постановлении Правительства РФ от 29 августа 1992 г. № 632.

ВФЗ «О бюджетной классификации РФ» плата за загрязнение окружающей природной среды содержится в разделе налоговых доходов бюджета. Согласно ст. 19 ФЗ «Об основах налоговой системы в РФ» к числу федеральных налогов отнесены платежи за пользование природными ресурсами. Плата за загрязнение окружающей природной среды зачисляется в федеральные и региональные бюджеты. Действовавшая ранее система экологических фондов ликвидирована.

Таким образом, плата за загрязнение окружающей среды, как один из платежей за пользование природными ресурсами, является, в силу прямого указания закона, федеральным налогом. В ФЗ «Об основах налоговой системы в РФ» (п. 2 ст. 19) установлено, что федеральные налоги и порядок зачисления их в бюджет устанавливаются законодательными актами РФ. Постановление Правительства РФ от 28 августа 1992 г. N 632 не относится к законодательным актам РФ, следовательно, не может устанавливать налоговые платежи.

Таким образом, плата за загрязнение окружающей среды, являясь по своей правовой природе налогом, установлена Правительством РФ с нарушением своей компетенции. Верховный Суд РФ не мог не заметить данные нарушения. Поэтому 28 марта 2002 г. было принято Решение N2 ГКПИ 2002-178, в котором указанное по-

становление признано незаконным (недействительным). Также в данном решении ВС РФ указано, что плата за загрязнение окружающей среды не имеет характера целевого налога, и средства от нее не направляются на природоохранные мероприятия. Это подтверждается ФЗ «О федеральном бюджете на 2002 год». Согласно ст. 16 ФЗ «Об охране окружающей среды» внесение платы не освобождает субъектов хозяйственной и иной деятельности от выполнения мероприятий по охране окружающей среды и возмещения вреда окружающей среде. В силу ст. 77 того же закона вред окружающей среде, причиненный субъектом хозяйственной и иной деятельности, возмещается в соответствии с утвержденными в установленном порядке таксами и методиками исчисления вреда окружающей среде, а при их отсутствии исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды. Таким образом, плата за загрязнение окружающей среды взимается сверх и помимо платежей, направленных на природоохранные мероприятия. Поэтому взимание такой платы, представляющая собой незаконно установленный налог, не может быть оправдано необходимостью проведения природоохранных мероприятий.

Однако необходимо видеть и другую сторону решения группы проблем экономического характера. По данным заместителя начальника департамента природных ресурсов по Центральному округу А. Клименко лишь 0,08% от себестоимости продукции, производимой предприятиями Московской области составляют экологические платежи. Это при том, что в развитых странах вышеуказанные платежи составляют до 10% (Снимите грязную обувь! // Московский комсомолец от 20/У-2002 г. Интервью с А. Клименко). Мы о таких отчислениях пока лишь можем мечтать.

Еще один пример из жизни Подмоскovie. Нет заинтересованности проводить плановые рубки леса. «Вот пример - эпидемия короеда-типографа. Семьдесят процентов перестойного леса в Подмоскovie. Что может сделать лесник? Составить протокол и послать его в административную комиссию. А она в лучшем случае оштрафует на 10 МРОТ... А он вырубил дерево и продал его в три раза дороже. ... Надо делать такие штрафные санкции, чтобы выгодно было заниматься плановой рубкой, а не хищением». (Там же. МК от 20.05.2002 г.) Это один из методов правового, по сути и содержанию, решения вопроса.

Еще один пример экологически направленной налоговой политики связан с процессом

озеленения. В Германии озеленение крыш, как средство улучшения экологического состояния городов, включено в федеральный закон об охране природы. Там озеленяют практически все крыши, начиная с административных и заканчивая жилыми. При этом местные власти даже вводят налоги для тех, кто не использует крыши для озеленения. Токийский муниципалитет недавно обязал владельцев новых зданий разводить сады на крышах для того, чтобы снизить температуру в городе. Распоряжение касается зданий площадью в 1000 кв. м.

Определенный опыт есть и у Москвы. По мнению заместителя руководителя Департамента природопользования Москвы Натальи Бринзы есть зеленые зоны, которые могут зарабатывать, используя свой рекреационный ресурс. «Например, гольф-поляна в Сетуни не только приносит прибыль городу, но фактически финансирует все природоохранные мероприятия на прилегающей территории» («Известия» от 02.07.2003 г. С. 7).

Таким образом, правильное сочетание экологических и экономических вопросов приводит к гармоничному решению проблем в области этих двух направлений.

Вторая группа мер - внедрение достижений научного прогресса и зарубежного опыта. Здесь можно привести огромное количество примеров. Многие помнят недавние пожары (летом 2002 г.) в Московской области. В настоящее время специалисты Института биохимической физики Российской Академии наук разработали препарат, относящийся к группе антипиренов, т.е. веществ, предотвращающих горение. При добавлении данного препарата в воду, используемую для тушения лесных пожаров, жидкость превращается в своеобразный гель. Именно он оказывает большее воздействие на локализацию горящих площадей, чем вода. Интересно и сопутное решение еще одной проблемы: новый антипирин изготавливается из крахмалосодержащих пищевых и сельскохозяйственных отходов, что существенно облегчает финансовую и производственную проблемы их утилизации («Московский комсомолец», от 10/06-2002 г. С. 6).

Еще одно новшество связано с автономными энергоустановками. В 1998 г. в федеральном конкурсе проектов индивидуального строительства победила программа «Экодом» ученых из новосибирского академгородка. Главная идея состоит в использовании отопления на основе каталитического генератора тепла, биотуалета, оранжереи для очистки воды и воздуха, выращивания зелени в течение всего года. Подобная

идея энергосберегающих и автоматически управляемых технологий увлекла мэра г. Москвы Ю.М. Лужкова, объявившего о планах строительства в столице компактных энергоблоков, рассчитанных на 5-6 жилых корпусов. В новых районах-новостройках, по типу района Куркино, будут устанавливаться автономные источники теплоснабжения. В Зеленоградском округе Москвы успешно внедряется система использования вторичного тепла от канализационных стоков. Внедряемое новое оборудование позволит, по предварительным расчетам, ежегодно экономить до 1455 тонн условного топлива. Таким образом, в трубы парового отопления будет идти тепло от уже использованных стоков горячей воды после соответствующей обработки. (Свет и тепло «Зкодома» // «Московская среда» N2 22(30), 18-24/06.2003. С. 5).

Ответом времени на загрязнение окружающей среды стало применение гидроботанического способа доочистки сточных вод. По данным ГУП «Мосводосток», высшая форма водной растительности, водный гиацинт эйхорния - интенсивно осветляет и дезодорирует сточные воды, легко культивируется в больших объемах. Эйхорния - плавающее растение, которое с помощью своих корней энергично извлекает из водной среды загрязнители, вызывает гибель кишечной палочки, многих болезнетворных бактерий, минерализирует нефтепродукты, обезвреживает токсины. Причем затраты, связанные с использованием эйхорнии, в 10 раз ниже, чем на известные традиционные методы очистки воды.

Зарубежный опыт также интересен. В двадцати километрах к западу от берегов Дании, на мелководье работает морская ветроэлектростанция — The Horns Rev. Она представляет из себя восемьдесят башен высотой от 80 до 100 метров, наверху которых вращаются огромные лопасти ветряков. Подобные экологически чистые электростанции вырабатывают электроэнергию объемом в 600 мегаватт-часов.

Следующая группа меры государственного регулирования и действенная политика на федеральном, муниципальном и местном уровнях. Например, в Подмосковье было создано государственное унитарное предприятие «Экосистема», целью которой является взятие под свой контроль полигонов для мусора. Данный вопрос является очень актуальным с учетом того, что Московская область занимает одно из первых мест в России по плотности населения: 331 житель на 100 га. земли.

Проявлением заботы о лесах стало проведение Лесной службой главного управления

Министерства природных ресурсов РФ с 17 сентября по 15 октября 2003 г. месячника леса в Подмосковье. В рамках этого мероприятия были осуществлены посадки редких лесных культур, озеленение территорий школ, больниц, детских учреждений, обустройство мест отдыха, уход за посевами в питомниках и в школьных лесничествах.

Еще одним подтверждением усиливающейся роли государства стало принятие программы «Охрана и гигиена окружающей среды и обеспечение экологической безопасности Мурманской области на 2003 год» (с бюджетом более 12 млн. руб.). В этой программе также уделено особое внимание научно-исследовательской работе и вопросам экологического воспитания. Также в данном регионе утверждена программа «Воспроизводство лесов Мурманской области на 2003 год».

Действенная политика на федеральном уровне зависит, во многом, от личности руководителя. В марте 2004 г. был обнародован факт выдачи министром природных ресурсов В. Артюховым лицензий на разведку нефти. За три последних дня своей работы в качестве министра он выдал 45 лицензий. Сменивший его на министерском посту Юрий Трутнев, сказал по этому поводу так: «Я всех предупредил, что необоснованным решениям не будет дан ход, а люди, которые решения принимали не будут со мной работать в дальнейшем». Будем надеяться, что новое руководство станет работать более эффективно. (Московский комсомолец от 13.03.2004. С. 2.).

Как известно, становление российской государственности и изменение ориентиров развития потребовали серьезного обновления законодательства. Этот процесс продолжается в известной степени и по сей день. Например, в мае 2002 г. Минздрав России утвердил санитарные правила о защите источников водоснабжения. Данная система предполагает трехуровневую защиту. Защитные зоны должны быть организованы и на подземных, и на наземных водопроводах, независимо от того частные они или государственные. («Московский комсомолец» от 11.05.2002 г. С. 1). Первый пояс станет защищать места водозабора от случайного или умышленного загрязнения или повреждения. Его граница должна проходить не менее чем в 30-50 м. от водозабора. Территорию первого пояса придется озеленить, оградить и обеспечить охраной. Дорожки к сооружениям необходимо сделать исключительно с твердым покрытием. В этой зоне

нельзя высаживать высокоствольные деревья, вести строительство, размещать жилые и хозяйственные здания, применять удобрения. Второй и третий пояса будут с менее жестким уровнем контроля. Их границы решено устанавливать в каждом случае отдельно, в зависимости от вида водопровода и прилегающих к нему строений. В зоне этих поясов запрещено размещение складов горюче-смазочных материалов, ядохимикатов и минеральных удобрений, накопителей промстоков. Также не разрешается устраивать там кладбища, скотомогильники, поля ассенизации, фильтрации и навозохранилища, животноводческие предприятия.

Интересно, что санитарные мероприятия в пределах первого защитного пояса должны проводить органы коммунального хозяйства и владельцы водопроводов. А защищать второй и третий пояс придется хозяевам расположенных на их территории объектов, которые могут оказать отрицательное влияние на качество воды.

Принятие государством современных, с точки зрения экологии, законов может в целом оздоровить ситуацию в стране по разным показателям. Например, по оценкам специалистов думского комитета по экологии, перевод с бензина на газ 10 тысяч автобусов только в Московской области даст ежедневную (!!!) экономию в 1,4 млн. руб. (Данные из газеты «Гудок», июнь 2003 г.).

Государство должно использовать свой ресурс и начавшее возрождаться вновь доверие народа в целях нормализации экологической обстановки в стране. Путь принятия закона и строгость его соблюдения отвечает принципам демократии.

В структуру мер государственного регулирования входит и система ответственности за экологические правонарушения.

В качестве примера можно привести сведения, относящиеся к осени 2003 г. На 17 крупнейших предприятиях столицы выявлены серьезные нарушения экологических требований. Общая сумма наложенных на них штрафов составляет ни много ни мало 1 миллион 78 тысяч рублей. Среди организаций, которым направлены пред-

писания о временной приостановке деятельности, МЗ «Нефтепродукт» (ОАО «МК Роснефть»), асфальтобетонный завод «Капотня», радиозавод ТЕМП, ЗАО «Мебельное производство Москва», «Московский судостроительный и судоремонтный завод». (Московская среда от 24-30.09.2003 г. С. 1).

Государство наказывает и правонарушителей - граждан. Так, по сведениям Мосрыбвода, с апреля по июнь 2003 г., т.е. во время запрета на ловлю нерестящихся рыб, было выявлено 2222 нарушения, задержано 2080 браконьеров, 1809 из них были оштрафованы на сумму более 1 миллиона рублей. У нарушителей было изъято 2966 орудий лова и 735 кг. рыбы. Мосрыбвод передал 141 протокол на возбуждение уголовных дел, 76 дел было возбуждено. («Московскийсомолец» (воскр.) 6-12.07.2003. С. 3). Однако бывают ситуации и хуже. По данным главы экологической милиции г. Москвы А. Костинова в 2002 г. его ведомством было возбуждено 200 уголовных дел по фактам незаконной вырубке деревьев. Но 150 дел вернулось из прокуратуры с отказом в возбуждении дела («Известия». 02.07.2003 г. С. 7). Аналогичная ситуация сложилась с незаконной добычей омуля в оз. Байкал. Около 10 тысяч браконьеров было задержано за год. (Нехаев О. Омулевая бочка // «Российская газета» №211 от 05.11.2002. С. 5). Из предъявленных исков за нанесенный ущерб реально возмещается браконьерами только шестая часть. К тому же многие рыбаки видят, как задержанный браконьер практически тут же выходит «в море». Исходя из этого необходимо вести речь и об ужесточении наказания, и о придании органам правопорядка реально защищающих природу функций, и о неотвратимости, неизбежности наказания. Только комплексные меры способны в ближайшее время серьезно оздоровить экологическую обстановку в нашей стране.

В.И. ЛАМАНСКИЙ - ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Гуманитарная катастрофа, угрожавшая на протяжении всего XIX в. уничтожением почти половины славянского мира, подталкивала ученых к попыткам осмысления исторического процесса и определения в нем достойного места и объективной оценки деятельности славянских народов. Они стремились создать своеобразную «славянскую» философию истории в противовес уже имевшейся к тому времени западноевропейской и, прежде всего, германской. Именно на конструировании этих историософских теорий и формировалось в XIX в. национальное самосознание славянских народов Восточной Европы и Российской Империи.

Вызванные к жизни бурными и драматическими политическими событиями в славянском мире, идеи, касавшиеся перспектив развития славянства и всей Европы, рождались в политических и научных кругах России и Австро-Венгрии. Как правило, все эти теоретические построения уходили своими корнями в достаточно давние национальные историографические традиции и, одновременно, опирались на новейшие для того времени философские трактовки прошлого, настоящего и будущего. Такое причудливое сочетание новой философии и традиционных национальных идей захватывало умы общественности Восточной Европы. В результате новейшие национальные идеи и связанные с ними теоретические построения, возымев обратное действие, формировали широкое общественное мнение в рассматриваемую эпоху относительно острейших вопросов современности.

В России XIX в. на этапе болезненной ломки социально-экономических отношений, сопровождавшей грандиозный переход от аграрно-феодальной системы к буржуазной, впервые формируется широкое национальное мировоззрение, аккумулировавшее в себе как традиционные православные духовные основы русского общества, так и новые для того периода политико-идеологические концепции. Этим мировоззрением, внесшим огромный исторический вклад в формирование национального самосознания русского народа, стало славянофильство.

Как верно замечает исследователь Е. Иванова, особенностью славянофильства являлось и то, что «это было прежде всего духовное и идейное, а не политическое течение, и поэтому у его сторонников преобладало не столько стремление объединиться вокруг общих догматов ради достижения конкретных целей, сколько стремление к бескорыстному исканию истины, исключающему любые тактические уловки», и «поэтому история славянофильства складывалась как история мыслителей, объединенных прежде всего общим стремлением к национальному самоопределению и самопознанию».¹ Именно отсюда вытекает широта определения понятия славянофильства, которая учитывает и почти полное отсутствие «общих основополагающих догматов» этого учения, и невыясненность до конца взаимоотношений между основными его представителями-теоретиками на разных временных этапах развития данного движения.

Славянофильство зародилось на переломе исторических эпох, феодально-крепостнической и капиталистической, как попытка идейного спасения России от предшествовавшей ей революционной катастрофы, к которой она, как, впрочем, и другие европейские державы того времени, в частности, Германия и Австро-Венгрия, неумолимо приближались всю первую половину XIX в. Буржуазные отношения неизбежно разрушали державшееся веками сословное устройство, в рамках которого каждый человек, как правило, рождался, жил и умирал в рамках своей общественной группы, имевшей особые права и обязанности в обществе, собственное предназначение в рамках общей социальной модели. Но гибель сословного строя не могла быть безболезненной и составляла внешнюю основу происходившей общественной ломки. Теперь в большей степени личные способности, социальная активность, деловые качества конкретного человека, а отнюдь не его происхождение определяли его место в обществе. Кто-то при этом повышал свой социальный статус, кто-то наоборот оказывался выброшенным на периферию жизни, даже являясь обладателем дворянского титула. Капитализм оказывался

неумолим в этом отношении. Между тем всякие попытки затормозить искусственным, силовым путем крушение старого сословного социального деления в истории европейских стран в XIX в. были тщетны и обречены. Они настолько грубо и неприкрыто ущемляли интересы молодого буржуазного класса, в основе своей состоящего из талантливых выходцев из «низов», что неизбежно вызывали революционные потрясения, прокатывавшиеся по Европе мощными волнами в 1830-м, 1848 — 1849-м гг. Деструктивные, антинациональные силы в каждой из стран, переживавших эти катаклизмы, использовали эту социальную конфронтацию в своих политических целях в борьбе за власть.

Россия с некоторым опозданием только во второй половине XVIII в. вошла в стадию ускоренного кризиса аграрно-феодальной системы и развития буржуазных отношений. Но и ей грозили все те же процессы, что и другим странам. Законсервировать полностью прежнюю сословную систему было в принципе невозможно. Необходима была либо относительно мирная длительная, менее болезненная модернизация, сопровождавшаяся глубокими реформами во всех сферах жизни. Либо, если эта модернизация являлась недостаточно глубокой и быстрой или не происходила вовсе, страну ждала неизбежная, жестокая и кровавая революция, которая в одночасье разрушала скопившиеся за века межсословные противоречия, но уже путем уничтожения в полном составе целых в прошлом привилегированных сословий. Консерваторы долго и упорно не желали смотреть правде в глаза и видели в стремлении разрушить прежние социальные устои лишь «крамолу», рассчитывая подавить ее силой армии, полиции и жандармского корпуса. Так они могли лишь на время, даже на несколько десятилетий сохранить существующий порядок, оттянуть крушение сословного строя. Но уже затем его обвал происходил в значительно более болезненных и катастрофических масштабах, чем это могло произойти ранее. Подавление политической оппозиции государственной власти и господствующим сословиям со стороны низших сословий и их представителей могло быть эффективным лишь в случае, когда силовое давление на радикальные элементы параллельно дополнялось бы глубокими социально-экономическими преобразованиями в интересах талантливой, активной части выходцев из «низов», раскрепощавших их творческий потенциал. В противном случае усилия «верхов» были исторически обречены. Консерваторы, сторонники «охранительного» направления русской общественной мысли так и не смогли этого понять. Что и привело в конечном итоге к исторической катастрофе 1917 г., в ходе которой погибла

тысячелетняя православная Россия и монархия.

Однако в среде русской национально мыслящей либеральной интеллигенции, составившей основу славянофильского направления общественного движения, возникли еще в 30-х гг. XIX в. идеи, открывавшие иной более прогрессивный путь развития России. Он опирался одновременно как на русские традиционные национальные, православные ценности и устои, так и на элементы социального компромисса, веками выработанными в обществе традиционными общинными, соборными механизмами и институтами, имевшимися в византийской, допетровской России. По мнению самих выразителей и носителей славянофильских целей, применение их могло способствовать, выражаясь современным языком, преодолению кризисных явлений в обществе. А это в конечном итоге могло отвратить Россию от неизбежного сползания к революционной катастрофе. Во всяком случае, славянофильский путь представлял собой альтернативный вариант развития страны.

На наш взгляд, в этом, безусловно, было определенное рациональное зерно. Ведь именно Православная Церковь помимо своего главного, религиозного предназначения, выполняла в русском обществе традиционно роль консолидирующей силы и своеобразного гасителя социальных, межсословных противоречий. Именно Православие внушало людям идею социального компромисса, в рамках которой богатый должен был помогать бедным, а тот в свою очередь не должен был помышлять о бунте против своего богатого соотечественника. Православное воспитание на государственном уровне в сочетании с возрождением и внедрением в общественную жизнь существовавших в допетровской Руси элементов соборности, могли в принципе смягчить приход капиталистического рационализма, сопровождавшегося крушением сословных границ и болезненной ломкой общества. Славянофилы, которые фактически в первой своей генерации 30-х - 50-х гг. XIX в. являлись по сути «православиефилами» и «руссофилами», а не «славянофилами» в собственном смысле этого понятия, искренне желали блага своей стране. Они отнюдь не поддерживали выродившееся крепостничество и карательно-бюрократическую систему России эпохи императора Николая I. В то же время они вовсе не призывали автоматически вернуться в прошлое, в допетровские времена, понимая невоз-

возможность этого. Славянофилы поколения А.С. Хомякова стремились задействовать традиционные православные ценности, ушедшие соборные институты и общественные механизмы в сочетании с современными им либеральными воззрениями для национальной консолидации русского общества в его движении вперед. Не их вина, что реализовать эти идеи на практике не удалось и произошло то, что произошло.

Как уже отмечалось, особенностью как раннего, так и позднего славянофильства было то, что оно не было относительно однородным, четким и целостным учением, таким как, например, марксизм или германский национализм, где четко, «по полочкам» все было идеологически разложено и истрактовано. Славянофильство этим не располагало. Это рождало определенную путаницу, эклектизм у славянофилов во взглядах и давало пищу их идейным противникам для критики как в XIX в., так и в более поздние эпохи. Кроме того, необходимо отметить в качестве особенности стремление многих теоретиков славянофильства свертывать свои идеи в загадочные формулы. Такая странная манера позволяла другим людям, как современникам, так и историкам, комментировать их на свой лад, порой невольно извращая изначальную суть.

Об идейной принадлежности известного петербургского слависта Владимира Ивановича Ламанского (1833 - 1914) его современники-сторонники и оппоненты не спорили: в их глазах он однозначно был славянофилом. Советская историческая наука также относилась к славянофилам, при этом уточняя, что к так называемым «поздним» представителям этого направления.

В вопросе о славянофильстве В.И. Ламанского прежде всего интересно то, с кем отождествлял себя сам. Ответ мы находим в статье «Открытый ответ генералу Кирееву», в которой В.И. Ламанский причисляет себя к славянофилам. Ученый пишет о том, что «с начала 50-х годов я всей душою примкнул к этому направлению... Я принимал участие в их органах, в «Русской беседе», «Дне», «Москве», «Руси». Для «Паруса» были приготовлены мною славянские письма ...».² Но здесь же В.И. Ламанский добавляет о том, что к «новейшим нашим славянофилам не имею чести принадлежать».³ То есть ученый сам определял себя как приверженца старого славянофильства и, если не противника, то, по крайней мере, не поклонника нового направления этого течения.

Изучая научное наследие профессора-слависта, важно выяснить, в чем

же заключается особенность славянофильских воззрений В.И. Ламанского, что не дало ему возможность принять «новое», по его выражению, славянофильство, которое он фактически отвергал в тот момент.

В современном ему научном русском обществе он видел два идейных направления - европейское (западническое) с его двумя разветвлениями - консервативным и либеральным и так называемое славянофильское. Первое господствовало в России фактически с эпохи Петра I, то есть практически в течение более полутора веков к моменту вступления в сознательную научную жизнь В.И. Ламанского. Второе сформировалось значительно позднее лишь в 30—40-е годы XIX в. и было представлено такими высокообразованными, как объективно считал В.И. Ламанский, и даровитыми представителями как А.С. Хомяков, братья Киреевские и И.С. Аксаков. Различие между направлениями, западническим и славянофильскими, состояло, по мнению ученого, главным образом, в понимании исторической миссии России. Если консерваторы «возлагали на Россию задачу охранять законный, существующий порядок в Европе, ее тишину и спокойствие», а либералы видели главную задачу России в «охранении европейской цивилизации как всемирной», верили в ее непогрешимость, нравственную высоту и «стремились к устранению всего русского, непохожего на европейское», то славянофилы, по мнению В.И. Ламанского, «признавая все величие новейшей европейской цивилизации и громадные заслуги романо-германской Европы в науке и искусствах и в общежитии ... утверждали, однако, что эта цивилизация не есть всецело общечеловеческая и единственно возможная, что, напротив, новейшее ее развитие не устраняет, а даже вызывает необходимость появления иной, новой высшей культуры и цивилизации».⁴

Следовательно, считал В.И. Ламанский оба данных направления, как консервативное, так и либеральное ориентированы на существующую Европы, которая, в свою очередь, также одновременно являлась и консервативной, и либеральной. И соответственно каждое направление российской общественной мысли имеет внутреннюю связь с духовно близкой частью европейского социума.

Целью же славянофильского направления, по мнению ученого, являлось способствование становлению новой цивилизации - славянской, которая, обладая даже определенной односторонностью, как и все цивилизации, выдвигает иные высшие начала, не развитые или, по крайней мере, слабо развитые в романо-германской,

падной цивилизации. Профессор справедливо утверждал, что славянская цивилизация относилась к особому цивилизационному типу, обладавшему собственной культурной, духовной и этнической самобытностью. И поэтому, по его мнению, глубоко ошибочным являлся поверхностный подход отечественных и зарубежных либералов, считавших либерализм передовым движением, а славянофильство набором отживших идей и ценностей. К сожалению, и в современный период нередко можно встретить подобную чрезмерность упрощенную и неправильную трактовку славянофильства, исходящую от неолибералов. В.И. Ламанский считал неуместным «смешивать либеральное с западничеством, а ретроградное со славянофильством. Скорее славянофильство, чем западничество несет положительный идеал».⁵ Поскольку, по мнению ученого, именно славянофилы придавали особое значение «просветительскому началу» и христианству.

В качестве других важных черт славянофильства В.И. Ламанский выделял следующие:

- славянофилы строят изучение Европы и России «из прямых источников, без посредничества наших европеистов из русских и из иностранцев»;⁶

- славянофилы признают крестьянство хранителем народности, считая его наиболее «здоровой частью общества»;

- славянофилы никогда не выдвигали одну народность, племя или расу и никогда не «бредили о расовой культуре»;

- у славянофильства «никаких догматов своих и особенных, кроме догматов православных, в заводе не было». Все крупные представители течения «необычайно дорожили наукой и безусловно для нее необходимой свободой человеческой мысли»;

- славянофильство - это не программа действий в той или иной политической обстановке. «Славянофилам и на ум не входило ... давать предписания на будущие времена, как нам поступать при изменившихся обстоятельствах», с замечает В.И. Ламанский.

К данным характеристикам славянофильского направления общественной мысли логично присовокупить еще два замечания профессора, касавшихся как названия самого движения, так и отношения других ученых-славистов к нему. По поводу названия В.И. Ламанский отмечал, что термин «славянофилы» не является самоназванием. Он указывал, что «эта кличка была дана арзамасцами адмиралу Шишкову и его друзьям, а в 40-х гг. перенес ее на А.С. Хомякова и его

друзей московско-петербургский литературный кружок А.И. Герцена, В.Г. Белинского и Грановского». Объяснить столь пристальное внимание В.И. Ламанского к названию направления, можно только предположив, что, по его мнению, оно не точно отражало собственную сущность, а возможно даже и вовсе не имело ничего общего с деятельностью представителей движения и их идеями.

Рассматривая проблему отношения ученых-славистов к славянофилам как политикам, В.И. Ламанский, по сути, одновременно принадлежавший к обеим группам, категорически возражал против противопоставления славистики как научного направления и славянофильства как общественного движения, бытовавшее во второй половине XIX в. в некоторых околонуточных кругах. Он обращал внимание на расхожее мнение о якобы имевшем место несочувствии первых славистов - Прейса, Срезневского и Григоровича к славянофилам. «Собственно говоря, - писал В.И. Ламанский, - это замечание (о несочувствии) верно только относительно Срезневского, который вообще не любил никаких общих вопросов, идей и строго держался области эмпиризма. О мнении Прейса нам ничего не известно, у Григоровича ничего противного славянофильству не находим».⁷ В.И. Ламанский, вопреки мнению о противопоставлении данных научного и общественного направлений, считал, что, напротив, происходил процесс постепенного сближения идей славянофилов и ученых-славистов.

В.И. Ламанский в изложенных выше тезисах вывел лишь самые общие, абстрактные, схематичные очертания славянофильства. Более глубоко, широко и в то же время конкретно подробную характеристику этого направления российской общественной мысли ему было сложно. И на то, на наш взгляд, были свои, вполне объективные причины. Во-первых, не пришло еще время в тот период объективно и скупственно оценивать славянофильство. Во-вторых, необходимо признать, что вообще в целом все мировоззрение ученого представляется очень сложным и весьма противоречивым. Поскольку в нем в удивительной степени оказались переплетены наука, политика, а также мечты и идеалы. Мировоззрение В.И. Ламанского вообще невозможно понять, отделив его от контекста той политической обстановки в России и в Восточной Европе второй половины XIX века, в условиях которой ему довелось жить и творить.

В.И. Ламанский, как он сам неоднократно замечал, увлекся славянофильством в начале 50-х гг. XIX в., будучи студентом Санкт-Петербургского университета.

бургского университета. В это время еще были живы «основатели» этого направления - братья И.В. и П.В. Киреевские, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, набрали силу Ю.Ф. Самарин, И.С. Аксаков. Возможные расхождения в частных вопросах, по словам друга молодости В.И. Ламанского И.С. Пальмова, не разрушали этической гармонии основного их мировоззрения. Именно им принадлежит заслуга в определении духовных основ русского характера, опиравшегося на христианские ценности и общинные традиции. Славянофилы ставили Православие в центр своей идеологии и утверждали, что оно имеет несомненные преимущества перед всеми другими религиями и конфессиями, в том числе и перед католицизмом. Широко известный в 70-е - 80-х гг. XIX в. руководитель революционной антигосударственной террористической организации «Народная воля» Л.А. Тихомиров, вскоре после убийства его соратниками царя-реформатора Александра II 1 марта 1881 г. эмигрировавший из России на Запад, где в корне пересмотрел свои прежние взгляды и вернулся, будучи убежденным монархистом, на Родину при императоре Александре III, изучал славянофильское направление отечественной общественной мысли. Он и его друг-единомышленник, священник И. Фудель в конце XIX столетия определяли деятельность «старших», то есть ранних представителей славянофильства как первую фазу русского национального самоопределения. В первых славянофилах было представлено русское национальное чувство, именуемое некоторыми исследователями «руссофильством», в значительно большей степени, нежели чем собственно любовь к славянам. По мнению Л.А. Тихомирова, в 30-е - 50-е гг. XIX в. Россия пыталась понять, что она собой представляет в национально-религиозном и культурном отношениях. Употребляя современные понятия и язык, пыталась выяснить к какому цивилизационному типу она относится - западному, европейскому или самобытному, как считали славянофилы. Ответ на этот вопрос наша страна и ее общество пытались дать, анализируя глубинные пласты своей истории, пристально всматриваясь в свою внутреннюю сущность.

Один из духовных вождей раннего славянофильства И.С. Аксаков писал в 1849 г. в своих «показаниях» на имя императора Николая I: «Признаюсь, меня гораздо более всех славян занимает Русь, а брата моего, Константина, даже упрекают в совершенном равнодушии ко всем славянам, кроме России и то даже не всей, а собственно Великодержаве». ⁸ Столь же показательны и замечания самого императора на полях напротив этого места в тексте, написанном И.С.

Аксаковым. Государь собственноручно начертил: «И дельно, потому, что все прочее - мечта. Один Бог может определить, что готовиться в дальнем будущем. Но ежели бы стечения обстоятельств и привели к этому соединению, то оно будет на гибель России». ⁹ На наш взгляд, здесь очень глубоко высказано понимание царем, которого советская историография с идеологических позиций многие десятилетия представляла очень недалеким, невежественным человеком, мысли о том, что Россия прежде всего должна заботиться о себе, о своем собственном процветании и величии, а уже через призму этого, когда позволяют ей возможности, должна оказывать помощь братьям славянам. Но лишь тогда, когда они сами ее об этом станут просить и при условии, что Россия от этого не пострадает, а только приобретет. Весь последующий исторический опыт второй половины XIX - XX вв. веков, когда Россия приносила себя в жертву другим народам, подтверждает правоту этой мысли.

Эта особенность ориентации внутри страны славянофильства 30-х - 40-х гг. XIX в. не могла ускользнуть из поля зрения В.И. Ламанского. Славянофильству еще только предстоит к последней четверти XIX столетия стать направлением общественной мысли, полностью соответствующем в своих идеологических основах, целях, во всей своей сущности собственному названию, которое расшифровывалось дословно как «любовь к славянам». Иными словами, данное течение, сохраняя прежнее название, сменило приоритеты. На первый план выходит именно панславистская геополитическая и цивилизационно-культурная составляющая движения. А русская национально-православная идея, составлявшая базис раннего славянофильства и претендовавшая на роль консолидирующей силы в обществе в николаевскую эпоху, постепенно в период либеральных реформ Александра II теряет свои позиции в обществе в целом и среди славянофильской интеллигенции. При Александре III национально-консервативный вектор в развитии российского общества вновь заметно усилился. Однако это уже не влияло кардинально на сущность позднего славянофильства. Оно вместо сосредоточения на внутри российской социальной борьбе за сохранение самодержавной монархии, ведущей роли русского этноса в государственной жизни и Православия как государственной религии против либерально-западнических, революционно-демократических и национально-сепаратистских сил, которая разгорелась с конца XIX - начала

XX вв., полностью окунулось в реализацию идеи консолидации всего славянского мира под эгидой России.

Фактически место ранних национально-ориентированных славянофилов-либералов через полстолетия на российской политической сцене заняли уже отнюдь не либеральные национально-монархические, православные, консервативные организации охранительного толка, составившие к 1905 г. костяк черносотенного движения. Поздние же славянофилы, будучи, по-прежнему, либералами, к черносотенству не имели абсолютно никакого отношения.

Накануне Первой мировой войны русские интеллектуалы панславистского направления тщетно тешили себя иллюзиями о том, что живущие на территории Германской и Австро-Венгерской империй «братья-славяне», главным образом, поляки, чехи, словаки, украинцы не станут воевать против России за чуждые им австро-германские интересы. Август 1914 г. жестко рассеял эти иллюзии, когда на полях Европы столкнулись в смертельной схватке миллионы молодых славянских мужчин в русских, австрийских и даже в немецких шинелях. Однако сам В.И. Ламанский, богатый событиями жизненный путь которого к тому времени подходил к своему завершению, уже длительный период не испытывал подобных иллюзий. Он разочаровался в славянстве, которое не оправдало его надежд и не позволило реализовать его мечты. Возможно, оно изначально не было в состоянии сделать то, чего от него ожидали русские славянофилы позднейшей генерации. Но чтобы понять все это, необходимо было пройти огромный по времени и насыщенности событиями путь. И все на данном пути, которое прошло течение с 30-х гг. XIX до начала XX вв. было вполне объяснимым и закономерным.

Если ранние славянофилы разъяснили российскому обществу и западному миру сокровенный смысл русской идеи, то на пороге встала реализация следующей задачи - разъяснить сущность общеславянской идеи как России, так и Европе. Но исторический парадокс заключался в том, что как только славянофилы ослабляют свою русскую национальную и православную составляющую, разворачиваясь «изнутри», «вовне», перенося центр своих интересов в славяноязычную центральную, Юго-Восточную и Восточную Европу, становясь собственно славянофилами в прямом смысле этого понятия, то в глазах многих своих сторонников и противников они перестают восприниматься истинными славянофилами. И их общественный вес, а также интерес к ним со стороны окружающих неизменно снижаются.

События конца 60-х - 80-х гг. XIX в. в славян-

ском мире и в России, а также развитие славяноведения как науки вливали в славянофильство новую струю и заставляли его выяснять свое отношение к политической обстановке, сложившейся в тот период. Все это привело к осмыслению ценностей, которые несло это течение, его роли в обществе.

Для В.И. Ламанского наиболее привлекательным фактором в славянофильстве этого периода являлась возможность свободомыслия в научном отношении, которую оно ученому предоставляло. Поскольку течение это все же было относительно молодое, еще не успевшее «заматереть» и догматизироваться, обрасти «авторитетами» настолько, чтобы закостеть, как большинство научных направлений и общественных течений. Где на молодого, пусть и талантливого, но еще малоизвестного, не обросшего степенями и званиями «инакомыслящего» смотрят в лучшем случае как на «выскочку», а в худшем - как на опасного «ниспровергателя основ». Хотя именно на здоровом, аргументированном «инакомыслии» в сущности держится как любая наука, так и любое общественное течение.

Ранее славянофильство научило В.И. Ламанского, ознакомившегося с духовным наследием своих идейных предшественников, «русскому воззрению» на примере анализа событий отечественной истории. Исходя из этого, В.И. Ламанскому было необходимо сформулировать русское воззрение на славянский вопрос в целом и в частности. Именно это и составляло содержание его многочисленных научных и публицистических работ. Среди них: «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», «Западно-славянские вопросы занимательны для нас и в мирное время», «Россия уже тем полезна славянам, что она существует», «Восточный славянский вопрос», «Славянский западный вопрос», «Три мира Азийско-Европейского материка» и других.

На рубеже 80-х - 90-х гг. XIX в. в силу объективных причин и исходя из внутренней логики развития данного движения достаточно четко обозначились три направления славянофильства.

Первое, национальное направление, делало ставку на русские этнические, религиозные самобытные, традиционные черты и ценности. Это направление не получило особого развития в России, поскольку у большинства русского народа в центральных губерниях империи не было в условиях незыблемости самодержавия, в общем русского по духу и содержанию, острой необходимости отстаивать в условиях острого противостояния с иными, враждебными

этнотами свою национальную, религиозную и культурную идентичность. Поскольку такой экспансии неславянских этносов в исконно славянские регионы России в тот период, в отличие от настоящего времени, не было. Следовательно, и угроза русскому этносу в виде перспективы потерять свой облик, ключевые позиции в экономике, социальной сфере на родине практически отсутствовала. Угрозы православию в царской России, где оно официально являлось государственной религией, тоже быть не могло. По крайней мере, не было открытой угрозы. А общеизвестно, что именно надвигающаяся опасность, общий враг лучше других факторов способствуют консолидации во всех случаях. Лишь на окраинных землях империи, на Кавказе, в Польше, в Средней Азии, где русское население соседствовало с иными, часто враждебными этносами, исповедовавшими католицизм или ислам, национальное направление славянофильства могло иметь опору. Но в соответствии с населением центральных губерний, это было явное меньшинство. Именно поэтому славянофильство никогда не было в значительной степени поглощено национализмом. Хотя в определенной мере доля национализма в течении все же присутствовала. Идеальным представителем данной разновидности славянофильства являлся генерал А.А. Киреев. Он и его сторонники именовали себя «православными националистами» или «новыми славянофилами».

По смыслу именно это направление ближе всего стояло к национальному православно-монархическому движению в России в конце XIX — начало XX в. явно востребованному царской властью, которая в отличие от большинства населения страны ощущала угрозу космополитизма для будущего развития государства. Оба эти движения имели тенденцию к политической самоорганизации. Так, 26 января (8 февраля) 1901 г. официально был утвержден Устав первой национальной организации — «Русское собрание», в создании которого, в частности, принимал участие профессор Константин Грот. Через «Русское Собрание» прошли практически все вожди будущего черносотенного движения. 31 декабря 1904 г. состоялся высочайший прием депутации Собрания во главе с Председателем Совета кн. Голицыным. Выслушав, зачитанный монархистами адрес, государь сказал: «Благодарю от души за честные истинно русские мысли. В том, что вы прочитали, ничего ни добавить, ни убавить нельзя».¹⁰ Примечателен и тот факт, что почти все выдающиеся дореволюционные архиереи и священнослужители Русской Православной церкви были монархистами-черносотенцами. То,

что предлагал А.А. Киреев, было ничем иным как попыткой создать подобного рода организацию славянофильского толка только на десятилетие раньше. Но создание организации было практически невозможно из-за личных амбиций славянофильских деятелей. Черносотенное же движение было движением церковных деятелей, для которых главной идеей была идея служения, а личные амбиции были сведены на нет. Но распространение этих идей в интеллигентской среде, грозило другой бедой для России — грубым национализмом. Сдерживающим фактором для распространения такой формы национализма была Русская Православная церковь влияние которой в расцерковленной интеллигентской среде было минимальным. А отсутствие общепризнанного национального церковного лидера (а им мог быть только патриарх) еще более бы ускорило процесс сползания к национальному экстремизму. К сожалению, русская национальная идея, прозвучавшая из среды славянофилов была воспринята достаточно поверхностно. В.И. Ламанский, видимо именно по этой причине, пытается публично откреститься от национализма и всяких попыток политической самоорганизации славянофилов. Называя В.И. Ламанского националистом по причине высказанного ученым мнения об особой роли русского народа в будущем славянском союзе и роли русского языка как языка межславянского общения, Б.Ф. Егоров¹¹ упускает из виду тот важный факт, что национализм в понимании Ламанского это, прежде всего, ответственность России за будущее процветание славянского мира.

Данному направлению, однако, представлялось широкое поле деятельности, целью которой являлось противодействие в российском обществе распространению социалистических, революционных идей, которые в последней трети XIX в. все более захватывали значительные слои интеллигенции, дворян, городских мещан, рабочих и даже крестьян.

Второе направление славянофильства можно условно обозначить как миссионерское. В основе его идеологической составляющей лежало приоритетное сосредоточение своих сил на реализации высших духовных задач России, в чем им рассматривалось истинное всемирно-историческое предназначение нашей страны. Именно на философско-исторических схемах выстроенных представителями данного направления славянофильства, будет вырастать впоследствии новое течение общественной мысли, актуальное и до настоящего времени - евразийство, представленное в конце XIX в.

вестными деятелями как С.П. Трубецкой и В.С. Соловьев. Однако евразийство и миссионерское направление славянофильства имели принципиальное различие. Если славянофильство опиралось на религиозную, православную основу в качестве идейной почвы для консолидации сторонников, то евразийство ставило во главу угла отнюдь не религиозный, а геополитический фактор, определявший, по их мнению, общность интересов, культуры проживавших на определенной территории этносов. Именно евроази́йцы в начале XX в. были самыми активными пользователями идей В.И. Ламанского. Использование евразийцами геополитических идей В.И. Ламанского об особом Среднем мире ставит другую проблему: или ученый действительно сместил акцент в славянофильстве и славяноведении на геополитику, или же он был неправильно воспринят современниками. На наш взгляд, скорее имеет место фрагментарное понимание идей В.И. Ламанского людьми, стремившимися объяснить чудовищную катастрофу в России (революция 1917 г.) и политическую ситуацию в Евразии. Это было желание логически прокрутить ситуацию «назад» к сильной и могучей России и найти действительных союзников, способных противостоять разлагающему для русского сознания и нравственности влиянию Запада. В.И. Ламанский всегда считал себя продолжателем дела так называемых «ранних» славянофилов, которые большое внимание уделяли православию и нравственным основам народной жизни. Отсюда и исповедуемая ученым идея о свободе выбора (политического, культурного) для каждого из славянских народов и применение к прогнозированию их будущего христианских категорий справедливости, долга, служения, терпимости и братской помощи.

Третье направление славянофильства собственным таковым не являлось. Оно представляло собой попытку сохранить «старое», традиционное славянофильство, развивая его в научном плане, а не в политическом, как у первого направления и не в религиозно-философском, как у второго. Сторонники третьего направления считали, что правоту славянофильских воззрений необходимо подтверждать результатами научных исследований. По нашему мнению, именно в рамках этого направления пытался удержаться себя В.И. Ламанский, который в тиши кабинета осуществлял свои исследования, понимая, ответственность России за будущее славянского мира при реализации панславистских идей в повседневной политической практике.

В условиях зарождающегося в 70-х - 80-х гг. XIX в. кризиса самодержавия крушением, разорением и перерождением значительной

части дворянства после 1861 г., когда из-под некогда мощного, влиятельного служилого сословия империи была выбита привычная социально-экономическая база, нельзя было продолжать управлять страной традиционными способами.

Монархическая государственная власть постепенно лишалась своих многовековых социальной в лице дворянства и идеологической в лице православия опор. В условиях либеральных реформ, капиталистической модернизации и роста оппозиционных настроений позиции официальной государственной религии ослабевали. А вместе с этим, как следствие, ослабевала вера людей в священность и незыблемость царской власти. Особенно в среде интеллигенции, которая почти полностью еще за сорок лет до революционного 1917 г. была охвачена нигилизмом, атеизмом и неприязнью к монархии. Эти настроения проникали в рабочую среду городскую мещанскую и купеческую прослойку. Лишь крестьянство еще оставалось патриархальным.

У российской власти в конце пореформенной эпохи было только две альтернативы, чтобы избежать революции: либо пойти по пути западных демократий, превратив самодержавие в дуалистическую или даже парламентскую монархию, в рамках которой царь стал бы по сути марионеткой в руках «денежных мешков», а все решения принимались бы в парламенте. Либо встать на крайне консервативные, традиционалистские основы, усилить военно-полицейский аппарат, проведя предварительно его чистку и идеологическую обработку. Затем раздавить «железной рукой» либеральную и революционную оппозицию, отправив наиболее ярких и сильных ее деятелей на эшафот, на каторгу или в эмиграцию. Параллельно оказав всемерную государственную поддержку лояльной монархии зажиточной части крестьянства и рабочего класса, патриархальных по духу и еще способных стать новой социальной опорой режима.

История, как известно, не знает сослагательного наклонения. Но если предположить, что власть пошла бы по второму пути, робкие и неудачные попытки движения по которому предпринимались в последние царствования Александра III и Николая II, националистическое направление славянофильства в качестве одной из составляющих идеологии государства оказалось бы более востребованным. Именно оно могло бы способствовать консолидации широких масс русского населения против либеральных и революционных сил, значительную часть активных представителей которых составляли

лица неславянских национальностей. Разыграв «националистическую карту» в полной мере, монархия могла удержаться еще на достаточно длительный исторический период.

Национальное направление славянофильства способно было взять на себя реализацию охранительной функции в идеологической, мировоззренческой сфере. Знаменитая уваровская триада «православие, самодержавие, народность» при всей внешней своей стабильности и незыблемости нуждалось в защите. Ни научное, ни миссионерское направления славянофильства не смогли бы здесь выполнить охранительную функцию. Со славянофильством российская наука развиваться в гармоничном согласии не желала. Известно, что отечественная научная мысль всегда преклонялась перед западной наукой, считая ее едва ли не идеалом. Союза между славянофильством и славяноведением не получилось.

Миссионерское направление в славянофильстве строилось преимущественно на глубоком религиозном чувстве, которое, как уже отмечалось, было почти полностью утрачено в интеллигентской среде и постепенно ослаблялось в народе. Помимо атеизма, нигилизма общество поразила волна различных антиправославных религиозных течений. В конце XIX - начале XX в. различного рода секты в России росли в огромных масштабах. И это тоже подрывало государство, поскольку для их адептов православная монархия в лучшем случае являлась чуждым элементом, а чаще - ненавистным врагом.

Однако власть, по-видимому, долго всерьез не воспринимало грозящую ей и России в целом опасность, недооценивала своих противников и переоценивала свой собственный потенциал. Только этим, на наш взгляд, можно как-то объяснить ту невероятную беспечность, с какой государство реагировало на подрыв национальных, православных устоев в России либеральными и революционными силами на рубеже веков, происходившее на всех уровнях - от уездной гимназии до столичного министерства. Ведь охранное отделение Департамента полиции МВД и жандармский корпус имели достаточно полную и объективную информацию о состоянии общества, доводя ее до царя и его министров. Почему те своевременно не реагировали, не принимали мер, остается загадкой. О русском православном национализме заговорили с опозданием

лишь в ходе революции 1905 — 1907 гг. уже при премьер-министре П.А. Столыпин, когда в принципе переломить ситуацию было уже почти невозможно. Россия полным ходом шла к революции. Понимал это и Николай II. Незадолго до Первой мировой войны министр внутренних дел В. Маклаков сказал царю: «Государь, прикажите мне повесить пятьдесят тысяч социалистов и слово «революция» надолго будет забыто в России». И получил ответ: «Поздно». Репрессии без соответствующей социальной политики и идеологической опоры были бесполезны. Столыпинская реформа опоздала, забуксовала, и захлебнулась. Сам П.А. Столыпин был убит, что окончательно похоронило его детище, способное в случае успеха избавить Россию от революции. Некоторое оживление религиозных чувств у части интеллигенции произошло после 1908 г., но было недолгим. Славянофильство не смогло сыграть роль охранительной политико-идеологической системы. Революция 1917 г. разрушила не только монархию, империю и весь привычный уклад жизни. Она поставила точку в развитии и славянофильства, о котором на долгие десятилетия вспоминали при изучении соответствующей темы в курсе отечественной истории, но и то лишь вскользь и критически.

Примечания:

- 1 Иванова Е. К.Н. Леонтьев: судьбы и идеи. // Литературная учеба. 1992. № 1—3. С. 138.
- 2 Ламанский В.И. Открытый ответ генералу Кирееву. // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1888. № 4 — 5. С. 452 — 453.
- 3 Там же.
- 4 Ламанский В.И. Открытый ответ генералу Кирееву. // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1888. № 4 — 5. С. 452 — 453.
- 5 Там же.
- 6 Ламанский В.И. Открытый ответ генералу Кирееву. // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1888. № 4 — 5. С. 453.
- 7 Ламанский В.И. Открытый ответ генералу Кирееву. // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1888. № 4 — 5. С. 453.
- 8 Вопросы, предложенные И.С. Аксакову III Отделением Е. И. В. Канцелярии. Аксаков И.С. в письмах. Ч. 1. Т. 2. М., 1888. С. 154.
- 9 Там же.
- 10 Русский дом. 2001. № 2. С. 48.
- 11 Егоров Б.Ф. О национализме и панславизме славянофилов. // Славянофильство и современность. Сб. ст. ИСБН. 1994.

ВЕСТНИК

Московского государственного областного университета

3

**СЕРИЯ «История, политология,
экономика и право»**

Подписано к печати: 30.08.2004
Формат бумаги 60x86/8. Бумага офсетная. Гарнитура «Pragmatica»
Уч.- изд. л.19,75. Усл. п.л. 11,5. Тираж 500 экз. Заказ № 100

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а,
т. 265-41-63, факс 261-43-62